

Яна Гецеу

Я, Дикая Дика

роман

Посвящается Юльхен .

«Там, где больно – там уже занято!»

Бродяга

Начинающим врунам, лицемерам, неформалам, панкам.

Честным человеческим детям, желающим ступить на скользкий и увлекательный мир искривления сознания, для поиска в нём нор, дыр, ловушек, извилин, тоннелей, колодцев, ходов и выходов ведущих в...

Наверное, я плохой человек. Меня легко обидеть.

Вчера мне исполнилось девятнадцать лет. Да, девятнадцать – это не восемнадцать. Это... другое? Не знаю пока. Родаки (или лучше сказать – предки?) подарили мне всякой шняги. Думают, я счастливей буду, и посчастливев, забуду всю эту фигню, называемую панк-рок.

Радуют тока подаренные полунищими друзьями Зелый Баяц и Мрасный Кедведь. Я и не хотела идти пить с ними... но вроде положено, встала и пошла. А накануне в одиночестве так надралась на своей личной хате, что блевала кровью, и ползала, думая, что вот он, конец мне и пришел. Но ничего, отоспалась, кое-как поднялась от звонка Русого - помнит, оказывается, что я Деньрожденец. И поехала в лесок на МВД, там не пила, сидела тихо. Друзья нажирались активно, а я не могла никак, тока пивасика чуть-чуть, и крохотный кусочек торта... торт раскрошили, насвинячились, измазались по уши в зелёном творожном креме. Ржали и валялись по земле никакие. А когда я всё же надумала позвать кого-нибудь, кто согласится, к себе ночевать, чувствуя, что снова пить смогла бы. Но никто к тому моменту уже не согласился – кто слишком бухой, кто поднадзорный у предков. Ну и хрен с ними. Докупила пива себе на дорожку, пока ехала, нарушала закон, распивая в общественном месте, и улыбаясь в растаманской шапке, свежеподаренной, черных джинсовых шортах поверх фантазийных колготок с малиновыми цветочками и в косухе. Из нагрудных карманов смотрели Мрасный

Кедведь (красный медведь) и Зелый Баяц (белый заяц, соответственно). Вот и всех радостей...

Дома записала в дневник ощущения от прожитого:

«День рождения - и все уроды.

*Ладно ещё хоть так. А раньше ведь ваще до того тошно бывало! Сейчас помогает, что закалённая – точно знаю, что рассчитывать на чудеса и радости не надо, а тока расслабиться, и будь что будет. Иначе заплюют тебя же за то, что ты деньрожденец. Напьются, нажрут, на тебя начхают всем в принципе. Обидно!!! Хоть вой. Я и выла. Все уроды такие, как будто меня нет просто. А собрались - ну так, побухать, раз наливают. Начинаются все эти разборки между собой, ржачки всякие, подарки норовят такие подарить, что сразу насквозь видно – на, отвали, тока наливай скорее! Не так это, конечно, для них – они же мне дарят чё-то! Внимание, и прочее, но... пустота за этим. Боже, боже - и никто никогда не пожалел мою чувствительность! Я ведь всегда ждала от этого дня чего-то такого... **Такого!** А они... И реветь. И это не капризы, нет, это боль моя – нужна ли я кому на свете на самом деле? Не потому что вот раз познакомились и мало-мальски сошлись в каких-то точках - значит, будем дружить. Не потому, что я трахаюсь классно. Не потому, что я наливаю щедро – а ведь и того не понимают, что я от доброты, а не потому, что бабло позволяет – так и чё же ей, богатой еще делать? То есть, наливать им и делать хорошие подарки – это не само собой, а от души, понимаете?*

*Не потому, что они меня родили и растили, и не потому что я человек хороший (или не хороший – кому как!) – а потому, что это Я, именно я... и пофигу, хорошая или плохая, а за сам факт, настоящей любовью... не за то, что... Дочь, подруга, любовница – а лишенная какой бы то ни было роли – **Я, сама я**, кому нужна? Без мифов и легенд обо мне, без лица... **Я** - нужна кому? Ну, хоть в день рождения, ведь я без кожи в этот день – любите **меня**, кто-нибудь! **Меня**, ну, пожалуйста... и почему надо выпрашивать. Так*

мало того, ещё и просишь – а они не понимают. Нет. Не нужна Я никому.»

Ночь, со вторника на среду. Ткнула кнопку подсветки на «Сименсе» последней модели – 3.35. Открыла балкон, села на брошенную подушку, вытянула из-под батареи заныканные «Море», закурила. Почему такая гадость, ведь раньше это были мои любимые сигареты, тогда, еще в *другой жизни*. Перейду на «Сэн Джордж». Дёшево, приятнее... А впрочем, я опять играю в не себя, **Я** же не курю...

Мне больно. А курить по ночам так приятно, что аж слезы по лицу. Холодный циник, Дика Жестокая плачет. И никто не видит. Вот и хорошо, не надо.

Сказать бы, чего мне надо? У меня есть **всё**. Но как это и бывает – увы, банально! – у богатеньких девочек – хандра. Да, пусть будет просто хандра, сплин. Доход моих родаков – тысяча по восемьсот-лимон в месяц у отца, и шестьсот-семьсот у мамы. И я – единственная. Сводная сестра по отцу в Дании, бутик содержит. Её просто нет.

А мне больно. И я пытаюсь навредить им изо всех сил.

Я с ума схожу. И сигареты гадко-горькие! Вдыхать дым так больно и приятно.

Завтра мне в универ. Вот опять же – могла бы поступить и на бюджет, но как-то не хотелось во-первых, воровать место у того, кто не найдет средств на коммерческое обучение, а во-вторых... чё во вторых-то?? А, да! Просто я – раздергайка. А какой смысл стараться учиться в школе, которой папа подарил ремонт, и шубу завучу, еще чего-то там, я не знаю. Начхать. Я предпочла морально разлагаться. Деньги ведь портят. Хорошо, просто отлично, что они есть. Что их так много. Они дают мне возможность выпендриваться безбожно, хамить, курить сигареты по триста рублей и даже сигары – у папы тыря – и тут же снимать последствия от них у опытного гомеопата.

Лёгкие слабые от рождения, может, потому, что Александровна, у нас по науке об именах слабая дыхательная система.

А заодно и кормить оборванцев-друзей сыром, и поить отличным портвейном, который им без меня и не приснился бы. Равно как и дарить всем всё, включая себя. Я не рекламирую свои непустые карманы, но и сорю бумажками направо - налево. У меня ведь их до финты, а хорошие ребята голодные шлятся, и мечтают годами о чем-то, что для меня хрень повседневная. Они не хотят работать и зарабатывать себе эти все штуки, я тоже не хочу – но мне и не надо. Так, например, мобилы я теряла раз пять. Ну ещё бы – «их ведь так нещадно воруют в универе»!

Конечно, узнав с кем я вожусь, мама пыталась истериковать, а папа «лишил» карманной мелочи. Оставил только на обеды и дорогу. Ну, и типа там на колготки с помадой. А равно как «непредвиденные расходы» - мало ли, вдруг презерватив срочно!

Тут я усмехаюсь собственным воспоминаниям – он думал, мой бедный папа, что я застрадаю. Однако, отлично зная, почему фунт лиха, и что такое голод и холод (сама потрудились узнать!) я продолжала жить припеваючи. Ведь в сумме всех «строго подрасчётных» бумажек выходило что-то в среднем рубликов пятьсот в день. Чего же тут не жить?! И сыта, и накурена, да еще и друзья такие же. А на выходные – так и вовсе... эх, а хотели ведь дома закрыть и больше не пускать никуда! Да лучше бы... своей воли нет, отказаться, не бегать за *Ним*...

Я едва успела докурить и страшно озябнуть, когда мобильник выдал изощренную какофонию, удивительно приятную для моих ушей и шокирующую для окружающих – «Оргазм Нострадамуса», что же вы хотели?

- Да, Ветер!

- Иванк, привет! Не спишь! - и так утвердительно, точно знает!

- Не сплю.

- Выходи?

- Выхожу.

Встала и начала одеваться безо всяких мыслей. К чему они, меня же Ветер зовёт! Натянула неглядя майку, джинсы, балахон, косуху. Подумала, и ещё подкрасила глаза – вдруг внимание обратит, как я выгляжу. А в ночном освещении небрежно растушеванная черная подводка очень эффектно оттеняет мои тёмные глаза. Подошла к двери, но вспомнила про незакрытый балкон. Как там на улице с погодой? Октябрь всё же. Хоть и неприлично тёплый – бабье лето никак не хочет покидать землю! Выглянула – вот он, Ветер, сидит на лавочке, не курит и смотрит под ноги, сгорбившись, как больной. А погода – дрянь. Мелкий какой-то сквозняк, и сыровато. Чтож, вернулась, под балахон натянула водолазку, подумав у шкафа влезла в колготки, запихнула в торбу носки для себя и заныканные папины – для Ветра. Туда же сигареты и коньяк во фляжке. Косуху бросила на кресло. Одеда старое длинное пальто.

Я уже держала на весу ботинок-«гад», когда мамин голос из-за приоткрытой двери заставил вздрогнуть:

- Ивана, ты спишь? Завтра в универ, не забывай!

- Да-да, мам, сплю конечно! – сказала я сонным голоском.

- Дверь прикрой нашу, чтоб кошка не лазила! - ответила она, успокаиваясь.

Я прикрыла. Замерла, постояла. Перевела дух. Всё. Ухожу. Утром она всё поймет, как всегда. Потом накажет. *Потом.*

- Привет, любовник! – хотела его обнять, но он отвернулся недовольно. Ага, знаю, перед Гдетыгдеты стыдно! А нахрена тогда со мной трахаться!! Это совесть позволяет? Да я не в обиде. Села рядом.

- Ну, что скажешь? – надоело молчать.

- Что? – таким тоном, будто всё само собой, так и надо, а я спрашиваю не в тему.

- А, ну да! – киваю, делов-то!

- Может, потрахаемся?

Он качает головой не глядя на меня. Хе, да я и не хотела!

- Чё подарили?

- Когда? – черед издеваться мне.

- Никогда. На Днюху, конечно!

- О-о, не описать!

Блин-н-н-н, мне зудит его поцеловать, я ведь постоянно хочу его! Его запах, звук его голоса, тихие жесты, тонкие пальцы... А он... Эх! Убить чтоль, Гдеты? Да что ж тогда делать? Не смогу я с ним быть, владеть полноправно – тяжело! Вот трахаться – дело другое.

Опять все эти его штучки – встал и пошёл молча.

- Куда? – выравнивая шаг под него, беру за руку. Несносный человек, если не знать, можно очень сильно обидеться, подумав, что он так отшивает тебя. Но я знаю уже *слишком* хорошо, что он псих, и не принимаю на свой счет. Понять его нельзя, можно лишь принимать либо нет.

- Ко мне.

Пожимаю плечами. А говорил – не хочет. Ну и в пень.

- Да! – хватаю визжащую мобилу – папа.

- Иванка, ты где?!!

- Я? ... Э-э... на улице! С Ветром.

- Чего? А почему не дома? Где? Далеко ушла, нет? Я сейчас приду – убью!

- Ага, пап, спасибо! Я утром в универ, не волнуйтесь, чё как в первый раз!

- Иванка!! Ива! - чё-то ещё, я не слушаю. Да всё то же самое.

- Хе-хе, уже потеряли! Пошли отсюда скорей. Сейчас папа выйдет!

Оглянулась – окошко светится. Помахала на прощание – ведь почестному, не знаю, когда вернусь! Сволочь я, измываюсь над предками. Эхе-хе...

Скоро я заметила, что Ветер ведёт меня куда-то совсем в другую сторону от своего дома, тёмными пустыми переулками. В одной только подворотне два бухих бомжа замолчали при нашем приближении, набыченно уставились. Но Ветер их будто даже и не видел, волоча меня за собой. Я даже немного испугалась – он всё-

таки псих, забывать об этом не стоит, вот кто скажет, что ему в голову придёт в следующий момент? Хотела было в лицо ему заглянуть, но он шёл так быстро, что я неслась за ним вприпрыжку, как Пятачок за Винни-Пухом. Он ведь выше меня на полторы головы, даже ссутулившись, сволочь этакая. Подумала – и спрашивать не стала – пусть будет сюрприз для меня! Вчера ведь с Днем рождения он меня не поздравил! Я очень обижалась, ну никак не могу привыкнуть к этим мерзким манерам – при том, у него всё так естественно, так само собой - не поздравить, не сказать и тому подобные долбучие шняги. Обижаться нельзя – бесполезно, хочешь общаться с Ветром – привыкай. Он *так живёт*, и точка. В *своём* мирке, не всегда соприкасающемся с *нашим*. Меня этот мирок завораживает, и я всё пытаюсь проникнуть в него, постигнуть его главный закон, как у Ветра внутри всё это происходит. Я исследую его, но чаще всего остаюсь в дурах, ведь моё мышление нормально, не исковеркано шизофренией. И даже если я тоже свихнусь, я не постигну Ветра. Потому что тогда внутри меня возникнет *мой* мирок, непостижимый ни для кого.

Размышляя, я не заметила, как он остановился, и врезалась в него с наскока:

- Блин!! Чё, всё, пришли?

- Пришли. Смотри!

Я остановилась, замерев на краю смотровой площадки: прямо предо мной возник из ниоткуда Мёртвый город, так мне показалось. Чёрные бетонные стены, среди которых ветер прячется, короткими перебежками подбирается к нам. Шпионят тени, перешёптываясь, следят – "кто такие, откуда?" Что надо в *их* городке?

- Ветер... - тихо прошептала я.

- Что? – шёпотом ответил он.

- Ветерок, а он настоящий?

- Город? Да. Только мёртвый. Пойдём, посмотришь! Он такой, как если бы я его придумал!

- А может, так и есть?

- Нет, он чужой! Но пустит нас погулять, потому что знает – я здесь не зря! Да и ты, понимаешь ведь его?

- Да, - прошептала я, заморожено и страшно прижимаясь к Ветру.

Спустились по ржавой лесенке вниз, на потресканный разбитый асфальт. Тихо крались между мертвыми домами по бурьяну, стараясь не шуметь, аккуратно раздвигая буздыли сухостоя. Я во все глаза смотрела на все эти чудеса... боже, да откуда в нашем городе такое?

- Гань, это какой вообще район?

- Район? – молчит, идет вперед, не выпуская моей руки.

- Ну, и? – напоминаю о себе, когда надоедает ждать.

- Это не район... это вообще просто глюк! – повернулся, блеснул глазами. Страшный, как вампир. Я обалдела на секунду от такой невиданной красоты – какой он всё-таки! Совершенство!

- Расслабься, нет здесь ничего!

- А... ну, ладно, договорились!

Пусть будет так. Мне неожиданно уютно с ним здесь. А ведь дома, в тихой и спокойной привычной обстановке бываем такими чужими, такими ненужным, тягостными... А ветер подобрался и набросился, шутя, резко на спину, осыпал сворой листвы, взметнул волосы во все стороны, поцеловал взасос в шею, и улетел прочь, хихикая. Я засмеялась, приглаживая волосы. Ветер и ветер... в этот момент я любила его больше, чем когда-либо!

- Ну, ладно, давай здесь посидим, надоело ходить! – остановился Ветер.

- Можно, нет? – крикнул, подняв голову к чёрному небу. В ответ оно уронило на нас несколько слёз дождя – с совершенно чистого свода! Ветер довольно кивнул, сделал два шага в сторону от асфальта, и сел на голую площадку под бетонную стену. Я опустилась рядом, по его пригласительному жесту. Осмотрелась – справа невероятно раздолбанный дом, будто после бомбёжки, за ним возвышается дворец заброшенного завода. Слева бурьян, непролазная чёрная стена. Где я... ма-ма...

- Не мерзнешь? – спросил, поёживаясь Ветер.

- Да так...

- А я ватсе, блин, надо было одеться получше!

А он всегда так. У него кровообращение нарушено от наркотиков дурдомовских.

- Давай, палок наломаем, костёр запалим.

Я неопределённо пожала плечами – неохота, нафиг. А «палок» – давай, наломаем!!

- Прикинь, надо! – усмехнулся он. – Неохота как-то по такому холоду трахаться, а если погреться...

Вот гад, знает, чем зацепить! Да, я хочу его больше, чем он меня. Я и люблю его больше. Что же делать, тяжело признавать! И я поднялась, и пошла ломать бурьян. Битое стекло и железки хрустят под ногами, жутковато заходить в эти трёбеня. Только шум ломаемых Ветром хворостин успокаивает. Притащили по первой партии, я повернулась было идти за второй, но Ветер тронул за плечо. Повернулась – он протягивал мне распечатанный портвейн. Я не очень этому обрадовалась, не было настроения бухать сегодня! Да ещё и в таком месте – лучше бы полазить посмотреть что здесь да как! Отхлебнула, конечно. «Опять тупо пить... нахрена же тогда притащились, могли бы и во дворе насвинячиться...» - примерно так думала я, тащя второй «хвороста воз». Свалила его в кучу, мрачно посмотрела на Ветра, отхлебывающего добрый глоток. Протянул мне, глаза горят, как у кота – кажется, уже дало в башку. Я хлебнула сколько могла по самые помидоры, он вдруг отобрал у меня "пузырь". Допил остатки, зашвырнул подальше в бурьян.

- Упс... извините! – крикнул в темноту вслед стекляшке.

- Иди-ка сюда! - и притянул меня к себе грубым движением. Что, уже? Я удивленно подалась навстречу – хочу до безумия, вся кровь взбесилась от его запаха!

- Нахрен этот костёр, потом... - поспешно стягивая с меня джинсы, бормочет он. – Мадам, давайте лучше трахаться!

- Мадемуазель... - поправляю я автоматически. – Давай...

- Нет уж, мадам, ты же жена моя от рождения... сучка! – шепчет он, целуя везде, где достает. Пальцы жадно проникают в трусики мне.

- Да ты уже вся мокрая, ага!

- А сам-то! – делаю ответный жест.

Он валит меня на косуху.

Потом... фрагментами: вот я кричу задыхаясь от бешеного переживания. Вот мы пьем, еще не одевшись – и нам не холодно, нам жарко! Вот снова трахаемся. И краем глаза вдруг улавливаю, что мы здесь не одни... мне совершенно параллельно это, я вот-вот поймаю оргазм...

- Да... еще... Ве-э-те-ерр!!!!

- Ах, ты сучка...

Опять пьем. В волосах путается мусор, по щеке течет кровь неожиданно... он жадно слизывает. Я слизываю остатки с его губ. Отдышались, запалили-таки костёр. Ещё выпили – какой по счету баттл? А не по хрен ли? По хрену!!

Ветер поёт развеселое «Одиночество» «Аза». Я подпеваю, пляшу, прыгаю. Сил – хватило бы на целый полк... ой, извините, про чё это я? Хе-хе-с.

Опять провал. И уже мы не одни...

- Дика, у нас гости...

Да я уже заметила. Их было... трое? Или пятеро? Или их вообще не было!

Присмотрелась – это же те, которые подглядывали! Нерешительно жмутся, хотят к костру – и боятся. Они же свет, кажется, плохо переносят.

- Эй, идите сюда! – машу им рукой. Наклоняюсь и целую Ветра.

- Ага, это же мы у вас в гостях! – напоминает им Ветер. Притягивает и целует меня. Приходит мысль, которую я почему-то хорошо зафиксировала – *«А с Ленкой бы ты так не смог! Чего ваще эта твоя вонючая дура понимает в любви к тебе!!»*

Они обрадовались – типа, да, точно! Вышли к огоньку – ма-ма, ну и уроды! Один ваще с рогами...

- Чуваки... это! – изрекаю я. Прикол.

- Выпить есть у вас?

Они тихо качают головами. Хрена это с ними?

- Чуваки, а вы чё, немые?

- Дика, они не немые, они говорят, но тока слышат не все!

- Ну и хрен с вами... - проворчала я, садясь на землю. Пусть себе!

Следующий момент – мы все вместе – я, Ветер и рогатые чуваки отплясываем вокруг костра. Прыгаем через огонь, *эти* ржут, гогочут как-то не по-нашему. Я ухохатываюсь просто – ну до чего же весело!! У них оказывается ещё и хвосты!

Потом они-таки раздобыли выпить.

Наверное...

Лежу на земле, прикрытая чем-то тяжёлым и тёплым... рядом кто-то дышит надрывно, как астматик или старая собака... почти не холодно... но ещё совершенно пьяна. Приоткрыла один глаз – Ветер у костра беседует негромко с этими... смеются... а говорили – не умеют... ага...

... а утром я очнулась в своей постели! Сон... ну вот! Жаль.

Но ноги почему-то грязные! И трусики в зеленых полосах от травы... Не сон!! Wow...

Дневник:

«Читаю новенькую книгу А.Васильева: «...что у мужчин между ног, и куда им хочется засунуть это...» м-да, дорогие мои, и вовсе не всегда то, и именно туда... или тут речь о нормальных мужиках? Ну, не знаю, мне мой больше нравится...»

Врать – противно. Вы уж поверьте моему немалому опыту. Когда врёшь, главное всё учесть до мелочей. Лучше заручиться поддержкой друзей или ещё кого-нибудь близкого, соорудив невинную рожу и прикрываясь благородным делом – любовь-

морковь, учебник для экзаменов, собеседование – и только сегодня! – в супер-фирме. А я ведь из принципа на работу типа стремлюсь сама устроиться, без протекции предков. Да мало ли чего, безотказного. Потом будут, конечно, вопли – «а чего это у тебя всегда всё срочно?! И супер важное, а у нас не так?» Да откуда же мне это знать?! И ресницы – хлоп-хлоп. А сама бежать со всех ног в переход, а там портвейн, и друзья, и детский восторженный секс, и менты... пусть дома не знают! Да, я наглая, беспринципная, моральная уродина. И всё же врать так противно...

Но бывают дни, когда чуешь попой – надо быть хорошей. Просто сидеть тихо и не мелькать. Ничего не происходит, и ничем ничто не грозит - но для пользы будущего вранья лучше пока помолчать. И вот слоняюсь я по квартире, как слоник розовый. Благо апартаменты не мелкие и можно шарахаться не натыкаясь на маму. Ску-учно! Покурила втихую, попробовала почитать – не лезет больше. Помыться что ли? Одно из моих любимых развлечений – хороший душ и мастурбация. Не, чегой-то не катит! На вечер оставлю, а то тогда что делать?

Полезла в инет. Почитала спам – брехня. Наследила на форуме «КиШей», обозвала их попсой, но в любви признаться не забыла – Горшок по-любому клёвый мужичок, я б его трахнула. Или он меня. По ходу дела подумала – ах, какая я пошлая стала и бесстыжая, ведь пару лет назад, да что там – в прошлом году ещё всё отрицала, какое вам трахаться – только «любовью заниматься». А теперь... м-да, теперь-то я различаю «трахаться», «заниматься любовью», и т.д.

Эх, может виртуальный секс? Не-е, не катит. Я такой, блин растакой, и член у меня в рот вам не поместится...

А я хочу-у-у ВЕТРА!!! Заело меня, чтоль, на нём? Он ведь Гдетыгдетын, Гдетын, Гдетын... Не верю... не хочу верить!

«Тук-тук!» - кто-то в аську ломится. Ща-ас, «помотрим».

- Ты кто?

- Узница свободы! А ты мой сладкий?;))

Оп-па, как интересно!

- Я кислый. И горький. И еще, м-м-м, как описать?
- Не хочешь дать попробовать?
- Вирт. секс? Мило, но мы это уже проходили.
- Фи, котик, грубо! Аккуратнее, мягче! Комповая ебля, например!
- Ххе-хе, мягко, нечего сказать! Возбуждает! Ты – лесба?
- А ты?
- Я первый спросил!
- Вот не обманывай, сладкий, ты – девушка! А пишешь от м. лица.
- Откуда знаешь?
- Чувствую твой терпкий запах, киска!
- М-м... теряюсь! Ты все же ласкаешь меня, тянешь длинные лапки с монитора... пришли хоть фотку чтоль?
- Перепихнемся? Фото уже идет!
- Та-ак, рыжая, похотливая, несколько чересчур накрашена, лет пятнадцать... нет, семнадцать?...
- Милая, а годиков тебе сколь?
- Тебе – в самый раз, под размер пальчиков!
- Оо-о, даже так? Ну, выходи, попробуем!
- Эй, сладкий, а ты точно обещаешь меня отделать как следует? Боюсь разочароваться, прости. А то ведь наобещают. А потом... эх, да что там, сам, наверное, знаешь, кисло-сладкий!
- Детка, да у тебя недоеб!!
- Ага... грустно так... ☹
- Ну-ну, не горюй. У меня, собственно, не легче! Любовник бежит ко мне от своей давней девушки. И нормальная ебля удаётся не так-то часто!
- Ива, есть хочешь? – блин, меня будто огрело!
- Нет, мам! – вся похолодела, дура! Чё будет-то, и вообще, пора давно привыкать не дёргаться, когда «почти застукали» за чем-то таким... Но я всё никак не могу, как бы ни храбрилась, начать относиться спокойно к «грязным забавам», подспудно чувствуя, что это неправильно.

- Эй, где ты? Сладкий, не уходи!!

- Я здесь, малышка, продолжай!

Фу, блин, а настроение сдохло.

- Знаешь, я пойду... ты извини, дела! – всё, вырубаю железяку нафиг, пока эта лесбиянка недоделанная не заныла! Отодвинулась, помотала головой, закрыла глаза руками, глубоко вздохнула, как будто вынырнула из мутной глубины на солнце. Вот он, реальный мир – стол, постеры, кровать, покрывало смятое, цветы... а я-то загналась. Трах, виртуальный секс, лесбиянки... фу, какая мерзость!!! Ну, почему так – вот ты, такая вся развращенная, свободная, первой поперечной в аське, даже не видя лица вываливаешь запросто главное, что мучает, как будто это всё так просто, как пописать сходить. А потом так гадливо и мокро! Будто пописав – и мимо... Ну зачем, зачем? Такие душевные, дряни! Бросят «мой сладкий», и я им – «а меня любовник не дотрахал! У него девушка – моя лучшая подруга!» Да им-то, они развлекаются по ту сторону компа, ищут, на кого бы похотливым глазиком зыркнуть. Как противны все эти мысли!! Пожалуй, и в самом деле пойду пожру, в обществе мамы отойду. Потом Лавкрафта почитаю, не зря же наконец купила. И забуду гадливое приключение до следующего раза.

Вот, блин, опять облопалась, как собака! А ведь собралась худеть. Мама уверяет, что я не жирная, но... всё равно ж надо! А то я не вижу. Но можно ли было не напороться, когда мама на кухне редко бывает, а сегодня угощает – у нее вечер свободный. Всяко-там разно, жарено... да ещё и с мёдом... Понимаете? То-то и оно.

Только я села читать – припёрся кто-то. Мама орёт:

- Иванка, выйди-ка!

Нацепила злую рожу, выползла.

- Ой, Гдетыгдеты, приветикус! Заходи!

Со вздохом пропускаю псевдо-подругу. Сил нет на неё смотреть – ну она ж некрасивая!! Зачем такая Ветру?!

- Вань, прикинь, кого видала?

Смотрит так радостно! И опять Ваней назвала! Приучила-таки, уже и не бесит.

- Кого?

- Ведьму с Русым!

- Чё, серьёзно?! – вот уж про кого давно ничего не слышно!

- Да, в переходе, - развалилась, дура в кресле: - Мы сёдня лабали – а ты чё не пришла? – они к нам и подошли.

- Чё говорят? Поженились, нет?

- Вроде как, весной. Ну, Ведьма с ним щас живет, в Москве!

- Да, мне чё-то говорили Бормотун со Смехом, летом ещё.

- Ведьма клё-о-овая такая, в чёрной шняге до полу, с капюшоном, я тож такое хочу! Похуде-ела! Как палка! Я говорю – чё это ты? А она – секс и кекс, сладкое и мучное исключить! Ха-ха!!

Я киваю, включаю «Шмелей» - Ведьма и подарила, спасибо ей. С тех пор моя любимая группа, наравне с "НесПи" и «Стёклами».

«Останься со мною,

И белая луна,

А в ответ – вода...»

«Останься со мною...» М-да, если бы! Гдеты балдеет, головой качает в такт, а я смотрю с тоской на неё. Ведьма с Русым – идеальная пара, настоящие панки. Друг-друга обожают, вся Уфа это знает. И эта вот - бляха, лучшая подруга, довольна, в упор видеть не хочет, что я с её парнем сплю, и счастлива!

- А Ветер чё? - сорвалось с языка, нечаянно.

- А чё Ветер? Нормально всё! – и плечами прохладно пожала. Не пойму никак – знает, или не знает?

- Давай лучше башку твою красить! А то мож, передумала? - Ни хрена! Я сказала – я сделаю!

Через пару часов я вышла на улицу ослепительной блондинкой самого проститутского вида. Позади был зверский скандал с мамой, и можно не возвращаться.

- Де-евушка, а может, вас подвезти? – слащавенькие, озабоченные уродцы. Облезете!!

- Я, знаешь ли, голубчик, не одна! - и Гдеты под руку – хватать! А она, не дура, меня в засос чмокнула, эти с визгами и отсохли. Потом Гдеты достала мобилу (недавно подаренную Ветром, кстати!):

- Але, Ганчик, ты где? А-а, ну здорово, сиди там. Мы сейчас подойдем с Ванькой! – и мне подмигивает. Типа, сразить чтоль, его моим шлюшным видочком? Блин, дура, не знает, что я и не такой для него была! Тошнит иной раз от её наивности.

Прискакали в полузаброшенный парк – парень сидел там, сгорбившись, с незажженной сигаретой в руках. Радость наша общая – для Ленки невинная и безоблачная, для меня мучительная, и испачканная ревностью. *«Я её покрашу в любимый чёрный, сама разрежу напополам...»*

Гдеты вцепилась в него, поцеловала смачно, с видом собственницы. Я только сдержанно кивнула, и встала в красивую позу, играя роль шлюхи, развлекая их. Он пристально ощупал тело взглядом – короткая юбка будто стала ещё короче, курточка совсем не нужна – я её расстегнула, под ней дорогой офигенный лифчик с вышитыми красными орхидеями, супер-вещица. Титьки у меня ещё те, не то что у Ленки. Она бросила на мои достоинства короткий взгляд, тщательно маскируя зависть.

- Не, ты смотри, чё делает! – и смеётся, дура. – Не соблазняй моего парня!

- Держи крепче! Да его разве соблазнишь – весь твой! Я для тебя стараюсь.

Ветра это прямо покорило. Слюни пускает – ну-ну! Ничего, милый, успеешь, сама вся нетерпение. Для чего рядилась?

- А я милого не любила,

Просто с пьяну закадрила!

– завопила я жутким голосом, запрыгивая на скамейку, для чего пришлось задрать юбку до ушей. Начала развратно отплясывать на некрашеной доске, Ленка подхватила простой и милый мотивчик:

- А потом его убила, угу!

С кожи его юбочку пошила!

Заржали, как лошади, и продолжили:

*- Так гори костёр, гори,
Так гори костёр, гори, УО-О!
Так гори, костёр, гори-
До зари, до зари!!*

А Гавриил Ветер смотрел молча и бесцветно, обещая садомазохизм сегодня после полуночи...

*Я обручена с мёртвыми богами,
Я невеста принца огня!
Обманула, так обманула всех – угу!
Буду править всем сама!*

*Так гори костёр, гори,
Так гори костёр, гори, УО-О!
Так гори, костёр, гори-
До зари, до зари!!*

Дома я была только следующим вечером. Открыла своим ключом. Странно, но никого не было. Петровна уже ушла, это ясно. А мама где? Нашарила на кухне бутерброды с ветчиной и записку: *«Мы с папой у тети Наташи, ночевать не придем. Включи телефон, тебя не поймать! Сильно не бунтуй, не тревожь соседей».*

Вот и отлично. Кинула записку в мусор. Утянула из холодильника минералку, из бара - стакан для коктейлей и папин недопитый ром. Подумав, прихватила мамину пепельницу. Сама курит по всему дому – чего ж от меня хочет? Чего вообще от меня можно хотеть?! Я некрасива, глупа и жестока. Учиться не хочу, хоть и продолжаю переползать от сессии к сессии.

Мне больно. Я тупая тварь. Только и делаю, что наживаю проблем на задницу, которая сама по себе уже проблема... Все мои действия необоснованны. Бросила под ноги свитер, поверх лифчика натянула джинсу, шею перетянула ошейником с острыми шипами, символ садомазохизма. Со всего маху шлепнулась навзничь на постель. Мне больно, больно!! Зачем я так... Сутки прочь, а всё что я сделала - это снова извалялась в дерьме! Надо напиться и подумать – я сама такая, или мне это внушил внешний развращенный мир, психика слабая, наглotalась грязи, и подумала, что она во мне всегда была.

Попробовала жевать бутерброд с рыбой – гадость. Есть очень хочется, но блин, тошнит. Откупорила бутылку зубами, отчего их больно свело. Отхлебнула. Сразу дало по сосудам. Тени сложились в таинственный узор на потолке. Только бы не облеваться, и я разгадаю их тайну!

Я, наверное, всё же шлюха. Неважно, по внушению, или «так и было». «Групповой секс не приносит истинной радости никому из участников». Но так приятно было разложить Гдетыгдеты на глазах у Ветра! Пусть и ему будет мерзко знать, как оно, когда он сам с ней трахался, а я - типа меня и нет!! Что бы она не сделала – она невинный ангел. Даже переспав со мной в глазах этого изверга Ленка остается чудом, а я – шлюхой. Ведь это всё я затеяла. Купила вчера спиртного, потащилась с ними к Ветру, затащила безвольную Гдеты в постель. Ветер долго не смотрел со стороны, дал подруге разок кончить от моего языка, и примкнул к чудной компании. Отымел обеих, потом Ленка заснула, а мы ещё раз.

Меня корчит это воспоминание.

- Боже мой, паутины липкой наглotalась будто!! Она спала, а мы трахались! И кайф от её присутствия какой-то изощренный, особенный. Он меня трахает, сидя на коленях, приподняв мои бедра, а я её ласкаю, спящую. Она как котенок подставляется, шепчет что-то. А мне хочется её в клочки изорвать, суку!!

Но не позволяю себе этого. И я кричу диким зверем. Из самых глубин измочаленной сути своей:

- Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!!!

Меня растаскивает по косточке, колотит изнутри и заставляет вырываться сволочная боль несоответствия. А Ветру это очень даже нравится, он бьёт меня по лицу и злые глаза не смаргивают ни разу. Пока он кончает, передо мной проносятся соблазнительнейшие картинки – вот я вырываюсь и бегу на балкон, где стоит стол, на котором мы зверски трахались не раз. А он не успевает меня догнать. И я вспрыгиваю на этот стол, быстрее кошки не раздумывая кидаюсь головой вниз, и бесконечно-бесконечно долго лечу – восьмой... седьмой... шестой... третий... глухой удар головой... я корчусь на асфальте, и жалею о содеянном... и скрюченные пальцы одной руки держатся за расшибленный живот, а другой шарят по воздуху, в надежде схватить улетающую жизнь... а он стоит и наблюдает сверху. Я не вижу, куда мне, глаза лопнули наверно, но знаю. Он же изверг. Ему это наверное, даже нравится. Плачет, конечно. Он часто плачет. Когда кого-то мучает, впитывая жадно чужую муку. А я бессильно роняю слёзы, погибая от обиды – до меня доперло в последний миг – как же так, все живы – а я... Но и додумать не успеваю, Ветер откидывается на спину, и я резко возвращаюсь к действительности: сопит Гдетыгдеты, тихо, с перерывами дышит Ветер. А у меня горят щёки от его пощечин.

- Скотина ты поганая! – говорю я, в разочаровании от несбывшейся смерти.

- Знаю, на обрадовала ничем новым.

- Да пошел ты! – и начинаю торопливо натягивать стринги.

- Хорошо! – встаёт и уходит. Будто мне не наплевать. Его долго нет, и ничто не мешает предаться горькому отчаянию – почему, ну почему он такой? Зачем мне его любить? Разорвал бы меня, уничтожил! Он и пытается, но будто не находит для окончания

начатого достаточно сил. А я – чего ж сама-то жду? О-о, да если б помогало скулеть и извиваться!

Вот он возвращается, и я с тоской собаки смотрю на него. Но – какая пошлость – он, оказывается, жрать ходил!!

- Да чтоб ты сдох! – и скорчиваюсь в уголке. Он ничего не отвечает, и я начинаю тихо плакать. Что ж ещё делать?

Закуриваю прямо на постели и зло усмехаюсь – на хрена я всё это делаю? Ну вот нахрена? Вены бы порезать, но уже скучно.

- А-у-у-у!!! – вою, изгаляясь, в высокий потолок. На нём звездочки наклеенные подмигивают.

Я хочу умереть. Меня тошнит от сигареты как от самой жизни. Но от жизни ведь не избавиться, и от сигарет значит – тоже. Будто это запах самой жизни: вдыхать-выдыхать, и каждый вдох губит.

А знаете, почему психи так жадно курят, и никто им не запрещает? А потому что им никотин давит на какой-то центр в мозгу, и они успокаиваются. Вот так, пусть лучше от рака легких подохнут, зато спокойные.

Вот Ветрушка и не курит – хочет, но держит сигарету и не прикуривает, ему воспоминания неприятны...

А я, кажется, снова напиваюсь. Телефон – а чё не звонит?

- Где вы, мудаки?! – крикнула, потрясая им в воздухе. Глянула на дисплей – а, да, он же отключен!

- Ха, дура!

От двух дополнительных маленьких глоточков сладкой «Ямайки» настроение резко меняется – я больше не хочу быть одна! Какого хрена?

Хочу шума и барагоза!

Хотя, как противно точно знать, что в самом разгаре веселухи полюса снова поменяются, и мне сыро будет на всю эту кашу смотреть.... Если вообще что-то будет!

Как назло, первый же, кому я звякнула, резко согласился прибыть через двадцать минут, и не один! Блин, значит разочарования и

похмелья не избежать. Хорошо, ладно, попытка номер два: уж эти-то точно обломают!

- Ой, Дика, круто! А бухло? Щас будем! Через минут сорок, нормально? А... э-э, Дик, слушай, а на дорогу обратно... да? Ну, тогда едем!!

Вот так. Большим пальцем левой ноги врубила центр, и под «folk-industrial» принялась лёжа выдрыгиваться. Ладно, переверну с ног на голову все свои планы мрачно выпить в одиночестве, а заодно и половину дома! Хотя, у нас дом сталинский и звукоизоляция как раз даже для репетиций Паука и всего КТРа. Но я сумею и это переорать.

Ага, вот кого точно и в городе нет! Щас!

- Ведьма? Привет, как дел? Ну, и клёво! А щас чё делаете? А-а, понятно! Ну вот и как раз приходите ко мне! У меня ББ, то есть Большой Барагоз собирается. Прямо щас придёте? Ну вот, и лады!

Прикол. Даже Ведьма-и-Русый будут. Я надеялась свой азарт удовлетворить, и найти хоть кого-то, кто откажется. По Ведьме я даже, пожалуй соскучилась. А Русый – так он Русый и есть.

Понеслось...

В ожидании напаяли чулки – вдруг, кого трахнуть потянет? Накрасилась погуще – ну и видон завтра будет! «Шанелевское» чёрное платье с короткими рукавами. Я ГОТова.

Я готова... тяжело сблеваю в унитаз... кто-то целует жадно, лезет в трусы... пошёл-на-хрен...

-ААА!!! ВЫ ВСЕ УБЛЮДКИ, ПОШЛИ ВСЕ ЛЮДИ НА ХЕР, Я ВАС НЕНАВИЖУ!!! – а на балконе так холодно... оказывается...

С глубинного перепоя очень хочется остаться дома. Но я, как всегда это и бывает по закону подлости, проснулась в 6.30, хотя заснула в районе пяти. С тупым упорством выпихнула всех к чёрту, мутно поглядела на свою облондиненную голову в зеркало, кое-как сообразила, что перекрасилась посредством Ленки надясь. Собралась, накрасилась, и отчего-то, плохо отдавая себе отчет в

том, что делаю, отправилась... в институт! На первую пару. Прикиньте, да? Причём в белой кофточке на замочках из «Mango», джинсах со стразами в форме бабочек, и ультра-модных ботинках с носами загнутыми до идиотизма. А морда такая опухшая, глаза лихорадочные и на всём челе печать глубочайшего стремления к свету знаний! Можно было сделать маску для снятия опухлостей - да пошла она на хрен.

Но, отсидев полторы пары, прямо посреди общей психологии, молча встала и вышла, совершенно невозмутимо продефилировав мимо едва сдерживаемого изумления Елены Сергеевны, сухой мадам, известной своей строгостью.

Уже заходя в книжный, через дорогу, мне явилась наконец первая за утро мысль: «Нет, я нисколько не собиралась нарываться на праведный гнев Е.С., этой дуры, переклинившейся на собственном величии – как же, она же *психолог*, и всех видит с потрохами! Но все подумают, что это – чудный эпатаж, по-типу *да-а, мы на такое не способны!* Но я-то совершенно не думала ни о чем, а просто словно за нитки дернули, встала и пошла! Видимо, если твой мозг отключен, и не управляет телом – это берёт на себя кто-то другой, у кого в руках эти нити... может, ты сам? Ведь *Бог – это Я!*» Мысль сия так понравилась мне, что захотелось сразу ее записать, ведь для того с собой всегда дневник таскаю. Но... лень. Как-нибудь потом. Я, конечно, не вспомню, но хочется надеяться.

Купила «Голос нашей тени» Дж. Кэрролла. Долго выбирала, вчитывалась, морщилась – нет, всё не то. Потом схватила эту с полки «Современная классика». Меня привлекла фраза типа: «*Хоронили его на (таком-то) кладбище, он заметил его (тогда-то) и решил, что хочет лежать здесь*». Как ни странно для меня, решающим фактором оказалась цена – пятьдесят пять рублей. Хотелось Олди за сто двадцать, новенькое, нечитанное. Олди я люблю – их можно читать долго, много, и с полным погружением... Но если сейчас взять, тогда нифига не останется, а мало ли мне еще

чего захочется! Карточки не обслуживают в этом магазине. Отказывать себе не всегда приятно, но... Завтра же забегу сюда!

Прошталась я часа два. Делать было нехрена, и я решила вернуться в универ. Е. С. решительно осталась с нами ещё на одну пару, и я вошла тихо и просто, села на своё место напротив преподаши, открыла мятый конспект и уставилась на неё со всеми вниманием и прилежанием. Стопудняк, она подумала, что это собачья наглость с моей стороны – но я совершенно искренне – «клянусь вам»! – заинтересовалась лекцией! У меня вообще все мудачества от души (ну, вы заметили!) Е.С. слегка покорило, но держалась она молодцом. Всё верно, студенты имеют право покинуть неинтересное занятие. Другой вопрос – экзамен... Но это тоже не вопрос, чё же я, психологию что ль не сдам? Да пара ночей. На перемене, конечно, начнется: «Ива, ну, ты и дура! Она же тебя так отымеет на экзамене! Ты чё, это же монстр!» Но и это в корне неверно, никто меня не отымеет, потому что если у Е.С. будут плохие результаты в экзаменационном листе, то её деканат так саму поймёт! Она же опытный препод, проглотит наглость богатой соплячки! Насчет «я не нарочно», конечно, бесполезно. Да и неважно. И я пошла обедать. Подумав, выпила рюмку коньяку.

Блин, нафиг надо было, деньги-то последние на сегодня. Осталось сорок три рубля... В общем, жить можно. Банкомат где-то есть здесь. Да и домой пора. По идее...

И я пошла к Ветру на работу. Он сидел на ящике и жрал солёную рыбу. *Придурак*, - подумала я в который раз. – *Не тупой ведь, и не мямля, шёл бы учиться, работал нормально! Нет же, как же – физический труд сделал из обезьяны человека! Урод!* Хотя, я знаю, что учиться ему будет трудно: во-первых, конечно деньги – он сирота и содержит себя полностью сам. Потом ещё не следует забывать, что он – псих, и с его «особым мышлением» (и штампом дурдома в карточке) состыковаться с внешним миром непросто. Он замкнутый очень, любимый мой Ветер, уж я знаю! Поверьте, его-то «мир не понимает»! Скорее наоборот, конечно, но не суть важно.

Блин, но ведь так вот всю жизнь на ящике не просидишь! Надо же как-то... Эх, да что там, он же не собирается долго жить – «еще лет пять - семь, и ладно!» Дурак. Ест селедку без хлеба, смотрит на меня странными глазами, не отрываясь и молчит. А я люблю его! Ууу!!!

- Отлично выглядишь! – коротко бросает, доев и сполоснув рот какой-то гадостью, смачно схаркивает на пол. Мне противно – жуть! И я молча стою где стояла. А он подходит ко мне, и пристально щупает самое дно души прозрачным взглядом:

- Что с тобой, малыш? Ты страдаешь!

Дыхание перехватывает, я немею – за что?! Отворачиваюсь, *да как ты смеешь?*

- Чего бы вдруг? Всё нормально, - не глядя на него, не могу! Слезы срочно затолкать обратно!

- Вот, в универе сегодня была!

Чтобы отвлечься достаю «Vogue» - я их не больно люблю, но ведь надо играть в тупую игру под названием «Привычки богатых девочек». Я вам потом поподробнее об этом расскажу. А может и нет. Сейчас мне с ним потрахаться надо. А то завтра менструа, и сегодня спазмы и потому очень хочется. Сделала пару затяжек, он уже понял, зачем пришла, и закрыл дверь своей сраной бытовки на щеколду. Я усмехаюсь, успокаиваясь вдруг, и сбрасываю все личины. В *такие* минуты я не прячусь. Хочу, чтобы Ветер трахал именно *меня*, а не одну из тех, кого я изображаю. Не стерву, не панкушку, не богатую девочку, не ленивую студентку, не истеричку и не дурочку - а меня. Дикую Дику, Ивану Вишневецкую. Я быстро стягиваю джинсы вместе с трусиками, и встав на колени на его странно чистой лежанке беру в рот, стремясь скорее дать ему кончить, чтобы во второй раз он работал дольше. Подняв глаза с удовольствием замечаю, как он кривится в сладкой муке, запрокидывая голову. Его пальцы путаются у меня в волосах. Сводит челюсти – у него весьма несредненький! Попробуй-ка помести такой во рту полностью! Я мучаю его языком быстрее и быстрее, и через пять минут горячая сперма стекает в горло.

Поспешно сглатываю, чтобы не захлебнуться. Он вздыхает свободнее и молча (*как иногда достаёт эта тишина!*) присоединяется ко мне на лежанке. Вместе мы снова уговариваем его "друга" ещё поработать. Редкое надо сказать, качество – быстро встаёт, трудно успокаивается! Но я больше не могу терпеть, мне очень больно! Вырываюсь, и встаю на четвереньки.

- Трахни меня, Ветер, пожалуйста! Трахни, я хочу, я не могу больше!

Я шла под дождём и думала - *ну вот нахрена, скажите мне, нахрена человеку в двадцать один год, работающему не то каким-то учётчиком, не то что-то в этом дурацком роде такие длинные, острые ногти? Оцарапал меня опять!* Я спрашивала об этом, заглядывая в глаза каждому второму встречному, потому что каждому первому в глаза заглянуть не успеешь. Но прохожие не знали. И собаки – не знали. Дождь холодный, кофта из белой, наверное, десять раз в серо-буро-козявчатую превратилась. Кожа замёрзла страшно. Между ног какой-то долбучий дискомфорт, как будто Тамрах из стекловаты запихала. Этот шиз драный, видимо, заразил меня чем-нибудь, мало ли с кем ещё трётся? От этих мыслей я разревелась – не хочу, **не хочу** делить его с кем-то!! Даже с Гдетыгдеты, особенно с ней! Тех, других, я хотя бы не знаю на рожу, и они для меня вроде невыразительных теней. Однакож, сумевших инкогнито мне передать привет неприятностями между ног. Толстые, жирные, как напившийся комар, капли противно вlepляются в лицо, и прямо по болезненно набухшим от ПМС соскам. Раздражает СТРАШНО! *«Прекратите издеваться, уберите же щипцы!»* - отмахиваюсь от них, но они такие назойливые и тупые – нихрена не объяснишь, в упор не понимают! Внешний мир весь пытается влезть в меня не только с воздухом, но и этой мерзкой, долбучей водой! И если от первого избавиться ну никак – в детстве поставила тыщу экспериментов по прекращению дыхания, что, понятно, закончилось крахом, задыхаешься и всё тут! К Богу в

гости было рано, и я успокоилась на том, что ещё найду способ не дышать и оставаться сколько положено в ненавистном мире! – то от второго внешнего насилия мира, дождя, с его погаными сперматозоидами – дождинами, ввинчивающимися в меня сквозь непомерно растягиваемые поры кожи я могу, и избавлюсь непременно! Для чего поспешно влетаю в первую попавшуюся стеклянную дверь. Тупо замираю на мгновение, ослеплённая злостным светом – я попала в дорогой бутик. Понятие «цена» не имеет совершенно никакого значения для дочки туго набитых баблом человек. И я решаю – ну, раз заперлась, значит, пора снова выламывать из себя Пэрис Хилтон. С собой – несколько десятков, мятых, намокших в кармане джинсов. Зато есть пластиковая карта. И чек выписать завсегда можно на папу. Две крашеные дуры с плоскими масками – *Давай больше плати!* – подваливают ко мне. Я их интеллигентно посылаю очень далеко отсюда, и закапываюсь с башкой в кучу всякой бесцветной дряни – «это так модно в сезоне!» - ЭТО – да, это всегда модно! Тем более, в ТАКОМ сезоне. Когда дождь меня грязно изнасиловал, а Ветер – просто поимел. А сезончик ещё тот! Ни лица у него, ни выражения. Как заведённый труп – дождь, мерзавцы толпами. И я – в изгаженной бывшей белой кофте. И стразы отваливаются – «берите, девушка, это Ли Купер. Стразы долго проживут, ни одна не упадёт!» Как гадко липнет к телу мокрая ткань, она тоже хочет кожу с меня снять, сука! И в чёртовом раздражении сдираю ненавистную вещь, швыряю её продавалке прямо в руки. Надо же, поймала!

- Выбросите это, немедленно! – и подумав, добавила до кучи: - Пожалуйста!

Равнодушно развернувшись, прошлась по залу в лифчике. Да и джинсы тоже на хер! И вот я в мокром белом белье – зеркала угодливо являют просвечивающие местечки, и дурацкий-дальше-некуда цвет волос - шляюсь по рядам вешалок. Охранник слюняво ухмыляется. А ведь ему бы надо меня выгнать к долбанной матери, и всё такое! Пара посетительниц немеет. Я нарушаю общественный

порядок – и ничего! Это ведь так и надо, они же ВСЕ точно знают с малолетних соплей – **так** позволяют выгрёбываться только деньги. Причём, если это не твои деньги. Свои, кровные, так не побросашь в помойку негодных капризов. Ну, и терпите, и давитесь грязной пеной зависти! Не зря же мои дорогие производители бросали меня одну в плохонькой квартирке, битком набитой злыми духами мучительных детских страхов, и одной-единственной молитвой – **чтобы настал вечер и святые Они пришли домой!!** Я всё думала – неужели, ну неужели же для того поковеркано моё детство, изломана моя слабая психика, чтобы я сейчас могла рыться в Гуччах и Мексах как ленивая курица? Это им на извращенный алтарь брошено святое, пугливое и невинное, то, что должно быть САМЫМ ЛУЧШИМ в жизни каждого человека – ДЕТСТВО?! И не просто, а **моё**, моё детство, граждане-господа!!! Да, Иваночка, да, детка моя сладкая, мусю-сю! На вот тебе оранжевенькую простецкую тряпчёнку за 2 800, не мерзни! Твое здоровье ведь ох, как **дорого!** Один подгнивший зубик в 3 400 обошёлся. И + пузырёчек коньячку, чтобы со следующим зубиком всегда могла на дяденьку-оченьхорошего-стоматолога рассчитывать! Да, а кстати, деточка – ну неприличненько же в трусиках – вот тебе юбочка за 1 250, джинсовенькая, со складочками, и такая, бя, коротенькая – вся попа наружу! А попа-то не хухры-мухры, 102 сантиметрика уже! Ну да, как раз для такой юбочки, и делают же, думают, хорошо смотрится? Уроды. Тогда уж и ремешочек к ней за 1 780. И галстучек – не в тему, зато за 2 870. Чулки в клеточку «Rompea» - вот это я люблю. Куртку серую, невыразительнейшую, и не в тему. Сапожки проститутские на шнуровке до колена. Сигарету у охранника. Чек на папино имя. Позвонили - удостоверились. Расплылись в улыбочке. Ах, да! Напоследок ненависть к этим убожествам взяла своё – прошвырнулась ещё раз по залу. Выбрала что-то совсем уж идиотическое – полосатое. С железяками и стразами, и впихнула продавщицам. Заотнекивались, курицы, а сами – довольны. Халява! Взяли, не подавились, суки.

Выходя, я несколько успокоилась. Не суки они. Сука – я. А они – серость, тупая безлика каша. Отвратительная человечина. Какое имя не дай – дрянь, уродцы, всё не под них. Они вообще ничто и имени никакого не надо. Безликие и безымянные.

Кажется, это и называется гордыней, и есть один из страшнейших грехов, наряду с самоубийством. Чтож, судьба, значит. Вкус суицида я уже знаю отлично. А гордыня всегда при мне была. Пыталась я честно, жить и быть в *их* бытии. Ни-фи-га. Не могу. И не подлежит обсуждению. Сама с собой я всё давно обсудила. И вам объяснять не буду. Непонятно – и не надо. Не люблю я вас. Точка.

Вот иду, значит, попой верчу направо-налево. Приключений на неё ищу. Подъезжает этот... как его? – на байке, короче, черном «Урале». Ничё так, на лицо. Забыла, как звать. Поздоровкался, слез с машины, обниматься давай – ну прям так и соскучился! Просто трахаться хочется, да видимо не с кем. Не байк же ему трахать – не кобыла. Стою, он меня лапает, триндит чё-то, я не слушаю. Думаю – дать – не дать? Вроде как, отчего бы и нет? Ветра мне маловато. АУ (автоматическое удовлетворение) с другими, да и только. Но Ветер – меня не любит. Я хочу его круглосуточно. А он делит меня с кем попало, и даже ни капли не волнуется этим. Горько мне, ох, больно! Да ещё и что-то не проходит дискомфорт между ног...

- Айда, поехали!

- Куда, блондиночка моя? – рожа наглая, симпатичная, пару дней небритая.

- Куда хочешь! – и непристойно вильнула бёдрами. Пропади всё пропадом.

- Серьёзно? Ну смотри! Поехали.

Вот теперь вы радостно подрагивая ждёте описания дальнейших событий, смачно-похотливых в своих подробностях. Прошу!

Приехали на какую-то укромную поляну, на берегу Уфимки. Солнце после дождя светило с жуткой силой, будто стремясь скорее

испепелить жизнь земную. А да, вам не это надо сейчас. Ну, про «это». Дело было в какой-то железной хреновине, по-типу заброшенной лодочной станции. Я забралась туда первой, юбка задралась до ушей, безымянный он присвистнул, и смачно облапал. Достал из кармана кусок клеёнки, специально видимо, заготовленный. Расстелил. Сверху куртку. Ложиться я не стала, приняла другую позу. Какую – да сами навоображайте. С широко разведенными коленями и упором на локти. Чё сказать – куннилингус был редкостно мастерский! Так даже Ветер не умеет, а ведь я полагала, что лучше умельца нет! Байкер то нежно, то настойчиво проводил языком, слегка прикусывая... и всё так в момент нужный, будто чувствуя, чего мне именно в данную секунду надо, чтобы слишком быстро не кончить, и непрерывно скользить, как по канату над пропастью в бесконечном блаженстве! В оргазм я сорвалась, как в эту пропасть, и летела целую вечность. Кажется, я кричала и извивалась, не знаю. Помрачение сознания, во время которого он деликатно ждал моего возвращения в мир живых. Когда я открыла глаза, он дрожал от нетерпения. Я посмотрела на него с недоумением – ну что за мудака станет дожидаться, пока девка в себя придет? Чё, думает, я ему теперь дам что-ли, такому тупому? Да не надо мне больше, а он мне никто, чтобы снова раздвигать ноги из признательности или жалости. Он, мало того, ещё и попытался взять меня, не сообразив, что ПОЗДНО! Я оттолкнула его, шепчущего какую-то уговаривающую хрень, и пытающегося повалить меня на спину. Но он, весь в дурмане нетерпения принялся настаивать, а я тогда применила злобное ядовитое оружие, страшнее которого в подобный момент не придумал бы и Сатана – засмеялась гадливо и противно. Его это как громом поразило. Если бы горящая стрела воткнулась в самую простату – он бы, наверное, только тогда испытал подобное, могу лишь туманно представить! Я заткнулась, и без тени жалости - *мерзкая сука, зачем так, редкостный любовник, за что ему?* – прошкандыбала к выходу, даже не оглянувшись на него, сидящего в жалкой позе, и не знаю – может и дрожащего.

Ветер не любит меня. Ветер не хочет *меня*, а лишь моё доступное сытое тело. Мне никогда не стать панком, и даже просто человеком по-настоящему дорогим извращённому широфренику – Повиликину Гавриилу Евгеньевичу, Гане – Ветру. И вот вся эта обида отдана ему – безымянному байкеру, восхитительно владеющему языком, и **СОВЕРШЕННО** ни в чём передо мной не виноватому. А я – отработанная Ветром шлюха, пузырь из-под водяры, вышвырнутый тяжёлым ботинком на помойку за ненужностью – я пуста и стеклянна. Пешком пересекла два квартала, вечерело, от сырости стучали зубы – солнце чёртово как накалило так и отступило, с равной злобой. Изощренный расчёт – поджарить и заморозить. Странный и непонятный октябрь. А с меня будто все пенки сняли. Грязная я тварь. Достала ключи от запасной квартиры – вон мой дом, новехонький, отличный, крыша зелёная. Предками купленная хатка специально к моему восемнадцатилетию. Умницы, они с тех пор туда ни разу не сунулись, только чтобы чисто технически проконтролировать процесс отделки. Там всё моё, в том числе и стратегический запас спиртов. Я могу периодически жить там сколько вздумается. Сначала пару месяцев выдержала, но готовить самой и обсуждать сериалы с мамой по телефону оказалось стрёмно, и я вернулась к предкам. Сохранив полную свободу выбора мест обитания. Единственно лишь, что на их территории я соблюдаю их Конституцию, а у меня они подчиняются *моей* анархии. То есть, анархия лишь для меня. Вот так.

Я подняла голову к наливающемуся антрацитом небу, и горячие слёзы стекли обратно в душу. Боль, боль заполнила собой до краёв. Пойти домой – нет!!! Не могу сегодня их видеть! Борщ этот тети Нюрин-домработницын, папа с газетой, мама с зелёной маской на лице... сидеть в своей пустой норе – вообще свихнусь! Налакаюсь и выброшусь – этаж седьмой, хоть и ни капли не хочу, у бухла свои истерические правила. Тут где-то за спиной и слева пропел мотор байка, и сердце дёрнулось! Я – бегом туда, задыхаясь в жутких чувствах – не простит! Не останется, и я сдохну, некому спасти!

- Гоблин, Гоблин!! – заорала я, как полный шиз, выбегая на дорогу, и кидаясь под колёса... от отчаяния и «имя» его всплыло, минуя сознание сразу на язык.

- Ты чё... мать твою! Охренела, шибанутая! Куда, бля, лезешь, сука!! – глаза просто квадратные, а мне – не передать! Я подлетела вороной, вцепилась когтями в добычу, рвала на части, слезами:

- Гоблин, прости меня, ну, прости, ради бога! Ну, пожалуйста! Ну, сука я, тварь подзаборная! Прости!

Он офигело пялится на мои непонятные страдания минуту точно! – и неуверенно отстраняясь осведомляется:

- Ты чё, Дика, шибанулась совсем? Чё надо-то теперь вдруг? Нет бы хоть на хер послала, и то...

Сил отпихнуть меня он в себе не находит, наоборот обнимает (победа!!), и бормочет примирительно:

- Ну, ладно, ладно, харэ, чего ты! Объясни хоть путь-путём, у тебя крыша поехала нахрен, не вкурил я чего-то!

А я уже всю косуху ему пропитала слезами-соплями. Продолжая вздрагивать, хоть на деле приступ прошёл совсем. И не отрывая головы от его груди лепечу:

- Пошли ко мне ночевать, а? Ну, пошли! Мне стрёмно в одиночку.. у меня бухло есть, и трава, если хочешь! Ганджа реальная, я тебе всё объясню, тока пошли!

- Ну, Дика Дикая, ты даё-ошь! А сразу чё заломалась, как сука последняя? Я чуть не сдох, блин!

Я поднимаю лицо, и впервые по-настоящему заглядываю ему в глаза – карие с чёрными точками, смешливые и доверчивые, как у подрастающего щенка. Не глупые совсем. Этот дурацкий тон к таким глазам не идёт. Хотя, как посмотреть!

- Далеко – нет?

- Нет. Резину тока купить, у остановки точка, через пару домов. А мой – вот! – я указала рукой, шмыгнув носом. Теперь доверчивую шалавистую дуру играем. В тему – не в тему но прокатывает: байкер смеётся и хлопает по кожаному боку зверины:

- Садись, что ж!

Через пару часов мы уже изрядно бухие. Пиццу дожрали на ура, скурили косяк на двоих, у меня ещё полкораблика осталось! Однако, херня какая-то на этот раз, а не ганджа... Вылакали по баллону «Белого медведя» и пузырь текилы. Странно, но блевать не тянет! Чё было – не знаю. Чё будет – тоже. Но не трахаться не разговаривать явно не... и язык... липкий? А где же эти... как их? А, глюки! Нету. Хе-хе...хе-хе-хе...

- Ах-ха-ха!! – принимаюсь вдруг ржать во весь голос, даже не зная, весело ли мне? И так – до упаду, до бессознания и до смерти Вселенной...

А вот что интересно! Я садистка, или мазохистка? Мне чаще бывает больно, гораздо чаще, чем кому-то из-за меня! Значит, мазохистка. А я этого не хочу!!! Пусть будет больно другим. Значит – садистка. Не знаю... хочу Ветра, прямо сейчас. Сильно, больно, дико и зло.

Потащил её ебать, потащил её ебать...

На шифоньер и на кровать

Иди сюда, сука!

Я не хочу!

Зато я хочу!!!

Хорошая сладкая, я люблю тебя, блядь, блядь.....

Обыкновенный сексизм...

- Гоблин, а хочешь, поцелуемся, ты губами – я ножом! Хочешь – выпрыгни в окно – тогда вместе мы поржём....

Отойдя слегка, я потащила в туалет, и наступила на раскрытую тетрадь-дневник на полу. Подняла, заглянула, и когда зрение позволило, прочитала с трудом:

«Поразмыслив, я пришла к выводу, что я все-же больше мазохистка, хоть иногда и приятно подчинять; а ты садист, хоть иногда желаешь унижений. Это же и так видно, по нашему сексу! Я прошу грубости, и тебя это зажигает. Потому мы периодически меняемся ролями. И тем счастливы...»

Дура. Тоже мне, счастье...

Пару недель спустя я перекрасилась снова, на этот раз в тёмно-медовый, с золотистыми прядями, очень клёво к глазам шоколадным. Это мама не вытерпев, дала денег, и отправила в дорогой салон «Wella». Я провела там три часа, подрезала волосы под удлинённое карэ, и чёлку добавила. Кр-расота! Выходя, промелькнула мыслишка – а Ветру бы понравилось? Но так вяло и пугливо, мелькнула – и испарилась. Лень и тоска вспоминать про него. Менять надо любовничка. Этот уже – да, *Смерть!* – стирается.

Распотрошила счёт свой основательно "на пропой", пошла домой к себе, звякнула маме, что снова решила пожить самостоятельно.

С байкером мы так и затусовались у меня на хате – трахались, смеялись, пили портвейн и текилу, поедали пиццу и картошку, смотрели порнуху. Катались, курили травку косяками, и встречая знакомых на вопрос вместе ли мы отвечали, хихикая – «не знаем»! Мы и правда не знали. Угар, сплошной прикольный сон, запой – вместе ли мы? И были ли когда-то Ветер и Ленка? И на универ забила, не задумываясь ни о чём. Телефон положила в дальний угол, батарейка села, и всё, меня не найти! Мама звонила на стационарный – типа, Лена тебя ищет, ну и хер с Леной, я так и сказала. Что подумала на это мама, меня не гребёт. Меня ничего не

гребёт. Я даже предохраняться перестала – а это-то всегда очень тщательно блюла. Оставила на заботу Гоблина, пусть сам парится, но не знаю, парился ли он? Нет, наверное, а мне всё равно, я и не спрашиваю. *"Хренота рожденная хернёй"*. Не родить бы мне, хреноте эдакой... Не рожу. Всё нормально. Кума-апп!!

- Какие у тебя глазки красивые, чудо! – прошептал Ветер, обняв меня, и пытаюсь поцеловать. Я отворачиваюсь. Романтика? Хе, не на того нарвались, чтобы верить в эту чувственность, эту нежность. Да он прямо-таки влюблён! Можно было бы и так подумать. Да я больше всех на свете хочу верить в это!! Слезы уже душат душу. Чёрт, чёрт! Какая он дрянь всё же! Без него практически не плачу, даже от злости и отчаяния, ни-ког-да! Только *« Когда за эту вот хуйню мне сдохнуть очень хочется... »*

- Скажи-ка, миленький, а почему ты со мной трахаешься, а любишь Гдетыгдеты? Нет, я понимаю, нечего вроде бы объяснять, но всё же! Уж ты-то понимаешь, о чём я!

Он кивает, опуская голову, глядя себе под ноги. Слегка задумывается. Я закуливаю – ненавижу его, себя, Гдеты, и всю эту долбанную жизнь. А ещё говорят, что ничего ни с кем не случится, из того, чего он не хочет. Ну, неужели же я этого хотела, чтобы меня так нагло и откровенно не любили?

- Да, ты знаешь... вот ты всё говоришь – зачем ты всегда всё испортишь? А я всё думаю – почему я не с тобой? Почему тебя трахаю, много, часто и с изуверским удовольствием? Да тебе ещё и нравится это. Так ведь? Нравится. Вот, а Гдеты... хотя, нет, мы про тебя сейчас решили поговорить. Так вот. Ты не будешь смеяться, и я скажу. Я тебя люблю, Дика. Не веришь? Чего смеешься?

- Да, нет, плачешь! – не утираюсь, не стоит. Мне не стыдно. И вообще, всё равно нихрена не видно, на этом чердаке такая темень. А на улице, наверное, жуть какая холодрыга, снег выпал. Но мы сидим на трубе, даже куртки поснимали.

- А, ну поплачь. Тоже хорошо.

Циничная сука! Вздохнуть больно. Грёбанная правда. Ну, что ещё?

- Так вот. Дикая моя, я тебя люблю. Не стану нудеть – но не так, как ЕЁ, ты сама знаешь. Вообще, для чего я сейчас всё это говорю? У нас же с тобой идеальное взаимопонимание. Я и сам то и дело не понимаю, почему мы не с тобой. Но ответ знаешь и ты, точно так же, как и я! Разве нет?

- Нет.

То ли самое он мне скажет, что я думаю? Настолько ли мы друг друга понимаем, как я полагаю? Больно, аж замираю.

- Ладно, объясню! Всё же стоит выяснить... настолько ли мы друг друга понимаем, как я полагаю...

Что?? Воздух застревает в горле.

- Ты мне – как самое родное существо в мире! Хочешь – убей меня за эти слова! Логичнее логики было бы нам быть с тобой! Но ведь ты – это я! Нам с тобой – то есть мне, если можно говорить «я» о двух людях сразу, а в нашем случае можно! Так вот, мне – этому самому двуполому мне, требуется кто-то... ну, пара! Понимаешь! Мы с тобой – один, а Гдеты – наша пара... ну, то есть, моя! В смысле, если ты и я – это одно Я!

- Блядь, да ты точно законченный урод! – прошептала я, качая в темноте головой. Я верю ему – Господи, за что, почему я ему верю!

- Ты – шиз, придурок! Твоё место в дурке, псих хренов! – ору я, не выдержав распирающей любви и доверия. Я верю, верю – он прав, как бог, как дух святой! Ведь всё так просто и... Вскочила, и побежала прочь, прочь!! Что я делаю? А это уже моя логика. Надо играть, будто я его не понимаю а то вдруг он поверит мне, так же как и я ему? И в то же время, слыша топот его гадов за спиной, чувствуя, что он догоняет, я не бегу так, чтобы действительно убежать. Я жду, что он догонит, и мне очень стыдно, что я его понимаю, а он понимает, что я имею в виду, убегая.

- Да, именно, девочка моя! Вот вместе туда и отправимся! – хватает в темноте, на вылете из окна подъезда – я оказывается,

успела спуститься на какой-то этаж, и думала уже выпрыгнуть в окно!

С блаженной болью утыкаюсь ему в грудь, и хохочу. Игра удалась. Он целует меня, мысли расплываются... и я знаю, снова и снова знаю, *что ни за что не прыгнула бы, и вид делать не стала, если б он не бежал за мной. Эта пошлая игра. Эта великая актриса Дикая Дика играет лишь для него! Как он целуется, хоть подохнуть – лишь бы напоследок он ещё поцеловал...*

Но в то же время, – думаю я, успокоившись в его объятьях, сидя на теплой трубе пока он напевает что-то «Пилотское», - хоть и страшно признаться, но меня устраивает, наша любовь втроём, вернее «вдвоём», раз уж мы оба считаем себя одним Я. Ветер меня упорно ломает, чтобы я призналась себе, научилась бесстыдно признаваться себе в самой себе, в том, что мне действительно нравится. Нравится *мне*, а не той, кого я ломаю, и уже заостенело привыкла выламывать перед всеми и собой. Привычки, воспитание, окружение, общество... а вот он отлежал в дурке, и именно за то, что не хотел, вернее не умел как-то ломаться, и в первую очередь перед самим собой. Пусть вся эта его правда не был никакой и никогда правдой, она была ею. Он не врал *себе*, он врал всем. А врачи догадались, что он себе не врёт, и это называлось шизофренией с каким-то там синдромом, я постоянно забываю, сложно выговорить. Это сначала, а потом ещё добавили. Сколько у него теперь степень – я не знаю, он не говорит - я не спрашиваю. Боже, какой я шок испытала, сколько боли вынесла, как корила себя, и раздумывала без конца – можно ли допускать такую бесстыжест, так откровенно *быть*? Носить кучу масок при себе, но всегда быть голым под тонкой кожурочкой, и так ловко этой шкуркой пользоваться, что никто и не увидит в упор, что ты голый под ней, что вот она – душа твоя, совсем-совсем близко! И показывать её только тем, кому хочешь показать. Зато и обидеть кто угодно может, но - в чём главная фишка Ветра – *кто угоден ему, тот и обидит*. Он сам решает, на кого обижаться! Боже, я

недолго этому училась, меня так увлекло быть *самим своим*, и *действительно жить*, играя. Ах, как он это совмещает! Я благодарна судьбе, что он встретился мне! Пипец просто, да невозможно было не встретить! И слава Богу, не поздно! А то ведь как бывает – встречаются, и хотели бы научиться снова *быть* у этого Встреченного, но настолько заостенели, что *всё...* «*И что тебе останется вместо мечты? Ухаживать за нею, поливая цветы...*»

Очнулась я от чувства жжения в спине, будто под ней сковородка. Оказалось, я заснула. Даже не надев трусов на горячей чердачной трубе. Села на ветровой куртке, оделась. В промежности – жуть, все сухо и противно. Пыли, наверное, набилось... харэ трахаться где ни попадя. Не к добру это! Поморщилась, огляделась – Ветер сопит на грязнящем полу у моих ног. Мне это показалось забавным, я тихо рассмеявшись потрогала его босой ногой.

- Вот, Ветерок, теперь и ты моя рабыня! Валяешься в пыли у ног Госпожи Дики, по всем правилам садизма!

Он недовольно заворочавшись, резко скинул с себя мою ножку. Ни хрена себе, обидно! Посопев, я встала и обувшись, пошла исследовать наше сегодняшнее пристанище. Темнотища, пылица – жуть!

- Блядь!! – это я башкой обо что-то долбанулась, прилично так!

Вдруг стало страшно, и я почти бегом, на ощупь выставив руки перед собой, помчалась назад, к Ветру. Там откуда-то слабенько свет сочится, и видно хоть что-то, силуэт Ветра. Он не проснулся. Я села на трубу, и надувшись, сложила руки между колен, смотрела на него. Ну как же так? И чем себя занять – мне ску-учно! От нечего делать, принимаюсь тихо насвистывать, желая разбудить Ветра, но не желая, чтобы это выглядело намеренным! Как раз верно вымеряла тональность – он нервно передернувшись, поворачивается ко мне личиком, и открывает любимые глазки. Я моментально замолкаю, с радостью выжидательно глядя на него. Он страшно недоволен, шипит:

- Ивана, ты охренела! Я спать хочу, как скотина рабочая! Мне на работу завтра...

- Сёдня...- механически поправляю. Ого, ничего же себе, на работу ему! А как же я? Опять в отстой?

- Всё, спи давай. Или сиди хотя бы спокойно!

- Ну... дай хотя бы сигарету, - ну и спи, урод!

Он долго шарится, матерясь полупшепотом, протягивает сигаретку.

- А жигууу? – ною «очаровательным» женским голосом.

- Уф, блядь! – не выдерживает он. Но ничего, у меня настроение такое придурчивое. Прикурила, сажу. Я его хорошо знаю, сейчас присоединится. Если потревожишь – у него слетает с катушек сон. И точно, поворожавшись какое-то время - я не успела и половину скурить – шумно вздохнув, садится.

- Дика. Ты меня добила! Теперь и не уснуть ни хрена...

Тоже закуривает. Ути, моя прелесть!

- Давай, споем тогда, дура ты моя!

- Давай!! – обожаю эти резкие перемены в его настроении! – А что?

- *Тринадцать лет я был несчастным одиноким бомжом...* - тихо запел он.

- *Пока не встретил на дороге пацана с рюкзаком...* - радостно подхватила я, хотя охрипла страшно от сраной пыли! Зато это «НесПи»! Живём!!!

Так остаток ночи мы и просидели покуривая и попевая, на горячей трубе. Перед самым уходом случилась общая истерика – ржали, как бешеные, чуть не упали с лестницы, а от чего, не знаю!

Ну, бывает...

Стояла на остановке, собиралась поехать в переход, на стрелку с народом, полабать-побухать по старой памяти. Вдруг остановилась

дорогая, длинная чёрная тачка, прямо возле меня, стекло опустилось:

- Ивана? – красивый, стильно растрёпанный мальчик смотрел на меня с восторгом.

- Ринат?? – у меня глаза на лоб полезли – это ж моя «типа первая любовь», мой дебютный парень!

- Привет, чертёнок! – он распахнул дверцу: - Садись!

«Чертёнком» он называл меня за пристрастие к анти-гламуру панк-рока «риал бэд гёрл».

- А ты помнишь, надо же! – села я рядом.

Он кивнул, слегка касаясь моих губ губами.

- А как же? Забудешь тебя! – и улыбнулся озорными чёрными глазами:

- Куда ты сейчас?

- Я в переход, к панкам думала гнать, на Горс!

- Ага, совсем не изменилась! Всё та же «бэд гёрл», и «Панкс нот дэд»?

- Да и ты, знаешь ли, всё тот же! – ответила я, рассматривая его: - Только, кажется, попрос немножко?

- Ну да, есть такое дело! – пожал он плечами: - А давай не поедешь ты к своим панкам, а рванём куда-нибудь, посимпатичнее, выпьем, побазарим!

- Давай! – моментально согласилась обожающая спонтанности я. Почему бы и нет?

Но в «Лидо» мы сидели недолго – он заговорщицки подмигнув, предложил взять дешевого алкоголя, и завалиться в подъезд, поиграть в детство, посидеть на ступеньках, как мы любили делать подростками, в пику предкам! Ринатка ведь парень моего круга, по деньгам и образованию, и по возрасту. Мама была очень довольна таким «приобретением», думая, что я возвращаюсь со своими «ровнями». А я вообще не понимаю, как наличие денег может делать тебе ровню из людей? Или напротив, не ровню. Вот его мамашка была чуть не в истерике, когда увидела меня! Я была

маленькая, худенькая (это уж потом враз вымахала и растолстела в половину себя!), глазастая, стриженная лохмами во все стороны, жутко красилась, и вообще этакая «девочка-Сто-булавок». Но Ринатка ни в какую не желал бросить меня, молча снося истерики и бойкот мамочки. Даже думал жениться, и убежать в какую-нибудь Америку, где мы будем учиться в одном университете, и ходить на все концерты «Эксплойтэд» для меня и «Слипнот» для него! Он альтернативу очень любил, и до сих пор любит, потому и не чувствовалось расхождения во вкусах особого.

Вспоминая всё это на лесенке, мы смеялись, «плакали», курили. Попивая «777», конечно, что же ещё?

- А помнишь, Иванка, как однажды двое суток проторчали в кино! – блестя глазами, и размахивая бутылкой, восторженно вопил Ринат.

Да уж, помню! Выбегали поесть, и если был перерыв между сеансами, то спали по часу-два в машине его, хоть он и был несовершеннолетний, но благодаря «Большому папочке» от ментов откупался всегда легко. Прогуляли сто шестьдесят тысяч... Клёво! Неповторимо!

- Эх, детство моё, любовь наша прошлая... - вздыхал он.

Он дарил мне чёрные розы, шипастые напульсники и сережки для пирсинга коробками! Потому что не знал, какие мне больше понравятся... А этот наивный наш, полудетский секс... И всё так радужно было, так юно и мило.... Не то, что с Ветром!

Только вот ноги затекли сидеть. Пригласила его домой, допивать, ведь торопиться ни ему ни мне некуда!

...Стакан скотча растянулся на несколько часов.

- Трахни меня, милый...

Он наклоняется, целует мои груди, упирается на локти, входит, и начинает двигаться. В самый ненужный момент мелькают образы Ветра, и... Да, я очень хочу, но почему-то не чувствую почти ничего...

- Нет, не так...

- А как? – немного приостанавливается, внимательный и нежный, как и прежде. Сердце тает от воспоминаний! Вот только немного переменим позу... это ведь тогда хорошо было по-простому. Сейчас же...

- Мне так не больно! А я хочу, чтоб больно!

- Ну давай! – он живо заинтересован, поднимается, пытаюсь не выходить из меня. Я хочу закинуть ноги ему на плечи, и чтобы он так трахнул меня.

- О, Иванка, ты горячая киска! – шепчет он довольный.

- Ну, давай, грубее...

- Что?

- Грубее... ещё, мне так не больно, ну же! – я вся таю, горячая, как мороженое в чашке кофе, и скоро кончу...

Но этот дурак почему-то вместо того, чтобы ответить на мою простую просьбу, останавливается совсем!

- Ну что? – недовольно спрашиваю я.

- Ты... Ивана, извини...

- Он совсем обалдел – сбрасывает мои ножки со своих плеч. Садится на колени и складывает руки между ног.

- Чего? – я пытаюсь притянуть его обратно, но он не идёт ко мне! Блядь.

- Ты что, извращенка? – задаёт вопрос в лоб. Дурак!

- Чего? – совсем охрененно! Всё желание пропадает!

- А чего так вдруг подумал?

- Ну... ты боли просишь!

- Ну и что? Я так просто кончить не могу! – дуюсь уже. Козёл. В - чём трабл? – Но ведь скучно же просто так поелозить и всё Давай, неужели ты никогда...

- Что, Ивана, что ты мне сказать хочешь этим? Ты ведь не была такой раньше...

Э, да у него прямо истерика щас сделается! Вот ещё, каков!

- Да, это раньше было! Вспомнил, тоже мне!

- Тебе плохо со мной было, так? – начинает заводиться. А обо мне не подумал??

- Когда? Щас или всегда? То есть тогда? - я тоже не железо. Достал! Неужели интересно просто так трахаться?

- Извини, но если тебе так интересно – да, я извращенка! Если называть извращениями нормальное желание грубого, откровенного и горячего секса!! – почти проорала я ему в лицо. Вся пелена очарования спала. Он смотрел на меня как законченное быдло – удивленно и разочарованно, даже напугано. Что вы, мальчику предложили капельку реального секса, живого разврата, а это же... так страшно!! Господь с вами, куды там, сунул-вынул – и дрочить под немецкую порнуху! А в жизни мы не такие, мы культурные, бля, чистые!

Кажется что-то из этого я проорала ему в лицо, не знаю. Заметила только, что он попытался что-то там примирительное пробормотать, даже попробовал отважно меня, грязную извращенку, обнять, но я его отпихнула, и вот он уже недоуменно одевается. А я холодно и сухо, как в моей пизде сейчас, бросаю:

- Уходи.

Ушёл. А я разревелась, отчаянно и страшно, в голос, пугая сама себя горестными, глухими, безысходными стонами! Чего я ожидала от бедного первого любовника? Всё кончилось слезами и болью – выгнала его, ни в чём не виноватого, чувствуя себя херовей некуда – что такое *просто секс* – ПОСЛЕ ВЕТРА?! Ревела сорок минут безостановочно, думая что переломана Им, и обратной дороги нет.

Сердце сжалось – Боже, Господи! Вот и всё. И если раньше можно было лелеять пустопорожние надежды на возвращение в старое, в себя, и ещё там куда-то, думать, что мир без Ветра есть, и не рухнет на голову небо, и что я без него попросту могу... то теперь – ясно как божий день, как сам свет – всё!!! Обратной дороги нет. И не было давно. Я не могу даже трахаться просто так! Меня надо ломать, и я должна ломать! И строить заново каждый раз, и всё это в один короткий секс! И Ветер, Ветер, Ветер...

Телефон – как спасение, как возвращение домой:

- Ветер... - голос тихий и хриплый, сел от рыданий.

- Приезжай, пожалуйста! – прошептала я в трубку: – Я с ума сойду!

- Ну, что, сучке не хватает папочки?! Ну, кам цу мир, тогда!

- Не смей, не смей мне изменять...- тихо, и зло, вкрадчиво, стягивая ремешок. Я в страхе отступаю – опять боль, синяки, полосы... нет...

- Ты просто дрянь, плохая, гадкая девчонка!! Шлюха... - удар. Я таю от злого унижения – это Ветер!

- Пошёл ты на хер, не смей меня бить! Я тебе не сука!!

- Ах, так! Ты не слушаешься? Плохая, злая, непослушная, негодная сука!! - «утешает» мою больную душу. Жить без него не имеет смысла! Сделай мне больнее...

- Не изменяй себе! Тварь... моя, только моя, тварь...

Мы сцепились, как два лютых зверя.

Спустя час, уже я избивала его, стоящего передо мной на коленях, и сверкающего возбужденными глазами. Тем же самым ремешком...

Каждый получает своё.

...И мы засыпаем крепко обнявшись, самые пустые и уничтоженные в мире любовники.

Воспоминание о Первом Разе.

Первый раз – он важный самый.

После такого никогда больше не стать прежней, не забыть и не перепрыгнуть.

А в первый раз у нас втроём было так:

Я была так наивна и проста ещё... только год прошёл, но уже так давно! Вечность, пропасть разделяет меня с тем временем, называемым мной *той жизнью*.

Однажды, когда в головке моей ещё благополучно дымился романтический бред. После недавнего знакомства с Ветром, парнем относительно новой подруги – мы с Гдеты жили раньше в одном доме, потом разбежались, потом столкнулись в панк-тусовке. И сдружились наивно и по-детски. Даже не знаю, почему.

Ветер шептал ей что-то, и целовал за ухом, а я не очень давно потеряла девственность, просто и неизобретательно, и думала, что секс - приятная мелочь. Хоть и волнительная. С парнем рассталась, потому что стало скучновато вместе, и была открыта новым и новым пр-приключениям! Уверенная, что у меня-то будет всё так мило-развратски, я же только начала и всё такое... ну, понятно. А тут – высокий, красивый. Загадочный. Романтично обходящийся с не особо хорошенькой, кривоноженькой слегка, кривозубенькой и обыкновенной Гдетыгдеты Ветер... Я моментально решила, что если он так любит страшненькую Гдеты, ну, максимум, с натяжкой – симпатичную, то уж против меня – красавицы, с кожей персикового оттенка, с такими драгоценными карими глазами и полной грудью, с ногами как дорогие бутылочки и во всех лучших атрибутах панк-гёрл – уж мне-то ничего не стоит заполучить такого же... Ну, или его именно. Хоть, конечно, и стыдновато признать было сразу, но гордое чувство своей красоты давало мне ощущение, что будет точно «не виноватая я, он сам пришел!» и что потом останется всем только дружно признать, что куда уж ему было устоять пред такой роковой красавицей! Лелея такого рода мечты, я влеклась на его прекрасные глаза в роскошнейших ресницах, на его таинственную и удивительно притягательную, что-то очень важное лично для меня означающую, будто подтверждающую родство душ складочку у тонких губ. Его манера облизываться, касаясь быстро кончиком языка верхней губы, его странная тоскливость временами, его пугающая черта – то и дело не предупреждая пропадать из виду

– всё это казалось одной лишь мне заметной, и вот-вот он придет ко мне, и упадет к ногам, и откроет сердце – что лишь я его понимаю по-настоящему, и любить будет до смерти... Время шло, ничего не менялось, он всё так же бросал на меня многозначительные взгляды, а я ловилась, и замирала в струнку, а он уходил с Ленкой, а я отказывала всем подряд, и прослыла циником. Я его ждала, и верила что так будет. Господи, да если б я знала, что ТАК И БУДЕТ!!! Но как это будет, какой мукой обернется, каким насилием постоянным... понимать его – да лучше удавиться! И удавишься – а потом как же его понимать? И удавливаясь – понимать его, потому что он суицидник. Замкнутый пиздец.

И вот, настал момент – я каждый раз к нему дрожа готовилась, и одевала лучшее белье, и красилась, и думала – *вот вдруг да сегодня... нет, точно сегодня!!!*

А оказалась не готова. Привыкнув ждать, трудно не спасовать, получая наконец.

- Дика, пошли сегодня к нам... с нами!

Как гром среди ясного неба!! С ними... это что же, втроём? Ладно, подвинем Гдеты. Я уверена, он оценит на контрасте, так даже лучше, моё прекрасное тело (хоть я временами и неуверенна в этих лишних сантиметрах, но сейчас нельзя было так думать!)

Кошмар, пережитый потом, не поддается описанию. Он больше чем изнасиловал меня, мне больно было ходить, и плакать, я проклинала всё на свете. Он назвал это операцией по истинной дефлорации, и сволочь, был прав! После этого мне всё уже было нипочем, и садомазохизм распахнул мне объятия как родной. Посидев пару дней в полной изоляции, я переосмыслила себя, изнасилованную, насильно приобщенную к истинной сути развязного и беспредельного секса, я вернулась на улицу с глазами голодной хищницы – теперь меня боялись уже, избегая не из-за репутации отказницы, хорошей девочки, а страшась последствий, которых мои глаза сулили. Я нагло взирала на всех, никому не отказывая, скорее, даже приглашая, но они бежали прочь,

трусливые зверьки, чуя жажду Похоти истинного зверя, причащенного крови садомазохизма не в игровом смысле, а в самом настоящем! Но и не надо было, я злорадно провожала бегущих глазами, и несла лишь Ветру свою воплями унижения и боли разбуженную Похоть. Он дал мне такое, что никто и нигде больше, наверное, не смог бы дать потом. Да, наверное, где-нибудь там, не знаю где, но в доступности ко мне – лишь Ветер. Он знал, что делает, он понимал меня очень тонко. И сейчас даёт такое, что лишь кажется кошмаром, на самом деле лаская бешеную душу, играя по её правилам.

Да, началось всё с того, что я осталась радостная, непонимающая чего хочу, заваленная туманными представлениями что и как мне нужно, у Ветра ночевать, наконец.

Сначала он трахал Ленку, просто и без изысков. На столе, она обнимала его ногами, и стонала, запрокидываясь. Ну, довольно мило, ничего не скажешь, но я жадно ждала продолжения на мне. Он предложил лишь полизать Ленку, а он посмотрит. Я лениво отказалась - чисто из желания получить скорее своё. Я видела себя на месте Ленки, но он подошёл, несколько грубовато меня раздел. Ни о чём не спрашивая. Он оказался вообще молчаливый садист. Странно было поначалу... так вот, встав на колени передо мной, он вылизал меня, и когда я основательно потекла, и ждала нормального секса, он вдруг меня отставил, принёс шнур и связал мне руки за спиной, так неожиданно и грубо, что я и понять не успела, а что собственно происходит.

- Ты плохая девочка, Дика! Очень плохая! Как тебе не стыдно подглядывать, и не участвовать? Как ты, аристократка, такая невоспитанная и не-развратная? Тебя надо воспитать!

- Тебе пора уже знать, кто ты есть... ты ведь маленькая моя сучка. Знаешь, нет? Сейчас узнаешь!

- Я не хочуу!!!

- Врёшь!!! Не ври мне!! – удар. - Не ври себе, солнышко!! Дрянное создание, солнышко...

- Мне больно.... Отпусти, мне слишком больно!!

- Вот и хорошо, – губы кривятся, из-под ресниц лёд, и... о, боже – слеза!! Плачущий гад, урод, мне больно, больно!!

– Тебе так надо, поверь мне. Тебе так надо....

- А так?

- О, нет!!! Отпусти меня... ну, пожалуйста... не надо, Ветер... по-жа-луйста...

- Да, еще!! Плачь!! Плачь... су-ка... ах, как мне больно за тебя! Еще... боль-но...

И я забыла про свое мучение, распахнув глаза шире некуда - он плачет за меня, причиняя мне боль...

А наутро –

- Ну, как ты, зайчик мой?

Блядь, какой заботливый гандон!!

- Какого хера тебе ещё надо? Ты мразь, урод, извращенец!!! Отвали от меня!!! У меня все болит!! Я тебя презираю!

Я бы харкнула в это сочувственное личико! Ненависть и чувство изломанности, гнусности произошедшего меня убивало.... Но не могла... я лю-би-ла... и кажется, не всё было таким уж ужасным... НЕТ!!! Всё было просто мерзко... мерзко...

- Дик, хочешь чё-нибудь? - в дверях возникла эта... Эта!!

- Че-го?? Пошла на хрен, сука, грёбаная блядь, гнусная шалава!! Да чтоб вы подошли! Извращенцы, убожества!! – и заливаясь слепыми слезами, выскочила на улицу, забыв «косую». О, господи, кто же я теперь? **Как** же я... **теперь**? Какая грязь... какая.....

Оказалось, забытая косуха стала поводом навестить меня через пару дней. И я позорно сделала вид, что ничего и не было. Но боль и

недоумение, желание понять, что же со мной *теперь*, выдали с головой. Он сел, и начал объяснять. Я теперь – **Я** и есть. Конец.

Трахаться не стали. А я ведь уже хотела... так робко хотела продолжения... нет, на продолжение меня бы физически не хватило. Болело всё... хотело всё!

Я намекнула, стыдясь до полуобморока, но доверяя ему всё снова сделать самому. Но он... отказал!

- Когда сама будешь готова к ответственности, сама предложишь что-нибудь *свое*, станешь за себя отвечать – а я тебе больше не учитель! Бери сама.

И ушёл. Гандон!! Я снова разрыдалась в подушку, а мама спросила кто это был, такой приличный и тихий? Тихий?! Это мама, мой новый любовник, скотина и урод, Ветер.

Я моментально увлеклась *таким* Ветром не на шутку. Революция сознания не давала о себе забыть странными, пугающе-восхитительными снами, совсем иного качества, нежели раньше. После них я просыпалась вся мокрая и возбужденная, в сладком и немом ужасе – как же мне такое снится, что с моим сознанием? Но сны эти скорее реальнее чем сама реальность, ведь в жизни я вряд ли решилась бы на такое - а во сне поразительно смелая, безграничная я вытворяла на пару с Ветром... где его шизофрения – скорее помощник выкрутасам, нежели помеха, и можно идти куда угодно, и он не *боится*, и я радостна! Свободны от самих себя, оба. Беспредельно!

Мы с ним сидим в понтовом ресторане, с какими-то мажорными очкариками. Они чё-то трещат, а у Ветерка глазки так нехорошо загораются, он шепчет мне на ушко: «А давай ты в бутылку пописаешь, а я буду пить за столом вместо шампанского!» Я радостно киваю, тихонько. Мы уходим, я так и делаю. Вернувшись, с умными рожками наливаем в чашки (именно чашки, а не фужеры!) себе, и пьем. Чуваки чувят неладное, но не въезжают.

Проснулась в смятении и восторге, и думала, отдышавшись – повторить в жизни? Пожалуй. Достаточно безумно и аморально!

Дневник:

«Всё когда-то бывает первый раз...» На меня эти слова действуют магнетически! Первый раз все когда-то.. что-то совершенно новое! Небывалое! Первый раз... пусть страшно, пусть хоть как... я жду чего угодно, только бы жизнь двигалась! Я буду очень-очень рада умереть, потому что это первый раз...»

Мама предложила за обедом поработать у них с папой на фирме. Хватит, типа, мотаться где ни попадя, да и нехорошо в таком возрасте сидеть на шее... не, у меня, конечно, есть всякие проценты и накопления, но ведь раз я шарахаюсь, и не занята ничем, кроме универа, а его мне мало и я успеваю разлагаться – значит, надо себя занять чем-то, не танцами и фитнесом, так работой – это ж лучше всего, по её словам. А мне нафиг надо... не хочу.

Скандала не вышло – утикала на улицу.

Нарыла газетёнку в чужом подъезде, пьяная в кюветку. Открыла ящик первый попавшийся, пошарила – а вот и объява, про работу, требуется... тыр-пыр и всякое такое. Ну ладно!

В офисе накурено, молодёжь самого банально-модного вида ржёт и переговаривается в очереди. Ну и занесло!!

- А тебя как зовут? – и зырит, придурок тупыми глазами. Мне чё, тоже типа так зырить, чтоб работать?

- Охуендра!

Странно, но меня приняли! Пришлось остаться работать. Но прошло лишь два часа, как мне в один момент всё глубочайше остопиздело здесь, в этом дурацком магазине!

Вышла и пошла прочь. Сняв сандаlette, несла их зацепив пальцами за ремешки... Пищит телефон – СМС. От Ветра... «U menya v karmane krysa,ya nabël eyo v lesu,ona mokraya i lysaya,ya domoy eë nesu!;)))» Я беспомощно всхлипнув, прижала ладонь ко рту, и заревела, как бедное дитя... трясась, набрала его номер, прижала к уху, в надежде на что-то сама не знаю что, но он так долго не брал трубку... а когда взял, я не смогла ничего сказать, только задыхалась... боже, боже...

Позвонили с работы – «вы где, Ивана??»

- Да щас, иду я, иду. Ну что вы, я уже близко! - уходя босиком всё дальше и дальше...

...Он перезвонил вечером, спросил как дела. Я снова заплакала. Чувствуя что невыносимо люблю его уже! За что?? За садизм, за сексуальное надругательство?? Господи... я всхлипывала в трубку, вытирая мокрый нос, и говорила торопливо, что всё нормально. Он рассказал какой-то анекдот, я даже не восприняла, но истерически смеялась минут пять, не в состоянии успокоиться – *он мне звонит!*

- *Когда встретимся, кошечка?*

- *А... - у меня совсем пропал дар речи, я судорожно сглотнула, вдохнула поглубже. – Завтра! Прямо завтра!!*

- *Хорошо, только вечером... давай, поиграем! – маленькая пауза – наверное, ждёт реакции, я молчу. – Согласна?*

- *Ветер... ну, если... как в прошлый раз...*

- *Нет, дружочек, по-другому!*

«Дружочек»! Боже, где он и слов-то таких понабрался? Да, да, согласна!

- *Я просто...ну, не смогу пока, физически...*

- *Нет же, я сказал уже, не так! Больно не будет, киса! – кажется, усмехнулся, так и повеяло превосходством негодяя!*

- *Только ты подготовься немножко, окей?*

- А что надо? - я уже вся дрожала в ожидании, чувствуя себя законченной идиоткой и извращенкой. Про Ленку я в тот момент совершенно забыла.

- Да ничего особенного!

Следующим вечером я сидела на лавочке утопающего в сумерках парка, в ожидании... Подготовилась я основательно, всё как он просил – коротенькая юбочка, чулки, крошечные трусики-слипы, модная узенькая блузочка-рубашка на пуговичках («Ну, знаешь, из тех, которую не жалко!» - значит, рвать будет?..), в полурасстегнутом вороте которой нагло виднеется розовый лифчик, короткий пиджачок, сексапильные туфельки с пряжками на десятисантиметровых каблуках. Вызывающий макияж, гламурные бусики, стильно растрёпанные волосы, и огромные серьги-кольца завершали «образ сексапильной дурочки, вышедшей поискать вечером приключений на хорошенькую попку!» – в соответствии словам Ветра.

Я боялась, что кто-нибудь прикопается, пока я буду так сидеть в одиночестве, и если даже Ветер прогонит приставал, то это уже испортит нужную картинку, придётся все заново начинать... то есть, уже не будет нужной полноты картины. Но, слава богу, всё сложилось идеально! Минут через пять мучительного ожидания, на соседнюю скамейку присел он – жутко сексуальный в своей неприметной одежде и с собранными волосами. Оценивающе посмотрел на меня, и стал делать вид, что вроде как не смотрит, а сам глаз не сводил исподволь. Я, согласно сценарию, нервно поёживаясь под его взглядом, быстро выкурила сигарету, и пошла прочь, временами неуверенно оглядываясь. Он шёл за мной... я специально углублялась в темноту пустого парка, то переходя на торопливый шаг, то сбиваясь, приостанавливалась. Стучали каблучки... Он начал приближаться... я, «паникуя», завернула в тёмный подъезд, типа думая спрятаться, встала и замерла там за дверью. Он впрыгнул вслед за мной, осмотрелся. Мимо проползли какие-то придурки, вяло поинтересовались, чего ему здесь надо? Он

ответил, что пришёл за девушкой. Те полезли непременно узнать, что за девушка и всё такое. Как же они меня взбесили! Валили бы прочь, не мешали развлекаться! Ну, в итоге те ушли, а Ветер пошарил в темноте, ища меня. Я намеренно нервно дышала, чем «случайно» обнаружила себя. Шаг вперёд, и он схватил меня за горло, и в следующий миг я ощутила устрашающе-холодное прикосновение лезвия к щеке. Я слабо вскрикнула – мне стало реально страшно!

- Тише, сучка, тише! – прошептал он на ухо, и лизнул висок. Я моментально жутко возбудилась от его сладкого дыхания, от его пугающе-сексуального прикосновения опасного животного. Я уже мечтала, чтоб он трахнул меня прямо сейчас!!

- Не надо, пожалуйста...- слабо прошептала я.

- Не надо что? – издевательски спросил он. – А ничего и не будет, если ты не будешь кричать! – лезвие прижалось плотнее, уже почти больно. Я быстро и коротко, чтоб не порезаться, закивала головой.

- Вот и хорошо! – прошептал он прямо на ухо. Он с ума меня сводил!

- Будешь хорошей девочкой, расстанемся мирно! Нет – ну, ты поняла? Тебя найдут утром, с перерезанным горлышком!

Я снова закивала:

- Всё, что хотите, только не убивайте меня, умоляю!

- О, хорошая маленькая сучка! – он просунул свободную руку мне в трусики, я дернулась, отчего лезвие оставило царапину.

- Аккуратнее, сучка, это тебе не игрушка! – провёл он лезвием перед моими глазами. Я старательно расширила их «от ужаса». – Давай-ка, приласкай его! – и достал «его» из джинсов. Я неуверенно взяла его в ладонь, косясь на лезвие, которое он плавным движением опустил к животу. Я очень старалась, лаская его, "маньяк" шумно вздыхал, всё время глядя мне в лицо. Я увлеклась процессом, на время даже забыв об опасности – так он был хорош и послушен моим дрожащим от возбуждения пальцам.

- Ну вот, тебе же тоже нравится! – прошептал он мне на ухо, и повёл ножом выше, лаская пуговички рубашки... и вдруг начал срезать их одну за другой! Я замерла.

- Нет-нет, продолжай, не бойся! – велел он. - Ты хорошо пахнешь, сучка! – и принялся лизать мне лицо, шею, и уши, отчего я вся крючилась, будто мне и противно, и невыносимо сладко. Еще одно лёгкое движение ножа – и лифчик разошёлся, обнажив грудь. Он свободной рукой коснулся сосков, и судорожно вздрогнув, велел:

- Прекрати, всё! – я подумала было, почти разочарованно, что он сейчас кончит, и адью... конец приключению – ведь изнасилование – это быстро и эффективно! Но нет, он потрогал мои горячие груди, и - о, наконец-то!! – перешёл к решительным действиям: задрал мне юбку, сдергивая трусики, но я слегка запуталась в них, и он грубо подтолкнув, велел помогать ему. Я в момент освободилась от них, и подалась к нему – он развел мне бедра, и вошёл грубо, горячо, и невыносимо хорошо! Следующую вечность я провела в чудовищно непереносимом наслаждении болью. Он просто разрывал меня изнутри! Шепча какие-то гадости и оскорбления, на что я только задушено стонала:

- Да, да! Ещё...- обнимая его за шею, чтоб не упасть.

К тому же, в запале, он немного порезал мне шею, у которой всё ещё держал нож... кончив, мы оба заметили это, и он ещё не выйдя из меня, жадно облизал кровь, отчего я едва не кончила ещё раз!

- Моя хорошая, маленькая сучка... - прошептал он. – Ну, вот и всё! Нам ведь было хорошо вместе? Да? – сказал он, застегивая джинсы, и убирая нож.

Я ничего не ответила, расслабленная «жертва насилия». Потом медленно и раздергано начала собирать свои тряпочки. Он неожиданно поцеловал меня – очень хотелось ответить, но пришлось изображать поцелуй насильственный, не размыкая губ.

- Чао, крошка! – бросил он, и исчез в темноте. Я успела испугаться, что вдруг он так меня и оставит здесь, ведь я же ничего ещё о нем не знаю? Но в следующий миг он уже снова вошёл,

улыбаясь – я видела всё отлично, глаза совершенно освоились в темноте. Это был прежний, нормальный Ветер... он поцеловал меня по-настоящему, и я вся прижалась к нему, уткнувшись в шею. «Я люблю тебя, люблю!» - кричало всё моё существо, но я пока не решилась сказать это вслух. Ведь вдруг с его стороны это всё – простая ебля... хотя, конечно, совсем не простая, в этом всё и дело! Как с ним... невероятно!

- Ну, как ты? – спросил он, отстраняясь.

- Это и есть садомазохизм? – спросила я, очень серьезно, заглядывая ему в глаза снизу вверх.

- Да, это он, - усмехнулся Ветер, доставая из заплечного бэга какую-то тряпку: - Оденься, крошка, и пойдём отсюда!

Я кивнула, разворачивая предложенное – оказался его балахон, позаботился взамен разрезанной блузки, «той, что не жалко»! Дрожа от ночного холода и пережитого потрясения, оделась. И мы пошли прочь, к нему домой ночевать. Где напились, отходя - ему-то ничего, нормально, а я выжата и потрясена! Он был весел и доволен, много болтал, и смеялся, как девчонка, рассказывая какую-то чушь. Вконец захмелев, мы уснули вместе. Как хорошо с ним, боже...

Тогда же он подарил мне мою Жанну Моуле. От неё он и понабрался всех этих удивительных «дружочек» и «душа моя». Восхитительная Жанна, жена одного из мною наиболее почитаемых панков ТорКа. Они вместе - музыкальный проект "StЁклА", панк-экспериментальный. Писательница и певица, удивительная, божественная Жанна... Книга называлась «Моя анархия», автобиографического толка - главных героев, олдovou парочку панков, звали Жас и Крот, то есть ТорК наоборот! Чувства их остывают на глазах, как пельмени в холодильнике, и они не знают, что и делать с этим, и любят друг друга, и не видят никаких перспектив в отношениях. Уже всё перепробовали в сексе, и в извращениях, и в эмоциях. И вот, она пришла домой пьяная, они холодно поругались, даже без ругани как таковой, и в отчаянии

одинокчества, легли спать, сами не зная, что другой испытывает то же самое, и надо тока поговорить... заснули, а проснулись в овраге, где ночевать любили, молоденькой парочкой придурков, как были раньше – по двадцать лет снова. Но они не знают, что это «снова», то есть им-то кажется, что это реальный момент юности и есть! Настороженно выбирают на свет, удивленные странной тишиной, а там... нет никого. Мёртво. Машины не бегают, людей нет. Никого нет. Пошли на разведку – пусто везде, даже в магазинах. Пошарили-пошарили – точно пустота! Жас осторожно предполагает – а может, наша мечта осуществилась, и все умерли? А Крот – как так, а где трупы? А она – ну мы же хотели, чтоб все исчезли и всё... вот и исчезли... не знают, радоваться или что, и может это ещё глюк, и нет ничего? А как проверишь? Никак – в глюке всё может быть! Обнаглев, разбили стекло в магазине, и поели-побухали. Потом обнаружили, что дверь открыта... прикол! Напились, и давай хохотать! Потом они таскались по всему свету – стащили мотоцикл, но ездить не умеют, научились на ходу. Катались везде, курили и пили, нашли даже травы. Нет никого и нигде – даже животных! А лето кончается, и сезон дождей вот-вот... и страшно... а Жас плачет временами – может, зря мы это пожелали? Страшно... иногда случаются истерики то у одного, то у другого. Напиваются и курят траву. Начинают мечтать сдохнуть скорее. Но не могут – жить хочется и надежда на пробуждение ещё есть... дальше-больше, устраивают страшный дестрой. Заходят в клубы и на студии, там орут-поют, бесятся на клёвых площадках, но разве надо это когда некому на них смотреть? Развращаются, стащив всякие плетки из секс-шопа. А потом, когда уже дошли до предела, и решили уснуть и не проснуться, попрощались даже друг с другом, легли на сырую, холодную землю, в поле, не доехав до очередного города, обнялись. И... проснулись в своей супружеской постели. Разрыдавшись оба, схватили друг друга в объятия, и стирая слезы с любимого лица, тихо повторяли – сон! И решили – какая туфта их проблема, нет никакой проблемы – есть лишь ЛЮБОВЬ!

У меня мороз по коже от этой книги... Я проглотила её по бешенному.

В конце стоял адрес: www.she-mole.org

Залезла туда, оставила самые дикие восторги о книге, выписала библиографию Жанны, решив непременно найти всё, что есть, и прочитать! В разделе дневников оставила некоторые свои опусы. Жанна приписала свои комментарии, очень хвалила, говорила, что проникновенно пишу, и стоит заняться литературой плотнее! Вот это да!!

Потом оказалось, Ветер с Жанной общался некоторое время лично, по мылу. Ещё до дурки, в семнадцать лет. Вот это ни хрена себе!

Как-то мы ночевали у Ленки все вместе, бухущие до чёрта, особенно я. Завалилась спать никакая, а они полезли в инет, на сайт Моуле. И написали в гостевой:

«А мы тут бухаем, а Иванка спит, собираемся ее отпиздить».

На следующий день Жанна ответила:

«Не надо про бухло... мы тут на румынской таможне чуть не умерли... Иванку – только любить и носить на руках!»

Во как!! Было дико приятно! *Любить и носить на руках!* Понял, Ветер??

Меня распирало счастье...

Я написала снова, Жанна одобрила и это, прислала мэссадж лично мне(!), ещё и извинилась, что не ответила сразу. Попросила рассказать о себе, ей такие люди как я, с переподвывернутым взглядом на мир, как писателю очень интересны. Я переволновалась, всё думала, а что же писать? Потом села вздохнула поглубже, поставила перед собой стакан ямайского рома с колой, и начала, как бог (или кто там) на душу положит.

«Панк со стажем в шесть лет, это откровенное панкование, а так, думаю, что всегда было, где-то внутри. Потом надоело обманывать всех, и саму себя в первую очередь, прикидываясь милой девочкой. Да я и не была ей, всегда трабл родителям

доставляла. Но мучалась от этого, как мол, можно, так ведь нельзя, и этак тоже. А сама от зависти подыхала к неферам, тоже очень хотелось сидеть на асфальте и ночевать на кладбище...

Самое захлёбное счастье – алкоголизм пережила в четырнадцать - пятнадцать лет. Вообще так пила лет с тринадцати до пятнадцати (в смысле, просто бухала) как никогда больше в жизни. Надеюсь, и не придётся. Хотя, наверное, больше и не смогу – в том время, видимо, и оставила основное здоровье, необходимое для таких подвигов. Ну, вот с тех пор нажитые навыки и не теряю, и пью довольно много. А впрочем, наверняка, это всё и читать-то противно, да собственно, и не имеет решающего значения.

Ещё – я извращенка. Садомазохистка. Таковой меня сделал (или же просто разбудил, что скорее) мой любовник Ветер. Он сумасшедший, шизофреник. Дважды отвалился в дурдоме. Первый раз еще в детстве. Не знаю, если это тоже важно. Или интересно, я могу потом рассказать подробней. А то если нет, то зачем же время отнимать?

А ещё в детстве мне так стеснительно и отвратительно было моё имя! Наверняка, это проблема многих! Вот представьте, что вас зовут Ивана...все Наташи, Маши и Айгули – а вы Ивана! Писец... ужас! Для Польши папиной обожаемой нет ничего проще, чем Иоанна, или даже Джоанна, но для России... еще спасибо, что не додумался назвать Иоанной – еще хуже! Че-то уж совсем! Я и ревела даже, сначала втихую, стесняясь высказывать предкам свои болезненные переживания по этому поводу – они-то ведь считали, что очень даже молодцы, соблюли уважение к родной папиной нации. А мне-то жить! Я как узнала, что можно имя поменять, сразу возгорелась! Надо мной и в садике, и в школе все ржали – Ваня, Ваня простота! И докажи им, что не Ваня, а Ива или Яна!! Козлы. Дети и без всякого повода найдут за что заложить, а уж если им повод какой померещится! Пиши – пропало. Я и пропала.

Все ревела по углам... а мама – забей, ну их нах, они ничё не понимают! А я реву, и думаю – чё не понимают? Это вы ничё не понимаете! Потом, когда подросла до подростка, и почуяла некое подобие права голоса в семье, то высказала немедленно вслух всю эту претензию – нах было меня так тупо называть, да вы чё, издевались?? Как можно было взяв на руки такое маленькое, беззащитное человеческое – да мало того, родное! – дитя, и так обозвать!! Ну и ваще!! Они растерялись, давай мямлить, что это же гордость, это же необычно. И вот писатель Иоанна Хмелевска, и бабуся мою звали Иоанна... ага, - говорю, - вот теперь пойдите и по телеку объявите, что это так и надо, что семейная-национальная гордость, а не Ваня-Ваня простота! А я ведь девочка, нах мне такое имечко, куда я с ним??

Ну, поругались–поганзили, никто никому ничего не доказал, и я успокоилась. Переделывать имя – лень, и беспонтовый труд. И я осталась Ивановой Александровной Вишневецкой, польской аристократкой на русской земле, где каждый твердо впитал по сказкам Ивана-дурака, а еще лучше Ваню-простоту. А потом и вовсе стало пох-нах. И так хорошо. После проняла всю возвышенную красоту имени Ивана!! – и одно лишь бесит – Ваня, из уст Гдетыгдеты, суки эдакой...

Ветру ведь тоже досталось отличное имя Гавриил. Та же самая беспонтовая гордость, и по иронии судьбы – тоже польского аристократа! Мать их эти... какие все блюстители традиций! Ивана и Гавриил... озуеть. Хотя его никогда это не напрягало и не смущало. Ему параллельно, что кто думает о его имени. Ему его имя нравится. Ладно, и мне моё тоже. Хорошо, что проехали

В Польше я была раз сто пятьдесят, конечно. А как же? О, соляной замок с драконами - такого нет больше нигде!!! Пусть говорят, что это скелет мамонта, я не верю - это кости дракона на воротах! Там и воздух особенный. Польша прекрасна. Сердце её бьется живо, я обожаю ходить то медленно то быстро, подстраиваясь под ритм местечка, где нахожусь сейчас. Одного

какого-то города нет, они все разные, и все... не знаю, что хотела сказать, накрыли чувства... У меня там и бабушки двоюродные, и братья, и прочее родственное отродье. И по-польски я говорю приличненько, хоть мне это и не особо важно на русской земле. Вернее на башкирской – дублирование всех-превсех надписей и публичных сообщений на два языка не дают забыть, где живёшь. Иногда мы треи́м с папой по-польски, чтоб не засыхало. А и разница-то небольшая, очень родственные языки, братские. Но последний раз я была на родине предков лет в пятнадцать, потому что маме с папой жутко некогда. А сама я не поеду же! Хотя, почему нет... часто забываю, что уже не маленькая:)) Бизнес отбирает у них всю жизнь. Для меня стараются, чтоб я ни в чем и никогда не нуждалась! А мне уже и так накоплений хватит на всю жизнь, даже если я начну покупать замки и острова! Я пыталась поговорить с ними, зачем это вообще? Куда им столько? Неужели уже нельзя успокоиться? Им же тратить их некогда, эти бабки! Но они мне втёрли доступно, что должен же человек реализовываться, и если им оставить бизнес, уйти сейчас на покой – то что же делать-то? Вот и нифига себе, самореализация! Чтож, люди заняты любимом делом, сколачиванием бабок! В добрый путь, товарищи! «Штиэньшливэй подружы, пиыйячье!» Лишь бы меня не трогали со своей моралью. У меня своей столько, что некуда девать!»

Потом я поведала про Ленку поподробнее, пытаюсь понять сама же по ходу повествования, отчего да почему Ветер с ней, а не со мной. "Пся крев", сука!" - писала я.

В общем, получилось довольно сбивчиво и непоследовательно. Но Жанна сама просила строить письмо естественнее, как попрёт, ей, мол интересен живой поток, а не грамотность речи.

Богине понравилось, она спросила разрешения разместить эту писанину на сайте, в разделе «About Myself-ики». Я согласилась, конечно – да пусть читают. Мне не жалко! Ни себя ни их.

Встала перед зеркалом, изогнулась, на попу свою смотрю – а на ней у меня бабочка с прорисованной по контуру тигриной рожей. Прикольная очень. Типа, я киса такая, и летящая, как бабочка. Символ женственный и страстный, как мне объяснил мастер, трогая за попу чуть больше, чем нужно для работы. Похвалил мою прелестную задницу, набивал долго и упорно – два сеанса ушло, я еле выдержала. Больно все же! От анестезии отказалась – надо же было себя наказать как следует. Я набила её для Ветра, собственно говоря – а он для меня грех, и я наказания заслуживаю. Мечтала, что он будет в восторге, ему моя попа *слишком* нравится. А он посмотрел, потрогал – да, прикольно! И всё. Урод. Ладно, зато другие в восторге – не подумайте чёрти что, подружки там, или просто случайные свидетели! Я не столько развратничаю, сколько изображаю! Такой скромницы в душе, то есть *истинной скромницы*, которую так коробило бы от всякой дряни, как меня, до самых глубин, у которой душа под кожей, и значит совсем легко истинно изнасиловать – такую скромницу ещё поискать!! Думаю, я всё же, настоящий панк - ведь панк, это человек, которого добивает и сильно потрясает, коробит несовершенство мира! И это человек по-настоящему образованный и воспитанный, но сознательно сделавший выбор в пользу низости физической и болезненной душевности – отсюда и столь прочная репутация панков, как садомазохистов. То есть, панк выбрал свой путь отребья сознательно, это путь свободы, один из них. Сознательно, а не потому что другого не знает! Не зная ада, не познаешь рай. Я вот – из прекрасной семьи, аристократической и образованной, мои родки построили бизнес на личных научных разработках! Не херня-мерня какая-то! Интеллигенция! Сливки общества. Так-то.

О чём я? А, про тату... ещё что-ли сделать? Наверное!

Первую свою татушку я набила в пятнадцать лет, когда увлеклась всерьёз панк-роком и прочими тяжелыми радостями. Такой маленький, едва заметный иероглиф «PND» (панкс нот дэд) на шее, под тонкими волосиками, где сексуальная ямочка, чтобы мама не

заметила. Купила косуху, завела Интернет для тёрлок на нефер-форумах, искромсала волосы и джинсы. Тогда же страстно возмечтала про Харлей. Ну, хотя бы Урал. А папа с мамой запретили напрочь. Разобьёшься – и точка! Гроб, мол, на колёсиках! А хрена я так уж им стопудняк должна разбиться?? Чё за тупизм? Нет, так и не подарили. Никакие умоления и обещания не помогли. Потом уже была прекрасная возможность свои бабки накопить, и купить. Теперь хватит на что угодно, папа процент отсчитывает, и пока на самообеспечение не перейдёшь – типа там на работу к ним выйдешь, и все дела – то пожалуйста, потроши свой счёт, покупай что хочешь, взрослая уже. Но... на сегодня уже спилась, и курю так, что лёгкие скоро отвалятся. Страшно под травой кататься! Пьянка дороже! А главное – уже *поздно*. *Мне* это уже не надо. Отгорело. Не вернуть... По этой же причине и тачку не заимела ещё. Потому как после универа никогда не знаю, куда попрусь, и где приспичит валяться пьяной. Вот так! А вы говорите – деньги, деньги... не в них счастье, хоть и пошлая фраза. Ветра не купишь...

Вот Гоблин пусть катает меня теперь, раз подвязался! Хороший мальчик, покладистый – хочешь трахаться - пожалуйста! Хочешь бухать – «Поехали к тебе!» Травы – смотаться к «хорошему знакомому» в отдаленный район Черниковку никогда не трабл! Безотказный, как шлюха с наивными щенячьими глазами.

Вот, катаемся значит, с Гоблином. Путём не отошли ещё от дури, подташнивает. Вечер уже, довольно поздний, я подмерзаю, к нему, тёплому дураку, жмусь. Бли-нн, надо было по-любасу джинсы натянуть, хоть и грязные, как была в юбке – так и погнали. Похоячили пирожков на углу, пива добавили. Кумар постепенно возвращается – на невыветренное нутро пива, конечно! Самый разгон идёт на следующий вечер, если бухать без перерыва. Ржём, весело! Как манаги напились.

Ну, приехали на Пятачок – ветром занесло. Гоблином, не Ветром. Могла бы думать, подумала бы, что сто пудов никого там нет! Хоть

и не знаю, скока время, а и так ясно – по вечерам половина где-то, другая половина ещё где-то. Не смешно? А я всё едино ржу.

Короче, в этот раз там сидели постоянные обитатели: пьяный Бормотун – 1 шт, Крис-и-Антихрист – 1 шт, тож пьяный. Маша-Король с какой-то пьяной мужицкой мордой, Зоська (она-то здесь откуда?) и какие-то пацаны – 2 шт. Выпала я из тусовки, никого не знаю уже! Сели, принялись курить Гоблинские сигареты всей кучей, он по-накурке щедрый! Мы ржём, остальные поудивлялись и тоже развеселились. Хорошо так стало – ни Гдетыгдеты тебе, ни Ветра. Класс!!

И вдруг:

- Народ! Тсс! – поднимаю вверх пальчик: вроде байк поёт где-то недалеко, во дворах. У меня слух под травой всегда концентрируется и обостряется. Зрение – другое дело, раз туман пополз, значит, приход. Но, да ладно, не о моих особенностях пяти чувств речь. Все затихли, а я тычу:

- Во! – выкручивает между домом и магазинчиком байк: у всех челюсть до полу, глаза в пять копеек екатеринских: Харлей! Настоящий, хромированный, блестящий, сексуальный – не хухры-мухры! Ва-аще! Не то, что мы тут на «Уральчике», патриоты бедные... У-у, какие у Гоблина глазки стали – козёл позавидует! Сами прикиньте. Когда все малость очухались, можно было и на седока перекинуться – тоже есть на что пообалдевать, само достоинство и простота, так ловко замешанные в одном байкере! Он поздоровался и с каким-то необычным интересом уставился на меня: оглядел обстоятельно, пока все его байк щупали и охали. Хотя он больно-то не позволял, иногда говорил чуть свысока:

- Но-но! Не бескультурствуйте!

А мне просто кивнул, глядя странноватыми тёмными глазами прямо в глаза:

- Шут!

- Дика! – а руки не подал, и я убрала протянутую было ладонь. А ресницы-то у мальчика шика-арные! Над такими странными глазами...

- Дикая! – положил мне лапу на плечо Гоблин. Меня это немного раздражило – смотри-ка, хозяин, блин! Только я всмотрелась что не так с парнем, а он... с меня эти глазюки большие, холодные аж весь кумар враз согнали! Наркоман что ли? Героиновый видно, тени на веках, волосы длинные как прутья, ирокез выбрит, а кожа пересохшая, какая-то серая. Белки глаз желтоватые, а зрачки широкие-широкие, и не поймешь, какого цвета. Губы сильно шелушатся – а катаешься без шлема, мальчик! Гоблин, конечно, давай с ним чё-то забодяживать о своём железном. Шут охотно отвечает. Потом смотрю, уже не знает как отклепаться от него. Просто в игнор, встал в полный рост, и перекрывая общие вялые базары, ни на кого не глядя всё так же пусто, объявил:

- Народ! Завтра в девять в «Экваторе» концерт наш, новая группа «Дети Смерти», так всех вас ждем! Вход бесплатный! Будет круто, халявное пиво, замогильный угар и вонь разложения, в том числе и морального, обещаем стопудово!

- Чё такое, чё играете? А кто? – народ малость оживился.

- Колбасим железный панк-рок, я на ритме, Патрон Дурь – ну, *вы наверняка не знаете* – поёт, то бишь воет, и бас мучает, барабила Кайф и две девушки, – тут он сделал многозначительную паузу, – оч-чень красивые девушки – Айрин – соло, и Джойс – скрипочка.

- А Патрон... как? – подал голос Бормотун.

- Патрон Дурь, или Дурь Патрон.

- Да, вон он – кто? Чё-то не слышал вроде...

- Дурь – Хозяин наш, - ответил Шут, и глаза его блеснули синими белками: - Старый-старый панк, ты знать не можешь, он давно-о в *глубо-оком андеграунде* тусуется. Ваще мутит щас интересную фишку втихаря, повезёт – ещё узнаете! – и зачем-то опять уставился на меня. А ночь сгущается, и так мне нехорошо от этих блестящих лихорадочных глаз... поспешно отвернулась – б-рр! – и наткнулась

взглядом на Король. Она страшно побледнела, скорчилась, будто ей желудок свело, и смотрит в одну точку расширенными глазами куда-то в землю.

- Ну ладно, народ, всех жду в Экваторе, раздача пива начинается в восемь. Приходите, особенно вы, девушка!

Я чуть не подпрыгнула, когда он мне руку на плечо положил и наклонился лицом к лицу. Ужас, страшный какой вот так вблизи, стопудово наколотый!

- Вас я за кулисы проведу, только в семь на входе будьте!

- Я зачем-то тупо кивнула – мама-бля! Да, конечно, тока вали скорее отсюда!

Он завёл мотор, я глубоко вздохнула, отходя от впечатлений, повернулась к Король – спросить, чего с ней, желудок? Сердце? Глядь, а её там нет, она уже возле Шута, за рукав его схватила, шепчет что-то, смотрит умоляюще, дёргается. Будто сейчас описается! Прокатиться, видно хочет.

- Слышь, а это не те Король и Шут, а? – кутая меня со спины в свою теплую, вонючую бензином косуху сказал прямо в ухо Гоблин. Я сморщилась, потрогала задетое в обострении ушко:

- Не знаю. Первый раз слышу.

- Такая парочка была, довольно известная, тока я смотрю – вроде она! А он – не он, колетса чтоль? У неё ирокез был рыжий, а щас чёрная! А Шут в позапрошлом году пропал куда-то летом, полгода обсуждали всей тусовкой, еле успокоились. Фиг знает, я на рожу-то его не помню, надо спросить у кого-нибудь!

- Нахер надо! – взбесилась я, тоже мне, интересно! – Мне пох, поехали давай!

Странно, но он не разозлился, а лишь немного понурившись, кивнул, и полез на байк. Шут совершенно плоско покивав на Машины умоления, скрылся. Она же бросив нам сухое:

- Пока! – пошла на остановку, звоня кому-то по мобиле. Этот пьяный чувила, что с ней сидел, ваще никак не прореагировал.

Да бог с ними, а мы поехали дальше. Гандон какой-то, всё настроение загубил! Или просто кумар слетел, но Шут этот – всё равно гандон! «Я вас проведу, бе-бе, ля-ля» - а мне это надо? Ещё с наркотищем связываться! Чё они там могут играть? Чё-то я афиш не видела, может и не будет ничего. И потом – ну не туфта – вход бесплатный! В «Экваторе», где мы на «Тараканах» по двадцатке за поллитра пива откидывали? Да пошёл он, глюконат на колесах! Везёт же уродам – такой Харлей! Эх... но с ним я бы и на Харлее прокатиться не согласилась, всего можно ожидать от такой рожи, причём непременно из гадостной области! Нет уж!

И вот, я стою в назначенное время, минута в минуту у «Экватора». Зачем? Хрен знает... сама никак не пойму! Что это со мной? Не собиралась категорически, а просто встала вдруг на лекции. Не знаю, и как в универе оказалась... и зачем попросила нового бой-френда меня домой вечером отвезти. Медовый месяц вдруг сдох сам собой. Гоблин слегка огорчился – пригрелся на моих теплых сиськах. С универа поехала домой, как сомнамбула, душ приняла тщательный, приделалась не глядя в зеркало в готический прикид - малоносимое, неудобное, но дико сексуальное настоящее средневековое платье (в Варшаве у пьяного по случаю родственной тусовки папы выпросила): шнуровка на талии, грудь открыта до самого неприличия, длинны такой, что пол метёт, рукава клешёные – красота!! Но красота пугающая, непанковская совсем, жаль будет такую суперскую вещь, если что! И осанку надо держать и за походкой следить. Ужас, короче! Под ним чулки и шортики – а чё вы хотите, холодрыга! Порывалась поверх этого великолепия натянуть старый добрый «косарь», но чё-то глюкнуло, и я достала ни разу не надетую оригинальнейшую курточку из магазина необычных вещей в Лондоне – на замочках и шнуровочках, с капюшоном и меховой отделкой... ну, блин, вы сейчас скажете - распалилась, тряпичница! А что делать, хочу, чтобы женская

половина читающей эту муть братии заценила данные телеги по-полной! Да и мужики, для кого рядимся-то?! А?!

Ладно, отвлекаюсь. Так вот, волосы собрала, лицо запудрила. Чёрный цветок в волосы воткнула. Губы в тон куртке, тёмно-ягодные. Ногти наклеила того же цвета. И этакая декадентка-истеричка поехала на такси, дабы не опоздать. Ужас! И вот стою, тупо нервничаю, сама себя в упор не понимаю, скурила полпачки безвкусных «Vogue». Выходит этот Шут, даже вышныривает как-то, по-крысы. Я оцепенела – весь чёрный, драный, но это ладно. Вот то, что ледяной – страшно стало, аж ноги подкосились, бежать захотелось неведомо куда, отсюда подальше! Но он опередил, подошёл. И прямо в лицо заглянув, под локоток взял, чуть не обнюхал, блин!

- А-а, пришла всё-таки!

Я почувствовала от него противный такой запах, травы-не травы, и чего-то искусственного. Само по себе ничего вроде, но в сочетании друг с другом гадостный эффект! Поволок меня, полузапуганную мимо охраны. Вошли в небольшое плохо освещённое помещение, где распихан по углам всякий хлам, плохо видно, что именно. Пара стульев, диван, со сползающим цветным одеялом – я усмехнулась невольно – вот уж точно на нём перебивало девчонок и алкашей всех мастей. Стопудово, что он изрядно заблёван и продавлен!

- Раздевайся, садись! – кивнул на него Шут, я механически подчинилась, озираясь – заметила ещё странные, аляпистые картинки по стенам, лифчик "вандер-бра" чёрный на гвоздике у двери, пустые бутылки под стульями, садистскую плёточку у зеркала-трюмо ... ох, зачем я пришла?

- Наши все на саунд-чеке, щас придут – веселее будет.

- А ты чего? – пискнула я.

- А я тебя, милашка, встречать вышел! – и нехорошо так ухмыльнулся. А может, они тут оргии забабахивают, с убиванием сторонней жертвы?.. Как бы расслабиться?

- Глотнёшь? – будто догадался, протягивает «Hennessy», отличный коньячок! Я автоматически взяла, задев вскользь его ледяные пальцы – меня всю передёрнуло! Станный, страшный и холодный – он всё же нарк! Как бы меня здесь не накололи чем-нибудь из того, что одной дозы хватает для полной потери воли на всю жизнь! Зашумели шаги, слышалась ржачка и глухое бреньканье неподключенной басухи – идут. Я замерла в напряженье. Шут сел на пол, заметила я краем глаза. Ввалились четверо – две девицы и два парня. На длинном чуваке в балахоне вроде сутаны, борода клинышком и две рваные косы по плечам – висела рыжая девица. Другая, черноволосая несколько коряво протопала на каблуках сразу к зеркалу. Последним был чувила в бандане и ничего особенного. Девица, та, что с «падре» лишь мазнула вскользь по мне взглядом и перешагнув через вытянутые ноги Шута полезла шариться в угол, ругаясь по-английски высоким, «упругим» голосом. Я позавидовала её темно-медным, очень длинным, до попы волосам.

- Патрон, это вот Дикая Дика! Сегодняшняя наша гостья, - и Шут многозначительно подмигнул мне. Я сдавленно улыбнулась «падре», он сел рядом, пристально разглядывая меня. Что-то тяжелое до невыносимости неуловимо роднило его с Шутом. Я вгляделась как могла на грани приличия, и поняла – у них глаза застывшие, не движутся, зрачки огромные, и чтобы разглядеть что-то, они не глаза, а голову наклоняют! Блин, во попала в гадюшник к героиновым! И эта неадекватность девок...

- Дика, значит так! Я – Патрон Дурь! – заговорил чувак в сутане, расплетая косички.

- Ты извини, я буду говорить и имидж наводить, а то времени не остаётся!

Я кивнула, как можно вальяжней – да мне-то что! Тока меня не трогайте, дайте вечер пережить!

- Да расслабься! Шут, дай-ка принцессе коньячку!

Потянувшись за предложенным, я заметила, как тёмно-медная презрительно передёрнула плечами, жирно крася губы над карманным зеркальцем. Ревнует!

- Да-да, Айрин, конечно, принцесса здесь ты, но наша гостя – *тоже не из простых!* – кивнул Дурь, будто у него что спросили, а Шут повернулся и шлёпнул ревнивицу по заднице. Та моментально развернулась и въехала с размаха отличную оплеуху. Эх, мне бы так Ветру, хоть разок! Рука у дуры не поднимается... Шут только расхохотался. Я смотрела, рот открыв и забывая отхлебнуть, на всё это: вот "Чувак в бандане" бандану снял, бородку пригладил и принялся палочки барабанные ножичком скоблить. Вот принцесса Медная как ни в чем ни бывало продолжила наводить штукатурку, очень густо. Вот Дурь с понтом дела золотым гребнем космы свои невероятные дерёт – оказалось, у него выбрит ирокез и сзади пряди очень длинные. Достал проволочку, начал перед другим зеркалом ставить роскошный гребень. Девушка черная волосы распустила – я чуть не упала – чуть не до полу, и две длиннющие, длиннее других волос синие пряди. Ох, какие они все необычайные, роскошные, колоритные и гордые! Я весь свой болезненный скептицизм растеряла! Мне всё больше здесь не нравилось – я-то кто? Лишь Шут просто медленно покуривал, затягиваясь чудовищно глубоко, будто великий смысл видя в этом процессе, Джа с ним! И какую-то непонятную траву – дымок переливается от синеватого к болотно-зелёному.

- Джойс, солнышко мое скрипичное, подай, плиз, детка, воск для хайров! – на столь длинную речь, чёрная не оборачиваясь резко протянула банку «Taft» Дурю. Ну, блин, я фигею всё больше! Марафет дальнейший они наводили молча и в сосредоточенной тишине. Я успела порядком поднабраться, размышляя, кто же первый из них меня сегодня трахнет – ведь не о поэзии эпохи Классицизма меня приперли рассуждать! Когда девушки достали из пыльных и тёмных углов какие-то невероятные тряпки и принялись на себя напяливать, Дурь уже что-то весело втирал мне - я даже не

заметила, как он рядом сел, будто выпала в параллель, наблюдая, как девки совершенно спокойно, типа так и надо, разделись догола, натерли сухие, астеничные тела с "резиновыми", стоячими маленькими грудями, чем-то похожим на вазелин, и без белья натянули рваные чулки – одна в сеточку, другая в полосочку. Дурь уже положил сухую узкую птичью лапку мне на бедро, так запросто и ненавязчиво, как и все прочие действия – вот он первым и будет! А что, раз главный здесь. Я отхлебнула добрейший глоток неотличимого от самогона на травах коньяка, передала баттл Шуту и в упор посмотрела на Дуря, столкнувшись с ним взглядом... едва о него не разбившись – глаза совершенно пустые немигающие и настолько чёрные, что зрачков нет. Ожгла резкая боль в самой середине мозга, и солнечное сплетение свело, будто в излишне туго перетянута корсете рёбра сошлись. Закашлявшись, отвернулась – трава, чтоль, их поганая? Предпочту разглядывать девиц – благо, есть что: чёрная сплела синие косы, одела темно-голубые, сильно линялые и истрёпанные бриджики, типа средневековых штанишек, и очень крупную «рыбацкую» сетку – соски нагло и откровенно торчат сквозь неё. Медная – в корсете, тоже весьма условно прикрывающем титьки, шнуровка на животе – всё видно насквозь, и к нему рваная-перерванная, будто тлеящая шелковая юбочка – wow, тож такую хочу!! Обе очень густо наштукатурены.

- Нравится, киска? – проникновенно шепнул Дурь на ушко, придвигаясь вплотную.

- Да! – на отрываясь ответила я.

- Отыграем, - тут он сделал эффектную паузу, и я в момент смекнула о чём он, - выберешь себе что глянется!

Я механически кивнула – будь что будет! Правда, наряды очень клёвые – словно в могилке пролежали основательно. И девки такие... мёртвые! Не знай, что это не так – непременно испугаешься. Я вот знаю – и то как не по себе! Пью, пью, а хмель не идёт.

Девушки очень густо набрызгались тяжёлым роскошным парфюмом, который подошёл бы стареющей благородной матроне, а уж никак не девушкам лет восемнадцати. Но они, видимо, так не считали, и полились столь щедро, что в воздухе туман повис, и я снова закашлялась, доставая сигарету – перебить хоть немного. Эх, надо было крепкие «More» купить. Эти «Vogue» совсем слабенькие, чего я их всё время курю?

Весёлая компания уселась кружком, Дурь отделился наконец от меня и сел к остальным на пол. Меня не звали, и я осталась на диване. А эти принялись толково, со знанием дела забивать вонючую траву, шишки какие-то чёрные. Уже голова болит, как они тут не загнутся? Ни вентиляции, ни окошка даже! Дверь закупорена. Чё за уроды вообще? Охренеть, они забили каждый по целому косяку. И курят, будто это бытовая «Прима»! Чисто мужики на завалинке. Тянут, не косеют ни капли, перебрасываются пустыми фразами. И чё это такое у них? Я под села поближе, протянула руку к Дуреву косяку, чувствуя себя наполовину своей – он же меня трахнуть собирается! Почти родня на один вечер! Но он резко отдернул руку, и сухо бросил вполоборота:

- Тебе нельзя! Живые легкие сильно сушит!
- А-а, нифига себе! А сами-то курите! – захандрила нетрезвая я.
- А нам можно! – с понтом сказал Шут.
- Нужно! – захихикала Медная.
- Чего это вдруг? – не унималась я. Обидно всё же!
- Дикочка, лёгкие - хорошо - сушит! – разделяя слова, как ребёнку втолковал Дурь.
- А чё, у вас они мокрые?

- Вроде того, - согласно кивнул он. Я ждала – кто-нибудь захихикает, но все лишь сосредоточенно дотягивали свою вонь. Ну и чёрт с вами и вашей гадостью! Тока нарядик такой вот милый подарите! И трахаться может не придётся – укурятся наглухо, и слава богу! Совсем не хочется сегодня этих приключений... сбегу

спокойно. Зря, зря я всё же пришла! И запив большим глотком конька, утвердилась в мысли – зря!

- Да ты не дуйся, пуся, просто живым и правда вредно!

Эта фраза, наконец, вызвала всеобщий смех – ага, пошли шишки!

А Дурь похлопал дружески меня по колену, и взялся за очередную страннейшую процедуру – достал бутылку кукурузного масла, и отпил крупный глоток. Вот урод! – потом налил в сложенную лодочкой ладонь немного, и... Вдохнул это! Ужас. Чё творится?

- Ну, ребятки, время! – кивнул он направо и налево. Ребятки зашевелились. Медная тоже хлебнула масла, и принялась пробовать голос - от низких нот до средних, слегка фальшивя. Глотнула ещё, дело пошло заметно лучше. Но высокий регистр не брала, только когда Шут схватил её сзади за талию и облапал грудь – взвизгнула, что твоя скрипка!

- Вот как можешь! – похвалил он довольный выходкой, готовый увернуться если что. Но оплеухи не последовало, девица выкрутилась и вышла за дверь.

- Айрин! – окликнул Дурь, она вернулась. Он со смачным хлопком откупорил баттл тёмного стекла, три раза хлебнул сам, облизнувшись, и пустил по кругу. Все отпивали скромненько, не больше глоточка, чуть шугано косясь на Дуря. Когда баттл снова пришёл к нему, я подкралась желая тоже хлебнуть, он механически передал мне – я поднесла ко рту, и в лицо омерзительно пахнуло... кровью?

- Блядь, чё это? – не удержалась я.

- Э-эй, куда? Это тоже не для гостей, пей свой коньяк, девочка! – унизительно прикрикнул этот долбанный патрон, грубо вырывая баттл из моих ручек. Я растерянно стояла, офигевшая, потерянная, стукнутая и оскорблённая. Да что же творится здесь? И голова как разболелась...

- Всё, ноги-ноги! – скомандовал Дурь, и банда потянулась за ним на выход. Последним шёл Шут с Фендером на плече. Я стояла, не зная, что мне-то делать?

- Кис-кис! Пошли! – потянул за талию Шут, подмигнув. Я слегка отмякла – да всё нормально. Какая на хрен, кровь – просто дешёвое пойло и трава эта их смешались таким причудливо-гадостным ароматом. Всё путё-ом!.. И ноги уже несколько заплетаются... я наконец пьяна. А Шут здесь самый хороший – ведь это он меня сюда привёл, и сейчас не оставил в страшной, душной и тёмной комнатке-гробу. Вот, точно – гроб, и пахер такой тяжкий над всем витает, разложения....

Нет, всё, Шут, уведи меня отсюда скорее!!

Спотыкаясь, пошла за ним в темноте. Стра-а-ашно... прошли мимо охраны, Дурь поздоровался с ними, панибратски хлопнув по плечам.

- Всё, здесь садись и смотри, неудобно будет – положи под спину вот это! – протянул Шут одеяло. Я осмотрелась – мне предоставлялся широкий деревянный ящик. Села – вроде ничего, удобно пока. Спиной опёрлась о стену. Сцену видно отлично, сбоку слегка. Чтож, интересно, под таким углом мне любоваться концертами ещё не приходилось! Клёво даже, собственно говоря! Напоследок Дурь сунул мне в руки бутылку с остатками коньяку, послал воздушный поцелуй, Шут подмигнул, и они все рассредоточились по тёмным углам сцены. Меня оставили одну, сосредоточенно ждать представления. Судя по шуму, народ уже запускали помаленьку.

- Ты тут с Шутом? – голос над ухом заставил меня подпрыгнуть, больно ударившись о какую-то хрень в темноте. Надо мной склонилось дружелюбное очкастое лицо, так сразу и не понять, парень или женщина.

- Ага, с ним! – вынужденно улыбнулась я.

- А я фоткать их буду сегодня!

Присмотрелась – всё же девушка. Коротко стриженная, тощенькая, и голос хриплый. Вроде типовой лесбиянки. Ну и ладно, я против них совершенно ничего не имею! Сама не гнушаюсь подобных приключений, так что...

- Можно, я сяду рядом? А то пока тыр-пыр, пока начнётся стоять тяжело! – смешно наморщила нос моя собеседница.

- Да, пожалуйста! – я охотно подвинулась. Всё не одна в этих темных джунглях!

Я предложила ей свой коньяк, она мне сигареты, и ждать стало веселее. Ее звали Салема, то ли имя такое, то ли погоняло непонятное, я спрашивать не стала. Хотела было поболтать с ней подольше – чем-то глянулась, но не успела и последнего глотка сделать, как она вскочила, доставая фотокамеру:

- Ой, бля, смотри, пора работать! Начинается!

Я поставила баттл на пол, и уставилась на сцену. Чё-то я совсем уж пьяна, всё плывёт куда-то прочь... так что за точность описания дальнейшего действия не ручаюсь. Если кто там был, то поправит, где совру!

Перво-наперво, выскочили с двух разных концов девицы, на руках и колесом. Я смотрела удивленно – надо же, и как в волосах не запутались? Блокбастер какой-то. Остановились посреди сцены, у микрофонов. Джойс подобрала скрипку с пола, а Айрин гитару. Народ изумленно ахнул, и секунду спустя, зашёлся в вопле диких обезьян! Девки начали постепенно тихо наигрывать каждая своё. Под этот аккомпанемент из темноты выступили с самыми мрачными рожами Шут с басухой, и чувак-барабанщик с палочками. Посмотрели в зал, будто в чём-то подозревая, и разошлись по местам. Тоже начали подыгрывать девицам. Музыка всё усиливалась, и когда уже конкретно разыгрались, на освещённую середину площадки, к пустому центральному микрофону эффектно выпрыгнул сам Дурь, как чёрт из табакерки! Потрясный эффект!

Дальше – больше! Я не успевала фиксировать происходящее, с такой быстротой картинки сменяли одна другую. Вот Дурь вопит жутким голосом на небывалом языке, размахивая рукавами сутаны, перекрещивая зал, как в сатанинской мессе. Вот Шут выплясывает нечеловеческий танец горящей марионетки, успевая вполне связно играть свои партии. Джойс выпиливает так, что обалдеть можно! Дурь подходит к Айрин сзади, и срывает с неё одним широким жестом рваные обноски одежды. Она остаётся совершенно голой! О, чёрт, круто! Она бросает гитару, и извиваясь всем телом, поёт по-английски, непонятно что, и голос её звучит великолепно, хрипло, мощно, а потом вдруг сразу звучно и высоко, как у какой-нибудь нехилой оперной дивы! Разобрать можно только «Death, fucking-fucking death – forever in the Earth!!» в припеве. Дурь целует её в шею, и лижет блестящие в острых лучах соски, а потом вдруг орёт в микрофон, перекрывая на раз дикий рёв зала:

- КРОВИИИ!!! – и поливает всех тёмно-алой, густой жидкостью, тяжело падающей на головы и лица танцующих адские танцы у края сцены и далеко в беспросветно-тёмной глубине зала.

Зрелище разворачивается подобно шторму, накатывая всё более и более широкими волнами, и захлестывая зал, и меня, и вообще весь мир к чёртовой матери!

Это АД! Настоящий сатанинский угар, и наверняка, будь Князь Тьмы здесь, среди обезумевших участников-свидетелей шоу, он нехило оторвался бы! Кажется, я тоже плясала в своём уголке... если бы я ещё помнила...

Но, как оказалось, сам концерт был ещё не самым главным на сегодня. Когда «Дети Смерти» отыграли на бис, полностью оправдав своё название, и вернулись за кулисы, подобрав угоревшую меня по дороге и заломились, буйно хохоча и продолжая беситься в гримёрку, началось такое!!! Сперва-то вроде нормально, попили вискаря с какими-то всякими-разными неизвестными, вроде работников клуба, но потом, когда лишние люди были выдворены, и дверь надёжно прикрыта...

Чтобы говорить об этом, или даже просто думать, мне приходится закрывать глаза, и сцеплять пальцы. Ужасно... ужаснее со мной пока ещё ничего не происходило. И почему я не успела вовремя остановиться, и выскользнув, уйти домой?

Радует только, что я не помню цельного полотна, а одними лишь яркими цветными обрывками, оставляющими ожоги на душе. *Джойс подошла ко мне первой, и неожиданно глубоко поцеловала меня в губы. Я слегка обалдела, но ответила – шоу маст гоу он?? Потом Дурь полез мне под одежду, вставая на колени и раздвигая мои ноги. Я не сопротивлялась, и он принялся без переходов лизать меня.*

Всё мелькает в голове, сменяясь кадрами одним за другим, как в цветомузыке на инфернальной дискотеке.

Они трахали друг друга, со стонами и выкриками, целовали и лизали меня все вместе, да так жадно...

Самое мерзкое, что если язык Дуря был ещё таким теплым и откровенным, даже возбуждающим, то уж член его забыть невообразимо трудно. Чудовищно твердый, он причинял зверскую боль, и был таким холодным, будто из ледяного камня! И у Шута такой же... Чёрт, я ещё и сама просила! Как я могла? Как я вообще сумела вынести такое?? Тупая извращенка. Я наслаждалась, я стонала и кусала губы целующей меня в это время Айрин, и в рот мне лилась холодная солёная кровь. Почему же они такие все холодные? – терзает меня вопрос в отходняке... А в это время барабаничик кажется, я не видела, трахал её сзади, пока она склонилась надо мной.

Это чудовищно, извращено, и ни капли не похоже на обычную групповуху. Это оргия вампиров, хрен бы их побрал! До сих пор аукается каждое движение болью, и я боюсь, как бы внутри мне что-нибудь не повредили!

Я ни за что бы не согласилась повторить *такое*, но боже господи, и чёртовы ангелы его – как же я наслаждалась, умирая, разрываясь на кусочки невыносимостью, погибая от боли, бескомпромиссной и

зверской! Выжить казалось невозможным, но приползла домой, и вот я здесь, с сигаретой в зубах у себя в комнате, замерзаю и покашливаю, содрогаясь от воспоминаний, на которые едва решаюсь, и, блядь, как же мне хреново... настолько же, впрочем, как было страшно, мерзко, и насквозь разрывно-порясающе было вчера...о, блядь, блядь, бля!!!

Повтори со мной такое Ветер – я б его убила! А он так и не сможет. И слава создателю, слава, что многие, очень многие люди, теплые и настоящие, на такое в принципе не способны – даже извращенцы! Даже очень стоящие извращенцы! Как я рада этому, ведь значит, есть большой-большой шанс никогда больше не встретить на своем пути ещё хоть одного такого, как чёртовы совершенно мертвые *они*.

Мне очень больно и отвратно. До чего же я докатилась, чёрт бы побрал всю грязную шваль, с которой я путаюсь! Отмывалась долго и тщательно, всё хотелось выскрести из себя эту мерзость. Пиздееец...

Лишь бы не вспоминать прошедшее приключение, врубила бездумно комп, и руки сами потянулись, нашарили почти слепо папку с клипами. Пересмотрела несколько каких-то, даже не фиксируя, чего. Остановилась только на «Sonne» «Раммштайна». Это оказалось то, что мне сейчас нужно! Поставила на бесконечное воспроизведение, и застыла с пачкой сигарет в руках. Я нагло курила прямо у себя в комнате, додумавшись приоткрыть окно, лишь когда это было уже бесполезно – повесь топор, висел бы точно. Теперь всё провоняет, и ныкаться от предков не будет смысла. Ну и хрен бы с ним. Мне всё равно. Я больна. Я разорвана. Я заразилась какой-то поганой байдой. И теперь разлагаюсь... *"Я разлагаюсь, какдохлаякошка, чтоподколёсамиспатьулеглась..."* А клип перед глазами непрерывно, всё одно и то же, одно и то же. И буду так сидеть, пока вконец не обрыднет. Но что-то никак! Смотрю подряд уже, наверное, несколько часов, покуривая. Классный

клипец! Потрясный! От него у меня остаётся чёткий вкус садомазохизма. Я бы сказала, это даже может стать классикой! Охренительный клип! Особенно тот момент, где хрустальный голосок вливается в грубую музыку. А каков прикол – гномы настоящие накачанные мужики, только крошечные, всего до талии Белоснежке! Эта чёртова кукла Белоснежка, ах как обыгран её образ! Бьёт гномиков, прямо откровенно, по голой заднице шлёпает, и пока один получает свою порцию кренделей, все другие стоят и смиренно ждут своей очереди. Следующий даже штанишки спустил уже! А какое у него при этом личико, видно, что боится, и при том дожидаться не может! А как они на неё смотрят, пока один чешет её длинные чёрные волосы золотым гребнем! Со страхом и вожделением, хотя того, чего нельзя никак и никогда – да собственно, они бы и не смогли, они же маленькие, а она нормальная! А этот момент - когда Госпожа Белоснежка умирает, обширившись золотыми пенками! Покинутые маленькие мужички-дурачки горько плачут, не в силах представить, как жить без неё!! Без злых пощечин, унижений, без той, кто заставляла их валяться в грязи у её божественных ног! Какое искренне огромное горе! Нет бы радоваться, что больше этого всего не будет – так они же режут из-за этого, что некому больше их ломать! Маленькие гномики – мазохисты! Садо-мазо-красота!

И мне бить бы Ветра плёткой! Такой тонкой, ягнячьей кожи – она мягкая и хлёткая, бьёт больно, а следов не оставляет. Ну, или хотя бы виниловой, блестящей и угрожающей на вид, с тремя витыми хвостами. А он стоял бы на коленях, и не смел смотреть на меня, повинувшись запрету даже глаза поднимать на Богиню. Я бы всё-о-о ему вернула!! Да вот только где бы такую достать? Задача. Типа, вроде можно и в Уфе, как кто-то из знакомых говорил недавно на улице. Просто разговор зашёл про то - про сё, да про местные секс-шопы. Но я в них не хожу – была раза два, покупала наклейки на язычок, шершавые, для орального баловства. А так-то мне не нравятся эти лавочки провинциальные – никакого изыска,

безыскусно всё и бедно. То ли дело в Москве! Конечно, тоже не в каждой дыре можно найти искомое, если запрос не самый бросовый, но там можно зайти в какую-нибудь более-менее крупную точку, и спросить всё что хочешь, и расскажут много нового! Если поймут, что ты не кто попало с улицы, то со всем уважением, чуть не раскланяются, порекомендуют, продадут. Я не выпендриваюсь, я просто знаю.

Значит, надо ехать в Москву-матушку. Сейчас. Немедленно. А почему нет? Вот так, совершенно спонтанно.

Сказано – сделано, и я встала бездумно, достала бэг, вывалила из шкафа все вещи, и принялась собираться: балахон, две пары носков, бельё в пакетике, немножко денег наличными, паспорт, МРЗ-флэшка, чтобы не скучать по «Шмелям» и «Стёклам». Чистая футболка, фляжка коньяку, ещё несколько нужных мелочей, типа ножика-бабочки и зажигалки.

Всё, пока, мой чёртов дом родной! Не ждите меня скоро.

Ничего не сказав маме, оделась, и выскользнула за дверь.

На улице обнаружила, что уже вечер... Не поздно ещё, но шансов уехать на сколь-нибудь приличное расстояние немного... А обратной дороги нет! Я запретила её себе сама. Остаётся только встряхнуться, и вперёд на трассу.

Мне не было страшно. Мне было весело. Первый раз одна на дороге! Я знала, что доберусь благополучно, и повеселившись от души, без проблем вернусь домой. Я не заболею и не пропаду в дороге. Меня не изнасилуют, не покалечат и не убьют. Напротив, я стану богаче на целое огромное приключение! Все стопщики думают так. Должны думать, иначе не решишься на такое никогда. «Уверенность в своей безопасности+интуиция=успешная, весёлая поездочка» - вот обычная формула автостопа, с которой такие придурки как я, и ещё более отчаянные выходят на трассу. И те, кто в прекрасном настроении и восторге возвращается домой, мечтая повторить. И те, кто теряется чёрт знает где, и потом их тела долго

не могут передать родне, потому что при них не найдено документов...

Первый водила подкинул меня километров на тридцать всего. Поудивлялся ещё, куда я в такую пору? Нифига не поверил, что в Москву. Но удачи пожелал. Потом ещё двое - чувак с девкой сразу подобрали и намотали что-то около пятидесяти. Когда я покинула их уютную тачку, оказалось, уже глубокий вечер, практически ночь. И трасса пуста, как мои институтские тетради за полгода до сессии... я осмотрелась в поисках хоть какого-нибудь местечка для ночлега – нет, лысо! Ни кафешки какой, на даже кустов на обочине. Пикец. Издалека, от поворота показались высокие огоньки – фура! Я встала стопить, отчаянно рискуя. Ночью на трассе, одинокая девчонка... но я ни о чём пока не жалела, доверяя стопщицкой интуиции. И главное, замерзая от вечерней сырости, и уже голодная. Выручай, русский авось! Не зря меня зовут Ивана.

Огромный импортный «камазообразный» грузовик (я в них совсем не разбираюсь!) лихо притормозил, чуть обогнав меня. Дверь открылась, высунулась весёлая рожа молодого парня:

- Эй, залезай, чего тормозишь!

Я радостно подхватила торбу, и устроилась на пустом высоченном сиденье рядом с водилой. Удобно, мягко очень, пружинит. А главное – тепло! Парня звали Сергей, и ехал он как раз в Москву! Мне везло несказанно! Значит, не надо будет менять тачки, и терять время в ожидании следующей! Мерзнуть, голодать, рисковать – всё это отпадает. Если тока, конечно, этот попутчик окажется не долбанным извращенцем и придурком. Я исподволь изучала его, пока он трещал о том–о сём. Вроде ничего. Глаза добрые. Но мне ли не знать, какие добрые и ласковые глазки у самых отпетых негодяев? Как бы то ни было, а расслабляться не стоит. За два дня до столицы может всякое случиться.

Но Серёга оказался вполне нормальным парнем – намекал на более близкое общение только в шутку, никаких действий не предпринимал, много смеялся, вспоминая всякие случаи «с вашей

братией дорожной», то есть стопщиками. К полуночи даже накормил меня, приостановившись у круглосуточной заправки. Принёс мне мороженого, пирожков, шоколадку, газировку и ещё всякой такой фигни, которую обычно суют детям желая порадовать. Ещё всё сокрушался, что я не водила, и не могу побыть его напарником, заменив на время, пока он поспит. Останавливаться специально на сон он не мог, время поджимало всерьёз – что тоже порадовало, значит, будем гнать как бешеные, и ещё быстрее достигнем цели. Но и мне спать не давал, заставляя болтать, рассеивать его сонливость. А я уже еле-еле держалась, измотанная дорогой, и едва могла припомнить хоть один прилично смешной анекдот. Приходилось на ходу сочинять какую-то чушь, якобы пережитую мной на трассе. Когда держаться не было больше сил, Серёга сжалился, и отпустил на покой, кивнув куда-то себе за спину:

- Лезь туда, там постелено! Тока ботинкиними!

Как же повезло, что Серёгин обычный напарник заболел, а другие все в рейсах, и так сложилось, что он за двойную плату едет один! Мне места больше, и опасность ниже. Можно спокойно смежить опухшие веки, и наконец поспаааать...

Я завалилась блаженно в закуток за шторками, и мгновенно уплыла в иные измерения. А там такое... *сны я видела чудовищно-сексуальные – в них участвовала Джойс, юная принцесса, живая вполне, красивая и невинно-нежная, и Дурь – святой отец. Она исповедуется ему, в какой-то ерунде, что-то вроде того, что она была непослушна со своей матушкой, и плачет. А он назначает ей наказания за грехи, всяческие извращенные. То ставит её на колени и бьёт плёткой по голым плечам и груди. То трахает прямо в исповедальной, приговаривая всякие гадости... и ещё много чего, догадайтесь сами, страшно расписывать. А однажды вдруг поднял глаза от уже просто откровенно кайфующей «грешницы», прямо на меня, и говорит:*

- А теперь ты, повинись в грехах своих и разврате!!

Вздвогнув, я просыпалась вся мокрая от этих снов, и дико возбужденная. Кошмар какой... И «как могут пионерке сниться такие сны?», как говорила мама героине советской сказки. Протерев глаза, вылезла на свет, поздоровалась с Серёгой. Он улыбался, как старый друг:

- Привет, соня! Жрать не хочешь?

Хороший мне попутчик попался, всё же! Редкостный человек! Везёт молодую сексапильную девчонку, и даже слова не сказал грязного! Только повздыхал, больше в шутку, мол, жаль, что я такая молоденькая, а то бы он чего-нибудь предпринял! Но в тюрьму не хочется! Да уж, знал бы он, что я просто так выгляжу молодо, а на самом деле мне девятнадцать! Я уж поглядывала на него искоса – может, намекнуть ему, снять сексуальное напряжение? Эти чёртовы сны меня просто сушат! Но нет, конечно, не стала, удержалась. Стыдно, товарищ! Не буду здесь трахаться, мало ли что? Зараза всякая, да и гадковато с кем ни попадя... и даже ручки не совала между ног, хоть и очень хочется, но они же грязные! Только ночью, на стоянке, пока Серёга ушёл куда-то с дорожной девкой, я тайком ласкала себя через джинсы.

- Сплюшка, вставай, подъезжаем! - заорал Сергей над ухом, хоть я и так не спала давно, просто вид делала, чтоб не разговаривать. Не знаю уже, что говорить! Надоело!

Взглянула на часы – ух ты, всего за тридцать два часа доехали! Круто! А осточертело, будто все две недели пиликали!

Он высадил меня где-то на окраине, «рабочей, городской». Попрощались přátельски, и я пошкандыбала, едва разгибая болезненно затекшие ноги, искать места, где можно прилично нажраться, чтоб всерьёз и надолго. Прочапала километр наверное, прежде чем наткнулась на задрпанную кафешку. Картошка жареная, обычная – одна порция сто тридцать рублей!! Ну, привет, Москва!

Наелась, покурила, закупила сигарет и воды, и вперёд, искать спуска в подземку. А там уж сориентируюсь!

Целый день я моталась по знакомым местам – стена Цоя на Арбате, переход метро на Охотном Ряду, где раньше лабал знакомый панк Комар, ещё парочка сомнительных дыр, в прошлые приезды встречавшие меня весёлыми попойками – никого! Будто вымерли нахуй! И куда теперь идти, где рыскать? В какие края переселились? Телефона ни одного не знаю, у меня же «симка» новая. Я так спешила убежать, что не переписала ничьих координатов. Теперь только на удачу полагаясь, тащиться куда глаза глядят.

Еще раз пожрала, и пошла гулять пошло и банально по Красной Площади. Устала как чёрт! Ноги уже не носят. Где вписываться ночевать – не представляю. Наверное, пойду на вокзал. Только там ведь надо обратный билет предъявлять... не знаю, сил нет думать. Просто тупо села на лавочку, курю. Тут они и подошли – трое парней и одна девчонка. В самом лучшем узнаваемом панковском прикиде. Один светленький, с ирокезом сразу мне понравился. Двое других – один невысокий и тощенький, и длинный в очках, с ужасно деловыми манерами. Про девчонку особо нечего сказать, обычная средняя панкушка – тёртые джинсики, ботинки-гадёныши, косуха и драные волосы. Им было лет по семнадцать-восемнадцать, и они откровенно лакали пиво из баллона, забивая на новый закон об ограничении распития спиртного в общественных местах.

- Привет! – протянул руку длинный, улыбаясь: – Ты не здешняя?

- Здарова! – я подала ему руку в ответ. – Не-а, я стопом только сегодня из Уфы!

- А-а, из Уфы! – понимающе кивнул пацан.

- Это которая на границе с Украиной? – спросил тощий и мелкий. Я чуть не грохнулась:

- В каком смысле? – ну, не дураки ли? – Это в Башкирии!

- В какой Башкирии? – искренне удивился длинный.

- А я знаю! – подала наконец голос девчонка: - Оттуда Белка родом!

- Белка? – посмотрела на нее «главный» (так про себя я определила длинного). – Так это откуда Белка, что ль?

- Ну, да! – обрадовано закивала я: - Кажись, допетрило?

- Да типа того! – усмехнулся длинный: – Тогда давай знакомиться! Я Психованный! – и он протянул мне визитку. На ней красовалось синим по серому: «Псих Ованный, врач-панкотерапевт, чокнутый музыкант. Координаты: тел: (такой-то), мэйл: *PsiXOvany@yandex.ru*».

- Дика! – кивнула, закуривая я.

- Спазма! – подала мне руку девка.

- Зелёнка! – сделал то же самое мелкий пацан.

- Доктор! – красиво улыбнувшись, подмигнул мне самый симпатичный светленький. Я улынулась в ответ.

- И за сколько ты добралась сюда от Уфы?

Они расселись вокруг меня, причём Доктор присел на корточки напротив, не отрываясь глядя на меня. А я ему нравлюсь!

- Да часов за тридцать где-то! – пожала плечами я.

- А километров сколько?

Ну и далее разговор пошёл в таком духе. В общем, народ они неплохой, не вредный на первый взгляд. Глядишь, будет где вписаться. Хорошо бы у этого светленького Доктора! Он уже сидел рядом со мной на лавочке и был самый разговорчивый. Мы допили с ребятами их пивасик, взяли ещё, и отправились бухать неизвестными закоулками, через дворы. Шли, пока не наткнулись на помойку, где и решили остановиться. Сели на гнилой диван прислонённый к стеночке между помойкой и гаражом, откупорили пивас. Наконец можно было вытянуть ноги – кайф! Так и сидели, попивая и хохоча хрен знает над чем, болтали о различиях неферской жизни в разных столицах – Башкирии и России. Между тем, заметно стемнело. Уже и сырость поползла, и сумерки сгустились настолько, что даже лиц сидящих рядом Зелёнки и

Доктора не различить толком. Только по светлому ирокезу и видно, что справа Доктор, а слева, стало быть, Зеленка. Пиво кончилось. Спазма засобиралась домой. Поднялись и парни.

- Слушай, Дика, а тебе, наверняка же вписаться негде? – спросил наконец о больном Псих.

- Да уж, это точно! – усмехнулась я, не вставая. А зачем? Если не позовут сами, значит некуда, и напрашиваться не стоит, останусь здесь! А что местечко вроде тихое, закрытое. Завалюсь на диванчик, укурюсь курточкой с головой, и доживу до утра.

- Тогда пошли с нами! – обрадовался Доктор.

- Пошли! – ретиво вскочила я: - А куда? – и какая разница? Но так уж, приличия соблюсти.

- Да сейчас Спазмочку проводим до метро, потом ещё бухла возьмём, проверим, нет ли кого в переходе, и ночевать куда-нибудь! – расписал соблазнительные перспективы Псих. - Согласна? – заглянул в лицо синими глазами Доктор.

- Конечно! – кивнула я. – А бабло у вас есть?

- Да не особо, - пожал плечами Псих. – А чего?

- У меня вроде того, что есть! - пространно сказала я. – Просто, жрать хочу, пинцет! Последний раз хрен знает когда!

Ну, посидели на лавке у подъезда, пожрали, свиняча крошками и майонезом колени и асфальт. Когда совсем уж стемнело, полезли в подвал. Там устроились на каких-то грязных тряпках, а мы с Доктором на выломанной двери. Он обнимал меня, и было теплее, хоть и неуютно. Когда двое приятелей заснули, мы долго ещё болтали и целовались, под бесконечное пиво, и поминутно бегая в уголок избавляться от выпитого. От разбитого окна тянуло сыростью. А и то лучше, чем где-нибудь на улице, с ментами или бомжами. Хотя, здесь ничуть не лучше бомжатника. Нет, я вовсе не жалею. Валяюсь тут в темноте на жёстком кривом дереве, с симпатичным мальчиком. Лапаем друг друга, шушукаемся. Пока нас не заткнул потревоженный Псих, сказав, что спать не даём.

Между делом, я спросила, а почему мой симпатяшка именуется «Доктор»? Он ответил, глядя в сторону, и нехорошо улыбаясь, что учится на химфаке, и у них в лаборатории всегда полно реактивов разных, совершенно никем не учитываемых. И понятное дело, к чему это приводит.

- А к чему? – жутко ступила я. Ну, так не могу же я всего знать, и обо всём догадываться сходу!

- А к тому, - ответил он, посмотрев почему-то на мои губы, – что молодежь потом задешево, а кто вообще и задарма не только скуривается, спивается, но ещё и беспрепятственно снюхивается.

Тут он поцеловал меня жадно, я ответила, но хотелось уточнений, и пришлось отстраниться:

- Так и чё же?

- Дика, ты или дура, или... но впрочем, очень красивая и соблазнительная дура! – он полез мне под одежду.

- Ну скажи! – пошла на шантаж я, чувствуя, куда дело клонится. Ну и ладно, я не против!

- Хлороформ! – пробурчал он, расстегивая мне джинсы.

- Так он же для покойников!

- Ну да, для них самых! – усмехнулся он, продолжая начатое. Я помогала. Нихрена он не для покойников, для них формалин!

- Его берёшь на вату, вату на лицо, и дышишь! – тут он задышал мне в ухо, показывая как. А меня это жутко возбуждает всегда! Вот будто знал!

- И чё? – спросила я расслабляясь, и помогая ему раздеться.

А пила ли я сегодня таблетки? Вроде того... ладно, потом разберусь.

- И то, - он уже влез руками мне в джинсы. – Такой кайф небесный, что твой оргазм!

- Мой оргазм? – переспросила я, ёжась от сладких мурашек: - А где же он?

- Сейчас, сделаем! – выдохнул он, прижимая меня к себе, тёплым животом. Ух ты, люблю безобразия!

Оргазма, конечно, в таких условиях не словить, но приятно было даже очень!

На утро выползли, дрожа от жутчайшего холода, грязные, как свинюшки, голодные, бледные с недосыпа и похмелья. Тело ломало всюду, от жутко неудобной ночёвки. Попробуй-ка потрахайся на грубой деревяшке да в стылом подвале! Псих обругал нас с Доктором последними словами, за то, что не давали спать, вздыхая как распалённые собаки в темноте.

- Чувак, это любовь! – смеясь, ответил ему Док. А маленький Зелёнка только молчал и хмуро ёжился.

Нарыли чего-то поесть и похмелиться. Солнце наконец растопило прозрачный туман, стало веселее.

Потом Док позвонил кому-то, и долго ругаясь, напрашивался в гости.

- Тут девушка, стопщица, чувак, пойми! – нажимал он: - Как чё, ей же помыться надо! Слюни мои смыть хотя бы, - подмигнул он мне. Ну и придурок, блин! Каков великий понт – трахнуть стопщицу-панкушку! Но он мне всё равно нравится. А это ведь ни от чего не зависит.

У этого неизвестного чувака мы и остановились коротать денёк, до прихода предков. Звали его Жетон, и он смуро поглядывая на нас, просил сильно не барагозить. Но тут же сам уселся за комп, и врубил музон так, что оглохнуть не составило бы никакого труда! Вообще, оказался не плохим, нарыл чего-то пожрать. Потом я помылась. Когда вышла свежая и довольная, народ уже накуривался, по запаху анашой. Я присоединилась охотно. Травы было мало, и лишь слегка поплыв, мы с Доктором завалились спать. Но этого, однако, никак не выходило – он лазил мне под одежду, и городил какой-то отборный бред, от которого я хохотала как чокнутая, не в силах остановиться. Кажется, эта трава сумела-таки сделать своё дело!

- Слышь, Жетон! – мне пришла светлая мысль: - А у тебя «Стёкла» в компе есть?

- «Стёкла»-то?? Базаришь! – наконец просветлел он: - Воткнуть?

- Втыкай, конечно! Ты чё, это же ваще чума!

- Ага! Я по ним уже года два тащусь! На все концерты хожу! – повернулся он ко мне, радостный.

- Реальнейший панк! – поддержал Доктор: - Я с ТорКером как-то общался лично!

- Да ты чё, серьезно? – удивлённо посмотрела я.

- Ага! – кивнул он, довольный эффектом.

- Это когда в «Релаксе» что-ль? – спросил Псих.

- И как он? – добавила я.

- Да так, реальный чел ваще-то! – продолжал понтоваться Док: - Простой в общении, не выёбывается!

- А он с Жанной был? – у меня аж сердце свело!

- С ней! – кивнул Док.

- А она?

- Чего она? – переспросил Док.

- Ну, какая вообще?

- В тот раз рыжая была, если ты об этом!

Да уж, мой экстравагантный Жасик периодически меняет цвет и длину волос!

- А ваще, тебе как, песни или книги Жанны больше нравится? - спросила я Дока, волнуясь отчего-то.

- Не, ну это ж разные темы! - с видом знатока пожал он плечами.

- Не скажи! - встрял Жетон: - Что то, что это - всё панк, тока на сцене Жанна пляшет, и вместе с Торкером, а в книгах пишет, всё едино про него же, ну понимаешь, способы выражения одной фишки разные!

Тут они малость поспорили, есть ли разница, и насколько она ощутима между двумя проектами моей любимицы. Ни к чему так и не пришли, а только полчаса обменивались восторженными мнениями о книгах и "Стёклах", и пели песни. Я балдела – клёво! Круто!

Потом откуда-то появилась вчерашняя девчонка Спазма. Послушала, о чем мы трещим, и сказала:

- Так я знаю, где они живут!

- Торк и Жанна? – завопили мы с Жетоном в один голос: - Где??

- На Китай-городе! Я не знаю, как там улица называется, но так найду, если чё!

- Ну да, откуда знаешь? – не поверили мы.

- Да так вот, знаю! – неопределённо пожала она плечами: - Только их в городе сейчас нет, они куда-то смылись!

- В Новгород, на гастроли! – сказал Жетон, - я в инете читал сегодня ночью!

- Блин, жаль, а то бы сходили, посмотрели на них поближе! - разочаровался Доктор.

- А ты чё раньше-то молчала? – почти крикнул Жетон.

- Да так, а надо было? – пожала плечами Спазма: - А вы чё, траву курили? А мне?

С ней поделились, догнавшись сами до того, что упали бессильно, и удалось наконец поспать.

Проснулась я от какой-то возни – Доктор сидел ко мне спиной и шерудел чем-то у себя на коленях.

- Эй, ты чего там? – спросила я продирая глаза. Он вздрогнул и сутуло обернулся.

- Да так, по хозяйству! А ты чего не спишь?

- А я больше не могу! А все где?

- Спят ещё!

- А там у тебя чё? – я заглянула ему через плечо – на коленях его лежала полиэтиленовая пленка, и по ней разложены две кучки иголок, портновских, с такими ушками. - Иголки перебираю! Мне Спазма принесла, - ответил он.

- Зачем? Это же для шитья, булавки!

- Не-а, нифига! –покачал он головой, усмехнувшись: - Это вот зачем!

И он аккуратно извлек из кармана крохотный пластиковый пузырёчек. Какого-то жуткого названия, уловила только, что это некое средство для беременных!

- А тебе-то зачем? – прыснула в ладошку я: - Ты что, беременный?

- Я-то нет, - спокойно пожал он плечами: - Я наркоман!

Вот чёрт, везет же мне на них!

- Ну, и? – не понимала я.

- А то, что это сильнодействующее средство экстренной помощи беременным, на поздних сроках, его в нос закапывают, крошечными каплями, если что! А я иголочку спиртом протру, иголочку высушу, чтоб не мешалось с препаратом, потом вот эту бяку на остриё, и под кожу, вот так – окунаю, колю неглубоко! Как на прививке манту!

- Без шприца? – удивилась я.

- Да, без него, а то слишком много будет, копытцы кинешь нахрен! - по ходу разговора он щурясь, разглядывал иглы на свет, и складывал их в маленькую розовую коробочку.

- А сейчас ты чего делаешь?

- На качество иглы проверяю! Чтоб зазубренностей не было, а то следы оставлять будет, или воспаление схватишь.

- А почему портновские иголки? А не медицинские, например!

- От шприцев толстые, передозишься, - терпеливо втирал он: - А для иглоукалывания я сначала покупал, потом дорого стало, больше на дозняки уходить начало!

- А-а, - я не знала что бы ещё сказать.

- А вот эта вещь реальная, и надолго! И легальнее, если что. А какой сексуальный эффект, о, боги мои, боги, яду мне яду! – покачал он мечтательно головой: - Трахаешься потом хоть трое суток, и улетаешь где бог не бывал! Хочешь, жвахнемся вечером? Тебе вреда не будет, один раз!

- Не-а, спасибо! – улыбнулась я: - Я не беременна!

- Ну, как знаешь! А я непременно, и потом с тобой куда-нибудь, если не передумаешь!

- Ну, так ещё ладно! – кивнула я. Ветер после своих «поддерживающих курсов» просто сексуальное чудовище! Так что пусть, мне ведь с Доктором детей не родить!

Но вечером ничего такого не вышло. А вышло только уносить ножки, всей компанией. Нас словили гопы. Вот и вся история. Не думаю, что надо кому-то объяснять, что это на деле значит. «Реально конкретный базар», «хули вы тут ходите, когда мы панкам запретили» и всё такое. Нас трое, их пятеро. Мы могли только улучшить моментец, и смыться ко всем чертям!

Спазма, Зелёнка и Псих отправились восвояси, и мы с Доктором остались одни. Я ощущала тяжесть и обыденную привычную бессмысленность бытия – подругу каждого моего дня. Гулять по Москве – тупо. Возвращаться в Уфу – не резон. Доктор мне никто. Ветер – бесит. Зачем это всё? Вообще ВСЁ? Стою как соляной столб, фигура из Содома и Гоморры, сама не знаю где, и шевелиться не хочется.

- Пошли, что ль? – потянул за руку Док.

- Куда? - равнодушно пожав плечами, уперлась я.

- Туда! – махнул он грязными хайрами. Я неприязненно посмотрела на него – и как я могла посчитать его симпатичным? Да ещё и спать с ним. Дура похотливая.

- Ну, пошли! – а делать всё равно больше нечего!

Док зашёл за наркотой, попросив меня посидеть у подъезда, подождать его. Я поторчала минуты две-три всего, встала и пошла прочь. Не буду я ждать никого, вот ещё! Пойду лучше поищу жратвы и пива, а потом можно и в рок-маг какой-нибудь сгонять, по-памяти! А, и вообще я здесь с миссией приобретения плётки для Ветра!

Пожрать толком не пришлось – оказывается, денежки плачут... и карты нет в кармане! Во, сюрприз! Я её потеряла, или вообще не брала? Блин. Что так, что эдак – один трабл! Допустим, на ещё раз пожрать и бутылку пива хватит, а потом? Ведь если сегодня так не повезёт с компанией, то ночевать мне одной хрен знает где, и без

водки не выжить! Бля, я так привыкла пользоваться карточки, что о живом бабле и не подумала! Свалила стопом так... Чтож, хлебну всех стопщицких прелестей! – решила я, усмехнувшись, и пошла вольным аском. Просила на дорогу, потом на спасение животных, потом на возрождение пионерии, потом на опохмеление бабушки. И посылали меня, и смеялись. Но давали. Даже доллары. И не только деньги! В развёрнутый пакет летели и конфетки, и пакетик сухариков. Порывшись, обнаружила презерватив, денежную мелочь, карточку метро на три поездки, и даже тяжёлую монетку в пять рублей советского образца! Приколисты, блин! Решила ещё постоять минут десять, и валить.

Но как и следовало ожидать – стоит только решить сваливать, как «на тебе в борщ»! Подлезли злобнорожие, лысые, камуфляжные скины. Я подумала было уже испугаться, по старой памяти, но передумала. Далеко не все скины дебилы, я знаю. Как и в любом другом сообществе. Договорюсь как-нибудь. Они и здороваться не стали, сразу попытались наехать, что аскасть и тем позорить нацию мол, «некультурно, бля!» И хотели уж придраться, за то, что панк, но заметили брелочек «Шмели» на джинсах, и оттаяли мгновенно. Я не стала им объяснять, что они тупоголовые придурки, раз думают, что Шмели имеют какое-то отношение к наци, за то, что они тёрлись на КТР! Достаточно послушать хоть один альбомчик полностью, чтобы прочно усвоить, что Шмели – это всё сразу! Это Вселенная!

- А к скинам как вообще относишься?

Ответила честно:

- Нормально! Но, конечно, не всю идею поддерживаю, что мол, всех черных замочить! Думаю, заразу, которая торгует наркотой, разлагает нацию – мочить надо непременно! Будь то цыган, или хач, или даже русский! Тот не русский, кто травит собственный измученный народ!

Они одобрительно закивали, и позвали с собой бухать на хату. А чё, и пошла! Всё едино – больше некуда. Если что – напьюсь заходя, и ничего не почувствую...

Но ничего такого, слава Создателю, делать не пришлось. Они и не приставали. Притащили каких-то блядей, а меня называли хорошей девчонкой, и вели умные базары, напиваясь. Пока совсем не свалились в беспамятстве. Они спали, а я не могла, от переутомления. Хорошо, что дневник всегда со мной! Деньги забыла, а дневник – нет! Села у окна, в которое настойчиво светил уличный фонарь, всё видно как лунной ночью на кладбище! Достала тетрадочку, и неверно дрожащей рукой, мимо строчек написала:

«В тебе нет позитива»... И, блядь, так ведут себя, как будто они мне скажут это, и я испугаюсь! Побегу позитив в себе искать, или дергать его откуда-то как яблоки в торбу! Будто я сама не знаю, есть или нету! Да в пизду такие базары, ненавижу! Раздражают!! Докучают! Вы, собственно, кто такие, чтоб мне про позитив чё-то говорить? И что он такое вообще, ваш позитив? Ржать по поводу и без? Бухать тупо с вами, делая вид, что это охренеть, как весело? Что вообще за слово такое - позитив??? Идите в пизду. Вот вам мой позитив! Нету, нету его, тока не трогайте меня! Не люблю я вас, скучно и душно мне с вами. И вообще, если вы не видите, это не значит, что его нет.

Не для вас мой позитив. Не для вас».

Кажется, теперь-то я приключений огребла - полная чаша. Измотавшись, хотела было уже ехать домой... но так не хотелось, честное слово! Опять вся эта домашняя байда... Как же я устала вообще от всего! И от обычной своей жизни в Уфе. И тут сидеть на асфальте больше не могу, физически! Вот и брожу в одиночестве по всяким станциям метро, где ни попадя, изучая мир подземки. На «Проспекте Мира» тупо села на лавочку, дико нуждаясь в передышке. А дальше, наверное, на Казанский вокзал. Не могу больше, достаточно! Вдруг – опа-на! – да это ж Ведьма Яна из

вагона выходит! Всё такая же растрёпа, в простой, но дорогой одежде – джинсики подвёрнуты, курточка нараспашку, гады-мартенсы, шарфик, рюкзачок. Кажется, ещё похудела! Волосы отрастила, по плечам раскиданы.

- Стоп, девушка! – заорала я, вскакивая: - Эй, Ведьма, Ведьмочка Яна!

Она посмотрела близоруко и не понимая:

- Ой, Иванка, привет! – наконец узнала, просияв: - Откуда ты здесь-то, господи?

Мы обнялись от всей души, так, что кости свело.

- Да я тут пролётом, тусуюсь! – ответила я: – Русский как?

- Русский-то нормально, у него группа новая, со старыми разодрался нафиг, не спелись! Ну, там вокалист мудак, и всё такое! Только сейчас его в Москве нет, они на фесте в Омске! Мы уже поднимались наверх.

- Дика, ты куда сейчас?

- Никуда, - покачала я головой. – Хотя, в общем-то собиралась на вокзал мотать, да домой... но знаешь, так не охота как-то...

- А пойти некуда, да? – хитро глянула Ведьма, надевая очки.

- Ой, ты очки носишь? – деланно удивилась я. Кажется, она хочет меня к себе потащить.

- Ага, - кивнула подруга. – Слушай, я сейчас на студию за свежим материалом забегу, а потом к нам двинем!

- Давай!

Вот как просто всё решилось! На какое-то время я от возвращения отмазалась. Не, ну до чего ж удивительно – притащиться в Москву, мыкаться-шататься, и вдруг встретить близкого знакомого! Обалдеть!

В маленькой уютной квартирке Ведьмы и Русого мне удалось, наконец, помыться как человек, поспать на мягком. Всю ночь трещали с Янкой за бутылочкой и сигаретками о том–о сём. Она поделилась подробностями своей развесёлой семейной жизни, полной любви, доверия, и извращений – с Русым ведь живёт, не с

кем-нибудь! Это, кстати, он ей имидж оформил, и цвет волос подобрал новый, применяя наконец, визажистское образование. А она за это клипы стругает всем его знакомым командам. И на съёмки его таскает, в качестве гримёра и консультанта, за деньги, конечно. Так и помогают друг-другу зарабатывать. Душа в душу, короче, конгломерат! Позавидовать, да и только... Между делом Янка спросила, не хочу ли я замуж? А то у неё неженатых товарищей полна сума. Я отмазалась, что мне, мол, ещё рано. Да я так, собственно, и думаю.

А на следующий день, ближе к вечеру, подружка потащила меня на панк-фест «Панки-панки!!», причём на халяву – там её кино-группа съёмки вела.

Фест был не так хорош, как хотелось бы. Без конца прыгали в сценическом экстазе всякие пафосные личности, которых я просто не знаю, хоть народ и реагировал так, будто самих Секс Пистолз узрели! Вердикт «не зря я сюда попала» можно было выносить только потому что по несколько песен спели «П.Т.В.П.» и – о, боже! – Белка!! Наконец я видела её вживую, в имидже "секси". Ведь в прошлый раз, на "турниковском" фестивале, она была простой панк-девочкой, ещё не звезда. И самое интересное – Ведьма на время самого действия отправила меня в зал тусовать и лакать пиво, а по окончании сейшена, пока звёзды помилосердней давали автографы сидя на краю сцены, высунулась из-за кулис, и помахав мне, завопила:

- Иванка, иди сюда!

Я подошла поближе, и спросила тупо:

- Что?

- Как что? – она ужасно удивилась: - Прыгай давай сюда, и пошли бухать по гримёркам!

- Ага, секунду! – и я моментально вспорхнула на край сцены, правда, слегка оцарапав ладонь о гвозди. Меня попыталась задержать охрана, но подошла Янка:

- Это со мной!

Протопали какими-то мутными закоулочками, и попали в маленькую, очень ярко освещенную комнату, полную всякого народа и ужасно душную. Я стала искать глазами Лёху Никонова, но...

- А он уже смылся, у него траблы со здоровьем в последние дни, и так-то не знали, будет точно сегодня, или нет до последнего момента! – охотно пояснил чел, у которого я спросила об этом. – А хочешь, с его гитаристом побазарить? Вот он здесь!

- Нет, спасибо! – я вежливо покачала головой. Это-то мне ни к чему.

- Бела, может всё-таки вышла бы к людям, тебя просят, орут, а? – раздался от двери умоляющий голос. Я автоматически обернулась.

- Да пошёл на хуй ты и твои эти несчастные ёбанные люди! – раздраженно ответила, входя... Белка. Богиня панк-рока нервно отмахивалась полотенцем от какого-то чела. Все взгляды мгновенно приковало к ней – и не странно! Та же сценическая прозрачная сорочка-платье, и черные стринги – всё. Есть на что глазеть!

- Вискаря мне! – потребовала развязная звезда.

- Девочка, а ты бы слезла с моих вещей!! - рявкнула она, злобно уставившись на меня. Я ведь плюхнулась на стул, заваленный каким-то тряпками, и не спросила, можно ли!

- Да, конечно! – вскакивая, пробормотала я смущённо. Ворон, которого я сразу и не заметила, ссутулившись на раз, поднёс Белке баттл «Джэка Дэниэлса», и скромно встал подле, с лицом пришибленным, будто ожидая хорошего тычка от жены. Она закурила, расслабленно откидываясь на спинку стула, а я всё смотрела и смотрела на неё. Охренеть – Белка, сама она, и так близко от меня! Я чувствую даже её тепло и пачулево-древестный запах... А ростом она меньше, чем мне казалось! Ведь единственный раз, когда я видела её – это на нашей «Свалке», когда я и сама была росточку на полметра ниже. Тогда эта панкушка была звездой уфимского масштаба. А сейчас она без конца по гастролям, вся панк-Европа прётся от нашей Белочки! И без устали

восхищается её непередаваемым талантом, её дикой, животной сексуальностью, её безудержными секс-панк-шоу, высекающими огонь из камня! Кажется, и труп не сможет лежать спокойно в присутствии богини Белки! Но... глядя так близко, можно многое увидеть, из того, что скрыто, и отшлифовано пудрой, профессиональным светом, мониторами компов... Я была поражена - у Белки вовсе не идеальная кожа, она груба, свински пьёт и грязно выражается. Эта та, что пластична, словно кошка, великолепно строга в суждениях обо всём, что бы ни спросили журналисты, стильна и... да бог знает что ещё, но общественный имидж и реальный образ её настолько расходились, что можно шок получить! Чтож, как бы то ни было, а это Королева на сцене, великолепный голос, поставлен от природы, грубая пластика и завораживающе развязная харизма панк-Женщины, как и Жас (тока Жас поёт не особо сильно, по-честному, просто голос хорошо натаскан). Да ещё и Ворон – великий панк-воин, тряпка в руках Белки, разочарование. Видели бы вы, как он под жену стелется, подаёт ей бутылки и сигареты, с таким лицом, типа «я буду хорошим, ты только не бей меня, мамочка!» Ужас просто. А когда она стала прямо при всех переодеваться, то кидала ему в руки одежду с таким-то трудновыразимым презрением, что сразу хочется спросить - зачем же она с ним живёт? Зато когда фотограф наставил на них свой окуляр, она в момент преобразилась, вцепилась в Ворона и улыбнулась в камеру с такой нежной любовью, что хоть стой хоть падай! Да в пизду такие отношения, вообще! Муж называется! А с другой стороны, может, им так именно и надо? Ещё одним дурацким, грязным секретом больше. Секрет, которым ни с кем не буду делиться, ибо он гадок. Да и секрет-то он только для тех, кто не видел эту скандальную парочку вместе, они ведь ни от кого не прячутся! Запутаться можно...

- Ну что, поехали ко мне бухать? – подошла и отвлекла от никчёмных рассуждений Ведьма.

- Поехали, конечно!

А завтра – за плёткой, и домой! Я вполне сыта на этот раз.

Но ничего так и не купила... Денег не хватило, на дорогу Ведьма одолжила. Да и хрен бы с ним, с садомазохизмом!

Ночью ехала обратно в одиночестве, по сути, в никуда, и думала, думала обо всем одновременно. Ни о том всём, что жизнь ложно наполняет, а обо *всём* вселенского масштаба, Настоящем Всём.

И вот она я, на планете Земля, такая крошечная, на такой огромной...

Приехала, грязная, как чёрт – а там гости крутые, родительские деловые партнёры. Продефилировала тихонько мимо – здрассти... не надо было своим ключом открывать, позвонила бы... прошла бы тихонько в ванную, мама бы успела предупредить, чтоб не позорила, по залу не тащилась мимо всех... бя...

Вышла, присоединилась – взрослая уже, некрасиво игнорировать. И вот сижу, расслабляюсь. А базары вокруг интереснейшие!

"Шампанское – лучшее, конечно «Вдова Клико», «Veuve Clicquot»".

Оказались, довольно милые люди. Румынские начинающие виноделы, закупающие земли под виноградники в нищей Молдове. Он – видный сухой господин, в стильных джинсах и с мягким голосом, покурывающий сигары – ага! И мне перепадает сладкого дыма, я рядом сижу! «Вирджиния»... И так дико курить тянет... попозже смоюсь на балкон перетянуть парочку. А зовут его... Гавриил!! Чёрт, вот тебе и раз... *скорее бы к Нему*. И она – молодая жена, Мария-Василина, насколько я поняла из разговора, тока вернувшаяся с учебы в Испании на винодельческом факультете. Молоденькая, такой скромной и изысканной красоты, в крохотных ненавязчивых бриллиантах... аж завидно стало. Я-то какая грубая девка... Но в этом и есть мой шарм! Мне в моём облике уютно.

Попивая это самое «Клико», рассматривая на свет, совершенно расслабилась – как у себя дома! Я могу прекрасно находиться как среди грязных панков, так и среди вот таких светских господ.

- «Dry Imperial» от «Moet & Chandon», собрат «Brut Imperial» - для мировых торжеств! Тот самый, что разбивают при запуске новых лайнеров, и Шуммахер на «Формуле-1»!

Слушала да на ус мотала – я ведь не просто так, я кость белая, мне это интересно! К тому же, речь о бухле... хорошо, дорогушем. Превосходном бухле! – подвела я резюме, отпив ещё глоточек.

- В России хорошее шампанское не может стоить менее сотни долларов, - вставил папа с видом завязного богача. Ну, это его слабость – гордиться и невзначай, вроде как не специально, выставлять свою породу на свет.

- Лучше, конечно, брут! – добавила мама, любуясь на свет через тонкое стекло. Она наконец, перестала осторожно поглядывать на меня, поняв, что я её позорить не собираюсь, и моё объяснение для гостей, что мой непристойный видон так непристоен, потому как я тока из похода дальнего вполне прокатило... гы-гы... Ещё и позволила себя милостиво упросить рассказать, как оно, в горах Башкирии - типа, я оттуда прибывши сейчас... ага...

- Хотя оно может показаться кислым, после советского, но самый богатый букет! – влезла я, вся такая блин такая, тоже чё-то понимающая.

Мало того, подегустировав ещё по два бокальчика прозрачного произведения элегантных гостей, я впервые в жизни закурила при родителях(!), намекнув слегка Господину Виноделу, что и мне тоже, когда он протягивал маме зажигалку. У мамы чуть дым из ушей не пошёл – она забыла выдохнуть, когда я затаилась, не глядя на неё, и продолжая триндеть непринужденно и светски с женой Винодела. Папа предпочёл сделать вид, что у нас так уже давным-давно, и мы все вместе курим ежевечерне... ха, конечно, мне уже девятнадцать лет, что они скажут, да при гостях! Комильфо, товарищи, является для нас важнейшим из искусств! Это архиважно...

«Господин Гавриил»... Ветер... не уснуть мне никак. Вижу его, хочу, бежать готова! Но сегодня надо быть здесь, дома. Господин

мой... Лицо, его прекрасное лицо, глаза, обращённые на меня, и жгучее, злое желание в них...

Не вытерпев, чтобы хоть как-то успокоить сердце, достала из-под подушки дневничок, и написала, блаженно:

«Лицо Ветра Похоть не искажает, она истинно королевски украшает его и делает ещё более прекрасным и дивным, таким, что и отвернуться невозможно, а единственно возможно жадно смотреть, смотреть впитывая всеми силами, всеми капельками крови и клеточками своими его неземную, поразительную, нечеловеческую похотливую красоту!»

Но добралась до святого моего Ветра только через два дня. Он, сволочь, наверняка, гулял с Ленкой где-то, и я не могла его поймать.

И вот, лёжа в темноте, крепко обнявшись, Ветер вдруг начал рассказывать, совершенно ни с того ни с сего:

- Иванка, послушай, пожалуйста! - мой любовник устался в потолок с полуулыбкой, будто готовясь вот-вот глубоко уйти в себя.

- То, что я извращенец, ты уже отлично знаешь на собственной шкурке, да ведь?

Я только кивнула, расслабленная.

- Но этого мало... я решил, тебе пора знать кое-что ещё о том, с кем ты столь часто предаёшься разврату...

А вот эта его фишка иногда достаёт, чесслово! Ну к чему все эти словеса, а? Нормально бы сказал!

- Так и что там, давай, я слушаю! - потерлась лениво о его плечо.

- Хм... ну, короче так! Садомазохизм - это моя реальная тема сегодняшнего дня... но в моих прошлых увлечениях – некрофилия, садизм - куда более злой, нежели ты испытываешь, практически больной! Я резал и жёг девчонок... воском по животу... иголки под кожу.

- Чё ты сказал?? - о, вот это уже интересно! - Какая некрофилия? Если я правильно...

- Совершенно верно. Я очень долго мечтал изнасиловать реальный труп... как во сне, страшном, бредил этой темой. Просил девчонок изображать неживых, но мало было... однажды усыпил девочку, лет пятнадцати, и этот реальный эффект мёртвого... тела! О, это было очень, очень круто, но...

- А тебе-то сколько было?

- Что? А, фигня, разве это важно? - он немного разозлился, и я прикусила язык, боясь больше ничего не услышать, сочтённая за непонимающую.

- Ну так вот, ты слушай! Но эффект не тот, всё равно, она же дышала и не остывала, а мне нужно было - чёрт, всё равно нужно было чтоб тело остывало под руками, и... короче, мне мало было просто спящей! И я долго не думал, я...

- Убил кого-нибудь, и трахнул? - не удержалась и влезла я.

- Нет, не убил... не смог! Хотя очень хотел! Заодно проверил бы это чувство, когда забираешь жизнь... нет, не вышло. Просто забил одну мазохистку до потери сознания. Ну, не скажу, чтоб она сама была виновата, но просила очень, и кричала - ещё, ещё сильнее! Умоляла бить её всё больней, пока не сорвалась на шёпот, и вообще не выключилась. Ну, я испугался немного, она так реально затихала постепенно, так реально, Дика!! - он перевёл дыхание, и продолжил: - Ну, вот, короче. И лежала, такая тихая и измученная, и почти... да, почти не дышала! Эффект трупа полнейший! Она даже остывала, только представь! Блин, я думал, что и правда убил её. Но сердце билось и знаешь, как стрёмно было - с одной стороны, нагоняешь на себя сладкое чувство смерти, и трахая её, неподвижную, вслушиваешься, чтоб сердце всё же билось, а иначе... нет. Это была такая жуткая балансировка на гранях смерти и жизни... не знаю, с одной стороны это очень обломно, зная, что реальный труп не трахаешь, а с другой - какое облегчение, что она всё равно жива, и не заразишься трупным ядом, значит, тебе ничего за это не будет... но вот то, что и от этого тебе тоже толком ничего не будет -

обламывает как со стометровой башни вниз головой, и бля, не долетел! Понимаешь?

- Вроде того, - кивнула я.

- Ну вот такая фишка... короче, потом я ещё практиковал это, мёртвые девочки, и не только... и мальчики...

- Что? - чуть слышно пискнула я, боясь спугнуть - неужели он касается этой темы сам? Ведь стоит мне только чуть намекнуть, он болезненно дёргается! Говори же, Ветер!

- Да, и Арто... тоже, так хотел чтоб мне хорошо было! - он отвернулся, и вздрогнул, как в лихорадке. - Но нет, Дика, не спрашивай! Да, это ещё один пункт, это... и всё, не будем об этом никогда, хорошо?

Чтож, он так убедительно сказал, что пришлось только кивнуть, соглашаясь. Ах, ты блядь такая, Ветер! Ты спал с парнями?! Вот чёрт... без комментариев, потом если получится, выведаю. Но очень надеюсь, чтоб не...

Пусть лучше говорит, пока говорится.

- А вот ещё мечтал стать маньяком, реально! Знаешь, лазил по сайтам, и строил реальные планы, как убью кого-нибудь впервые... лучше, конечно, проститутку! С ней проще - сначала я ей заплачу за работу, чтобы она дала мне как следует во все места, а потом... ну, к теме, почему именно шлюху - она согласилась бы пойти со мной куда угодно, и не надо было бы её насиловать, сама бы дала - я ведь боялся так сразу и начать круто! А я бы её ножом между лопаток, пока она сосала бы... вроде того. Но вот что думал, а вдруг она будет сосать, а я ей нож - так она ещё сожмёт челюсти рефлекторно, и... ну понимаешь... хрен знает, потом решил, что лучше начать с маленькой девочки какой-нибудь, такой, что несложно сломать... я вообще очень увлекался слезами маленьких девочек. Ангельская вода! Нектар! Бог потому столько страданий дал людям, особенно беззащитным, что пить их слёзы... божественно. Ай, кто не в курсе - не поймёт! Лежал ночами, и мечтал - как сначала жестоко ломать их, и косточки хрустят, и им так больно, что они не в силах даже

кричать! Боже, боже, а потом... конечно, до смерти! Пить их боль, пить огромными глотками, жадно, и выедать душу через глаза, десертной ложечкой, в момент смерти... о, как я хотел страшно увидеть этот тончайший момент когда ещё жива, и вот сейчас... и вот когда! Ну, да это классика, все маньяки хотят этого, и не знаю, получается ли? Я хотел знать... я хотел пить.

Помолчал. Перевёл дыхание. Я ждала, затихнув, какмышь. - И я общался с одной гёрлой, она погибла в дурдоме, её звали Алиса. Ей было семнадцать лет, и она была маньяком, высочайшего класса. Она работала ножом, убивая мужчин... молодых, старых - всё равно... да, реально! Она поила меня рассказами-отчётами о своих похождениях, будто водой живой! - Ветер одухотворенно воздевал руки, глядя в потолок, и чуть не пел: - Боже, Дика как она нужна была мне! Я будто был там с ней, я будто ходил вместе с ней на эти её дела... Элис меня просто спасла, когда я слушал, мне пить хотелось меньше, представляешь? О, если б не она, я бы загнулся, высох от этой жажды, или же... не знаю, или погиб бы как она, меня бы ведь точно поймали однажды.... я до сих пор ей благодарен дико!

Кошма-а-ар! Я содрогаюсь от омерзения и сладко-ужасного интереса, и... понимания!! Я понимаю его, какими-то неопределёнными рецепторами, какими-то своими точками внутри, которых раньше не чувствовала. И сжимаю его в порыве невыносимого признания, ещё крепче, и целую ключицы, и прошу шопотом подробностей, и замираю...

Ему надо было всё, практически, что доступно. Кроме зоофилии и педофилии – не понравилось. Попробовал как-то, но оказалась не его тема.

А мне особо нечего рассказать... если только как мучила сладко жуков, пойманных целой горстью во дворе, и тайно мастурбировала под одеялом в три года – вот и всё, пожалуй. А горькие мои подростковые извращенные сны – так это же только сны! Не помню я ничего толком... да и страшно.

Потом все спрашивала, но больше себя, нежели его – что ещё за Арто?? Он уклонялся нервно, и едва не запрещал упоминать даже имя это! А зачем же тогда вообще было говорить! Вот сволочь, растравил. А ведь не девичье погоняло-то... неужели? Но это слишком дурная догадка. Не хочется думать, что Ветер еще и на такое горазд! Это что-то уж слишком! Но ведь я его хорошо знаю, от него можно ждать вообще всего, что угодно! И что вовсе не угодно – тоже, в равной степени! Этот ведь ни за что не станет уступать обществу, и будет делать только то, что считает желанным, нужным или возможным для себя.

Да, а до этого я как-то не думала, откуда краска на лице Ветра, подведённые глаза и пудра, когда мы играем, слепая от любовной похоти. Потом, намеренно присмотревшись, заметила у него дома полный набор, кроме помады. Коробка очень бледной пудры, два карандаша черный и серый, черный лак для ногтей, серо-синие тени для век... А зеркальце-то всегда в кармане – гей?! Писец, ещё не хватало!

Напрямую спрашивать не решилась... очень уж он болезненно реагирует на подобные намеки! Даже и не подступись!

После этого заболела и сидела дома, простуженная, кашляла. Ведь холодища была, снег уже сыпал основательный. Тёплые, разбалованные денёчки сменились заведённым порядком на сырые ветра и хлипкие холода позднего октября. Зима не за горами... здравствуй, злая моя депра.

Делать было нечего, и я писала мэйлы Ведьме, очень мы с ней сошлись после моей весёлой поездочки.

Вот самые интересные моменты, которые я даже сохранила.

Письмо от Ведьмы:

«Но чувство, что мы сошлись, чтобы отомстить друг другу за какие-то там прошлые жизни, есть очень чёткое. Через любовь нашу кровь льётся. Пикец, дестройная любовь. Страшная. Но я не хочу другой! Я её лишь ждала, и не отпущу, пусть как Шмель

говорит – не на крыльях любви, а на адских колесах творю я свои вещи».

Письмо к Ведьме:

«Да, ясен пень, что «он не один на свете» и т.п. а мне не надо других, что тоже ясен перец. И дело даже не в такой смертельной любви – а просто он настолько ебанут, что аж поражает!! И вот эта дикая ебанутость, с которой очень трудно ужиться вызывает во мне кошмарное восхищение – он будит во мне всю грязь, настойчиво и тщательно выкапывая всё это, кошмар просто, самой стыдно бывает, но знаешь ведь отлично, как прельстительны извращенцы... как дотошны, обольстительны и обворожительно-тошнотворны, дивишься на такое до боли – и НИКУДА НЕ УХОДИШЬ, БЕЖИШЬ ЗА ЭТОЙ СЛАДКОЙ ТОШНОТОЙ... дело в этом или нет, но я каждый раз диву даюсь на себя – ИВАНА, ДЕТКА, КУДА ТЕБЯ НЕСЕТ? Надо тебе ЭТО? Пиздец, но я отравлена им слишком. Он прав, прав мильон раз – после него мне СКУЧНО с кем бы то ни было!!!

И знаешь, в чём шняга, от которой меня всю ломает – я не знаю, отравлен ли он мной так же? Будет ли ему так же беспокойно и скучно без меня, с кем-то ещё? Он-то реальный извр, ему всё по хуй давно по большому счёту в этом плане, чем удивить тока? А я... неуверенна короче. Если б мы были вместе – да разве бы до такого дошло? Далеко не первый раз – уйду-приду, убью-люблю... незнаю-знаю, и тыр-пыр.»

Ответ:

«Херня, Дика! Куда он денется, ты одна такая! Думаешь, извращенки пачками по улицам валяются? А вот и фиг! Сама с извром живу, ну, ты знаешь! Сначала тоже всё маялась – а вдруг, я такая-не такая... потом понравилось даже, и всё я могу! И одна я такая. Главная фишка в чём – в том, что он меня **любит!** А их всех нет. Потому я – самая дорогая и бесценная! Им нужна душа в таких извращенных играх! Понимаешь? Ну, изобьет его другая, ну сломает и унизит... ну, он её. Но у неё, другой, таких – сто штук в

кучке, а меня другой нет и не было! Острота и доверие не те совсем! Да они оба, он и та, другая (если вдруг и будет такое!) сразу забудутся и на лицо-то, ведь никакого сердца нет между ними!

У тебя, конечно сложнее. Ничего не скажешь. Ведь Русый-то мне муж... А Ветер... Думаешь, у него с Гдеты так серьезно? Не знаю, не знаю... Видимо, ты просто любовница ему. А Гдеты – мамочка. Такие разные жёщины, это известные типы – амазонка там, хищница, мамочка и т.п. ну, знаешь, по психологии! Так вот, извращенцы на самом деле очень беззащитны. Им необходима и хозяйка, и жертва и мамочка. Мне удалось стать для Стаса и мамочкой и любовницей-развращенкой. Хоть и думала что не смогу, считала себя чистой хищницей. Вот, как ты. Понимаешь? И в этом секрет. Да и молодой он ещё, что там – двадцать лет тока-тока! И я постарше и тебя и него. Ну, наверное, мне проще даже! Но, думаю, ты много сильнее Гдеты. Подумай сначала как следует, потом уж решай – а надо ли тебе вообще все ЭТО? Реально прикинь, он остался только с тобой... всё. пиндец. И...? Есть ответ? Тогда исходя из него и решай!

Удачи тебе, детка! Не теряйся. Привет от Русого!

Целую. Ведьма Яна»

Да уж, есть о чём подумать...

Теряя время в гриппозной постели, соскучилась по Ветру, безумно!! И Ленка, сука такая, не заходит... хоть бы с ней поговорила о Нём! Как не тяжело с ней говорить, ловя мерзкое превосходство «истинной владелицы Ветра» в её глазах поганных, но всё же, всё же... одно лишь имя его вслух произносить... и узнать, как он там? Без меня. И ему что-нибудь передать, тайным намёком, как я без него... а ему позвонить – нет, нельзя. А смысл? Ну что я скажу? Наша связь тайная, даже для нас самих. Как-то не принято у нас разговаривать по телефону. Дурацкая игра. Пропади она совсем... эта Гдеты!

Конечно, вспоминала, сколько всего уже пережито с Ним... кровь-любовь-морковь. А сколько еще можно сделать! И ведь можно! Например, такая вещь: приковать меня к железной кровати, и целовать, и лизать меня везде, а я умоляю и нишу, так как это НЕВЫНОСИМО, НЕСТЕРПИМО!! Хорошо... это настоящий садизм!

И почему бы ему не бросить её? Ну почему? Дерьмо... бежать бы к нему, сгорая, и найдя там её, убить к чёрту, пока простудный жар - значит, аффект! Значит, можно...

От температуры случился бредовый *сон про Угла*. Маршировали с ним по площадке провинциальнейшей автобусной остановки. Типа, лето отцветающее, вроде августа. И вот мы приятельски обнимаемся, и изгаляясь маршируем. Хохочем, пыжимся - "раз-два, левой! Разворот!" Потом приехали менты, и мы «построились в одну шеренгу», вдвоём. А главный мент вышел вперёд, торжественно зачитал некую бумажицу, и под аплодисменты остальных, нам, шутовски раздувшимся от «гордости» повесил на грудь по ордену какому-то. Потом менты погрузились в ментовоз, и скрылись с глаз. Я хотела что-то сказать Углу, рассматривая орден, но тут пришёл автобус, пропыленный и зачуханный. Угол запрыгнул в него и помахал мне в открытую дверь, улыбаясь своей безумной красивой улыбкой. Дверь закрылась, и он уехал... а я стояла открыв рот, так и не успев ничего сказать... прикольно с ним было...

Эх, жаль, температура быстро спадает... когда ещё такое увидишь? Тока если под травой! А конкретнее – чего скрывать, под циклой. Вспоминая, открыла дневник снова, и написала:

"ЦИКЛОДОЛ

Первый раз я попробовала циклодол лет в шестнадцать, но мне совершенно не понравилось – был глюк, что я иду через мостик, он так логично возник передо мной, нависая над оврагом, среди леса, в котором мы закидывались. С Русым, кстати. Я пошла пописать,

ступила на шаткие доски, и провалилась с жалким вскриком. Прямо в бурлящий ручей. Который оказался бездонным, и я тонула к чертовой матери!! И не было мне никакого спасения. Я кричала, звала Русого, но он не пришёл, конечно. Свет померк, я захлебнулась, и умерла. Придя в себя, я с изумлением узнала, что никого не звала, и не кричала, а сидела тихонечко под деревом, ни на что не реагируя. Короче, дурацкий опыт, после которого я решила, что никогда больше не притронусь к этой мерзости. Но в глубине души я знала, что это не последний раз, ведь все ловят кайф, а я поймала лишь какой-то тупизм.

И вот теперь... да, можно, конечно, спихнуть на Ветра, что мол, он подорвал мою психику, и тем подтолкнул... но это не такая уж правда, вернее, только на какую-то часть. Мне просто понравилось делать это снова. И то, что дает мне чертова химия, не взять, наверное, больше нигде! Они ведь разные, эти глюки. То медитативно и расслабленно, а то так страшно и гнусно!

*Главное, я не знаю, когда начинается приход. Где он кончается, я еще могу сказать, хоть порой и не очень уверенно. А начинается всегда как сон, невозможно уловить легкие и тихие шаги прихода. Зачем мне это? Скажу совершенно точно – я убегаю туда, где становлюсь чем-то другим. Не свободна, как и здесь, но не умея медитировать, я так влезаю в другие миры, где сама кровь течет по-другому. Мне нужно, чтоб именно **по-другому**, даже если и не лучше. Здесь мне всё опротивело настолько, что я готова сдохнуть – но сдыхать не хочу. Я убегаю."*

Боюсь ли я стать законченной наркотой? Да. Не могу сказать, что нет. Но я как и все в положении «только иногда балующихся», говорю уверенно, что всегда смогу остановиться. Я ведь живу без этого неделями. Но когда не выдерживаю перманентного напряжения, тогда нахожу новую порцию. Да у меня и сейчас дома лежит это, полпачки, хватит на одну закидку, и я спокойно хожу мимо, даже не вспоминая. Ведь ещё есть терпение. Не надолго, уж точно...

А с другой-то стороны, сколько молодёжи вокруг закидывается годами, и потом спокойнейше забывает напрочь, и живёт себе дальше, даже детей родит. Каких - другой вопрос. А впрочем, всё, я не хочу больше говорить об этом!

Суицид и Питер.

Сегодня такой день... Ровно год назад у меня была тяжкая депрессия, и я избегала всех, кого бы то ни было. С Ветром виделась редко, трахалась с ним вяло, и быстро уходила. Встала с утра, искала чем порезать вены. Так спонтанно и просто, ни о чём не думая, и слушая «Боль» Шмелей. *Я просто закидывалась их музыкой, как кислотой... чтоб стало ещё хуже, ещё...* Ползала по комнате, вялая и больная, с температурой, кажется. И одна лишь мысль – «что со мной..." безразличная, плоская мысль. Чем бы порезать вены? И не находила, как назло. А что найдёшь? Бритвы нет, все электрические... попробовала карманным ножичком, но он такой тупой, что удалось только с грехом пополам оцарапаться слегка. Нож бы хороший... На кухне Петровна, не возмёшь. Раскопала наудачу старую-престарую бритву, раскрошила её, кое-как, царапая пальцы, достала тупой кусочек лезвия. Пипец... чё я делаю? Сил всё меньше, жар разыгрался... зажала этот жалкий острый кусочек дрожащими от слабости пальцами. Чиркнула по руке, у локтя... ничего. Несколько капелюшечек крови. Сильнее надо! Попробовала с размаху – нифига опять. Тупое и маленькое очень лезвице, а сил нет!

Ну и в пень. Оделась кое-как, пошла бродить, спотыкаясь по скользким и сырым улицам.

Притопала в переход. Там, соответственно Ветер. Один, без этой змеи... со мной не поздоровался, отвернулся. Это ещё что за новость? Я тоже стала его игнорировать. Покурила, нервно хохоча и обнимаясь на показуху со всеми подряд. Стала громко требовать бухла, пить из горла крупными глотками, чтоб скорее напиться, и спровоцировать его. Опять хочешь некрасивых выяснений «кто есть

«who», скандалов? Но у меня нет на это сил! Я просто хочу отойти от температуры, развеять по холодному ветру страдание пустое! И вот, короткий взгляд прозрачных глаз. Не выдержала, подошла:

- В чём дело?

- Ни в чём! – и не смотрит на меня.

- Да ну? – начинаю заводиться. – А по-моему, очень даже в чём-то!

И вот мне новость: Ветер решил, что может меня бросить. Объявил об этом так спонтанно и так убийственно-спокойно! Мол, у нас с тобой всё уже было, и нового ничего нет и не может быть. Так что всё...

Поругались сильно:

- Ивана, не надо никаких выяснений, чего тебе ещё не понятно?

- Значит, всё, да?

- Да!! – заорал вдруг он не своим голосом и глаза его огромные дико кромсали сердце: - Да, да, да!!

Я развернулась тогда молча, и пошла в никуда, злая и прибитая. Купила нож за десять рублей, у бабки с лотка. Вышла наверх, пряча лезвие в рукаве. Села под парасет перехода, и принялась чиркать сколько хватало сил по внутренней стороне руки, от локтя до запястья. Но дешёвый нож оказался предательски тупой, и удалось только хорошо поцарапаться, немного подрезав венки. А с утра от головной боли я приняла аспирин, и разжиженная кровь не запекалась. Я пошла куда-то, как робот, и кровь стекала через расслабленную ладонь на асфальт, и всем было насрать! Никто даже не смотрел на меня. Люди, блин! Я не хотела умирать, не думая ни о чём, разве только ему отомстить. Передумав, развернулась спуститься обратно, посмотреть, что там с ним? Ведь не догоняет до сих пор, значит, *правда*? А Ветер стоял и не смотрел на меня, курил, смеялся, кажется даже. Я медленно пошла мимо их всех, кто там собрался. Это было эффектно, так вот перед ним пройти, типа пошёл ты! Но он даже не посмотрел. Ему показывали – эй, смотри чё она! Он пожал плечами. А я, прямая как палка и окровавленная, в

момент потеряв остатки самообладания, швырнула нож со всего маху прочь, он прозвенел по асфальту, и я побежала. Боже, как больно! Это было очень глупо, некрасиво, и вообще просто поганый театр. Но когда так больно, в башке очень пусто, и не думаешь, застит разум.

Ветер догонял, я слышала его тяжёлый бег за спиной, и бежала всё быстрее, но сил не хватало – хотя тогда единственный раз я хотела от него сбежать совершенно серьезно! Потом уж понравилось так извращаться, играя в *Боль*. Догнал, конечно. Схватил за плечи, развернул к себе лицом. Я думала – будет утешать – а он... начал увещевать, сука! «Ивана, как так, я не хочу чтоб из-за меня, да зачем это? Да глупо, да нафиг». Вот урод. Я задохнулась – ах тебе до сих пор ещё ничего не понятно? А если я тебе не нужна, если у нас с тобой ВСЁ, то какая тебе, нахер разница, что со мной, и куда я бегу? Отпусти, и я сдохну! И врезала ему по лицу. Он отпустил – ну и пошла ты нах! И я пошла. Я чувствовала огромную усталость, и мне просто очень хотелось где-нибудь сесть. И чтоб эта мерзостная картинка сменилась на другую. Ведь всё это такая тупость! Чтоб Ветра и прочего, что с ним связано – такого гадкого! – вообще не было. Раз и навсегда. А умирать – так я просто не сообразила другого способа избавления.

Утопав достаточно далеко, когда Ветра, стоящего всё так же молча и угрюмо глядящего мне в спину, не стало видно, я села на лавочку в каком-то тихом дворике. Хотелось закурить, но сигарет почему-то не нашлось в кармане. И я просто сидела. Не плакала, не мыслила, не существовала какое-то время. Потом вздохнула поглубже, и попыталась случившееся обдумать, или хотя бы прочувствовать. Ничего. Обыденное спокойствие. Наверное, разум отказывался принимать такое, опасаясь боли, способной напрочь свести с ума, выбить из жизни так, что придётся на самом деле покончить с собой. Осознай - и ничего больше не останется, как и верно залезть в подвал, и порезаться насмерть. А мне этого совсем-совсем не хочется. Нисколько. Я устала... и хочу просто посидеть.

Ноги не несут. Позвоночник мягкий... я и сидела, подобрав палочку, сунула её в рот, и держала как сигарету, то вынимая, то снова зажимая губами.

- На, закури! – голос Ветра из ниоткуда, и протянутая сигарета. Надо вздрогнуть, наверное, испугаться, или что-то ещё, не знаю. Я никак не отреагировала, только взяла предложенное. И чего припёрся? На хрен всё, так нахрен! Нет же, надо опять заводить, забодяживать!

- Непоследовательный козёл ты, Ветер!

- Знаю, - пожал плечами, сам не курит. – Пойдём?

- Куда? – равнодушное обыденное спокойствие. Я устала...

- Не знаю.

- А хера ты вообще знаешь? – ровным голосом, его это бесит обычно. Ну и пускай.

- Ну, давай, посидим.

- Не-а, - поднялась я. Эта лавочка больше не имела никакого смысла. И выяснять ничего не буду – припёрся и припёрся, его проблема. И то, что он меня бросил, тоже. Мне-то что? Я не пропаду. А вот он... да и это тоже не интересует. Я хочу исчезнуть. Умереть для этой жизни. А очнусь в реанимации - ничего нет и никогда не было. Блаженно улыбаться под капельницей, оттого что было – да сплыло! И пусть психолог реабилитирует меня, убеждённо втирая, про банальный психоз и глюки, но я точно буду знать – *было и кончилось*, самый-то главный кайф в этом!! Я пошла. Всё.

И он за мной. И он - в ту жизнь, которую я так намечтала сейчас после смерти... обломал, снова обломал. Он пролезет в капельницу мне, и отравит нах... какой урод.

- До свиданья, Ветер! – бросила я через плечо, запрыгивая в маршрутку. – И чтоб ты сдох, козёл непоследовательный!

Я долго ходила как в воду опущенная, с родителями перекидывалась односложными фразами, ела мало. Мне не хотелось

ни жить, ни умирать. Надо было чем-то занять себя, но о чем бы ни подумала – всё казалось совсем не нужным. Я и бухать больше не хотела. Видимо, опять депра. Только какая-то совсем уж пустая, даже без боли.

Мама заметила нелады с моей психикой, и предложила прогуляться, развеяться, куда хочешь сгонять. Спонтанно сказала - в Питер! Дали денег, хотели купить авиабилет, но я решила ехать поездом, так забудешься скорей. Глядя в окно и думая. Дорога утешает.

*«Напьюсь! Сяду в вагон,
И поедет поезд, далеко...»*

Загодя раскопала в телефоне номерок подружки-модели, бросившей родимую Уфу ради соблазнителя-Питера. Еще бы да не так – шикарнейшая красотка, из тех классических «гадких утят», которые подросток, заставляют весь мир всё интенсивнее сосать! Натуральная Блондинка (именно так, с большой буквы!), несколько азиатской внешности, Анфиса Алтынова. Да-да, *Та самая*, что регулярно подиумы Милана-Парижа-Нью-Йорка топчет. Вот какие у меня подружки есть, ага!

Стоило мне только сойти с поезда на утренний питерский перрон, как:

- Здорова, чувак! - завопили мне прямо в уши, набрасываясь со спины. Анфиска всё так же импульсивна и беспардонна!

Поймали такси, меня тянуло спать, но разве эта даст!

- Ты давай рассказывай быстрее, как оно вообще? Чё в отчизне башкирской нового? - тормошила меня подруга.

- Я тебе мёда привезла, башкирского, - не в попад отвечала я. Нет, если я не посплю в ближайшие полчаса, то мне вообще трындец! Отчего-то в дороге не могло, хотя вроде бы самое место, в купе.

- Нет уж, спать ты не будешь - приехать в Питер и спать? - завозмущалась на мои слабенькие намёки Анфи. - Щас пожрём, помоешься, и поедem тусоваться!

- Ага, - кивнула я обреченно. Верно, чего ж спать раз приехала?

Когда я привела себя в порядок (не без помощи Анфискиных ультра-модельных спецсредств для моментального наведения красоты), мы отправились в центр, в какую-то "опупенную кафешку, где подают таа-ко-ой кофеёчек, что ты под стол упадёшь от кайфа! Только в Милане и пили!"

Ну вот, налакались знатного кофея, слизывая с замысловатых ложечек сладкую пенку. Сидим, покуриваем - кайф да и только! Кажется, у меня есть все шансы как следует развеяться и отойти от того, что надорвало меня в Уфе...

Анфиска убаюкивающе трещит о том - о сём, своей разнообразной и восхитительной, хоть "нема базару и пипец, какой трудной!" модельной жизни. У неё, в плюс ко всему, Ника Латынина – преподша. Наверняка, вам знакомо и это имя! Тоже из наших, бывших уфимских, взлетевшая на самые что ни на есть вершины подиумов.

Далее произошёл долгий, местами непечатный повествовательный диалог про нашу личную жизнь. Здесь я не удержалась от соблазна ещё раз поговорить про Него, произнести это имя вслух... не стала скрывать и некоторые подробности наших... эээ... интимных отношений. Подруга серьёзно кивала, и приводила примеры своих похождений - чего только не приходится претерпевать красивой девочке, стремящейся к вершинам нестойкого модельного мира! Мы поняли друг друга отлично. Далее разговор пошёл о деньгах, конечно - одна из главных человеческих тем, после секса!

- Но конечно, на ставку модели, пусть и очень хорошей, как я, - улыбалась Анфиска, - всё едино далеко не уедешь! заработаешь за показ чего-то, оно тут же и улетает! Все эти салоны, солярии, фитнес чёртов, бя! А ведь старость тоже когда-то будет, и чем дальше, тем она ближе! Во, каламбур! - тут подруга невесело усмехнулась.

- Тоже верно! - лениво вставила я. Не хотелось говорить, гораздо больше располагало слушать. - Ну, и чё думаешь? - а разговор-то поддерживать хоть как надо.

- Рекламирую бельё, - подруга особенно глубоко затянулась на этой фразе, и слегка закашлялась.

- Вот, каталог новый, может чего себе выберешь? - она положила на стол пухленькую гляцевую "тетрадочку".

- Ага, я потом, ладно? - и этого тоже сейчас не хотелось. Просто сидеть и слушать...

- И в салоне элитного французского белья периодически голая пошарахаюсь перед посетителями, ну и фотки мои они выставляют в витрине - короче, вот так, это я и отношу в банк, пусть там копится! Но сейчас думаю переводить бабло за рубеж, многовато его становится, если опять такая же херь произойдет, дефолт не дай бог - так пиндец моим трудовым баксам и еврикам!

Суть да дело, и подруга посоветовала мне подхудеть и податься в модельный бизнес – мол, мои идеальная кожа, красивые руки и роскошные волосы могут сделать карьеру! Ведь торговать можно и частями тела.

- Ну, в смысле, будучи ещё частями живого тела! - рассмеялась подружка на мою удивлённую физиономию.

Хм-м, правда чтоль, роскошные волосы?..

- Бросай нахрен всех, Уфу свою эту – в пенёк! А извращенцев я тебе знаешь сколько и не таких прямо щас покажу!

Я, конечно, задумалась – красивое предложение! Да, "отчего бы и не однако"? Мне частенько нехилые комплименты отвешивают, может, и стоит поверить наконец в себя, да и послать всю долбаную прежнюю жизнь к свиньям? А ведь и правда, а? Стать такой же изящной стервой, высшей касты, как Алтынова.

Вот она, Анфиска, даже курит красиво, помешивая кашу.

- Нихрена не солёная! – говорит она и морщится. Пепел падает повсюду по её идеально чистой квартире. Вещи где попало, но чистота предельная. Я её отлично понимаю, сама живу точно так

же! Значит, могу легко стать такой! Надо хорошенько подумать. Только быстро.

- Ты мне тут анархии натащила своим видом одним! – говорит она.

Вообще она не курит, красоту бережёт. Для кожи-рожи вредно, и всё такое. Но, как сама говорит, такой случай... хочется тоже анархии и безобразий!

А ещё Алтыночке очень хотелось показать мне что-нибудь особенное, оригинальное! И мы отправились на необычную дискотеку – этническую. Там хэдлинерили группа «Луна в апельсинах», и подруга таинственно сообщила – а вот эти из Уфы! Тоже наши. Странно, в Уфе я про них ничего не слышала! Но главный сюрприз оказался не в этом, а в том, что в девице, проникновенно взмахивающей тамбурином, я узнала... Герку! Да, опять же "ту самую", что организовывала панк-фест "Свалка", где мы пели с Русым! То и дело мне этот давний сейшен привет передаёт. Я дико сомневалась - а она ли это, и всё всматривалась. Длинные русые волосы вместо коротких чёрно-красных, пёстрая женственная одежда после панклохмотьев-унисекс, и вроде как несколько располнела - но это была всё же Герка! Её в конце выступления представил вокалист Патрик. Ничего себе, куда неферские дороги сворачивают временами! От оголтелого панк-рока в Герке не осталось ни-че-го! А играли хорошо, даже отлично. Оригинально, чувственно, и вокалистка их чёрная очень в тему, со своим ярким этническим голосом. Проникновенно так, и задорно, и нежно. Я осталась очень довольна, и приплясывая, добавляла профессиональных элементов, вспоминая детскую танцевальную студию. На меня посматривали с интересом, и даже несколько неуклюже пытались склеить, но не сумев пристроиться к моим натренированным движениям, отваливали. Я только улыбалась - нет никого интереснее моего извращенца, и не пытайтесь! Я от-ды-

хаю!! Не надо ни секса, ни даже просто флиртов. Пауза, товарищи мальчишки, пауза!

Устав плясать, легла на пол в фойе, просто так. На это все дико офигели! Смотрели такими глазами, будто я разделась до гола ни с того ни с сего, или закатала рукав и принялась колотиться. Ну и ну, во народ! А вроде Питер - город неформальной, злой интеллигенции. Чтож, мне наверное, просто не стоило забываться, и привносить сюда, в эту изысканную атмосферу свой панк-рок. Надо было искать неферье для таких проделок. Ведь как не крути, а своей я себя не чувствовала здесь. Некоторая чужеродность... Нет, моё - это только панк! Всё хорошо, да только не родное.

Потому и хотела ещё в «Старый дом» сгонять, но оказалось, его закрыли. Жаль, так и не успела... Можно бы ещё куда-нибудь, но не попёрло одной идти... Анфиса не любит такой музон. Ну и хрен с ним. В следующий раз... хотя, кто знает, будет ли он?

Может, действительно, остаться? У Анфиски сейчас антракт с любовниками, место вакантно, так что ничто не мешает спокойненько вписаться у подруги, и она мне протекцию сделает! Денег достаточно карточка с собой, практически не лимитирована, и ещё одна есть, на которой основные накопления – она конечно, в Уфе, но маму можно попросить переслать...

Но... еду обратно, к Нему...

Итог: В Питере - страшно! Будто утопленник сейчас покажет разбухшее лицо на поверхности мистической серой воды одного из каналов... зыбко и нереально. В детстве я так хотела здесь жить, но город этот оказался страшен. Хоть и прекрасен. Чтобы жить в Питере, здесь надо родиться. В нём хорошо бывать временами, но не осенью. И не постоянно! Неутихающий ветер, не высыхающая кровь... Город поэтов, бандитов и самоубийц, но не маленьких глупых девочек. Вовсе не для меня.

А потому – прощайте, господин Питер, ждите меня в гости!

Ладно, харэ мне скулить, конечно, это всё лирика.

На сегодняшний момент жизни, всё что я делаю – тупо пропиваю её. Жизнь эту самую. Бухло, бухло, бухло...

Вот и ещё один тупой угарный вечерок позади... башка уже отгорела-отболела, отходняк.

Сижу и тупо пялюсь в телефон – чё за Надя? Чё за Алина? Охуеть. Кто такие, кого понаписала? Не знаю таких. Я вообще ничё не соображаю – пинцет, какие такие Нади? Пьяная была.

Вот новый мобил Русого. Еще один перверт. Везёт мне на них! Он мне такого понарасказывал! Вы бы испугались, а я–то после Ветра... Но Русский – это серьезно! Патология что надо! Вернее, что не надо. Мазохист, и не просто, а с переподвывертом. Ладно, это не мой секрет. Ведьму видимо устраивает. Она, стало быть, садистка? Иначе, как бы они сошлись? Ну, не моё дело. Он не хотел, да я раскрутила на разговор. Чуяла, что-то с ним не то. Как с Ветром. Так смотрят по-особому, ищут чего-то, Смерть в глазах у них, извращенцев. И то верно, они же её и кличут! Для них идеальное извращение – это то, которое ведёт к гибели, лучше обеих сторон. Но и умереть бояться, всё равно. И тянутся к Смерти. А самим страшно! Вот и растягивают, помаленьку извращаются, в пределах, для каждого своих. Но каждый мечтает о *Настоящем*, на что однажды решится, *и вот тогда...* Решаются ли, нет ли – я не со многими знакома, и все молодые – что уж с ними дальше будет, на что протащит? Но в основном берутся лишь молодёжь обучать премудростям боли, и разврата. Вот и весь печальный путь их. М-да.

А Русым я вожусь давно. Одно время знались плотно. Не до сексу, но знакомыми были – что надо! Делились друг с другом всякими нашими злключениями. Попевали и попивали вместе. Обкуривались, в лёгкую иногда, ну и манагу я первый и последний раз именно с ним пила. Очень уж она мне не понравилась!

История с манагой – корова на лестнице.

Мне семнадцать лет было. Прикиньте, да?

Лето. Типа июнь... да, июнь! Трава только подрастать начала. Дома скучотища, как всегда! На носу выпускной бал. Я думаю вообще не пойти. Кого мне там надо? Никого не надо! Мама тогда предложила альтернативу – ну давайте, своей семьей в ресторации позаседаем. Потом сгоняем в Гоа, прикольно! У меня предки любят тусоваться по белу свету, но работа-бизнес не дают так часто мотаться, как хотелось бы. Я так-то много где была – но Гоа меня не торкнул. Грязь, кожу сожгла на пляже, индусы эти хреновы, туристы... да ну! Но мама думает, что это такое гламурное молодежное место – и раз уж я нормально по клубам не блуждаю, так может там у меня любовь ко всяким развлечениям модно-тупой элиты проснётся! Мальчика под её вкус – гламурного пидорастического цивила отхвачу на пляжной дискотеке! Счас вот... мама, тянет тебя в Гоа – да ради бога и дьявола, вали, чё ты? Охота тебе с молоденьким прилизой потрахаться – ну и в добрый путь!! Какие-такие траблы? Моложе будешь смотреться!

В итоге я пошла-таки на выпускной. Фуфло, конечно...

А, да, не про это! Короче, готовиться к вступительным испытаниям в вуз мне не резон, папа заплатит! И я шатаюсь по переходам и подъездам.

Денёк такой выдался – на фоне этой гадкой нелетней холодищи, просто рай! Хэвэн гарден. Солнышко, ветерок! Собрались с какими-то ублюдками, напились – кто такие, нафига они – понятия не имею! Одно лишь хорошо – Русский там был! Да мы собственно, с ним и стрелканулись – и ему нечего делать, и мне. «Проеёбыши времени» - бесконечный сериал нашей жизни! Ведьма поехала на стажировку режиссёрскую, хрен знает куда. Ну, Русого вскоре вообще в дурку запрятали – нет, не из-за Ведьминой стажировки, а так... дурак он потому что!

Полабали, я аскала и пела, а Русский соответственно, играл. Назвать его исполнение всяких там «батек атаманов» и «секторов газа» каким-то другим словом трудно. Он гитарелла вообще офигенский! Да с ним и лабать-то одно удовольствие – народ отдает

не раздумывая последнее! Ма-ма, как вспомню – ну и голос был! Я такие вершины брала, такие нижние ноты!! По регистрам гуляла, как по бульвару! Сейчас уже не то... забросила. Только вот иногда почему-то жаль становится... и начинаешь думать – а может, ещё не всё потеряно? Так по-тихому примечтается... да ладно.

Вот, к двум часам дня мы уже были довольно «хороши». Лабаем абы как, нам в принципе, хватит, но куда там – давай ещё!

Потом-то самое интересное началось, когда я сообразила вдруг, что рву на газоне в центре города молоденькую коноплю, нахрена тока?? Совсем ещё листочки крохотные, тоненькие. А Русский объясняет:

- Нихрена, возьмёт! Сварим покруче, на литр целый мешок покидаем, уварим в нолице, до каши, отцедим – и сорвёт!

- Да ни хуя не сорвёт!

- Не пизди, Дика, увидишь – сорвёт!

- Думаешь? – я всё не верила.

- Сорвёт-сорвёт! – он продолжал жадно обдирать несчастные кустики. – Ты не стой давай, щас ещё менты припрутся, вот тогда вставит по-полной, писец! Влада меня тогда вставит... - пробормотал он угрюмо. Его мачеха – известное дело, нам-то всем что, мы мамины-папины, а он и правда огребёт если чё! И я взялась за «покос» с двойным рвением.

Всю эту зелёную хрень, целые под завязку набитые тяжелые торбы мы на свой страх и риск («трах и писк», как выразился Русский), уволокли по домам. Утром созвонились, и утопав в лесок, возбуждённо взялись за дело. Вызвонили ещё парочку таких же придурков – Бормотуна и Смеха. Они кое-как отыскали в овражной свалке банку от краски, с остатками засохшими – кастрюлю никому слямзить из дому не удалось. Принялись раскладывать костёр, налили молока в помойную банку... Бр-р! Я смотрела на всю эту картину с омерзением – придурочные алкашата, собравшиеся всерьёз пить из жутко грязной и совершенно негодной «посудины» - и я!! Жуть. Отвратна сама себе, ведь знаю, что тоже буду...

Варили долго, подкладывая дровишек, и отцеживая готовую отвратительно-мутную бурую, мерзко воняющую жижу... как тока молоко не свернулось! Куча коноплюшки уменьшалась медленно, пока окончательно не обрыдло всё это варить, и решили, что хватит. Через сложенную втрое марлю отцедили кашицу в разрезанную пополам пэт-бутылку. Боже, как страшно было на «готовый продукт» даже просто смотреть! Не то, что уж пить... все с сомнением разглядывали ЭТО на свет, сквозь пластик, в который жидкая грязь была налита, осторожно нюхали, морщились, матерились по поводу амбрэ, и никто не решался начать дегустацию. Потом Русский не выдержав, обматерил всех, отобрал сосуд, и... хлобысь – пару больших глотков! Как его перекосило, боже!

- Вонючий овощной суп! – объявил он, проморщившись. Все с ужасом обречения смотрели на него, зная, что раз начато дело, надо продолжать... следующей в круге стояла несчастная я, не в силах смотреть на предлагаемое. Глупо было отказываться теперь-то... да глупо вообще было всё это затевать! Волей-неволей, пришлось и мне... кошмарный эксперимент над своими пятью чувствами! Вонь, вкус, звук сокращающегося рефлекторно горла, осязание горячего дна баттла в руках... мама, это самое ужасное, что когда-либо насильовало моё бедно нутро! Га-адость!!

- Ну, и как? – недоверчиво посматривал на меня Бормотун.

- Супчик дня!! - мило промурлыкала я, не показав ни тона из всей гаммы чувств пережитых только что. Я всегда умела скрывать истинные ощущения.

Чтож, помучились, покряхтели – а допили всё как миленькие, за полчаса. Хотя последующие глотки и давались с ещё большим трудом – желудок уже знал, что ему предлагается, и строил попытки резистанса. Но не до рвоты, и то хорошо. А я всё боялась отравиться... Посидели. Подождали – ничего.

- Ну вот, я чё говорила – не сорвёт! Молодая больно... - подала я голос, когда дожидаться мифического прихода надоело.

- Да подожди ещё, чё тебе, так сразу прям чтоль? – огрызнулся недовольный Русский, сам, небось, чувствующий провал предприятия. Молчаливый Смех со скуки, наверное, начал подсушивать на раскаленных кирпичах остатки травы, и забивать их в сигарету. Мы понаблюдали за этой процедурой, потом оживились, пустив по кругу фальшивый «косяк». Не для кумара, конечно, для прикола! Потом нас распёрло постепенно на ржач, и мы сидели долго задаваясь вопросом – это манага пошла, или от самого факта идиотичности наших действий протащило? Дискуссия показала, что большинство всё же за вторую версию! Глаза у окружающих покраснели, мне тоже дало по зрению – а ну, попробуй-ка посиди по минуте не выдыхая горький, удушливый дым полусырой травы! Поплыл туман, пространство стало двухмерным. Русский пожаловался на идентичные ощущения:

- Дика, ты сама такая реальная, а вот деревья за твоей спиной как декорации! - его слегка шатало. – Ну, точно, картинка плоская...

Так и просидели, пока голод и сумерки не погнали всех нас, малолетних кретинов, по домам. Русский развёл на прощание руками, виновато:

- Ну да, да, сырая трава-то, молодая совсем... не вышло!

Ага... как же! Поднимаясь себе мирно по лестнице, и чувствуя лишь некоторую голодную тошноту, я думала уже только о том, чтоб добраться до кухни, и нашарить там чего-нить вкусного и некалорийного, а может и калорийного. Лишь бы покушать. Я смотрела себе под ноги, голова была очень тяжела от усталости. А вот когда я подняла её...

Передо мной стояла корова. Настоящая корова, чёрно-белая, с тупой рожей, и короткими рогами. У неё даже вымя было. Она перегородила мне лестничную площадку, и дверь квартирного блока. И кажется, даже воняла... коровой? Я же не знаю, как они пахнут...

- Кыш! – махнула я рукой на неё, а что мне ещё оставалось делать? Я же не знаю, как их и прогоняют, коров этих! Вот сука, она не уходила. Стояла и лупилась на меня. А потом как заорёт:

- МУУУУ!!!

Я чуть не оглохла, чесслово! На моё счастье, выглянула соседка, и тварь эту прогнала. Оказалась, её бывшего соседа-алкаша скотина. Она раньше в доме похуже жила, ну, как и мы, тока у неё там коров держали. Ну, она так сказала. Я мяукнула ей спасибо, и зашла домой.

А когда утром я осознала, что за дерьмовая ситуация, то...

Всё, манагу я больше не пила. Тем более, что Русого так и не вставило в тот вечер. Хотя он сказал мне это тока по горестному секрету, а сам всем злопыхателям, сомневающимся в его диком проекте сварить реального пойла из молоденького сырья, говорил:

- О, да вы чё, нас так реально на ржач пропёрло!! Ваще! – и в случае чего указывал на меня: - Да вон у Дики спросите, она тоже была! Мы так уржались, бя, пиздец!

- Ага, пиздец! – я слабо кивала на это. Мне такой пиздец не понравился... Совсем! Мало того, дружочек дорогой потом признался, что добавил втихую в грязную жижу пару колёсиков излюбленной циклы... вот в чём секрет, а я-то думаю – и чего меня с такой жидкой байды стукнуло? Нет бы сразу сказать! Доктор Айболит хренов! Искренне, с размаху по шее «попросила» Русого больше не делать таких тайных добрых дел, на том и остались приятелями.

И была у нас с Русым такая ещё одна история офигенная... в то же лето, как раз после выпускных и вступительных экзаменов.

На панк-фесте спели вместе, организованном той самой Геркой, из «Луны в апельсинах». Про него и в газетке писали, и про нас отметили даже особо, мы от радости чуть не подохли оба. Русский был никакущий, опосля денатурату, но справился «на ура» со своей задачей гитариста. Дело так было:

Нам как-то флаеры попались в руки: *«Всем причисляющим себя к неформальной панк-культуре! Приглашаем вас принять участие в панк-фестивале, который состоится 7-8 августа. Пиво спирты, инструменты, друзей-зрителей – с собой.»* Сразу загорелись, обсудили это дело – а мы ведь тоже можем! Репетнули пару раз песни Шмелей наши любимые, в лесочке, больше негде.

Седьмого мы с Русым и Ленкой-Гдетыгдеты пришли на Турник (такая полянка над оврагом в лесу), где-то к часу дня, пока распелись, хлебнули пива для храбрости. Представляю, какие лица мы могли бы заметить в автобусе, если б замечали! Русский – косуха на голое тело, основательно испачканные краской джинсы с тщательно выведенными матерными высказываниями великих кентов, удивительно грязные хайры, железный ошейник, обитые железом гады, чёрная готическая слеза на щеке. Гдеты – драные джинсы, густо подведённые глаза с черными искусственными потёками, коротенький топик. Я – зелёные корни волос, балахон, булабочки, тяжеленные бульдожьи «гады», и коротенькая юбочка. В общем, скромненько и со вкусом – обычно мы хуже одеваемся, но ведь праздник же...

А на Турнике... Чисто подметено, место под костёр и приготовленные ветки. Сцена такая классная, утопанная площадочка между двух деревьев, накрытая огромным куском брезента, и бревно положено поперек, чтобы музыкантам не стоять. «Ударная установка» из каких-то треснутых тарелок и еще бог знает чего, а над всем этим великолепием – сине-красная огромная растяжка «МЫ ОТКРЫЛИСЬ!» и маркером приписано «Турник – 2004». Сперли видимо где-то, прикольно! Зрительный зал по периметру, и посередине площадка под слэм.

Мы с Русым и Ленкой со всеми поздоровались, нас «зарегили» админы Герка и Кэш, и мы пошли искать портвейн. А то все уже пьяные, да там трезвым-то делать нечего! Кое-как нашли, оставили на ночь, чтобы не мерзнуть. Пришлось пить «Биолим», а куда деваться, больше ничего не было, и денег тоже только на обратную

дорогу, меня родители наказали за зеленые волосы. Я много не пила, нафиг надо, так, чтобы не теряться на общем фоне, а то трезвыми глазами на это все смотреть... да и страшно, ведь какое-никакое – а выступление! С «Биолима» на жаре моментально потащило, и появилось первое робкое ощущение, что всё будет хорошо.

Народ собрался часам к двум дня. Повсюду мелькали знакомые и неизвестные пока лица. Ирокезы, зеленые спутанные «хайры», косухи, булавки, рваные джинсы – весь панковский колорит. Были замечены не только панки, но и мирные хиппи, просто рокеры, представители «неформального мультикультурализма». Ходили, знакомились, радовались встрече.

Под деревом несколько в стороне, завсегдатай Турника Смех отбивал четкий рэповый ритм на гитаре, начитывая речитативом... «Всё идет по плану», «Гр.Об»а! Его поддерживали с самыми серьезными лицами, вставляя временами «Йоу, комон!» Да уж, постебаться панки всегда умели!

Пришли «Ferum», все сделали вид, что очень рады, а сами шипели за спиной – «Ой, звезды, бля! Это же не панк!» Я смотрела на них слегка завидно, хоть про них и не всегда особо лестно отзываюсь – но они звезды, клубного уровня, а вроде одновременно начинали, ровесники. Да у них серьезно, а мы простые расписдзяи...

Ровно в два дня один из основателей Турника Косяк призвал всех заткнуться, и объявил ведущим дня Бормотуна. Тот чё-то помудился, додумался раскланявшись, объявить «Ферум», те спели несколько песен. Шипеть-шипели, но напившись почти до свинства, подпевали, требовали хит «Оборотни». Вопили «Ферум» – форева!» Так-то, звёзды звёзды и есть, заслуженно! Своя кровь, панковская, как не шипи. Обнаружились «П пальца в рот», переименовавшиеся впоследствии в «Поносный торт», и на сегодня выросшие в скапанкеров «Карапузы». Яко же – «Бунт odinochek», «Зона-51», певица Крэйзи, «Стаканы» – цвет уфимского молодого андеграунда.

Дошло до «Гвоздя программы» - как возопил, призывая ко вниманию Бормотун, «П пальца в рот» – группа полностью состоящая из основателей Турника, наши «овражные звезды» идиотически-алкоголический хит про дворника дядю Васю «Биолим» поёт половина города. Пиком всего действия стало разбивание гитары об дерево вокалистом Fukelom, который потом бурно радовался как дикое дитя - уже третья гитара, которую он разбивает! Ему чуть не разбили голову, сокрушаясь матом, что это была лучшая на Турнике гитара, и как же теперь лабать на бухло...

Второй гвоздь, пожалуй, самый что ни на есть – это неожиданное появление прекрасной пьяной Белки с группой «Дохлые покемоны». Боже, как она поёт!! Все застывали, замирали на мгновение, потом бесились с новой силой. Она – волшебница. Такой голос сравним только с Лёлей Шмелёвой разве, больше не с кем!! Мне стало дико жарко, и я разулась и сняла тишотку, оставшись в чёрном атласном лифчике. Хорошо, что организовавшие площадку, предусмотрительно оставили пятачок посреди зрительного зала, специально под слэм. Разбушевавшиеся панки бесились, сваливаясь в кучу. Пиндец... я уж подумала смыться втихую – но куда мне после такого... А богиня Белка спела и опрокинув стакан портвейна, ушла. Музыканты её остались, сцену заняли «Зона-51», состоящая из гитаристов и ударника Белки. Вокалист Чиж рубился как мог, перемежая свои песни «Гражданской обороной».

Потом ещё чё-то, ну, послэмились, падая на первые ряды. Всё уже надоедать начало. Русский нажрался как скотина, следовало ожидать, а чего ж ещё? Я занервничала, мы с ним даже ни разу толком не отреповали, про выступление можно было забыть. Ходила и утешала себя – типа, а я и не рассчитывала. На него понадейся, пожалеешь! Дело к вечеру, кто хотел спели. Нас Косяк спрашивает – а вы-то когда будете? Я только плечами пожала. Распихала Русого – он мне – «Да чё ты, не ссы, всё ля-ля!» Выполз на середину, и орёт – «Выступает дуэт имени Пиздеца Охуенного! Всем плясать!» И мне – «Раз, два, три!!» И струны тронул... Я

поняла – раз у Русого гитара в руках, то всё в порядке! Какой бы ни был «никакой», а сыграет! Талант! Вышла, встала рядом, и спели ещё как! Поскучневший народ оживился, запрыгали как миленькие! На бис ещё попели, гораздо дольше, чем собирались! Вот это сууупер!!!

Кульминацией стало исполнение раздолбайско-идеологического хита «НесПи» - песни «Панк»:

*По улицам мы шляемся,
Бездельем занимаемся,
От власти задыхаемся,
Как мертвяки мы маемся.*

*...И если летнею порой
Идём безбашенной толпой,
Помойки все вверх дном летят,
И стёкла яростно звенят!
Панк – это антикульту-у-ура-а,
Которая гниёт в вас!
Панк – это антикульту-у-ура-а,
Которая живёт в нас!!
Хой, Хой, Хой!*

Кажется, куплеты перепутали, но никто не против, и мы орали как могли, упиваясь собственными голосами.

Когда нас отпустили, уже слегка стемнело. Сели, отдышались, выпили чего-то мерзостного, неожиданно возникшего, хотя все были уверены, что нет больше ничего.

И для расслабона, уже утомившись прыгать, уселись на бревнышко все рядком, и Русский завёл наш "переходный" супер-хит, всегда вызывающий самые живые чувства у благодарных слушателей – «Трудного ребёнка» Шмелей:

*На асфальте черным мелом я рисую чепуху-у.
Я сегодня заболею, я сегодня в школу не пойду-у.
Я любимой девочке с рогатки выбью гла-аз,*

Пусть ребята во дворе называют меня педерастом!

Играют мальчики в войну,

Играют девочки в войну,

Ну а я валяюсь в луже,

Ведь я-а-а-а-а никому не нужен!

Я трудный ребёнок,

Я трудный ребёнок,

Я трудный ребёнок,

Я замкнутый мальчик, е-е-е-е-е!!

Одноклассница сказала мне, что я воняю.

Я не знаю, как кому, но вонь свою я уважаю!

Я наверно, брошу школу

И пойду валяться в луже-хэ!

Ведь я трудный ребёнок, и я никому не нужен!

Я трудный ребёнок,

Я трудный ребёнок,

Я замкнутый мальчик,

Е-Е-Е-Е-Е!!!

Потом смотрю, Смех в ноль никакой, зовёт Бормотуна прыгать с обрыва. Бормотун радостно согласился, они и потащились. За ними Азат. За ними ещё какая-то девка. Я тоже – вот уроды, посмотреть надо хоть, чё делать будут. Юлька (девка Смеховская) бежит за Смехом – «ой, не надо, а то я тоже с тобой прыгну». Держит его на краю, я Бормотуну говорю – тебе-то это надо? Он сказал, что сейчас втихую отговорит его. И тут Азат, как завопит – вот приколы, я тоже хочу! И прыгнул, дебил. Хотел Смех, а прыгнул Азат. Сидит там на дне, ноет, руки-ноги зашиб. Козёл, он козёл и есть. Смех ноет – «Я сейчас упаду, у меня уже одна нога в обрыве! Всё кончено!» Придурок. Бормотун полез доставать Азата. Сел рядом на дне и сидит. Я, говорит, не могу вылезти! Я ору – вылазьте! А Бормотун мне – идите отсюда, мы разговариваем. Ага, а наверху поговорить нельзя, типа. Ладно, мне-то они до звезды, я и ушла. Послала пацанов за ними, их вытащили. Немного погода приходит Русый, и

говорит, что теперь в овраг по-пьяни упала Лаура (его новая девица). Притащили эту Лауру, у неё вся башка в крови, у Русого самого джинсы - от крови негде плюнуть! Жуть. Сотрясуха у девчонки на вид конкретнейшая, я-то знаю отлично такие вещи! Её всю трясет, она даже плакать толком не может. Положили страдалицу на ветки, голову обвязали. Скорую никто вызывать не стал, типа хуже будет, менты припрутся. Ни хрена не припрутся, просто уроды все, отмазоны ищут! Я настаивала, чтобы вызывали врачей, но... да пошли они! Вечерело, мы с Гдетыгдеты утопали в лес, попить портвейна. И пожрать кое-чего, предусмотрительно припасённого в бэге Ленкой. Сидим, пьём. Смотрим, идёт злой Демон – организатор площадки, типа «прораба», орёт – пошли все на хуй! Бутылку об дерево – рраз! И с розочкой в руках удаляется в чаще, Бормотун с ним. С тех пор их никто не видел до следующего дня. Хрен знает, чё они там делали. Мы думали, вены чтоль резать? Но криво посмотрели – и дальше бухать, в пизду их. Они задолбали уже все резаться! Тоже мне, понт, бя. *"А не пошли бы вы все на хуй, со своим, блядь, суицидом!"*

Ну так, вот. А дело в том, что Русский Лауру вписывал дня три до этого, потому что она поругалась с сестрой, и ей некуда идти. И типа, "вот моя новая девушка, и я её люблю". Ага, конечно. Он обещал её забрать к себе и в этот раз. Она лежит с разбитой башкой, он где-то шляется. Мы орём с Гдеты – РУ-УСЫЫЫЙ!!! А его нет, как и не надо. Козёл. Притащился к полуночи, когда Лауру успели свозить-таки в больницу, и привезти обратно. Ей там голову зашили, и определили сложную сотрясуху. Пинцет. А он припёрся, и говорит – вы меня звали? Мы с Гдетыгдеты друг на друга посмотрели, и я так ласково улыбаясь, ядовитенько – уже нет! А Ленка не выдержала, да как заорёт – пошёл на хуй отсюда, урод! Они поругались, Русский надулся и исчез, а мы стали себе место для ночлега готовить. Наломали веток, улеглись у костра. Ничего, удобненько. Если б ещё потом человек десять не подвалило! Подвинули нас наглейшим образом, стало не так комфортно, хоть и

теплее в компании. Природная моя брезгливость была начисто залита спиртами, и противно от близкого контакта с кем попало не было. Ржали там полночи, как кони, чё-то прикалывались. Гдеты (тогда ещё свободная) ушла трахаться с каким-то пацаном, первый раз видит (вернее не видит – темно!) Там один пацан рядом со мной валялся, прямо впритирку, места не было развернуться. Нам все орут – а вы чё не трахаетесь? Мы как завопим в один голос – мне нельзя, у меня жена/муж! Ладно, отвалили. Утром проснулись, поехали с Русым и Гдеты к ней домой жрать. Потом пошли лабать. Налабали часа за два рублей пятьдесят. На дорогу обратно, потом ещё на пиво – ну, почти все деньги и ушли!

Всё...

Потом, уже на вторую ночь, не стали оставаться там ночевать – желание жрать очень уж донимало. Потацились домой совсем уж в хлам, орали песни. Нас менты загребли, и продержали полночи, измываясь и запугивая – но не тут-то было, нихрена мы не испугались, а продолжали хамить и вести себя развязно. Я применила максимум нахальства девочки, отлично знающей полный список своих прав малолетних. И "серые", как не крутили, а успокоились. Тут как раз примчалась моя мама, а Влада, мачеха «боевого друга» не могла – была в ночь на работе, и нас мама обоих забрала, навешала по ушам, и отвезла Русого домой, а мне ввалили ещё как следует по дороге в машине и дома.

Придя в себя посреди ночи после всего этого удивительного трабла, я неожиданно вытянула из-под подушки дневник, и в слабом свете ночника написала:

«Когда я пьяна.

Я заползаю в угол сознания, и всё. Меня не достать и в то же время – я вся здесь. Типа здесь. Но ни хрена ни здесь. Я здесь, как никогда. И меня здесь настолько нет.... Просто охренительно – как действует алкоголь! Дешевый алкоголь, у дорогого совсем другой эффект.

Я могу трещать со всеми и каждым, я такая непосредственная. И в то же время – я всех глубоко ненавижу. Я такая добрая – и они мне нах не нужны. Я говорю любую шнягу и кому угодно – но мне это все равно. Трезвая молчу – даже если и подумаю, отчего бы не сказать, типа? Но не говорю. А пьяная – смотря насколько, конечно, но скажу всё, что угодно! Чтобы говорить не разбираясь, надо очень много пить. Но если столько пить – начинается молчанка, лень и труд рот открыть. И думать в лом. А если бы не в лом – то говорила бы все, что угодно! Люди окружающие меня, боятся что-то там кому-то там сказать – и я докопавшись, что именно и кому надо сказать стопудово скажу! А мне-то? Я скажу!

Но вот менты – другое дело. Это трабл. Так было и в этот раз. Какой хренотой я себя чувствую, начхать на это всё не даёт чертово воспитание. Если другим лишь бы поскорее отсюда выползти, то мне – так парит! Так ломает! Я начинаю рассуждать, что типа, какая мерзость, как стремно! Я – и в ментуре, как бомж, или пролетарий хренов... трабл, я же говорю! Совесть, и всё такое! Парит, ох как парит потом! Но всё же, я умею и отбазариваться от них, ментов этих!

Мне казалось, что нифига не умею, но потом поняла, что надо тока язык отпустить на свободу. Он сам подскажет что надо! Минуя голову, и всё правильно! Это тока кажется, что сам по себе, без головы, язык дурак, но не всякий! Мой воспитанный и культурный, и как надо говорит!

Наверное, могла бы стать ди-джеем на радио...»

Вроде, и надо было фест описывать, но не охота ни капельки. Всё хорошо, что хорошо кончается. «Всяк хорош, кто хорошо кончает», - как выражается Рус. И ведь прав, придурок...

Ну, раз уж пошла вспоминать о виданных мной фестивалях, то самое время рассказать о прошлогоднем летнем приключении. Всё-таки это одно из важнейших воспоминаний из моей панк-жизни!

Вернее, не то, с чего началось, а чем увенчалось, то есть ключевое событие... А впрочем, и сами разберётесь!

Узнали мы как-то, что на днях в Стерлитамаке, соседней "маленькой столице" Башкирии намечается панк-фест. А мы жадные тогда до подобных событий были, по малолетству, наверное, не особо разбирались, надо или нет - всегда и всё надо безусловно! В момент бэг на плечо, билет в ближайшей кассе, и на вокзал!

Ленка потащила со мной. Она же всё ещё считалась моей подружкой детства... Я, наивняк, не могла ей отказать в общении. И билет на электричку ей купила, у неё денег нет никогда, даже таких ничтожных. Ну, ладно, это неважно! Просто некому было больше поехать со мной - все знакомые, кто собирался или стопом свалили, или передумали. А одной чё-то совсем обломно казалось... Да и надо сказать, у меня никакой вписки нет в Стерлике, а у Гдетки сестра. Вот такая ситуация.

Приехали мы аккуратно за три часа до концерта. И, конечно, рванули сразу тусоваться у клуба. Он ещё закрыт, но - самое интересное, что продажу пива и даже всего прочего в близлежащих точках не прикрыли, как сделали бы у нас в Уфе. Ну, мы радостно затарились, и сели прямо под стенами клуба, заливать глаза для прострации. Народу ещё почти не было. Только какие-то чуваки, не очень неферского виду, кучкой человек в пять тусуются, на нас поглядывают. Мы им поулыбались, они к нам и подошли.

- Привет, девчонки, поменяться не хотите? - спросил один, рыжеватый, с бритыми висками.

- А что предлагаете и в обмен на что? - лукаво подмигнула я, чувствуя себя эдакой бандиткой на прогулке. Очень хотелось гулять-барагозить!

- Вы нам ваше пиво, а мы вам наш портвейн!

- Ого!! - мы с Ленкой одновременно задрали брови прямо к небу.

- А чего ж так?

- Да нам просто уже многовато будет, а придержать - ляжку жжёт! - ответил чувак.

- Вот пива бы попить сейчас - самое оно, - вставил другой, с зелёной мелированной чёлкой.

- А чё не купите? - спросила Ленка.

- А бабло всё спустили на портвягу, теперь жалеем...

- А, пнятна! - вставила я. - Ну, присаживайтесь!

- А менты? - осторожно покосился рыжий.

- А они здесь добрые, лояльные! - успокоила я.

Так я обзавелась компанией на вечер. В их портвейне, мы конечно не нуждались, а вот общество очень даже пригодилось! Не будешь же слэмиться в одиночку, и с незнакомыми тоже как-то не то... Короче, в тему чуваки пришли. Им нужны были девушки в компанию, а нам парни. Звали этих оболтусов Артамон, Винт, Горючий, Бред и Хорхи. Насвинячились вскладчину, пока публика не собралась.

Потом, конечно, пошли толкаться по толпе, орать, курить и всячески заводить ирокезно-булавочный народ.

У сцены было жарко! Не помню, кто там вышел первым, и вообще, как и когда мы успели оказаться внутри, но обнаружила я себя уже орущей и чуть не рвущей на себе одежду - причём, балахона на мне не было, и где торба тоже надо было разобраться...

Потом мы целовались посреди слэма с Артамоном, под антиромантическое хрипящее завывание "Отряда Бу", brutальных взрослых подпольщиков из Самары... Мне разбили губу, зубами Артамона, когда толкнули его во время поцелуя. Он очень испугался, а я только стёрла кровь, расхохоталась, и пошла плясать до потолка!

Потом, во время угарного бесилова "Шумшиллы - 7.62", одной из моих любимых уфимских команд того времени (ныне исчезнувшей в неизвестности, увы), я влезла на край сцены, и задирала ноги до ушей, изображая некий психоделический канкан. Охрана было попросила меня оттуда восвояси, но ребята-музыканты их

опередили, вручив мне микрофон, и я орала вместе с вокалистом "Про марадёра"! Ах, как было клёво! Сделав книксен, я нырнула в зал, где немедленно потребовала пива! И мы пошли с Артамоном и Горючим в бар. Где была Ленка в это время, я не знаю.

- Чуваки, вы чё сидите, поскакали срочно в зал!! - с диким воплем ворвался Винт, кажется.

- А чё такое? - резво вскочил, опрокидывая в себя пиво Артамон.

- Там же "Чашки" щас будут, хэдлайнеры!!

- "ЧАШКА ПОХОТИ"? – глаза у меня, кажется, стали как две луны размером! Много о них слышала, этих супер-самородках из Уфы, изловчившихся за три месяца существования засветиться чуть не по всем ключевым панк-сайтам, и многим Российским фестивалям, но видеть их ещё не удавалось.

- А я даже и не знала, что они сегодня здесь рулят! - возбуждённо орала я в ухо Артамону, ожидая у сцены выхода вокалистки.

«Чашка Похоти». Самый интригующий и многообещающий коллективчик - такие молодые, а хэдлайнеры! Во главе вокалистка Леди Тварь – настоящая панк-леди, преисполненная самых «аристократических» манер, в красной коже и рваных белых кружевах. *"В России вообще явный недостаток такого явления, как «женский панк-рок»"*, - вспомнился отзыв о них в какой-то статье. И верно, девчонки рубили так, что Кортни Лав умерла бы на месте от зависти. До Уэнди О. Уиллиамс, конечно, не дотягивали... а и не надо, сами по себе хороши! Хоть и несколько стандартизированы, я бы сказала. Но очень профессионально! Единственно, что слишком продуманное шоу, не хватало какого-то реального всплеска, от души! Если бы я была у микрофона в таком проекте, уж я бы показала, как... Но нет, я всего лишь в зале, застыла, не прыгаю, смотрю на Леди Тварь, в её "стальное" уверенное лицо, и завидую...

- Ну, короче, ты тут пока потусуйся мы тебя найдём потом! - сказал Артамон, когда "Чашки" уже допевали последнюю песню. Я механически кивнула:

- А кто сейчас будет-то?

- Мы! - спокойно, но с тщательно скрываемой гордостью ответил Артамон.

- Кто? - я не поняла сразу. - Вы?!

- Ну, да, мы! - кивнул довольный пацан: - "Щенки позора", город Набережные Челны!

Я смотрела, как дура - а чего ж не сказали сразу?

- Ну, всё, давай, мы погнали!

Резюме под их выступление у меня одно - Панк-рок будет жить, пока играют такие ребята!

Вышли на улицу, довольные и обалдевшие от звука, света, дыма, пива, слэма и угара... Ко мне подбежала счастливая Ленка, и мы пошли бухать с ребятами дальше.

- А у вас тут "Люмен", и Белка тоже ваша вроде?

- Ну, да, да. Белка наша!

- Жалко, что её сегодня не было здесь...

- Так она же и у нас не выступает, родной город совсем игнорирует! Всё Москва да Москва...

За такими вот разговорами набрались по уши, я, кажется, перебрала малясь... Ленка тихо хныкала, что как же мы теперь пойдём ночевать к её сестре, такие нехорошие. А мне было плевать на внешний мир. Меня тащило, и это нытьё раздражало! Хотелось просто бросить дуру одну, и утащить ребят куда-нибудь в ночь, тёплую, летнюю, и бухать, и угорать, пока сознание не откажет! А там будь что будет! Но так бывает не всегда... топливо вскоре кончилось, я предложила ещё сообразить, но ребята обломали - им было пора на вокзал. Что же делать, грустно собрались прощаться. Артамон вдруг и говорит:

- А поехали с нами в Москву! Там как раз тоже фест. Потусим, прикольно!

- Поехали!!

Я согласилась без раздумий. Домой не тянуло ни капли! Пусть Гдетыгдеты сама туда валит. Москва – так Москва!

И Ленка отправилась к сестре ночевать одна. А мы - на вокзал! О, как я люблю жизнь за такие вот всплески!

В поезде коротали время распиванием пива в неограниченном количестве, и распеванием «Люменов», под аккомпанимешки "Щенячьего" гитариста Дурдома:

*Вены дорог, дороги вен,
 Машиной размажет по кирпичности стен.
 Обломки империй, элементы систем,
 И тот, кто был всем,
 Тот станет никем.
 Но мы с тобою будем вместе,
 Как Сид и Нэнси, Сид и Нэнси.
 И ни за что не доживём до пенсии –
 - Мы Сид и Нэнси,
 СИД И...!!!*

Наш слаженный хор слушали всем вагоном, никто не был против, даже хвалили! И мы пели самозабвенно и прочувствованно:

*Дорожки пыли, пыль дорожек,
 Белый смелый, хитрый – тоже.
 Покатились глаза по бледной коже,
 У меня есть ножик, где-то ножик.
 И мы с тобою станем вместе.
 Как **Торк и Жанна, Шмель и Лёля.**
 И ни за что не доживем до пенсии,
 Как Сид и Нэнси,
 СИД И...!!!!*

В первый день в Москве отправились на фест панк-самодеятельности. Ничего так, приколенько, но не особенно впечатляет. Один из тех, что я видела – перевидела!

А вот зато на следующий день пошли на «StËklA»!! И я впервые увидела *Их, Торкера-и-Жанну*, вживую, в действии!! Боже, какое это было безумие! Угарнейшее сумасшествие, шторм, цунами в аду – этих сравнений мало, поверьте мне! **Они, они, они!!!!**

- СТЁ-КЛА, СТЁ-КЛА, СТЁ-КЛА!!! – орала мы всей огромной толпой, в несколько сотен, а то и тысячу глоток! Обнимались все со всеми, кто-то падал, его поднимали. И пиво текло рекой, по залу ходили косяки, но до нашего первого ряда не доходили, жаль! Но это не главное, конечно!

- **ЖААН-НАААА!!!** – вопила я так, что она даже заметила в адском шуме, повернулась, и послала мне улыбку и воздушный поцелуй! Я поймал этот поцелуй, и припечатала его к сердцу! *Моя Богиня...*

- Жанна, ты богиня!! – орала я, распихивая кучу тел у сцены, и вцепляясь в край, прыгала так, что чуть голову себе не расшибла, и порвала любимую ажурную перчатку о гвоздь. Я сохраню эту перчатку наверное, на всю жизнь, чтобы она мне напоминала о *моём первом концерте* – живом причащении *Их!!*

Назавтра похмелилась с ребятами, и ушла торопливо попрощавшись – будто надо с кем-то увидеться. На самом деле, мне просто нравится шататься в одиночку по Москве. Я и с экскурсией школьной когда приезжала сюда, лет в девять, смылась потихоньку ото всех, и шарахалась где мне вздумается, совершенно ничего не опасаясь! Пока менты не словили. Я сначала врала им, как меня зовут и откуда. Но они увещевали, что такая большая девочка должна сама за себя отвечать, и за своих родных тоже. Нехорошо будет и папе, и маме, и мне самой. Поразмыслив, я решила – да, верно. И вернулась в родные лапы классной. У неё чуть инфаркт не случился! А я просто угорела! Огромный город, не чета Уфе, и я – такая мааленькая среди него! Никто на меня не смотрит, никто не знает, что меня зовут Ивана, и домой не надо! Кайф!

До сих пор думаю – а как это менты узнали, что я вообще неприсмотренная шарахаюсь? Мало ли маленьких девочек колупается по улицам Москвы? Может, я и не терялась нифига, а из

школы шла? Профессионализм, мать их ети, что ль? А ведь страшно представить, что могло бы быть, если б не эти менты! От малолетней проституции, до холодного неопознанного трупика хорошенькой девятилетки... *«моя милиция – прекрасная моя!»*

Вырости-то я выросла, а вот ответственности не добавилось ни на кошкин сосок.

Что я делала в этот раз? Сгоняла проводить свои любимые рок-магазины. Помедитировала на Москва-реку. Потом надо было что-то ещё делать, и я пошла по-памяти искать одну знакомую девку, с Чистых Прудов, у которой как-то вписывалась. Я её не очень хорошо знаю, но показалось прикольным невзначай завалиться к ней! Всё какое-то занятие!

Действовать оставалось только по-наитию – адреса-то не знаю! Вылезла из подземки, вроде там где надо. Побродив по переулочкам, выбрала один из домов – кажись, тот. Бляха, тут кодовый замок! А номер квартиры... м-да. Всего и сведений, что её зовут Руфина, и она завзятый гот. Всё. Больше ничего. Наверняка, этого хватит – «где тут у вас такая чёрная, мрачная девочка живёт, вся в цепочках и в красивом платье?» А, хрен с ним, найду! Вот дверь запищав, открылась, кто-то выходит – я проскользнула внутрь. Консьержка высунулась, и я быстро крикнув:

- Здрасти! – проскользнула в открытый лифт. Во везёт!

- Девушка, вы к кому?.. – донеслось до меня. Но поздно!

Только вот на каком этаже мне выходить, собственно говоря? Пятый... сойдёт, ничем не хуже других! На площадке встала – и что дальше, голова моя самая умная? Решай! Какую квартиру кипишить будем? Млин, а вроде и седьмой этаж? Ну ладно, на этот раз пешком пойду! А вот дверь щелкнула, кто-то протопал на площадку. Я развернулась, и на лестнице увидела... **ТорКа**. Спутать его невозможно ни с кем! С полувзгляда видно, что это именно *Он*, и никто больше! Вышла полупьяная **Жанна(!)**, и они стали целоваться у окна. Я стояла, как оглушенная, и не могла дышать даже, просто смотрела на них! Потом они оторвались друг

от друга, и пошли вниз, мимо меня. Посмотрели на меня вскользь, ещё два шага – и они уйдут! Надо что-то делать! Я решилась, неловко тронув панка за рукав:

- Привет, ТорК! – голос как не мой, дрожащий какой-то. Они оба посмотрели на меня одновременно, ТорК прищурился слегка:

- О, я тебя уже видел! – обрадовано воскликнул он, видимо, узнав сумасшедшую у сцены. Мне повезло, настроение у них, кажется, вполне добродушное.

- Привет! – кивнула Жанна, и вопросительно посмотрела на мужа.

- Жасик, эта девочка так бесилась на прошлом концерте, что я не мог не запомнить! – он снова поцеловал жену. Она улыбнулась.

- А, ясно!

- А здесь ты чё делаешь? Живёшь что ль? – спросил ТорК. А я всё смотрела на **Жанну**. О, идеал, невероятная богиня!!! Я вся млею. Они оба – мои боги, мои! Иначе, разве бы я *Их* встретила вот так в огромнейшей Москве?

- Не-а, я просто так... шляюсь! А вы... здесь живёте?

- Да нет, просто приходили к маме Жанны, навестить! – пожал плечами панк.

- Слуш, а тебя как зовут-то хоть? – спросила Она.

- Меня? – блин, дура. Если сказать, кто я – получится навязываюсь, и не поверят нипочём, что не специально Их выследила! Да и вдруг просто не помнят...

- Ну, не нас же! – добродушно усмехнулся Он.

- Кроты! – шутливо отвесила книксен Она, в то время, как я лихорадочно соображала – если не помнят, не надо лезть, а если помнят – то это надо выяснить втихую!

- Яна! – если не прокатит, значит, помнят, значит, интересна! Ведь давно не общались...

- Клёво! – кивнул ТорК.

- Яна, а пошли к нам! - неожиданно сказала Жанна. Боже, серьезно? Я растерянно посмотрела на неё, не веря своим ушам – к ним? Домой? О, боже...

- Правда же, ангел мой, чё здесь стоять? – посмотрела она на мужа с такой любовью, что я чуть не умерла на месте! Мне бы такие чувства, такую взаимность!

По дороге купили чего-то горячительного, и в машине мы с Жанной начали потихоньку лакать, и ТорК, хоть и за рулём, не преминул безбашенно пару раз приложиться.

У них дома так прикольно! Я, конечно, не могла удержаться, чтоб всё не обсмотреть! Квартира довольно большая, и фотки по стенам разные концертные – вот Жанна в красном платье сидит на усилке с микрофоном; вот ТорК хищно глядя в зал поёт, а жена стоит на коленях, приложив к губам пальцы. Да много чего ещё, всё не перечислишь! И книги Жанны на столе кучей – я сразу вытащила первое издание *«Панк-рока для мёртвых»*, еще без иллюстраций, и на неважнецкой бумаге. Раритет! Такой уже не найдешь нигде. И диски ТорКа, вперемешку с какими-то бумажками – неужели его тексты? Нифига себе... И всякие фигурки прикольные – типа Барби садистки и мазохистки, и парочки кротов, свадебных. И еще один крот с ножом в лапах, как с мечом! Тот, что на фотках с сайта! И Жаннин тамбурин на крючке в виде рогульки. И её длинные перчатки свисают с подоконника... те самые, из клипов! Да тут просто на каждом шагу разные узнаваемые штучки, чуть крыша не едет! Я действительно у *них*! Словно во сне, ей богу!..

А Жанна посреди разговора вдруг и говорит:

- Стоп, ты Дика, что ль?!

- Ага, я! – и рот до ушей.

- Так что ж ты не сказала? – глаза распахнулись так неподражаемо, как может лишь она!

- ТорК, да это же Иванка!! – и ну обнимать меня! Я аж обалдела! Во дела... как приятно, боже мой, помнят! Значит, я им интересна... чуть не заплакала. Вот это да...

Всё дальнейшее я старалась впитать до капли, но помню лишь обрывочно, моментами. Очень уж волновало меня их присутствие, и я многовато скурила, и выпила конечно, немало! Хорошо запомнила лишь, как мы смеялись до упаду над их черным котом Морганом. Он так офигительно приставал к Жанне, а потом ко мне, тёрся головой о грудь, трогал лапами, что умереть можно! Потом ещё смотрели старые их клипы, которых никто не видел, потому что они не считают нужным их выкладывать. Перебирали их свадебные фотки – я набралась наглости, и попросила показать – тоже мало кто видел такое! Пьяная Жанна предложила – а давай, мы тебя в клипе снимем? Я спросила, заставят ли они меня тогда раздеваться – и они в один голос завопили:

- Непременно! Обязательно!

Я моментально согласилась, но вот когда, и на какую песню...

Я проснулась, и офигела оттого, что я еще *здесь...* у Жанны и Торкера!! Оказалось, пришла Дос. Жанна сидела на краешке кровати, небрежно полупричесанная, и без макияжа. В простой майке и широких штанах «милитари», и отпивала понемногу из стакана – я сразу ощутила терпкий кисловатый запах не очень хорошего вина. Жанна чуть морщилась с каждым глотком... ТорК сидел на стуле в центре комнаты, и пел под акустику что-то ещё неизвестное. Дос, стоя, старательно выпиливала на скрипке. Милая и серьёзная, как школьница.

Жанна посмотрела на меня, и улыбнулась лукаво.

Вот это да!! На моих глазах такие чудеса... Божечки... когда допели одну песню, Жанна поставила стакан на стол и сказала:

- Мы просто торопимся очень, заняты плотно, если что – сходи на кухню. Найди себе чего-нибудь!

Тогда ТорК посмотрел на меня и бесподобно улыбнувшись, как умеет один лишь он, сказал мягко кивнув:

- Привет!

Я тоже кивнула, прошептав:

- Привет...

Голос вдруг подвёл. Поздоровались с Дос. ТорК сказал:

- Ничего, что мы тут маленько порепетируем? А то нам записываться...

Я кивнула – он ещё и спрашивать у меня будет!! Ого... деликатность, однако... ТорК включил комп, достал профессиональные наушники, и принялся прикалываясь настраивать. Выкрикивал всякие хреньки, вроде: - Привет, дружок, хочешь, я расскажу тебе сказку? – дублируя свой голос мерзкими голосочками на компе. Жанна смеялась, и комментировала:

- Это истинный голос Крота из подземелий!

Что и было немедленно записано, завывая и попискивая. Потом Дос предложила так записать какую-нибудь песню. Жуть! Психоделия. Крошечное чудовище тоненько завывает под балалайку. В которую превращалась акустическая гитара, прогнанная через фильтры...

- Ой, мама! – позволила я себе комментарий. Раздухарившись, стали читать стихи. А Дос просто пилила "от балды" для фона.

Потом Дос ушла, и мы отправились на кухню завтракать. Я не могла есть, хоть и очень хотела, но даже пустой чай еле-еле в горло лез, так волновалась от их присутствия!

- Да ты не жмись, чего ты? – заботливо пододвинула мне кусочек булочки Жанна.

- Я ничего... - только и смогла ответить я. Она меня гипнотизирует, ей-богу!

Потом ТорК посмотрел на часы над столом, и вздохнул:

- Эх, Иванка, а нам ведь пора!

- Да, ты уж извини – на студии ждут! – несколько жестковато улыбнулась Жанна. Да и правда, пора мне честь знать – чего я их задерживаю?

Уже прощаясь, Жанна вдруг наклонилась к мужу, шнурующему "гады":

- Лёш, подари девчонке диск-то!

- Диск? – он не очень понимающе глянул на неё: - Сборник, что ль?

- Ну да, именно! – кивнула она.

ТорК вернулся в комнату, и полез в стол. Вытащив из кучки дисков один, протянул мне:

- Вот, слушай и наслаждайся сиим творением шизофреничности этого мира!

Это оказался сборник лучшего, «Прелести и Красоты», и на обложке хрустальная тарелка с дерьмом. Очень даже в стиле ТорКера! Я чуть до потолка не подпрыгнула - про него в инете читала, и даже спрашивала на форуме у Самого, где да как получить, но он почему-то не ответил. Там есть песни, ещё без Жанны, старые, забойные, не выходившие нигде, и записанные «х. знает где, х. знает как, и х. знает кем».

- Спасибо!! Торк... ты такой добрый!

- Да ладно, погоди! – отмахнулся он, и вручил мне ещё один диск! Это его сольник, «КроТ Прозревший». Развернула буклет, и внутри прочла: *«Показания к применению: Дистрофические поражения сетчатой оболочки глаза, в т.ч. наследственные тапеторетинальные абииотрофии; дистрофия роговицы; лучевые катаркты; травмы роговицы (в качестве стимулятора репаративных процессов).»*

Мне хотелось просто на шею ему кинуться, но я конечно же, не стала – при жене-то! Оказалось, даже и это ещё не всё! Жанна подписала мне совместную книгу с ТорКером *«Раз изгой, два изгой»* - а их всего пара сотен экземпляров, для своих!!! Значит, я им *свой?* *«Дорогой Ивасик! Всего тебе глобального и вездесущего! Будь, всегда и везде, Торк и Торкесса».*

Попрощались очень трогательно, они поцеловали меня на прощание – оба в губы! Торк предложил меня подбросить до метро, если надо. Но я отказалась, сказав, что пройду пешком - у меня сейчас времени навалом.

Шла куда-то по улице, прижимая к груди пакет с их подарками. Пошатываясь, как пьяная – а может и пьяная, не знаю! – и перебирала в голове как драгоценные бусинки моменты общения с *Ними*. Жанна обещала написать обо мне книгу... Она поглядывала на меня, и изредка быстро записывала что-то в блокнот. Интересно, что, но спросить никак... наверняка, это те самые выкладки, которые она постоянно делает на сайте, всякие невероятные записки. У меня же тоже дневник такой. Пока она выходила на кухню, я поспешно глянула в тетрадь. Блин, стыдно – но не удержалась! Почерк у неё не особо хорош, будто левша писала, или спьяну. Хоть с трудом, но можно прочитать при желании, и в принципе лучше моего. Если, к примеру, я сейчас умру, и мои записки вскроют, то никто нихрена не поймёт! Вообще. Даже если обойдя первое препятствие расшифруют этот секретный (супер-секретный!) почерк, то что имелось в виду – точно уже не понять. Я сама – и то многие вещи к чему относятся соображу тока под гипнозом! Во как! Гы-гы...

И вот, я в Уфе, и звоню в дверь Гдетыгдеты.

Сама не знаю, и зачем я пришла сюда... Просто чтоб похвастаться знакомством с ТорКом. Да, точно, пусть будет так. Не для того же, чтоб узнать, в себе ли Ветер сейчас, и можно ли... и не для того, чтоб случайно на него здесь, в доме его сучки, нарваться. Нет. *А потому, что Гдеты мне подруга...*

Открыла, лицо такое, будто если бы бензин и спички под руками, нечаянно на меня и пролила, а потом помогая отряхнуться, спичкой чиркнула, так неловко... Ха, думает, дорогая, мне крыть нечем? А как насчёт моих "Невероятных приключений неформалки в Москве"? Тебе-то, солнышко, такое ни под каким соусом не светит! Я тебе завидую, что ты с Ветром в "законных" парочках, а ты мне позавидуй! Уж я-то знаю тайну полночных терзаний, как подруга твоя - заметь, лучшая! - ты, сука, по ТорКу убиваешься!! Что, Ветер-то так и не знает, как ты слюни пускаешь, пьяные, до

чего же ТорК роскошный, самый офигительный на свете, и всякое-прочее, а?

Ну, вот сиди теперь и слушай! Особенно, как он меня на прощание поцеловал! И как я рядом сидела, и даже запах его ощущала - да, Ленка, какой за-пах от него чудесный, и тепло! Бледнеешь от чувств, да? Вот и молодец. Вот так тебе. - Девочки, идите хоть чаю попейте, ну что вы всё тут сидите, я уж и стол накрыла!

А бабушка у тебя хорошая, заботливая! И ты, сука, вся в неё - прямо-таки жёнушка, предмет первой необходимости для Ветра, дурака беспомощного нашего! Только заметь - *нашего*! А вот ТорК между нами двумя, в определённом смысле останется только моим! Тебя он ни разу не видел даже, а если бы и увидел, то уж точно не запомнил ни твои кривые зубы, ни пустые глаза!

Ненавижу тебя. И чай твой. Скучно мне с тобой, и серо.

Как убого можно жить, я и забыла! Ведь сами не так давно выбрались из подобной дыры... спасибо предкам! Деньги есть гуд!

А мне пожалуй, пора!

"Да ты вообще зачем приходила-то?" - так и вопрошают Гдетовы глаза. "Да пошла ты" - отвечают мои.

Потом нашла-таки Ветра, и помчалась к нему, делиться кайфом!

Прямо с порога всё ему выпалила одним духом! Как отрывалась, как шаталась по Москве, и нашла вдруг Их, как с ними в одной квартире ночевала... Он смотрел, и улыбался. А я таяла, и думала - как же я скучала! Хочу снова этих рук, сцепленных на груди, хочу боли от них. Хочу...

- А знаешь, я ведь плохо поступила, что убежала из Уфы, да? - выпалила я, не подумав.

- Что? - брови его взлетели вверх. А в глазах заплясали черти. - Да, точно!

Ветер охотно принял мою игру.

Он отшлёпал меня, как негодного ребенка, прямо так, перегнув через колено. Приговаривая при этом:

- Дика, ты ужасно плохая девочка! Ты знаешь, за что это тебе? Потому что ты шаталась по Москве, совсем одна, ночевала черт знает где! Подумать только, со звездами панк-рока! Ты очень нехорошая девочка, ведь так! А нехороших девочек наказывают!

Больно, до ужаса! Я больше всего на свете хочу сейчас видеть, какое у него лицо при том, что он делает со мной. Мелькает мыслишка, что в следующий раз надо бы зеркало поставить, и видеть и себя и его... а то ощущения какие-то не полные... но много думать не приходится – я вскрикиваю от очередного звонкого шлепка. Реально больно! Реально круто! Ах, другого такого раза не будет, все только сейчас...

Вдруг он наклоняется и кусает меня через трусики.

Безумие овладело мной начисто.

Я соскакиваю на пол, и стягиваю медленно трусики, пританцовывая, а топик не снимаю – почему-то мне так нравится. Поглаживаю свои припухшие груди, запускаю пальчики между ножек... он смотрит с явным удовольствием. Я хочу черт знает чего, и отключив сознание за ненадобностью, делаю все по наитию, сама удивляясь каким-то краешком существа – вот ведь как могу!

Поворачиваюсь в танце к нему попой, и широко раздвинув ножки раздвигаю его колени, продолжая танцевать опускаюсь на его колено прямо своей совсем уже мокрой киской, и принимаюсь тереться ей о его коленку – жутко необычный онанизм, не так ли? А как заводит!! ААА, это просто... о, ещё немного... замечая, что он тоже трогает себя... о, молодец, вот так! Но мне не хватает... и я исхитряюсь изогнуться ещё немного, и не свалиться с такой позиции, и просовываю пальчики себе в попку. О, вот так совсем... ААА, ещё, чуть-чуть... да... смотрю на него из-за плеча, его глаза горят зверски, меня это сжигает заживо!!

Он не выдерживает, и резко схватив меня поперёк талии, ставит властно на пол на четыре точки, и грубо – о-очень грубо! – трахает в попу.

А, чёрт, без комментариев!!!

К слову, Артамон какое-то время писал на форуме Жанны и ТорКа, обменивались разными записями. Потом как-то перестали общаться. Впрочем, как всегда. Да это и нормально - о чём говорить на таком расстоянии, зная друг друга лишь по одному единственному фестивалю. Бог бы с ним...

Возвращаясь с очередного одинокого пьяного похода на Горс, в злом порыве бессмысленности завернула в первый попавшийся двор, села на скамеечку, достала дневник, и написала:

«А все эти тяжело пропитые, такие юные, но такие конченные личики! Эти ужасные девочки, которые тем и ужасны, что никому уже и не кажется, что они дегроидно гадки! А все эти омерзительно недоразвитые мальчики! Боже, боже, с кем я связалась? И весь прикол в том, что никто из них не понимает в ноль, в упор, что они конченные ублюдочные рожи, плешь цивилизации, ее жертвы и ее пороки одновременно! И все они думают, что могут стать певицами, революционерами! Девочки дают таким ничтожным, таким ублюдочным мальчикам! Да и я тоже. Они такие молодые, и такие конченные... боже, боже! Панки сдохли, поверьте мне! Панки сдохли и не надо лелеять пустые надежды, ведь панки всего лишь те же люди, а люди как таковые просто отстой... и я человек... панк... мерзость, господи, видишь эту мерзость? Не обижайтесь на меня, это правда ваша такая! Каждому достаточно просто лишь в зеркало заглянуть, более-менее трезвому, или не трезвому, но понимающим взором, хоть это и трудно – и увидеть – куда мы все докатились! Оценить, БЛЯДЬ, заценить, на хуй, куда мы припёрлись ВСЕ! Если ты человек – ты полный отстой, уж поверь мне, я знаю, я ВИЖУ!!!»

Хуй вам, духовно продвинутые!!

Хуй вам!!!!

Последние слова я начертала резкими рваными буквами на стене маркером. И не оборачиваясь, ушла прочь с этого места...

Опять чёртова тоска... с самого утра. Непреходящая. Не знаю, куда и бежать уже от неё. Мать разбудила лично, чтоб универ не проспала. Ей Петровна доложила, что я прогуливаю. Ну, я сделала вид, что собираюсь, а когда предки исчезли за дверь, разделась и завалилась в постель. Привычный со школы приёмчик. Не пойду никуда. Не хочу. Полежала–полежала – чё-то не спится! Тогда встала, пошарахалась по квартире, пока домработницы ещё нет, повалялась на необъятной родительской кровати, удивляясь, как им не приходится орать с одного угла на другой, чтоб поговорить вечером? Выкурила крепкую и горькую папину сигару. Кофе попила, мюсли пожевала. Ну и дрянь, как мать может есть их по утрам? Фигура, святое дело! Да, у меня тоже! Вернулась в комнату, разделась перед огромным зеркалом в платяном шкафу. Принялась критически осматривать своё тело – не растолстела ли? А то я в последнее время совсем забросила себя, не слежу ни что ем, ни сколько и чего пью! Опять же не высыпаюсь, а это для целлюлита милое дело! Пришла к выводу, что вроде нет. Только животик немножечко более выпуклый стал. Но это, наверное, не трабл! Пару дней на сладких кашках, и всё сойдёт, как миленькое! Попа гладкая, ни единой складочки – и то верно, что мамин новый французский гель помогает! Она три коробки сразу купила, я одну экспроприировала. Редкостно красивая задница у меня! Не зря так популярна среди друзей мужского пола! Так и норовят то шлёпнуть, то ущипнуть. Есть за что! И татушка моя - кошко-бабочка очень в тему. За два года не устарела совсем. Хороша-то хороша, но вот в солярий сгонять раза три не мешало бы! Если не забуду.

Достала все свои украшения - золото, рубины, одела на себя. Цепочки и жемчужные бусы в пять рядов, очень секси между высокими сосками! Если ещё и пальчиками в перстнях с изумрудом и аметистами прикрыть грудь, и немножко нахмуриться – вообще кр-расота! Есть даже корона-диадема – купила в Сиднее, в двенадцать лет. Жива ещё, а я-то про неё совсем забыла! Какой принцессой я тогда себя чувствовала, когда надевала её на корпоративные банкеты для детей сотрудников! Ходила, гордая и неприступная, мелкими шажочками, в роскошном пышном платье с палантином, и никому не позволяла со Своим Королевским Высочеством даже заговаривать! А в Варшаве, куда ездили к папиному кузену, на какое-то родственное заседание, я в ней впервые поцеловалась! С самым красивым мальчиком вечеринки! И сейчас, довольная, нацепила штучку на грязные, растрепанные волосы. Повертелась голая и в камнях – ух, прикольно! Роскошно! Одно жаль, некому сфоткать! Если настроить фотик по таймеру, и самой... нет, не прикольно, одно тока разочарование получишь. Да и лень, если честно. Потом примеряла всякие шикарные плейбойские позы глядя в глаза своему отражению. Всё думала – надо запомнить, потом воплотить!

Воистину, бриллианты – лучшие друзья девушек! Засохнуть тоска не засохла, но вот что отпустило – это да! Я даже в универ решила сгонять, на последние две пары. Надо же своих колечек прогулять, они без света чахнут.

И оказалось, не зря вышла! Встретила праздношатающихся Русого и Ведьму. Русский бородку отрастил и усы, почти черные, при светлых волосах вообще прикольный контраст!

- Это у тебя свои такие усы, цветом?

- Ага! – улыбнулся от души мой старый собутыльник.

- Прикольно, да? – поддержала Ведьма. – Мы и не ожидали, что так будет! Когда женились, ему бриться ещё не надо было, пацан совсем! – она тоже от души нежно улыбалась. – А щас, смотри, совсем мужик!

- Ну, так, женатый человек! – важно напыжился Рус. Я фыркнула, не удержавшись – вот блин, нашёлся тоже, будто я не знаю! Псих и накроман, раздергай, каких мало – этого и могила навряд ли исправит!

- Слушь, Дикая, а идём бухать к нам! - вынес самое что ни на есть естественное предложение Русый. - Мы сейчас к Владе, она замуж вышла за байкера молодого! Приколись?

Делать в принципе нечего, и конечно, я пошла.

С тех пор, как я последний раз побывала у Русого дома, тут заметно переменялась обстановка. Только мы сунулись в коридор, как тут же чуть не споткнулись обо что-то странное, металлическую конструкцию с проводками.

- Ой, да это Антоша забыл в гараж унести! – пояснила неожиданно приветливая Влада. И по всей квартире валяются железные штуки, неферские украшения типа драконов и шипастых напульсников, и бензином воняет. Жуткий прикол - мегера Влада нынче носит корсет и чулки! Русого чуть удар не хватил, когда она приподняв юбку продемонстрировала это типа нам с Ведьмой, да ещё и будто по секрету. Но явно так, чтоб и он видел. Да уж... я бы на месте Стаса вообще бы сдохла.

Наконец появился долгожданный молодой муж – красивый, большой парень, при всём байкерском параде – "косая", хайры, штаны кожаные.

- А вот и Антоша! – радостно взвыла Влада, как заждавшаяся хозяина породистая сука, и наверняка, будь у неё хвост, завиляла бы!

Познакомились, сели выпивать. То да сё, обычным порядком.

- Стасик, а давай эту песенку, которая мне так нравится, - облокотилась на стол нетрезвая Влада.

Русый молча кивнул, и пошёл за гитарой. Видимо, всё ещё не отошёл от зрелища сексапильный мачехиных бедёр в чулках... я знаю и эту его грязную тайну. Чёрт, да чего только не узнаешь о гадком человеческом нутре под совместным циклодолом...

Русый вернулся, и сосредоточенно тронул струны, примеряясь.

- И не дожждаться тепла-а-а-а от мёртвой Луны,

Не добиться огня от высохших сердце-е-ец,

Катафалк новобрачных, суета и цветы –

- Это день идёт со смертью под венец!!

Батюшки мои, да это ж Шмели! Вот бы не подумала, что Влада такое может любить! Я, кажется, уважаю её всё больше! Мы-то с Русым ладно, известно дело, поШмелята те ещё, но вот Влада!

- Тень гуляй, по ночам и днем,

Гуляй тень пятном неизвестной звезды,

Гуляй тень венцом,

От мечты до мечты не дожить!

И голос у неё оказался очень даже ничего, такой народный, сильный и прокуренно-звонкий, если можно так сказать. Вытягивала она «на ура», и среди звенящего общего тона прорываются сигаретные нотки. В общем красиво, и душевно.

- И не дожждаться дождя от сексуальных фантазий,

От ужасных снов с летальным концом,

А когда тень воскреснет, нимб ее украсит,

Станет жёлтой как осень,

Со злове-е-ещим лицо-о-о-о-ом!

Ведьма тоже хорошо пела, только иногда прерывалась, затягиваясь, и покашливая. А ведь одно время бросала курить, сгубит её эта чёртова привычка, у неё лёгкие не слава богу... да и у меня.

- Не дожи-и-и-и-и-ть...

Русый не пел, он сосредоточенно уставился на свои ловкие пальцы на струнах, будто не может так играть! Обычно-то он закрывает глаза, если музыка грустная, или строит глазки окружающим, если весёлая, и залихватски поёт, но сейчас видимо, всё не может даже просто взглянуть на мачеху... жуть. Зачем мне такие секреты? Я исподволь взглянула на его жену, она будто ничего вовсе не замечала, пела себе или затягивалась. Знает ли нет?

Но вот Ведьма бросила короткий взгляд на свекровь, скользнула по её ногам с едва уловимой тенью, и я поняла – знает! Всё знает... или мне показалось? Не знаю, почему-то я не могла забить на это совсем не моё дело, и сидеть себе спокойно, будто я тоже принимаю участие во всей этой внутрисемейной байде. Раз знаю, что Русский сох по мачехе в сексуальном смысле, и кажется, продолжает до сих пор, так и не получив «своего» (вернее, конечно, чужого, табуированного). Всё, забить и забыть! Просто петь. А потом домой – и пусть все живут, как знают.

Позже я спросила Ведьму – как получилось в Москву перебраться? – та ответила пожав плечами:

- Я же ведьма... наколдовала!

- Хых, мне бы так наколдовать! – усмехнулась я. Хотя, кто ж мне мешает, у меня денег хватит чтоб обойтись без колдовства. Надо об этом подумать!

- А ты давай к нам, перебирайся! – будто прочитала мои мысли Русова жена. Не исключаю, что она и это может! Стоит задуматься – а делает ли она так, ведь это не этично, а Ведьма девушка воспитанная. Да и надо ли ей копаться в чужой голове, своей грязи небось по самые помидоры! Живёшь с извращенцем – так разве отмоешься когда?

Чтобы как-то прореагировать, я кивнула, и подняв голову заметила, что Русский посматривает на жену не то вожделенно, не то умоляюще. Ведьма же будто не замечала, типа – что я тебе сделаю? Вот ведь дал же мне бог способность ловить всяческие оттенки чувств на лицах людей! Порой и телепатии никакой не надо. Так видно. Только мешает очень, что не знаешь никогда, права или нет, может, мне кажется?

Неожиданно Антоха настойчиво подхватив любовницу за талию, вынес гениальное предложение: им поехать к нему домой, догонять остатки ночи, и отоспаться в тишине и покое днем – завтра, оказывается воскресенье, а я и забыла счет дням, постоянно прогуливая универ! Влада пыталась слегка сопротивляться, но он

подмигнув нам, потащил её к выходу, убеждая, что так всем лучше, и хата у него просторнее, и молодёжи хочется культурно поколбаситься, да и им тоже... она, конечно, согласилась, и слегка поворчав напоследок, светясь шальным «замужним» счастьем, скрылась за дверью. Антоха, весело подмигнув, пожелал нам как следует оторваться. Мы пьяным хором ответили:

– Взаимно!

Тут Русый вздохнул свободно. Опять же – потому что его избавили от мучительного присутствия мачехи, или ему просто неймётся догнаться до окоченения без взрослого надзора? Сам-то он ещё считай просто пацан, и жена его дура, раз такое позволяет. И я нихрена не лучше. Вот тебе и компания. Чего же было и ожидать от такой кучи пьяных подростков? Логично, что чуть позже Ведьма извлекла на свет какую-то ДиВиДишку, и таинственно подмигнув Русому, сказала:

- Ну, что продемонстрируем, что у нас есть интересненького?

- Ты про Белку? – уточнил он. – Давай! Дика, зырь сюды, это ваще такой рулё-оззз!! – закатил он глаза. Я с нетерпением уставилась на экран – и что же там такого, интересно? Порнуха?

Это и оказалась именно она. Но не просто так, а всмотревшись, я поняла, что узрела *садо-мазо-порно с Белкой!!* Минут пятнадцать я глазела как дура, открыв рот. Пока не нашла в себе сил спросить:

- Ведьма, это откуда? Это что... Белка и есть?? Ох и нихера себе!!

- Она самая, - усмехнулась Русица. - Друзья киношники подарили, достали где-то. Сверхраритет, понимаешь!

На экране нашу панк-сверхледи трахали просто дико, слов нет как! И она истязает кого-то, девку и парня, валяющихся у неё в ногах...

Особенно хороши анальные сцены! Дело даже не в самом процессе – довольно банален, а в том выражении лица, в тех эмоциях, в той игре которую показывает Белка. Так зажигательно, так... особенно! Наивно, а такое искреннее насилие создаётся посредством её этой игры! Нет, оно и понятно, что ничего не

чувствовать, когда тебя трахают в попу нереально, но она точно играет, причём так мастерски! Ведь навряд ли выражение лица или эмоции при анальном сексе красивы... там ведь к чёрту обо всём забываешь – только как бы выжить при таком диком и непередаваемом переживании! А она играет, и это красиво, азартно, так насильственно, и горячо! Белка – просто прирожденная порно-звезда! И вот откуда эти её невообразимые секс-шоу, дикие выходы на сцене, её этот похотливо – сногшибательный отвязно-невинный и дикий образ!

- А зачем ей надо было сниматься в этом? Ведь съёмка явно не любительская! Девочка работает! – спросила я Ведьму, замороженно глядя на экран. В это восхитительное лицо, в полуприкрытые глаза, следя за её движениями, как порно-богиня вскрикивая, облизывает тонким кошачьим язычком губки.

- Выживала... думаешь, её Москва так просто приняла? – усмехнулась Ведьма, подливая мне в бокал ещё коньячку. – Певица-то она блестящая, ничего не скажешь, но пока-а-а за это денежки пойдут, да при её ненормативном, сумасбродном творчестве! Непокорная она, пока пробивалась – тоже ведь каждый день кушать охота...

- А... понятно! – тока и смогла ответить я, погружаясь в собственные ассоциации, и воспоминания.

Я ведь два года подряд, с семнадцати до девятнадцати, ни о чём и думать не могла, только об анальном сексе... скажете, так не бывает? А вот и очень даже бывает! Но не могла же я своему тогдашнему культурному мальчику сказать – «а трахни-ка меня, милый друг, ну, туда... в попу, короче!» Это ведь никому вот так не доверишь! Или порнушницей надо быть, или шлюхой, или если ооочень большая степень доверия между партнерами! Я так мечтала, всё думала – как оно, больно наверное? И поделиться не с кем... только на уровне «хи-хи» да «ха-ха» возможно в моём кругу общения, или отвязно слишком, а не так, чтоб реально расспросить! Я и в инете искала инфу, а там разное пишут – что

вот мол, больно до дикости! А другие – не-а, нормально, или даже супер!

Всё это понятно, но мне-то что было делать? Молчать только. Ночами просыпаться мокрой и окаменевшей от пережитого только что, не в реальности. И ничего не делать наяву. Кому же я могла так доверять? Да и рот не откроется такое сказать... мало того, я и не знала – надо ли мне это на самом деле? А вдруг нет? А я уже решилась, как же потом? Наивняк.

Пришёл Ветер, и всё сделал молча и без всяких вопросов и предложений. Потом ещё удивлялся – «а ты разве ещё не...? Что-то у тебя там довольно не узко! Точно нет?» Я аж дар речи потеряла – как же так? Я тебе доверилась, позволила такое, а ты?! Да нет же, нет конечно! Первый ты у меня! И единственный в этом роде. И пошли нахрен все остальные.

- Хочешь, забирай! – вывела из мига прошедшего в реальный Ведьма.

- А? – встрепенулась я. – Диск что ль? Хочу! Конечно!

- Угу, - кивнула она, вытаскивая раритетище – моё уже! – из компа. – Тока больно никому не показывай!

- Тебе оказано большое доверие! – хохотнул Русский.

- Вот именно! – совершенно серьёзно кивнула его жена. – На самом деле, поаккуратнее, понимаешь же сама! – передала она моё новое богатство.

- Непременно! – также серьёзно приняла я подарок. Ветру только покажу, уж точно! А Ленка обойдётся... её Ветер тоже также трахает, уж точно! Но куда ей до моего кайфа, с её-то узкими костями! Для такого дела, чтоб безболезненно, нужно "седло" не меньше моего. Терпит небось, сука. На а/с даже шлюхи специализируются не худые. Так что... ох, и злая я стала с ними, этой грёбанной парочкой Ветер и Ленка!

Тем временем на стол посредством гостеприимной Ведьмы явилась тёмная и мутная бутылка. Решив вопрос, повисший в воздухе, о том, что надо догоняться. А там хоть трава не расти.

Засыпая, я подумала что...

А домашняя брага шуршит в горле похожим на сперму манером...

Отойдя, вспомнила вчерашний разговор с Ведьмой... я напившись до горла, сидела напротив них, счастливых, за столом, подперев шаткими руками пьяную голову, и смотрела на них, счастливых – Ведьма и Русский, Влада и Байкер... как его? А, Антон! Антоха. Улыбаются, прикалываются чего-то, довольные все, обнимаются, бя... и так мне хреновато стало, так одиноко! У меня-то никого, по сути нет. Ветер? Он не со мной. Голимый триндёж все его речи, про сердечное отношение ко мне. Вот где он сейчас? Где он, когда эти четверо любят и понимают, делят все горести и радости? Не знаю. Или с Ленкой, или сам с собой, с глюками своими. А я тут сижу. Не в тему среди всей этой любви и радости. Пропёрло меня, вышли с Ведьмой приватно покурить на кухню, я и спрашиваю:

- Скажи, дорогая моя, что ж делать-то мне, как любовь свою найти? Ты ж ведьма! Ведь не обошлось, наверняка, без штучек твоих, когда Русого прикарманила? Любовь у вас не просто так... знаешь, небось чего?

Она усмехнулась сладко и говорит: «Берешь чувака», типа у нее такой был. Игрушку, значит. Медвежоночка там, или собачку, плюшевого, не сильно большого. Лучше на цепочке, вроде такого, как на рюкзаках девочки-подростки таскают – легче прицепить к себе будет, и держать проще – поводок считай, уже на нём! Подбирай, говорит, так, чтоб что-то в нём было такое... характер просматривался через забавную мордашку, такой, как тебе нужен. Чтоб душа потянулась к нему. Ну, смотри просто внимательно, и прикидывай, чтоб и внешность такая примерно, как хочешь – толстый, тоненький, глазастый, длинноногий или какой там тебе глянется. Я рот открыла, запоминаю, поверила почему-то:

- Ну, а дальше-то что?

- Дальше, - говорит, - ничего.

И затянулась хитро так.

- Ничего? – удивляюсь.

- Да, именно ничего. Просто носи с собой везде, говори с ним, прикидывай всякие истории, характер придумай, гуляй везде. Говори всем, что вот Чувак твой. И жди, скоро ОН и появится, человек! "У меня", - говорит, - "был такой, усатенький, татуированный, худенький и цвета близкого к русому... глаза удивлённые-удивлённые, огромные! Такая лапа, жуть!" И курил с ней, и мордой в пиво макала она его. И ходили везде вместе, даже в универ. Когда Русский объявился, чувак потерялся. Они в лифте целовались, а когда вышли – смотрит, а Чувака нет... зато настоящий с ней! До сих пор благодарна ему. Вот, мол, и совет тебе, попробуй!

Я так и сделала.

В понедельник, после весёлых выходных, с утра встала, и решила ради такого дела универ проебать. Прошвырнуться по супермаркетам игрушек, лавочкам всяким. Я примерно даже представляла себе этого «Чувака», какой он стройненький, с кругленькими или длинненькими ушками, конечно, с хвостиком. Наверное, медвежонок, или собачка.

Искать пришлось долго. Ни в Гостином Дворе, ни во всех киосках – а их штук пять мне попало – мне такой не встретился. Хотя я совершенно добросовестно высматривала, даже в руках вертела всевозможных чувачков, висящих гроздьями на крючочках, в ожидании своих покупателей. Кого там тока не было – и жирафчики крохотные, и котята с вытаращенными глазами – «какают»! И собачки самых разных пород, и пингвины, и разноцветные зайцы, и даже совсем уж что-то несусветное, лопоухое и страшное. Но Чувака среди них не было. Я уже устала бродить, тем более что от Гостинки потопала на Центральный рынок пешком, памятуя, что по дороге можно много всяких точек навестить, типа книжных супермаркетов, где тоже для телефонов

прицепки продают, может, там он и есть... Дело-то ответственнейшее – чувака себе ищу! Мне же жить с ним...

Во всём крутом двухэтажном павильоне Центрального рынка не нашлось ничего привлекательного. Были конечно, такие, на которых при желании можно себя уговорить, и я почти уже сдалась – усталость брала своё, да и кушать пора. Но сдаваться не в моих правилах, в любом случае! И я пошла искать на уличных лотках. Мысленно призывая – Чувак, найдись немедленно! Твоя чувиха страстно ищет тебя!

И что вы думаете – нашёлся! На первом же лотке на улице, он висел и смотрел на меня. Такой маленький, голый, тощенький, с большими ушами, плоский животик, длинные лапки, глазки - чёрненькие пуговички, и смущённо улыбается. Видимо, узнал меня, и застеснялся, что голый тут висит среди мишек и карапузиков всяческих. Я с воплем:

– Сколько стоит? – схватила его и прижала к себе. Продавщица ничуть не удивившись, назвала цену – тридцать два рубля, и я забрала его с собой, посадив в карман, чтоб на неодетого не пялились! За это надо было выпить... Прикупила коньячку, пошла домой – теперь я ведь не одна, значит можно не искать себе компанию, с чуваком напьемся! Он радостно кивнул.

Дома, приняв для протрации стопарик, я и его морденью обмакнула, и он слегка опьянел. Потом покурили на двоих, отчего морда его довольная моментально пожелтела. Эх, чувак, как же ты с прокуреной мордой, такой молодой будешь со мной ходить? Надо бы тебе это дело бородкой прикрыть, ты ж не такой малой, у тебя уже и борода может быть! Тебе ведь лет восемнадцать - двадцать. А больше не надо! Посредством маркера я «выбрила» ему стильную чёрную бородку-заплатку для души, треугольником, и тонкие усики. Кр-расавец! Не удержавшись, чмокнула довольную морду. Добавила пупочек, «блядскую дорожку» и соответственную метку где надо. Так же маркером «отрастила» ему ирокезик между лопухих ушей. Класс! Супер!! Чува-а-ак!!! Затем меня пропёрло,

что ему так стрёмно сидеть тут – он голый! А на улице зима, между прочим. Да и менты... Достала колготки плотные, чёрные, и вырезав из них кусман, сшила балахончик, на ощупь в точности как настоящий! Добавила джинсики – у меня обрезки в столе зачем-то завалялись, когда я свои Левайсы кромсала. Сообразила ремень из крокодилового ремешка от часов. Зашибись! Мажорный ты панкелла, Чувак! Звезда, видимо, хоть и начинающая по возрасту! Значит, тебе, Чувак, положена гитарка! А у меня есть и моделька «Фендера», на семнадцать лет подаренная! А, у Чувака как раз сегодня Днюха! Он же у меня тока «родился». Класс! Вот тебе и повод! Я выпила ещё, чокаясь с «новым парнем». Пришла светлая мысль порадовать его пирсингом. Достала коробку с булавками, раскопала самую маленькую, и проткнула ему левое ушко. Потом сняла с себя серебряную серьгу-колечко с шариком, проделала ещё прокол повыше. Офигеть! Нарисовала тату на лопатки – крылышки, и анархию на попе. Проткнула пупок крошечным колечком от брелка с мобильного телефона. Рассмотрев, поняла, что не хватает ещё кое-чего. Достала красный лак и навела анархию и «ПАНКИ - ХОЙ!!!» на его балахончик. Джинсики закатала и продрала несколько малюсеньких дырочек. Вот теперь и он и я довольны совершенно! Можно и погулять пойти! Хлебнув ещё за мгновенье полное совершеннолетие Чувака, мы вдвоём – я и он в кармане, с «Фендером» на цепочке, отправились шататься по холодным вечерним закоулкам...

Так бродили с коньяком, попивая изредка из леденеющей бутылки, губы чуть не примерзали, вся озябла. Ноги стали уставать. Весь накопленный хмель от холода улетучивался сразу. А так хотелось отметить «это дело», Денрик Чувака! Догоняться завернула в таверну «Разгуляй» - хорошее название, подходящее! В ресторан уж не пошла, выпиндят ещё, за видон непотребный. Заказала свиную отбивную, дико проголодалась! К ней ещё салатик картофельный, пива тёмного чешского, ореховый пирог и мороженого с кофе. Попросила принести пачку крепких «Кэптан

Блэк», и двойной скотч. Чувак сидел на столе, опершись спиной на пепельницу, и радостно-наивно смотрел на меня. Я нажралась, и закулив, подозвала официанта ещё раз – принести ма-аленькую рюмочку, самую маленькую, какая есть! При этом я кивнула на Чувака, с улыбкой. Гарсон слегка не понял, но «Будет сделано!»- и скоро требуемое стояло перед нами. Гарсон не торопился уходить, видимо, хотел посмотреть, что же полупьяная девица будет делать с посудинкой? Я отлила в рюмашку доверху из своего стакана, очень аккуратно, стараясь ничего не пролить и поставила перед чуваком:

- Ну, Чувак, с днюхой тебя!

А гарсону пояснила:

- У Чувака сегодня совершеннолетие, ему уже можно!

На чём и обнаружила, что язык не особо послушен... и от сигарет слишком крепких в моём состоянии горло немеет и язык щиплет... вот блин, домой пора!

- Вызовите мне такси...- попросила я гарсона, но он собрался возразить, а я уже и так доперла, что тут не ресторан, и таких услуг они не оказывают, но миленькая купюрка, «завалявшаяся» в кармане, вроде даже баксов скока-то – они враз сделали своё дело. Прав папа – деньги жуткая сила! Порой я им очень даже благодарна... Да, Чувак?!

...Звонок в дверь. Сука безжалостная! Я же спа-ать хочу...

- Ивана, к тебе! – засунулась Петровна, подтвердив мои самые дурные предчувствия.

- Кого там чёрт послал?? – заворачиваясь в одеяло плотнее проворчала я. Чувствуя, однако, что встать тем не менее придётся... блин.

- Парень! – засияла любительница гадких ток-шоу Петровна.

- Какой, на хрен, парень ещё? – высунула я нос. Уж не Ветер ли?! Ма-ма...

- С цветами! – заговорщицки подмигнула эта старая дура. Вот те интрига!

- Ну, пусть заходит! – чёрт, а вдруг это и правда *он*?

- Ты бы хоть прибралась, быстренько, Вань!

- Не-а! – протестующе замахала я. Ни перед кем выпендриваться не буду. Коли Ветер, так он видел... И если эта ретроградная дура думает, что молодой девице только и не терпится выйти замуж, для чего надо непременно прибирать светёлку, то пусть сама старается, её для того и нанимали!

Тока я ноги в тапки сунула, проклиная паскудный тремор, как тихо постучавшись, вошёл... Гоблин!! Ладони мои сами потянулись прикрыть раскрывшийся ротик. Мамочки, я обалдела! В руках он неловко мял разноцветный букет в глянцевой обертке, а на голове красовался новенький – это сразу видно по свежим следам бритвы – *и-ро-кез!!* У упёртого байкера! Охренеть!

- Здравствуй... Дика! – кашлянув, протянул он мне букет.

- Аа... привет! - хрипло ответила я, взяв цветы, положила их на стол, и прикрылась одеялом – как-то неловко мне стало при нём, в таком виде. Что-то уж больно он восторженно на меня смотрит. Ой, не к добру!

- Слушай, Гоблин... ты это... - начала я разбавлять неловкое молчание. – Поди пока на кухню, пожалуйста! Я щас.

- Ага... - он поспешно вышел, смущенно оглянувшись.

"Чё за фигня?" - подумала я, кое-как причёсываясь. Было больно, волосы свалились к чёрту, и я передумала прихорашиваться. В конце-концов, сам пришёл. Я его не звала. И напялив один лишь безобразно растянутый серый свитер (который так нравится Ветру, когда под ним больше ничего нет), сменила трусики, и пошкандыбала на кухню так. Оттуда торопливо вынырнула Петровна, и быстренько навешав мне каких-то указаний, что сварено и где лежит, и как-то подозрительно подмигнув – мол, она на сегодня всё, учапала восвояси. И чё она имела в виду? Что я с ним сейчас же трахаться побегу?? Идиотизм. Вот её-то не позвали!

- Ну, это... - начала тупить я немедленно, как тока уселась напротив Гоблина за стол. – Как дела-то?

- Хорошо, - кивнул он, робко глянув на меня. – А у тебя?

- Ага, - широко зевнула я. – Чё хотел-то?

- Уж прям так сразу... - проворчал он.

- Чего? – переспросила я невинно, закидывая ногу на ногу. Он покосился на мои обнажившиеся бедра, и кашлянул.

- Давай-ка чаю что ль, хлебнём! – а я сегодня на редкость гостеприимна, не находите?

- Давай! – вскочил он, будто тока этого и ждал. – Где заварка у тебя?

- Да там, - лениво махнула я растянутым «Пьеровским» рукавом. *«Арлекины и Пьеро, сволочи и мрази...»*

- Или, может, хлебнём? – озвучила я более удачную мысль. - С утра уже? – повернулся он, при том ирокез удивительно симпатично упал ему на правый глаз. «Кросафчег, аднака!»

- Угу, - кивнула я невинно. – Знаешь ли, моя личность с похмелья нехилого, мутит меня не по-детски!

- А... ну тогда, давай... где?

- Там, в холодильнике!

Он полез добывать бухло, так смешно запутавшись в отделениях огромного чуда новейшей техники! Впору бы засмеяться, но я не стала – не все живут так хорошо, как мы!

Пока пили кислую сливянку, он всё мудился чё-то, пытаюсь быть непринужденным, вынуждая меня своей этой неловкостью пить всё более крупными глотками. Жмётся, то-да-сё, пытается чё-то общее про нас вспоминать. А чего, не было у нас ничего! Меня это уже бесит! Преодолев тошноту, и чтоб скрыть раздражение, хлебнула сразу полный стакан. Гоблин посмотрел на меня с тоской, и тоже постепенно раздухаряясь, хлебнул как под забором – с выдохом, и одним глотком. Баттл кончился. Ну-у-у??

Стукнув стаканом по столу, он вдруг решился:

- Дика... будь моей девушкой! Я тебя люблю, всё время о тебе думаю!

Вот тебе и здрасти. Хороша картина - я вся мятая, с похмела, в свитере этом жутком.

- Ты думаешь... - начала я, не зная, что собираюсь сказать. – Дай покурить! - тоже мне, отмазалась.

- Нет, Дика, ты не сразу... - горячо сказал он, и сел ближе. – Ты подумай!

- Гоблин... ну... ты сказал...

- Эх, я понимаю, - опустил он голову, - наверное, не стоило так сходу...

- Не, чувак, всё нормально! – попыталась коряво успокоить я. - Я это... ну ладно, давай, подумаю. Может, пока, друзьями...

Чё вот делать с ним? Пипец. И так по-идиотски себя чувствую – драная, блядущая, не люблю его. Ничего общего. Помолчали, каждый о своём.

- Да, трахаешься ты мастерски, признаю, всё зашибись, но... - я нервно курила, подбирая слова, чтоб не обидеть. Он ждал, поглядывая на меня, из-под своей красивой чёлки. И я задумалась цинично – что-то Ветер в последнее время стал сдавать, в плане секса, а Гоблин – чувак что надо, так может с ним трахаться... ну, и предлагаю ему:

- Слушай, Гоблин... кста, тебя как зовут в реале?

- Динис.

- Дин, стало быть! – усмехнулась я, так мне понравился этот звук.

- Типа того, - невесело кивнул он.

- Дин, давай тока секс!

Он весь вскинулся, как обожжённый:

- Как?? – вот будто я вообще чёрт знает что сказала! - А сердце? Может, конечно, тебе это и неважно...

Я оборвала его:

- Ну, как знаешь!

Тогда он вроде как собрался уходить, но уже в дверях, горячо глянув на меня своими красивыми щенячьими глазами, передумал:

- Ну давай! – и привлёк меня к себе, залезая под свитер: - Прямо сейчас!

- А потом посмотрим, - прошептала я, обнимая его. Он мне реально нравится!

Я усмехнулась самодовольно – победа! Как же, уйдёт он! От меня-то? Хы!!

После поехали кататься. Мой новый любовник был весел и заботлив, всё интересовался, не холодно ли мне? Купил шоколадку, целовал пальцы. Расставаясь, я обещала подумать над вопросом разнообразных отношений. Гоблин и тому рад – по крайней мере честно! Вот, и думаю, думаю... душевный он, прикольный. Ради меня на всё готов, и катает, и развлекает, и симпатичный – чем не пара? Даже в универе учится.

А Ветер сам даже не звонит... вдруг я уже умерла?

Дома, раздеваясь в ванной перед огромным зеркалом, вдруг психанула – да для кого же я худею, блядь, волосы зачернила обратно – я же брюнетка природная, *ему* так нравится больше. Для кого все офигенные наряды попрятала, полный шкаф принцесовских платьев, развратских, а хожу в одних джинсах!

Надумала – ладно. Быть мне «Гоблин`с гёрл-френд»!

Сегодня для расслабления и снятия стресса, накупила белья, и выпендриваюсь у зеркала. Синие стринги, красные кружевные. А самые прикольные – такие нежно-салатовые, немножко как шортики, и ещё одни – псевдо-детские, бежевые и на тоненьких резиночках, с грибочками.

Закончилось как всегда, коньяком – Ветер не мой, нахрен перед ним выпендриваться? А другие облезут! Идиотская картина - сижу в бельё, и чокаюсь с зеркалом. Пусть хоть Гоблин радуется...

И, блин, тайно всё равно лелею надежду – *ему нечего делать с Ленкой, он уйдет от неё совсем, и придёт ко мне, и мы вместе уйдем куда-нибудь, подальше от всех...*

Гуляем с Гоблином пешком – тоже бывает! Таскаемся никакущие, расхристанные, грязные – он потекает моему пристрастию к дешёвому алкоголю. Ночуем в подвалах, нах домой! Изредка, конечно, не очень-то уютно нынче на улице, зима почти уже с нами! До дикости нагло раскуриваемся прямо в парке, где и купили у дилера – скромного светловолосого парниши-студера. Развалились на лавочке, ржём, я залазию ему на колени верхом, развратно целуемся и лапаем друг друга (drug-drug`a, как приперло поржать мне), запускаем грязные пальцы в джинсы один другому, изгаляемся, изображая кукольный секс, стонем и вопим – нас несёт со страшной силой! Менты-скоты хотели нас согнать, но как-то получилось, что никакая-развесёлая я уговорила их оставить всё как есть, и нас в покое, хотя Гоблину уже думал валить поскорее и подальше.

Тока эти серые-убогие отошли на пару шагов, я запела издевательское «Нитро»:

Менты везде, менты повсюду,

И даже там, где их не может быть ваще!

Менты козлы, менты – паскуды!

Дерьмо в погонах, ненавижу бя, ваще!

И Гоблин радостно подпел мне, законченный байк-панк, с моей лёгкой ручки! Я поцеловала его за это, и потащила домой – трахаться. Лишь бы не замечать тоски и мучения этого уродского – я неделю не видела ни Ветра, ни хотя бы намёка на него Гдеты... И долбанный этот дискомфорт между ног не прекращается – надо бы купить таблеток. Верно говорят – не трахайтесь без любви, для здоровья вредно. А если её у меня ваще нет, любви этой? Невзаимная ведь нечитово.

Встречались мы с Гоблином практически каждый день. Я немного устала от него уже, но бедный влюбленный дурак жить без меня не мог, и звонил без конца, умоляя прогуляться с ним ещё и ещё раз. Ветер как назло молчал, и я соглашалась от скуки, чтоб ни

о чем не думать. Развлекать девушку Гоблину удавалось отлично – он таскал меня то на природу в обледенелые леса, где так чудесно дышится, то к байкерам на попойки. А однажды сгоняли в соседний Стерлитамак, маленькую вторую столицу Башкирии, где дружочек накупил мне всякой рокерской ерунды в магазинчике «Хобгоблин» (в Уфе такого почему-то нет, один только «Саунд»). В общем, тусили мы неплохо. Я была довольна «приобретением». Не хватало лишь малости малой – ответной любви... Но я её и с Ветром не испытывала, так что не привыкать. А главное – в сексе Гоблин не проигрывал Ветру нисколько. Он легко соглашался на любые мои эксперименты. Но садо-мазо я ему не предлагала, по крайней мере жёсткого. Так, в лёгкую, скорее в качестве прикола – да. Но не всерьёз, как с Ветром, до боли и крови, до слёз и кошмаров... я просто отдыхала. И возвращаться совсем не тянуло, хотя подспудно я чувствовала – это ненадолго. Проверено – не живётся мне спокойно, не сидится на попе, тянет на всякие мерзости. Но я бы хотела протянуть подольше с возвращением... а там, глядишь и вовсе забудется!

Наивная. На что я рассчитывала? Избавиться от Ветра? А-га!

Притащилась Гдетыгдеты, прямо ко мне домой – причём именно в мою квартиру, и без предварительного звонка! Я сплю, понимаешь, а тут в дверь требовательно трезвонят! Я думала – Гоблин. Ну, или мама. А там эта дура, «ветровка» чёртова! Я заулыбалась, конечно, а сама её оцениваю – стала ещё страшнее, ссутулилась, постриглась совсем уж по-дурацки, косуху напялила, на три размера больше – не то Ветер одолжил? Ну мымра-мымрой! Завалилась в кресло моё любимое, как обычно, без спросу, и давай-поехали рассказывать, как они гуляют, чё бухают, да чё он ей подарил, да как трахаются! Вот будто *Я* не знаю, как они трахаются! Будто *Я* не видела никогда! И триндит, и триндит! Не заткнёшь! Добивается, гадина, чтоб я напрямую спросила, чё, мол, припёрлась ваще? Тогда может, она и скажет напрямую – ты совсем от нас отвалила, в покое наконец оставила, или как, тебя на днях обратно

ждать? Нет уж, облысеет! Улыбаюсь, встречные вопросы задаю – а что подарил, а сколько стоит? А где? – и прочую херь, только о себе молчок! Не дождёшься ты подробностей о моей личной жизни! Не выведаешь, с кем-то я сплю нынче, или одна! Вали, трахайся себе с кем хочешь, а мне вы оба больше не интересны! По крайней мере, пусть ему так и доложит. И пусть о себе слишком много оба не думают. Не одни они на белом свете!

То-да-сё, смотрю – уже скоро Гоблин за мной заедет. Всё, думаю, пора красотку эту выпроваживать! Ну, и давай её выпихивать – ой, Гдеточка, да мне ещё рефер писать, ты уж извини, да и ваще мама скоро должна подойти, и всё такое! Она нехотя поднялась, засобиралась. В коридоре чмокнула меня на прощание, и только я намерилась захлопнуть дверь перед её носом, вздохнуть спокойнее, как она и прилепила прямо по глазам:

- Маме привет! – и змеиными глазами сверкнув: - И парнишке твоему, на байке – тоже!

Я дверь так и швырнула – сучонка!! Чтоб ты сдохла! Эх, не стоило психовать при ней, надо было кивнуть сладенько, и мирно дверь прикрыть, потом уж волю злобе давать! Теперь она уверена, что выиграла, блядь чёртова! Да чтоб ты подохла! Видит, как я мучаюсь, и то и дело победу празднует! Манда убогая. Ещё небось, замуж за него собралась!! Ненавижу их обоих! И желаю никогда больше не видеть! Желаю всем сердцем! Вырвать раз и навсегда из души! Хватит.

Села, обняла колени, и стала ждать Гоблина. Глаза его щенячьи, тёплые согревают. Я к нему уже привыкла, дожждаться вот не могу, когда придёт.

«Если бы всю соль моря насыпать во все раны мира, СТОЛЬКО бы было боли, и на мою долю половина...»

Шатались с Гоблином по улицам - опять на ногах, пеший байкер! Просто у него сегодня получка, и он решил надраться как следует со мной, а пьяный он не катается, после того, как кто-то из его

окружения погиб жестоко под этим делом. Короче, присели на железный заборчик какой-то, пообжиматься, как - что это? Держите меня семеро - опять они! Вот тебе и раз! Да ещё и к нам ползут, не гнушаются, вот суки! Нет бы сделать вид, что не заметили! Ленка недовольно шипит ему, думает, я не рассмотрю далеко! Да только, родная моя, не у всех же такие плохонькие глазки, как у тебя! Подошли поближе, она на рожу улыбочку сразу. Манда-а-а!

- О, привет! - взвыл сука-Ветер. - И вы здесь?

- Нет, это и вы здесь, мы первые сюда пришли! - злобно ответила я. А Гдетыха просто кивнула, улыбаясь.

- Здарова! - пожали руки друг-другу чуваки. А я смотрела на неё - когда это она начала так блядски рядиться? Юбка короткая, не по погоде, колготочки узорные, гриндера почти до колена. Ой-ой-ой, и макияжик грамотный, не то консультацию визажиста взяла? Дешёвка.

- Вот, короче, - пришлось-таки рот открыть, на вопросительные рожи вокруг. - Это Гоблин, *мой парень!*

Брови Ветра несколько удивленно поползли вверх - ага, йес!!

- А это... мои друзья, Лена и Гавриил!

- Ветер! - поправил он. Не нравится? А мне?!

- Ребят, пойдёмте буханём куда-нибудь! - радостный дурак Гоблин похоже, ничего не замечал. - Я сегодня с зарплатой!

Думает, что это мои такие хорошие друзья? Как-то надо ему намекнуть, что мне опричь души сие общество, и свалить поскорее! Чёрт бы побрал этот поганый случай, столкнувший нас вместе! И почему Уфа такая маленькая? Ходи себе, ходи - и знай, натыкайся на всякие там нежелательные рожи!

- Ладно, чтож, давай, наливай, на затаривай! - я просто вырвала из рук Гоблина "Три топора", когда устроились на мёрзлой траве, застеленной картоном.

- Ты чего, Дика? - он ошеломленно уставился на меня. - Злая какая!

- А чё сидишь, бля, собрались, так надо бухать, а не базары пиздеть! - я ожгла его "лучшим взглядом", и зубами откупорила бутылку. Зубы чуть не выломала, больно до ужаса, но ни за что не покажу! Залила в себя сразу сколько могла, продыхнула, и нелогично передала Ветру, сидящему напротив.

- Зайка, а мне? - проныл Гоблин, всё ещё пытаюсь делать вид, что моё обращение с ним - шутка. Ага, шуточка!

- А, чё? Сам возьмишь! - пожалала я плечами. Раз такой внимательный, так надо было вовремя почувствовать что не так, и увести меня подальше! А теперь сиди и терпи, сучка. Госпожа здесь я.

- И рабыня! - сказали мне глаза Ветра, обращенные прямо в несчастную горячечную душу...

- Да, - покорно опустила на колени моя душа. Исчезните все, дайте же нам побыть вдвоём!..

- Ну, котик, ты чего? - встряхнул меня Гоблин, и я облегченно вздохнула, освобождаясь от навета:

- Не, ничего, нормально! - поцеловала его, почти пьяная. - Ты не обижайся тока, сама не знаю...

- Да ладно! - смешно наморщил нос мой парень. Хорошо, что он есть! Пусть будет!

А Гдеты, как я погляжу, злорадствует - типа я, этакая блядина, отвалила от её парня! Ну вот сейчас! Ха-хас, ничего подобного, я успею всех изломать - моей боли хватит чтобы вылить на полмира! Всем вам, присутствующим, достанется!

А Ветер цинично так поглядывает искоса, типа ну ладно! Это он что, дает мне погулять, так сказать, «на стороне»? Да пошёл он!! Не его сраное дело, где я, с кем и как! Он не один извращенец на свете! Без его поганой души обойдусь! Скотина...

Гоблин долго ходил вокруг меня со своими собачьими глазами, чувствуя, что что-то совсем не так. Я старалась вести себя совершенно как обычно - не хочется травить эту тему, озвучишь - и пиздец. Придётся всю грязь со дна души черпать. Она и так

поднялась, только надо молча терпеть тошноту и муторность, глотать обратно просящуюся наружу рвоту... Гоблин старался чем-то меня развезать, и притащил травы. Хорошей, от проверенного человека. А я с расстройства настаивала на циклодоле. Хотела сдержаться, но само вырвалось. Просто я надеялась, что эту фишку достать трудно, и мой каприз прокатит мимо. Но оказалось, мой дружок и это знает! Бляха-мутъ, ну хоть кто-нибудь бы не знал этой заразы, а? Как же меня это добило, господи! Последняя надежда остаться в себе обломалась. Поехали, разыскали. Мало того, эта сука ещё поверил мне, что я в порядке? Это с циклы-то? Кто в порядке с циклы, поднимите руки! Так и уехал, сволочь - А ЕМУ ЗАВТРА В УНИВЕР!!!

Ёптить, а как же мой наркотический психоз? Гандон. И он меня не любит.

Но глюк вышел не страшный.

***Я – птица-ястребок.** Лечу над бескрайними степями, зелёными-зелёными. Ветер моет тело, покрытое перьями, взъерошивает их. Слетала в деревню какую-то, не вспомнить птичьими мозгами, как называется... В общем, ту, куда мы с Ветром как-то гоняли. Только не знаю, в трансе, или в реале? А, не важно. Полузаброшенный домишка. Опустилась во дворе, а там его мать. Хотя я её никогда не видела, но почему-то точно знаю, что это она. Она как-то подозрительно на меня поглядывает. Тут и он заходит. Но какой-то не такой, что-то с его лицом... Другое какое-то. И я объясняю им:*

- Я вот хотела сгонять в Бурятию или Монголию, но подумала – что, у нас в России степей нет?

А ещё будто когда обратишься птицей, нельзя с девяти (иногда с восьми утра) разговаривать до девяти вечера.

А когда я превратилась снова в человека, у меня во рту остался четкий отвратительный привкус от съеденных в облике птицы червей.

Очнулась в волнах чудовищной тошноты. Кажется, её можно было потрогать руками! Меня вырвало прямо на прикроватный коврик. Пиздец... Тягучая желчная рвота обжигала горло, и я не могла позвать никого на помощь. По прошествии вечности, вошла Петровна, будить меня в универ, и заохав, принесла тазик. Хотела вызвать «скорую», но я собралась с силами, и вяло запротестовала пережжённым, сиплым голосом, что не надо, просто я вчера ужинала в кафешке, видимо поэтому... мне надо просто уголька активированного, и поспать. А врачей не надо, дело пустячное, и они меня только растревожат! А самое главное – медиков не проведёшь, они враз увидят, что у меня банальный передоз, и предки таких люлей мне распакуют!! Нет уж, разберусь сама!

Ни с того ни с сего, вдруг встретились с Ветром, через пару недель полной тишины с обеих сторон. Так, как будто и не было между нами никаких траблов, и мы всегда были просто добрыми приятелями. Столкнулись случайно на Молодёжке, я после универа прогуливалась. Пошли прошвырнуться. Потрещали ни о чём – ну, совсем как нормальные друзья! Я уж и расслабилась! Попили коктейля, посидели на лавочке. Когда половину баттла освободили, то прорвало – начали бешено целоваться, вцепляясь в плечи и рёбра друг другу. И вдруг я сказала, распалённая:

- Давай поженимся!

Бог же его знает, что мне стукнуло...

- Давай! – ответил он моментально, даже не дав мне переварить, что я сказала-то! Плохо соображая, оглушённая, я закурила, остывая, и глядя себе под ноги.

- А... когда? – до меня медленно начало доходить, что я собственно, несу! Он смотрел на меня, я чувствовала. Но глаз в ответ поднять почему-то не могла.

- Что, правда?! – я вся дрожала. Почему – не знаю.

- Правда.

Меня всю пробило снизу, по позвоночнику будто горячей стрелой, я вскочила, глядя ему в лицо, он дьявольски ухмылялся.

- А... - что я хочу сказать?

- Боже, Ветер... ну, ты и...

Развернулась и побежала прочь! Что я творю? Кошмар...

Я бежала долго, пока совсем не выдохлась, и леденящий воздух не выжег лёгкие до нестерпимости. Сама от себя, видимо спасалась... Завернув в первый попавшийся дворик, села на лавочку, отдышалась, и закулив, сообразила – ему нельзя. Он псих.

- Ди-ка... - сказала я себе вслух, запрокидывая голову к серому небу тёплой зимы: - Дика, да ты сама псих! – и безрадостно расхохоталась, хотя впору бы заплакать...

- Так-то.

Грубо примяла полускуренную сигарету о каблук, встала и ушла прочь, в неизвестность.

Бывают такие дни – вот как сегодня – когда просыпаешься, и в тот же миг сердце схватывает томительная, беспричинная тоска... Ужас разливается везде, и нет ни одной мысли, только чувствуешь, как от страха перекосилось лицо. Потом начинаешь думать, что надо встать – бр-р! – и идти в универ. От этого ещё ужаснее, будто в универе тебя не ждёт совсем уж ничего хорошего, и даже что-то страшное по дороге... оставшись лежать ещё минут десять – а время-то уходит! – начинаешь продумывать – а чего такого, если не пойти вообще? Ведь вдруг по дороге что-то и вправду случится? Чего уж хорошего... можно, конечно, сказать – да прям, ерунда! А это ведь – универ! Но, товарищи – может перевернуться автобус, может машина сбить, маньяк напасть. Да мало ли! Кирпич на голову, пресловутый. А разве мне универ важнее жизни? А хоть бы и так – но тогда ведь некому будет этот универ таковым считать! Если я не дойду до него... вот потому я лучше не дойду другим способом – много более приятным! – я дома останусь! А потом пойду, но не в него. Уф, вот на этой мысли я перевела дыхание. Ну,

надо же – стоило только отказаться от стандартной схемы дня – как сердце отпустило! Я уже одетая и умытая спокойно похлебала супчика, и завалилась обратно в едва прикрытую постель. Как хорошо быть одной! Это сначала, когда страшно и разбита – хоть на улицу беги в одних трусах! А потом – божья благодать! Маме скажу, когда вечером позвонит, что всё путем, а зачёт ещё не сдала – «так Захарова не было! Вот гад, а сказал, что будет!» Я рвусь ему зачёт сдать, а он... хотя, Захаров-то сегодня и будет. Да и фиг с ним, с зачётом – в понедельник социологи идут сдавать, ну и я вместе с ними! Кучей веселее, а сегодня бы пришлось одной к преподу подваливать, прикопается ещё, миллион вопросов задаст! Короче, нах.

Так, пока чёлку разглаживаю, надо подумать, что я сегодня куплю! Воистину, душу женскую греет и тоску разгоняет – шопинг! Я тоже не исключение вовсе, и шопить обожаю! Конечно, когда сил хватает. Хорошо бы записать, чтоб не забыть... я поймала свой тусклый, затравленный взгляд в зеркале, и веселости моей поубавилось... Плечи опустились. Я обманываю себя, пытаюсь встряхнуться, а на самом деле... универ я продолжала не просто так, это ясно. Надо ли мне шопинг этот, чего у меня ещё нет в шкафах? Ну, да, любимая строгая юбка истрепалась. Ещё на рынке гольфики полосатые видела мимоходом – вот для ролевой игры с Ветром вещь! В «Suncity» корсет на шнуровке – строгий такой, без кружев и серёжки-браслетики в «Гостином дворе». Весёленький блеск для губ. Крем для век... в голове так и щёлкают необходимые закупки. Конечно, их будет больше, намного больше! Прихвачу, небось, полудетскую модную юбочку. И штанции «милитари» - будто нет их у меня! Но пройти мимо не могу! «А таких нет!» - подумаю. Лак для ногтей, такого офигительного цвета! И чулочки с невообразимым узором, эротичные.

Потом в кафешке посижу, капучино выпью, с пенкой. И пива. Тёмного, чешского. Покушаю чего-нибудь, интересного.

ДВДшку прихвачу, если попадётся что хорошее. Закажу картошку-фри и салат овощной на дом, развалюсь с коктейлем у компа...

Да, надо бы ещё «Captain Black» прихватить, красненькие! А то чуется, к вечеру самое оно будет спокойно покурить прямо в кресле. И сладкий дым повиснет в полутемной комнате, синие блики летают по стенам от монитора, и в них мистически путаются вялые струйки и завитки дыма. Класс! Мне уже хочется вечера, чтоб быть довольной и усталой. По всей комнате разбросаны шмотки, на мне новые трусики и гольфы, и рубашка с корсетом. А возможно и нет. И я уже полупьяна от коктейля с коньяком, ноги вытянутые гудят. Я медленно покуриваю, на экран не смотрю. А смотрю на свои длинные ножки – ах, какие сексуальные лолитовские гольфики! Положив осторожно руку на коленку, так удобно залезть мне под крохотную разлетающуюся юбочку... Ветер...

«Хорошо, что тебя со мной не будет, и я смогу мечтать о том, что ты со мной сделаешь, и ласкать себя сама, уронив банку коктейля и забыв о фильме, запрокинув голову кусать губы, и вскрикивать иногда...»

Хорошо, потому что ты бы всё сделал по своему, а мастурбируя полупьяная, я рисую нужные мне сценарии! Да, Ветер, ты тем и хорошо, что каждый раз меня насилуешь, не считаясь с моими интересами – и всегда очень хорошо, хоть я и не удовлетворяюсь этим, а бываю лишь измучена и выпотрошена. Но мои сценарии гнетут меня, мне же хочется воплощения и моих идей! Тогда чего же я молчу? Да кто же знает... а зато какой кайф, немыслимый моральный, когда желания вдруг совпадают! Я бываю удивлена и тону в тёплом счастье, что ты меня понимаешь, что у нас с тобой совпали сценарии – значит, ты меня... любишь? Просто сам себе не признаёшься...»

Я подняла голову от дневника, который заполняла неудобно скрючившись на постели, и вдруг ощутила, что запал мой прошёл. Я не хочу уже так вот встать и идти. Оказывается, очень хочу спать...

спина болит, и голова тяжёлая. Ладно, схожу потом. Когда проснусь. Неопрятная морально ты девка, Дика! – подумала я, заворачиваясь в одеяло. Непоследовательная, издерганная, и всегда положенный ход вещей нарушающая... как жить тебе? И сердце вон болит – с чего бы? Высыпаюсь, курю мало... страх этот утренний. Измотал меня Ветер. Издёргал! Это же перманентное напряжение! Кто ж такое выдержит? Спи, детка. Не плачь только...

А потом...

Ветер позвал встретиться, прогуляться - но нет, не меня! А Гоблина!! Вот и нихрена себе, эти два убогих скота, моих любовника, обменялись телефонами! Меня загоняют в ловушку - они объединяются, за моей спиной! Когда Гоблин радостно оповестил, что мы приехали сюда, на Пятачок, не просто так, а тусануться с одними хорошими людьми, я прямо похолодела, ощутив кожей, *что это за люди будут...*

Они и возникли совсем не с той стороны, откуда я ждала, и потому не видела их, пока не подошли совсем близко.

- О, а вот и наши друзья! - крикнул Гоблин, вздевая руки, и я вздрогнув, как укушенная, резко обернулась.

- Блядь, ты совсем... Нашёл кого позвать! - зашипела я в уши парню, криво улыбаясь. Ветер сам по себе всегда не к добру, а уж здесь, при Гоблине, да с таким взглядом нехорошим!

- Да ты что, они же друзья твои, я думал, ты хочешь... - начал Гоблин, но Ветер уже в один прыжок оказался рядом, и раскинул руки обнять:

- А ты что, не рада? - схватил меня, сука, кости хрустнули: - Привет, детка!

- Здрасссти... - процедила я, а он почему-то засмеялся. Издевается, ясен пень. На Ленку я взглянула лишь мельком. Пошла она, не интересна. Всё равно не в курсе злой задумки своего уродского парня! Вот что Ветер задумал, знать бы, чтоб опередить! Этот уж подставит так подставит!

- Ну, так что, пошлите сразу же бухать, не к месту промедленья! - поэтически выдал Ветер, показывая два баттла "Трёх топоров" в Ленкиной торбе. Хых, так она ещё и таскает тяжести за него! Вот сука убогая! А он-то старается, уж не знает, как бы ещё извернуться над ней! Ненавижу, уже не выношу их, эту мерзкую семейку!

Утопали во дворы, расселись по лавкам, парочка на парочку глядит. О, чёрт, как же мне хочется в тепло-светло-под одеяло, да с косячком... А приходится тоскливо косясь на обоих любовников глотать густую, сладкую бурду, и глубоко затягиваться сигаретами. Ожидая, что мой извращенец на этот раз заготовил моей болезненной душе... Ждать, однако, долго не пришлось.

Не успели мы даже баттл один додавить, как Ветер уже выдал свою главную фишку - нагло предложил "на троих". Ленка при этих словах отвернулась, будто не слышала даже - не на четверых, без неё! Ха!! Конечно, я согласна!!! Больше со злости, да, но Гоблин против:

- В честь чего это?!

Прямо так и завопил, при всех, сделав огромные глаза. Он-то думает, что Ветер - бывший мой парень! Что, объяснить, что никогда Ветер мне парнем не был, это без разницы, его присутствие в моей жизни на отношения с другими никак не влияет!! Чёрт ты собачий, какая наивность! Нахрен всё, надое-е-ело!!!

Короче, просто развернулась и пошла прочь.

- Ты куда, зая? - схватил за плечи Гоблин.

- Куда-куда, поссать, конечно! - оттолкнула я его.

- Ты вернись только! - попытался он заглянуть мне в лицо.

- Ага! - и ходу.

Гоблин чего-то ещё похныкал вслед, но я не слушала.

После я не видела этих троих два дня. Телефон выключила, домашним велела отвечать крайне неопределённо о моём местонахождении.

Но вот дёрнул же чёрт дверь открыть, когда вечером третьего дня в неё позвонили! Даже не спросив, кто там. Ну, бля, кому ещё и быть! Ветер.

- Ты чего припёрся, а?

- Узнать, как ты, жива ли? - наглец уселся без спросу на пол, мол, не выгонишь!

- Нет, подохла давно, и твой дивный план "тройного разврата" обломался!

- Вот это-то и *плохо*... - кивнул он.

Чую, даже по первым фразам - затевает **Скандал** – тихий, но с большим наказанием.

Я не буду даже описывать всё то, чему он подверг моё бедное существо, но потом измученные душа и тело болели вечность, и уже точно ничего больше не хотели на долгое-долгое время вперёд! И с Гоблином и с Ветром я не виделась, отходя в необходимом одиночестве, переваривая наказание. Гоблин пытался, конечно, изъяснять права "моего парня", для чего безрезультатно звонил, и даже лично пришёл разбираться в причинах моей холодности, но я ему доступно напомнила, что ничего ему не обещала, кроме секса, а если я его сейчас не хочу, то надо оставить меня в покое, и подождать, когда позову сама! Он, само-собой обиделся, но с моей правотой спорить не стал, и отправился восвояси, тихонько дожидаться возвращения Госпожи Дики в его сердечно-сексуальные пространства.

"Кто-то с кем-то в постели, а в душе одинок..." - жаль, Гоблин, но сегодня это про тебя! А теперь и в постели твоей пусто будет. Что же я делаю с собой и другими?..

История с Викой.

Некий концерт сегодня. Солянка сборная, из каких-то никому не нужных «пионеров юных», и мухоморов «Психея». Не в обиду никому, но я к альтернативе не очень. Ветер проигнорировал, у

Ленки денег нет. Зашибись!! Сидим на железных заграждениях у «Огней Уфы», задницы вымораживаем, выпиваем. Я, Русский – в дрова пьяный, собака. Без Ведьмы – она на учебе. Вечно учится, подобрал же себе такую... Где-то пиво добывают приятели мои сердечные – Зося, Смех с Юлькой и Настя-Мышь с кем-то.... И кто-то ещё. Бла-бла ни о чём, Русский мне рассказывает, какая у него Ведьма суперская, я киваю. Ага, как же! Ясен пень, у кого что болит... а у меня Ветер тоже ничего так, мерзавец.

- А давай-ка, Русский, споем лучше! Шмелей!

Потому как с кем же ещё можно спеть Шмелей? Тут свой трабл – никто не знает их раннего, оно раритетище, не переиздаётся. А то, что издаётся – не найдёшь в Уфе, а если и найдёшь через кого-то – то и искать никто не станет, потому что ленивый народ, дремлющий. И пока есть с кем – надо петь срочно!

- Во-о, давай!! – тут же согласилась эта пьянь.

И я затянула:

Сердце не станет стучать как часы

Пальцы не смогут ласкать как вибратор

Крокодильи слезы не заменять росы

Бога не заменит

ПРОВОКАТОР!

Потом забыла слова, посмотрела на Русого, он похуистически махнул хайрами с рожей декадента.

И – Русский!

В доме моём уже зацвела-а-а

Поебень тра-ава-аа!

ХОЙ, ХОЙ, ХОЙ, ХОЙ!!!

Вот повод задуматься о курении – не тяну, больно!

Не обошлось и без наших любимых «Цветов». Это ведь как – если поём «Цветы», значит, мы точно с Русым сидим!

Втянула земля душеньку-у-у-у,

Последнюю хорошую-у-у-у,

А небо возмутилося дождями и порошею-у-у-у.

Мол, где же справедливость-та-а-а?
Ведь я краса небесная,
А ты земля вся чёрная, червивая телесная.
Лишь цветы тянулись до звезды,
Смертельной красоты...
Упали звезды горды-е-э-э-э,
Истлели до черна-а-а-а!
С землёй они сливались,
Как голые тела!
И лишь цветы тянулись-а-а-а,
До дальней до звезды-ы-ы.
И лишь цветы тянулись
До смертельной красоты!

Тут припёрлась Зося с водкой и какими-то товарищами. И сказала, что они на водку дали почти все, и потому имеют на неё полное право! А нам плевать, мы тут же затребовали себе стаканчики, и запивая водку пивом, выжрали втихую полбаттла, пока они ушами хлопали – так-то, нечего моргать! Никто ничё не понял, и мы остались безнаказанно пьяными.

- Слышь, Русский, это... а чё, если пригласить Шмелёв сюды...

- Типа, в Уфу, чтоль? – косой-прекосой Русский хорошо соображал!

- Типа того! Им надо тока дорогу оплатить и всё такое... ну, там жрать и пить, экскурс по просторам нашей родины, типа... и всё! Им даже не надо никаких там этих... алиментов...

- Каких алиментов?? – такие глаза ёбнутые, квадратные, просто подохнет от смеха!

- Русский, ты гандон!! Ну, этих... гонорара!

- Ну, да! – всё, проржался, сволочь. Как будто сказать херню нельзя, закон вышел против херни!

- Реально, думаешь?

- Ну, да! А чё нереального? Тока точку подыскать! Или ваче квартирник!

- У тебя реально?

- Не-а... у меня-то как раз и нереально...

- Типа?? У тебя же свой угол, анархия и все дела!

- Ну, это другой базар!! А кто потом дрянь всю эту выметать будет! Думаешь, охота?! Да и ваще... не, нах квартирник, давай думать, у кого чё есть, типа, знакомых. Я нихера никого не знаю.

- А типа я знаю...

- О чем базар-то, народ? – вклинилась с видом ж-жуткой заинтересованности Зоська.

- Это мы тут, типа Шмелёв тащить в Уфу думаем как! - пояснила я. – А как там насчёт водки?

- Ну, щас, сообразим! – и отвернулась за добавкой. Хотя, глядя на Русого, я засомневалась надо ли? Подозрительно кривой приятель, слишком уж... куда его, если отрубится? Ведьме звонить, человечка мутить посреди процесса деятельности? Нафиг, некультурно! (О, блин, опять это словцо Шутово! Меня аж передернуло).

- Русый, а мож, те уже хвана?

- Чего? Какого хвана? Не-а, мне ещё!! Чё, охренела? Когда это мне хвана? Где там Зоська с водкой?

- Ну и к черту.

Пить так пить, пусть сам за себя отвечает.

- Пейте, народ! – и подружка с радостью проследила, как мы отправили в бедные желудки стопки, и залили пивом. Уф, дря-а-а-ань!! А пивас мы никому не отдадим. Кто-то чё-то повозмущался, я оч-чень грубо ответила, и лады. Пойло наше, почти полная двуха! Вот так.

Базар дошёл до того, что вот у Зоськи есть знакомый админ, в клубе «ЧЕ», что-ли? И наше дело только за тем, чтобы распространить как следует по городищу творчество братьев-славян Шмелей, чтобы набрать клубный концерт. Ну, не трабл!!

Вот так и сидим, трендим. Русый упал, я подняла. Он прилёт поспать. Кое-как распиннали, когда менты позволили-таки начать просачиваться помаленьку внутрь. Что странно, этот гад уже

трезвый был. Эка он умеет, смотрите на него! Полчасика под лавочкой – и хоть на парад! Что значит опыт и молодость! Не совсем, стало быть, его поломало в дурке-то! Или Ведьма хорошо кормит.

Сам концерт... ну, так... нечего особо сказать. Поплясали малость, покурили до отупения. Халявного пива налакались. Меня мутило. И тут мне Зося звонит – вы где? Тут такое!! Какое-такое... я щас блевать буду! А она – не блей, погоди, а выходи по-быстрому на крыльцо! Ну, на этот счёт – согласна, конечно! Там и блевану...

Вышла. Темнотища. Подруга орёт – а вот ты, чё стоишь, подошла бы сразу! Я в ответ – так я же ни хера не вижу. Она мне по морде слегка настучала, чтобы я в себя конкретненько пришла, и потащила на лавочку. Там сидит серьёзная такая герла. Покурили. Они, не я конечно, в ноль не могу курить. Тыр-пыр – выясняется, что это не герла, а очень даже серьёзная женщина – мэнджер-др-др-чего-то-там, ну, как я прочухала, замерзая, что занимается организацией гастролей рокеров-панкеров. Опс, да энто же то, что доктор прописал! Я развеселилась – значит, Шмелей будем обсуждать? Ой, так сразу! Хорошо! Я аж блевать передумала и даже покурила с ними.

Чувиха и говорит – девочки, чё мёрзнем-то? Поехали в культурное местечко, посидим.

– Давайте зайдём сюда, в бар, - я говорю. А герла – нет, я говорит, кушать хочу, а здесь хернёй кормят. Мне здоровье нужно пока. Зоська погрустнела, ей с нами никак, она ещё маленькая. Лана, распрощались. И поехали с герлой на её тачке.

Сидим, уже до текилы добрались. Потом вместе сбегали "в соседний кабинет". Очень сближает! Она предложила снюхать кое-чего. Но мне это так напомнило замыленное кинище, типа криминального чтива. Я деликатно удалилась. Если бы грибов... Но лень искать, я ещё не так плотно сижу, чтобы переживать от их отсутствия. Она вышла заметно повеселевшая. Пока ждала её, нарисовалась картинка, как сотру ей с носика остатки крэк-пудры...

но не пришлось. Она аккуратная драгесса. После третьего захода с текилой, я наловчилась-таки называть герлу Викой, а то всё улетало куда-то.

Само собой, что я оказалась у неё дома. Ну, как бывает всегда – знаете, что вроде даже что-то говорил, смеялся, смотрел человеку в глаза, а потом не понимаешь, будто из воды вынырнул – уже в самом неожиданном месте. И хмыкаешь, и немного жмёшься – неудобно, некультурно как-то... и слово-то откуда у меня такое? Кто-то выражался так. И пить совсем, ну невероятно до чего, не хочется. И деваться некуда – пьём. Она развалилась в кресле, ноги вытянула – длинные, красивые... колготки сняла. Предварительно поинтересовавшись, не против ли я. Да мне-то? Я тоже сняла. Вместе с джинсами.

«Раз – и ты в белом платье...

Два – в моих объятьях...»

У неё оказалась отличная упругая грудь, с заводными сосочками, тёмными и горячими, с такими складочками нежнейшей кожицы в окружиях. Поцелуи между ног к хорошему не приводят, позволив такое уже поздно брыкаться...

Вот и всё.

Домой пошла пешком. И думала о ней.

Понятия не имею, когда я успела узнать о ней так много... у неё сын, с необычным именем Гордислав. Она развелась с нелюбимым мужем. Выйти за которого просил её... нерожденный сын. Вот так пришёл и попросил. Прикиньте да? Как вам? Девочка моя тридцатилетняя, надо бы тебе пить, а особенно нюхать поменьше... да ты видимо давненько увлекаешься всякою бякою, дорогая моя Вика, раз сыну уже семь лет, а до сих пор чушь такую наркотическую несёшь! Пацанчика тока жалко твоего... Я привычная к подобным откровениям от святых Химии и Бухла, и потому сочувственно кивала, целовала тебя в темноте, пожимала ледяные пальчики. "Блядь, Дика, пора кончать эту игру в мать наркоманов! Достали." С утреча ты тихонько сглотнула чего-то из

горсти и через пять минут замученная и горькая баба-яга была снова молода, свежа, цинична и прекрасна.

- Бизнес-леди моя, дурочка ты! - сказала я тебе, и поцеловав на прощание вышла. Ты несколько смутилась моему спокойно-твёрдому отказу подвезти меня, «и даже чаю не попьешь», ответила на мой поцелуй несколько неохотно – но я доигрывала глупую пьесу до конца!! Я актриса Жизнь, драть вас в ухо!

Она просила позвонить позже насчёт Шмелей... ах, да, мы же встретились обсудить гастроли! Ну, да. Да.

Пришла домой после ночи с Викой, какая-то пустая, свободная и лёгкая, никому ничего не обязанная, будто нет никого и ничего...

Включила по наитию музыку – латиноамериканское этно. В детстве ведь мама гоняла меня на классические танцы – по-идее, я танцую испанские, латиноамериканские, танго... мне и было-то лет восемь всего. А сейчас давно уже коряга-корягой. Иногда вдруг вспомню – да, было дело! Но ведь растолстела, суставы не гнутся. А тут накатило! И не о чём не думая, вытянула из-подхлама белья твердый топ на косточках, фиксирующий грудь – надо же, лезет!! Бёдра обвязала шелковым платком, юбка не налезла ни в какую – ну вот, я же говорю, толста я для танцев. Только сейчас это всё равно – я хочу танцевать! И в некоем трансе, позволяя телу вспомнить, придумать самому закружила по комнате. Трудно было отделаться от мысли, что я непластична и больна, и не заглядывать в зеркало. Тело прокуренно-пропитое, плоховато гнулось, и норовило завалиться на диван – типа, куда уж теперь... но я завязала глазки, чтоб уйти от всего вообще, не вспоминать о себе самой, и дело пошло много лучше! Я полностью отдалась музыке, позволила ей проникнуть в кровь и раствориться в ней. Голова кружилась, дыхание сбивалось но вспомнилось памятью клеток, как правильно дышать – глубоко, медленно, и низом живота, "подбирая" его а позвоночник вытянуть:

– Так, Ивана, так! Молодец! Тяни, ещё! Живот в себя, грудь вперед! – вспоминалась сама собой Розанна – моя преподша, латинка-полукровка, страшная как чёрт, но с горящими глазами фанатика танца!

Я забыла обо всём на свете, и танцевала, танцевала! Мир вертелся и порхал в моём внутреннем пространстве, ставшем бесконечным! Я и раньше ни разу не испытывала подобного – ведь глаза завязывать не пробовала когда делала это профессионально, и всё время отслеживала ошибки, а сейчас – лишь я и танец! Танец со Вселенной – моей Вселенной! Огонь полыхал внутри, и меня самой стало так много, так широко, я потеряла тело – Я Огонь! Я колыхаюсь под дыханием звёзд, я порхаю – и нет никаких суставов! – напоминаю сознанию, которое не желает успокоиться и дать мне растворится полностью в себе самой, в горячей крови растопить мысли. Но постепенно засыпает и оно – всемогущее скептическое сознание. Нет никаких связей, чтобы мешать неуклюже и болеть, нет печени и лёгких, которые сводит от движения – они сливаются со всем миром, неотделимо от всего, божественная гармония! Я – Огонь, Агни Извечный... Я – Танцующий Бог...

Но иногда вдруг накатывает проклятая боязнь темноты – я на краткий миг стягиваю повязку с глаз, и очень коротко глянув на внешний мир, убеждаюсь в его искусственности, а потому нестрашности – снова закрываю глаза, и плавно изгибаясь вперед – «руки будто раскрываешь для объятий» – звучит голос Роз, подменённый на мой. Потом плавно назад, с перебором стопа за стопу – руки будто утягивают за собой захваченное в объятья. Пальцами перебор, как на струнах арфы, взмах, голову назад. И позвоночник... но исчезает и это, мозг тает в божественном жару, и прекращает фиксировать всё и вся... я взлетаю... пот струится по телу, сладкие струи омывают душу и сердце, которое стучит повсюду, растворившись и потеряв форму, перетекая по вселенной... вдыхаемый воздух протекает сквозь меня, как волна

сквозь другую волну, переплетаясь с пространством из ниоткуда никуда... Экстаз...

На паузе между композициями вдруг почувствовала, что тело все же есть и как дико я утомила его. Упав на диван, задрала ноги на стену, убрала мокрую чёлку со лба, руки раскинула – ах... Полежала немного, вслушиваясь в тишину внутри, заполненную *забытым сладким чувством, больше чем чувство...* чуть позже пришло ощущение себя – и смех сам вырвался из груди – ма-ма, я танцую! Я не такая стремная кобыла, как решила уже... но это не важно – а важен сам процесс, и сам способ закрыть вырванные клочки, дыры в себе, ощутить цельность... я погладила себя по совершенном мокрому животику, и не выдержав накала следующей мелодии, вскочила и с новой силой закружилась, перебирая ножками часто-часто, воплощая пришедший сам собой Танец, требующий огромной страсти и проворства, воспитуемого месяцами тренировок. Я и его не забыла совсем, и скакала как молодая страстная коза, наслаждаясь на этот раз иным чувством – реальностью происходящего, что вот и так я еще могу! Ах, какая я горячая стерва! Какая убийственно сексуальная испанка!! Я прогнулась максимально назад, скрестив ноги, стоя на носочках, как на каблуках, взмахнула изящно и горячо подразумеваемым веером... и тут заходит тетя Нюра, и всё обломала. Блин. Я остановилась, только слегка пританцовывая. Домработница, конечно, моментально исчезла – я ведь танцевала в зале, у меня комната длинная но узкая, развернуться особо негде. Не могу же я при ней продолжать! Вот ещё... да и устала... сгорбившись опустилась на диван, было трудно и больно глубоко вдыхать. Повалялась некоторое время, потом лениво напялила одежду, собрала волосы, и пошла умываться.

Обижаться не стала – всё, хватит на сегодня! Предложение покушать приняла с радостью – пора! Напрыгалась, основательно, впервые разогнав за долгое время кровушку как следует, настроение охрененное! Даже матом ругаться не хочется, и тетя Нюра не

раздражает. Весь мир будто обновился для меня, просто так, сам по себе.

И при чём тут Вика или ни при чём – непонятно.

Может её совсем не было?

Покушав, закрылась у себя и попробовала попеть на той волне. Вот это кайф, вибрации высокие и низкие, пробегают по телу, как бриз, и голос, из расправленной диафрагмы - чист и легок! Вот это так! Значит, нужно поплясать, прежде чем петь... То-то Ветер удивится, когда я ему спою вот так. Он же, сволочь, уверен, что у такой прокуренной суки ни в жизнь не получится петь *просто даже* нормально. Куда уж там *хорошо*...

А вот обломись! Я вот как могу! Лишь разогнать кровь! Вот почему музыканты прыгают и не захлебываются воздухом! У них кровь бежит через органы быстро, и всё очищает. Вот так секрет!

Я пела до самого вечера, не выходя, пробуя и так и эдак... в основном получалось, а если что-то не брала, распевалась ещё, гуляя по регистрам голосом, дышала на разной глубине, ложилась и вставала, примеряясь, как лучше идёт, и всё же разгонялась до нужных высот.

Вечером проходя из ванной в зал, с полотенцем на голове, уловила как тетя Нюра рассказывает маме втихаря, что «Ивана танцевала, я зашла и увидела! Может, вернётся к занятиям, вы бы поговорили с ней, Лариса Николавна!». Спасибо, уже доложили! Чёрт. Какое кому дело до моей личной жизни? Я немножко разозлилась, и подслушивать дальше не стала, тем более, что завалился папа:

- Тшэшьчь, бесштанная команда! – весело крикнул он мне сходу, как в детстве. Я хотела было психануть окончательно – не видно чтоль, что у меня уже давно титьки, я не ребёночек, хватит всякую хрень городить! Но он упредил - вручил мне пакет с новыми фильмами, и я, забыв обижаться, полезла разбирать его.

Поужинали, и развалившись перед домашним кинотеатром, мама вдруг предложила снова заняться танцами – ну хоть чем-то! Настроение было прекрасное, я радостно согласилась, и потом весь вечер мечтала, как это будет здорово! Вернуться в мир движения и звука, ощутить вкус гармонии и полёта... О, да!

Но утром вышла на улицу, закурила и... Куда что делось? Зачем это вообще? Снова жить по режиму, бегать на занятия, а квалификация давно потеряна, толку уже не будет. И вообще, вон идёт старый "системный систер" Аринка-Чёрт, из моей бывшей компании, орёт:

- Здорово, ты куда, бля, ваще пропала? Бабло есть? Ну айда бухать тогда, давно не виделись!

Вот так. «Реальность» позвала. Напиться, позвонить Ветру – а его нет, он не отвечает. Беспокойство, гасимое бухлом. Вот и вся грёбанная жизнь...

Снова день прошёл так же, как и многие и многие и многие...

Набить бы Гдеты рожу... но это лишь мечты. Мечты о свободе – я могу то, могу сё... не могу я освободиться, вырваться и улететь...

Тупо смотрела забытое в гнезде дивидишки кино, лишь бы не шататься по квартире, не раздражать предков перегаром. Потом упав на кровать, заплакала над своей никчёмной судьбой, которую почему-то сама же не беру в руки, и ничего не делаю для её исправления. Да и что я вообще могу, дура пьяная?

Ах, вот если бы автостопом по галактике – вот это!!!

Захлестнули сладкие мечты о Смерти, как о вселенском освобождении – не будет влечения порочного к Ветру, не будет Гдеты, которую нельзя убить. Не будет универа, мамы - ничего!! И слёзы по лицу – ах, как же безумно, дико долго ещё ждать – а так хочется автостопом по галактике!! И ведь будет... будет!! Эти мысли утешают, и я засыпаю в обнимку с плюшевым зайцем, счастливая. И лечу, лечу!!

Ветер позвал к себе домой, просто посидеть, что-нибудь поделать вместе, мол, он соскучился по простоте и душевности. Я не возражала - мы ведь так редко тихо и мирно общаемся, всё только дерёмся и калечимся.

Ну, что - попили чайку, поржали над чем-то незначительным. Поначалу напрягались с непривычки, но добавили коньяка, расслабились, и полезли в интернет. Конечно, первым делом скачали новые выкладки Жанны. Эта тема в сетке горит всегда и у него и у меня!

Про секс и кекс

«Странные мы люди.

Нам трудно что-то втолковать – мы зверски упрямые. А ещё и это дурацкое соперничество... на хрена вот нам надо, казалось бы, вообще воевать друг с другом? Больно ранить без конца, издеваться. Садисты какие-то вообще... то и дело, расслабишься – и получишь хорошего хлыста по душе! И с ним так же – стоит ему немного потерять бдительность – как я сразу злобно жалею, змея. Ухо остро! Глаз намётан – только любимый враг зазевался – пиздец. М-да.

В принципе по-настоящему нас можно пронять только сексом. Ну не охота куда-то идти и о чём-то думать, но если тому причина секс – о, всё! Тогда мы живо делаем что положено! Идём к врачу, умываемся – да мало ли что! Меня по большому счету только секс и движет! Нифига бы я не стала собой так упорно заниматься, волосы отращивать – с ними столько возни!! Деньги тратить на разные штучки, маленькие но очень важные – всякие там чулки и прочее. Карандаши для глаз, помаду невероятно красную. Шнурки. Лак. Ой, всего не передать! Книжки, извращённого направления. По полночи фантазий. Спать так дико хочется – но нет, «это для секса, Жанна!» - и пошла я спотыкаясь на ходу заниматься собой. Зато потом в зеркало приятно смотреть! Красота!

С ТорКом примерно то же. Если я пыталась что-то ему донести, втереть, и нифига не помогало – так достаточно сказать, что это хорошо для секса, или если так не сделать – секса станет меньше... всё! Пошёл и сделал.

Страшная сила. Не любовь даже – а секс. А секс на основе любви!! О, это просто самое сердце всего, что в мире может быть. Вот так-то.

А, в чём приколы – древние считали, что настоящая любовь приходит после первого секса. Или всё разрушается напрочь. Да, точно! Так у нас и было. Я переспала с ним первый раз потому что просто захотела его. О любви речи не было (с моей стороны). Вот, а потом уже что-то такое проснулось... и понеслось, как снег с горы!! Пиздец. Водоворот. Безумие!

А ведь это только начало. Наивно было думать с его стороны, что наши отношения себя изжили! Я только расцветаю кровавыми цветами! Лучший и безумнейший сексуальный возраст женщины – двадцать пять - тридцать лет. Потом только семьдесят (кто доживает!). Я это чувствую. "У нас есть вечность, но это немного, для обряда безумия нам!" У нас есть ВЕЧНОСТЬ.... Но это немного.

Я приручаюсь очень долго. Очень. Но зато приручивший получит всё, до конца. Я не останавливаюсь ни перед чем, и на за что, чтобы получить его! Если останавливаюсь, я думаю, думаю, думаю.... А потом делаю. Я делаю. Мне просто нужно много времени. Торопясь все успеть – смерть за спиной!! – я стою и молчу. Интроверция, блин.... Таков мой образ мысли. Таков мой способ отношений с миром. Или лучше сказать – сношений с миром? Весь мир есть секс. Что-то насилует тебя, чему-то ты сам отдаешься.

Весь мир есть секс. Весь мир есть ТорК...

Он так сексуально облизывается. Он так сексуально злится!! Он так сексуально существует! В конце концов, не побоюсь повториться – похоть была первее любви. Или это любовь так осторожничала?

Даже просто глядя друг на друга – мы занимаемся сексом. Даже просто думанье о другом – уже есть секс. Самые прозаичные дела в присутствии другого – есть секс.

А я приду и....

P.S. Мяу?! Подлизываюсь...»

Читаем, он странно как-то жмётся. На меня не смотрит. Будто ему неудобно при мне такое читать... насколько я понимаю, Жанна ему очень дорога, он над ней дрожит с юности, а тут я... будто пускает меня в свою неприкрытую больную душу...а сам думает, что я его не понимаю, воспринимая Жанну по-своему. И знает при том, что очень хорошо понимаю и за себя и за него. Странное чувство и для него и для меня.

- Вот... - тихо говорит он.

- Ага, - тихо говорю я. Молчим. Понимаем всё, и стесняемся показать, что проникли в неприкрытую больную душу его оба... неуютно ему со мной собой делиться. Неуютно мне неподелённое брать... Ах, Жанна, знала б ты... знаешь, наверное, раз не стесняешься вести он-лайн дневники, будучи такой популярной скандальной личностью! И скандальность-то твоя в беспрецедентной откровенности! Жанна Моуле... ТорКова жена... Жанна...

Я задумалась, он тоже. Когда пришла в себя, Ветер сидел глядя на свои истерзанные руки, и мне стало очень неловко.

- Я пойду...

- Ага, - только и ответил он.

Дурацкая затея - нам изображать приятелей-подростков! Игры удаются нам только в грязном сексе, а в обычном общении... нет, не стоит больше и пытаться! *Мы просто вместе злобно веселимся, надо это помнить! Как бы не хотелось порой быть чем-то больше, нежели развратные любовники...*

История с сестрой.

Вот так «радость» у нас сегодня - сестра приезжает из Дании в гости. А я её не помню нифига, последний раз она посетила Россию, когда мне было лет пять всего. Всё что у меня осталось – это глухое раздражение и детская обида что у неё-то имя нормальное – Женя, а меня так обозвали! Та женщина, её мать, небось не послушала всякую херню про фамильную гордость. Мама у папы жена первая, но я дочь-то вторая. Сеструха меня на двенадцать лет старше, привет из «папиного прошлого». Когда папа начал таскать немерено денег, унаследовавшая красоту и пронырливость девица вмиг перебралась в Данию, завела влиятельного «друга», выучилась и открыла бутик модной одежды. И вот все носятся, мама не знает что ещё и сделать, заказала профпомывку окон, чтоб Евгения не думала, что у нас какая-то шарага вместо семьи. Не понимаю - да маме-то что, это её дом, и разве мы не имеем права жить как хотим? Вообще, меня вся эта байда тока раздражает, и я хотела смыться к себе в норку, но папа «устыдил», и пришлось остаться. Ччёрт!! Лучше бы я где-нибудь бухала!

Пока папа ездил за ней в аэропорт, я жутко нервничала – почему я не могу уйти к себе, и должна развлекать эту буржуйку? Я её не знаю!!

- А вот и мы!! – папа так заорал с порога, что я вздрогнула и похолодела. Как же – у него событие! Я, конечно, понимаю всё, но... я хочу, чтоб меня оставили в покое. Это не мой праздник!

Что сказать о сестре? Красивая, эффектная, дорого одетая высокая отполированная шатенка. Курит – по голосу слышно. И сразу видно, что не местная. Но шумная, и грубоватых манер. Делец всё же, что неминуемо накладывает свой отпечаток. Да и по мне тоже небось сразу видать, что прожжённый алкаш. Надеюсь, что не сразу... а то как-то неудобно общего папу позорить. Но тот ничего не замечает, и воробьём скачет вокруг дочуры, счастливый до безумия маминым пониманием ситуации, и отсутствием ревности с моей стороны. Неужто думает, что я до сих пор должна ревновать?

Мне скока лет ваще по его дурацкому мнению? Иногда так и добивает это его кретинское отношение к маленькому подросточку Иваночке! Знал бы он, чем я по закоулкам с Ветром занимаюсь – сразу бы в обморок хлопбысь, и пипец! Ма-аленькая злобная папина дурочка.

Всё это разглядывание альбомов, тоска дикая – на хрен её, сестру чужую и ненужную!! Припёрла тряпок из своего бутика в подарок мне и маме. Тряпки прикольные, конечно, и по размеру, мама небось проконсультировала. Но это ничего не меняет.

Торжественный ужин – я сижу вразвалку, нагло, и она тоже. Друг с другом не разговариваем – а чё нам сказать? Слушаем разглагольствования папы, слышанную-переслышанную семейную легенду, что все мы из древнего рода, от князей Вишневецких, польского князя Вацлава Вишневецкого и графини Анны-Гертруды Вершбен фон Готтен-Вишневецкой. Она очень поздно родила ребенка, наследника, и всё такое. В отместку её старший сын женился на безродной полячке, и родил кого-то там, кто послужил началом... роду Ветра!! Потому как имя её, той полячки, Эльжбета Изборская – а фамилия матери Ветра!! Боже, я чуть не подпрыгнула на месте, как обожжённая внезапной мыслью! Я просто в шоке от проложенной в мозгу линии! Как же я давно не догадалась? Видимо, потому, что последний раз слышала навязшее в зубах предание ещё до встречи с Ветром. Мы оба – польские аристократы! Почти родня, к тому же, так хорошо сохранившие родовые линии и гордость, и... извращенность. Ага, Изборская – «Изврская», угодливо явил мозг ассоциацию. Всем же известно, что они извры – дворяне эти. То есть, не они а мы...

В жутком запале от такого невероятного открытия, едва дождалась приличного момента, и побежала звонить Ветру - а он меня послал грубо, сволочь:

– Ты вконец обалдела? – прошипел мой любимый. - Что я тебе, гуляка, я на работе!

Еле дожив до вечера, я помчалась к нему с открытием. Мы ведь наподобие брата и сестры! Это добавляет острого перцу нашим отношениям! Охренеть!!

Он серьезно выслушал, кивал, добавляя какие-то свои сведения, подтверждающие, что так оно и есть! Но какой-то замкнутый и вялый был... мой энтузиазм сменился усталостью, и постепенно закруглившись, я собралась уходить, а он вдруг схватил меня за руку, и принялся горячо умолять остаться!

На свете есть только два человека, способных уговорить меня на что угодно - это Русский и Ветер. У Русого есть такое фирменное лицо, с неповторимой ямочкой под губой, и девчоночьим наклоном ресниц, что как не отнекивайся, а всё едино уговоришься! А Ветер... думаю, не стоит объяснять даже. Конечно, умолил-таки остаться ночевать с ним! Ему дико страшно, говорит. Но и мне с таким Ветром страшно! Мелко вздрагивает, косится по углам - знаете, музыканты и "перформанисты" такие рожи часто ломают, для сценического эффекта сумасшествия. Но Ветер-то по-настоящему!! Господи, куда я забралась опять, в какие дебри чужой души? Мне и жаль его очень, и страшно, и ломает просто - я же не знаю совершенно, что делать, если ему хуже станет?? В дурдом звонить? Но куда, и что говорить? А если будет плохо в конец, а в психушке мне скажут, что этого ещё недостаточно, чтоб забрать... Да и жалко, сдавать... Я же его люблю! Ну вот, уже близка к панике, и готова даже смыться втихую! Жмусь в прихожей, не раздеваюсь.

Но он не отпускает, хватает за руки, и тянет на кухню:

- Пойдём, пожалуйста, мне страшно здесь стоять, темно слишком!

- Где темно? - лепечу я, позволяя себя увлечь из ярко освещенного коридора.

- Ай, да это неважно! - кричит он, включая свет по пути везде, куда может дотянуться.

- Главное, что ты... да ты раздевайся, ну что ты, детка! - кричит он, стягивая с меня шарф. - Не бойся только, я сам уже боюсь за

троих! - и по-дурацки хихикает, пожимая плечами, как тупенькая студенточка. "За каких-таких троих - за Ленку, чтоль в плюс к нам??" - промелькнула злобная мысль, приведшая меня в чувство. Чтож, во-первых. может всё ещё не так плохо и сложится, чаю попьем, да и спать ляжем, или в инет полезем, как нормальные; во-вторых, даже если ему и станет хуже на моих глазах, так я хотя бы узнаю, что такое вообще его пресловутые рецидивы, после которых Ленка многозначительно молчит, и вздыхая, пожимает плечами, мол, чтож, бывает, не впервой! "Не всё же танцы да обжиманцы!" - как однажды с немалым подвохом влепила она мне, посмотрев со злостью. Всё, остаюсь! И будь что будет!

- Ты знаешь, - Ветер достал сигареты, одну протянул мне.

- Она ведь не придёт только если ты здесь будешь! - он прикурил и нахмурился.

- Кто? - я опять про Ленку подумала, конечно.

- Она... - он глубоко затянулся, закашлялся, потом поднял лихорадочные, пугающие глаза. Разум в них таял по секундам.

- Белая Дева, ну, я так её называю... Боюсь спросить настоящее имя, и вообще - а вдруг она скажет, и больше никогда не уйдёт, совсем привяжется ко мне?

- А... - только и ответила я.

- А как думаешь, возможно такое?

- Ну... - начала мямлить я. - Наверняка, ведь при сеансах спиритизма...

- Ха-ха, ну ты сказала! - Ветер закатился громким хохотом, совсем как в себе! И верно - что за бред я несу? Может, он просто прикололся, а я испугалась!

- Её ведь не надо вызывать, при чем здесь спиритизм? - совершенно серьезно оборвал он, опустив голову и наклоняясь ко мне.

- А когда она... Ну, Ленка здесь, она тоже не приходит? - кажется до меня вдруг дошла суть вопроса, я наверное, тоже свихнулась, раз так легко поняла Ветра.

- Нет, не приходит! - он покачал головой, отчего слабая резинка слетела, и волосы красиво рассыпались по плечам.

- Красиво как... - не удержалась я.

- Нет, ты что! - глаза его округлились. - Совсем некрасиво! Это отвратительно! - он всерьёз разволновался.

- Она... она стара! Но это полбеды, у неё нет половины лица, все время его прячет, под волосами, и знаешь, я и хочу заглянуть туда, под эту завесу, чтоб убедиться, что она проще, чем хочет казаться, и с другой стороны - меня чуть не парализует, от мысли, что же там можно скрывать, если она приходит испугать меня, а сама ещё и прячется, так значит, у неё там, в тёмной части что-то совсем уж... что меня убьет, а она же всё норовит меня... меня... - тут мой несчастный Ветер опустил голову и заплакал, не пряча лица в ладони.

- Ну, что ты... - прошептала я, садясь ближе, и протягивая руку, погладить по притягательным его волосам.

- Дика! - он схватил меня в охапку, прижимая к себе, и всхлипывая.

- Ради бога, не уходи только! - слёзы намочили мне шею, немного неприятно и жалостливо.

- Не уходи, ни за что! Даже если я буду гнать тебя, и ругаться! - прошептал он горячо, и укусил в шею, не больно. - Потому что я могу совсем потеряться... Ты ведь... а ладно, давай, я таблеток нажрусь, и спать ляжем... Она не придет, если ты рядом...

- Давай, - согласилась я, кажется, и правда, лучший выход! - И свет не выключим! - воодушевился он.

- Как скажешь! - я легонько отодвинула его, и начала раздеваться. Ветер вытер слезы, и сел смотреть на меня. Я расстелила постель, разделась до маечки и трусиков, залезла под одеяло, и жестом пригласила его к себе. Любимый радостно нырнул ко мне, прижался всем худым холодным телом.

- Как хорошо с тобой! - прошептал он, и я ответила:

- Ага, - подумав при этом - ох, и тесная же у тебя кровать для двоих!...

- Дика, Дика!! - разорвали сон вопли Ветра с кухни, и вскочив, я помчалась туда на автопилоте. Вот чёрт.

- Что? - остановилась я в дверях.

- Она... - Ветер смотрел испуганными глазами на разбитую чашку в луже чая у его ног.

- Кто, Ветерочек? - как можно мягче подошла я к нему. Вот, блин! Он меня пугает!

- Она опять пыталась ко мне приставать... - прошептал он, прижимая меня к себе.

- Ну... - знать бы ещё, что говорить в подобных случаях!

- Это Белая Дева... я её так называю не сам! Лисицкий сказал, что я сам придумал... Но нет, она велела... сама, только один раз говорила со мной! - жарко шептал Ветер, озираясь. - Видишь, я всё ещё боюсь, хотя точно знаю - она исчезает напрочь, если кто-то есть! - он покачал головой и горько усмехнулся: - Это она меня с ума свела, не дает жить нормально одному!

- Ветер... - начала я, замерзнув: - Давай тогда, раз она ушла, вернемся в постель, ну, или чаю попьем!

- Не, давай тогда кое-чего получше, а? - он сразу оживился, и выпустив меня, шагнул к холодильнику. Достал распечатанный литровый баттл "Джека" - ого!

- Ты удивляешься, откуда у меня такое дорогое бухло? - улыбнулся он, перехватив мой взгляд.

- Я зарабатывать лучше начал! - и гордо поставил добычу на стол: - За выслугу, прикинь, добавили! Я ведь самый старый там, никто не удерживался долго. Мол, заморочная работа... Они, кстати, потому меня и взяли, что никто у них работать не хотел, а другие все отказывали!

- Отлично! - кивнула я. Пусть лучше о работе говорит, чем о глюке каком-то. - Наливай, герой-работник! - подняла я грязный стакан - ничё, и такой сойдёт. Пить так пить!

Но знала бы я, что скоро придётся пожалеть об этом...

Через пару стаканов и всего лишь одну сигарету, Ветер встал, и со словами:

- Я сейчас! - улыбнулся ободряюще, и исчез... Я думала, в туалет, прождала наверное, все полчаса, прежде чем позволила беспокойству поднять себя с места, проведать, что так долго. Дверь на балкон была открыта, и я сразу выглянула по-наитию. Он был там. Весь в крови, отрешенный взгляд в никуда, и пар уже почти не идёт от посиневших губ...

- ЧЧЁЁЁРРРТ!!! - заорала я, хватая эту сволочь под руки, и пытаюсь поднять: - Сссука!! Ну как так можно, стоило только одного отпустить поссать!

Он был слишком тяжелым для меня, поднять его казалось невозможным. Однако я не паникёрша, и трезвым взглядом оценила, что он хоть и порезался довольно глубоко и грамотно, но холод зимней ночи быстро сузил сосуды, и крови пролито относительно немного.

- Блядь, пиздюк ёбанный! - заорала я со злости: - Режешься, так хоть по уму надо было! Гандон! - и въехала ему, засыпающему, такую отличную звонкую оплеуху, которой можно гордиться и профессиональной стерве. Первый страх отпустил, я поняла, что надо лишь затащить его в дом, чтобы не простыл, и забинтовать. И стало неожиданно весело. Да, чертовски весело! Ветер ведь развлекается, так чего бы и мне не поразвлечься!

Какими-то нечеловеческими моральными пинками самой себе, матом и уговорами, надрываясь мне удалось затащить его, напрочь теряющего сознание, в квартиру, грохнуть на кровать, основательно отколотить пока ничего не чувствует, выплескивая долго собираемую злость, и срочно перевязать обрывками простыни

оттаявшие и закровившие раны. Видимо, с тепла на холод, моему безмозглому самоубийце стало больно, и он очнулся с криком:

- Черт, сука грёбаная!

- Кто, я ? - со злой веселостью спросила я.

- Да не ты... - проворчал Ветер, пытаясь сесть, но его потянуло назад, и он лег обратно.

- А кто? Ты? - может, и стоило промолчать пока, но уже не до железного самоконтроля.

- Чего? - он сверкнул глазами, и закашлялся.

- Ничего! - почти уже орала я. - Ты вот так в туалет каждый раз ходишь?

- Как? - он начинал злиться. А и хоть бы!

- Ты сказал, что сейчас придёшь, и что? Исчез, а потом я тебя таким нашла! Для этого позвал?

- Я не говорил... Или сказал.

- Сказал! - я схватила стакан с тумбочки и швырнула об стену. - Пиздюк, если ты хотел с собой покончить, так не надо было меня звать! Эффекта сраного захотел?

- Имущество зачем портить, не твоё! - тихо и зло бросил он. - Я не думал ничё такого.

- Не-е-ет, ты просто издеваешься надо мной! - глотая болезненный жгучий ком в горле, я старалась изо всех сил говорить тише, чтобы не дать течь слезам. Плакать сейчас казалось постыдным.

Не хочу комментировать следующие полчаса разборок... просто не хочу. Это больно и банально. Он не хотел, я не ожидала... Короче, подуспокоившись, он попросил транков из холодильника, и если проснется, дать ещё. Я принесла, он уткнулся носом в стену, и вскоре тихо засопел. А я пошла в ванную горько рыдать, давясь болью, и вопить беззвучно в сырую и тёмную Вселенную об одиночестве своём и жажде...

Так и выла тихо-тихо, пока не выдохлась и не забылась. Очнулась с зудом в скрюченном позвоночнике и ногах, прошла на

кухню, допила остатки виски не разбавляя, конечно. От нервов стало дурно, и после недолгих раздумий и борьбы с ленью, намеренно проблевалась. Захотелось есть, но я так устала... Прошла в комнату, и примостилась на кресле, рядом с Ветром. Он так и спал, не меняя позы. Любимый мой... Несчастный мой. Дурак...

Вдруг будто ударило - а какой сегодня день? Сколько я уже здесь, как долго длится рецидив Ветра? И всё это время я с ним, размышляя - бросить или остаться? Шаталась в этих тяжких мыслях по квартире, и остановилась у окна - а там фейерверк, люди празднуют. И замысловатый какой! Штучки такие необычные, огоньки эти... в виде черепов!!! Ого, нихрена себе! У меня глаза на лоб полезли - разве такое бывает? Присмотрелась - ещё и разные, бараньи, и кошачьи, и человеческие, конечно. Летают, порхают, перемешиваются между собой, и в снег падают, остывая... Кошмар!

ДРРРРРРР!!!!!! - звонок в дверь. Я чуть не подпрыгнула до потолка! Вот бя, не в тему как! Глюки у самой пошли от тоски... А вы там не звоните! Не открою. Слава богу, лекарство подействовало, пусть спит наконец! Я отвернулась к окну, и закурила. Звонок не утихал - суки, и кому приспичило припереться именно сейчас! Если Ветер проснется - что тогда делать? Молотком по башке его обратно укладывать? Боже, как же я устала!

- Да иду, блядь, иду, на хуй!!! - злобно проворчала я, швыряя сигарету в раковину.

- Кто там, в конце концов? - спросила я, заглядывая в глазок.

- Это я... - пропищала жалко Гдетыгдеты, показывая свою пристукнутую рожу.

- Вот ещё! - рука сама потянулась к замку, но... я её остановила.

- Чего тебе надо? - спросила грубо.

- Я к Ветру пришла, вообще-то, открой! - приосанилась эта кобыла.

- Да ты чё? - неучастливо переспросила я. - А он, знаешь ли, транками удалбавшись, наконец спит, и слава богу, встать не может!

- Что значит наконец спит? - взъерепенилась она. - Вы чё там??

- Ничё мы там, - криво усмехнулась я. - Это вы там, а мы здесь!

- Слышь, дорогая! - противница уставилась прямо в глазок, отчего её рожа смешно расплылась, заставляя меня прыснуть со смеху!

- Вообще-то это я его девушка, а не ты! - с такой рожей, и ещё говорит как быдло! Бычить пытается! Я уже откровенно ржала!

- Давай, открой уже! - заорала она.

- Знаешь что, Лена! - я подняла с полу сигарету, закурила и успокоилась. - Иди давай пока, он правда спит, и делать тебе здесь нечего! Трахать он точно сегодня тебя не будет, но и меня тоже, так что пойди пока, девочка, погуляй!

- Эй, Дика, ну ты чё! - принялась она уже умолять. - Ну скажи хоть, что с ним? Ему плохо, да? Дика, я знаю что делать, ну открой! - вопила она, уже мне вдогонку, а я возвращалась курить на кухню - ни к чему светлые обои в коридоре портить!

Вот так, вообще не открыла, злорадно и больно. Знает она... Ишь ты, всё о нём знает, владелица херова! А может теперь и я хочу знать Ветра немного ближе! Пережить с ним его боль, а то почему же всегда вся боль - мне?? Узнать, что такое Ветру больно наконец!!

Но больше не было ничего. Я сторожила его сон, теряя счёт времени, и контроль над собой. Спать не могла, но от усталости впадала в некий транс, из которого меня пару раз выводили болезненные вскрики Ветра во сне. Тогда я подползала к нему со своего убежища-кресла. Клала руку на лоб, брала за ладонь, тихонько встряхивала, и шептала:

- Малыш, малыш, зайчик, всё хорошо, ну, успокойся!

Он затихал, и я возвращалась под плед... Иногда затекали ноги, и я просыпалась от боли. Разминала конечности прогулкой до кухни, курила и жевала пустой хлеб, запивая вчерашним или позавчерашним чаем, разбавляя мутную заварку водой из-под крана, и возвращалась в полутрансе к Ветру.

Не знаю, когда и как, но он наконец очнулся. Я почти не отреагировала, хотя так ждала... Приготовила ему горячего чаю с виски, и как зомби набрала номер в коридоре:

- Алло, Гдеты? - холодный, усталый голос. - Приходи, ему лучше! Всё.

Я долго отдыхала после этого, жутко выжатая. Каков пикец, а? Нет, не хотела бы я быть ни женой Ветра, ни даже девушкой! Пусть Ленка так мучается, если больше себя некуда деть, а у меня и своих заморочек хватает! Даже на то, чтобы просто побыть с собой наедине, перемолоть все возникающие мысли на мельнице души сколько сил надо! Вот и сейчас сижу и думаю - насколько же верно выражение "всё познаётся в сравнении". Так мечтала, чтоб Гдетыгдеты исчезла, а я бы заняла её место рядом с Ветром! Однако на него смотреть, мечтаючи, хорошо только со стороны, да сталкиваться периодически в психо-секс-битвах, а жить... всерьёз встречаться?.. нет, пожалуй, это место и правда Ленкино, и пусть всё остаётся как есть - она его обслуживает как жена, я наведываюсь как любовница. И всем хорошо!

Или нет?..

Аккурат под Новый год, к вечеру тридцатого числа, Ветер неожиданно притащился ко мне домой и оторвал от оч-чень важного дела - перебирания вещей купленных в течении года, дабы выявить ни разу не надёванные, а стало быть нафиг ненужные, и подлежащие раздариванию и разбазариванию. Вот. И прямо с порога, весь такой заснеженный потребовал тоном, не терпящим возражений:

- Дика, есть предложение... Ну, вернее пожелание! Короче, я хочу чтобы ты пошла со мной в одно местечко!

- Куда, если не секрет? - я изобразила "удивлённое личико хорошей девочки", должно быть как раз в тему сейчас.

- В лавочку ювелирную, там мать при жизни работала... мама моя.

Я совершенно наивно обрадовалась, подумав, дура, что он решил мне что-то подарить.

А он смотрит, гладит витрину:

- Это сердолик, камень цвета крови, цвета жизни... древние народы Востока приписывали ему свойство оберегать живых от смертей и болезней, нести любовь и счастье. Знаешь, Дика - считалось, что он дарует богатство, укрепляет здоровье, поднимает настроение, успокаивает гнев, но, прежде всего, это камень счастливой любви... Боже, как слеза богини, хорош!

Его лицо светилось, как у ребёнка в церкви!

- Это сапфир – смотри, какой чистый...

- Ага... - только кивала я, рот приоткрыв - а мне-то что из этого подаришь?

Продавщица странно смотрела, что-то собираясь сказать, но он так посмотрел на неё, что та не решилась.

- Аметист... "Остерегайтесь его, женщины, обрученные или замужние", сказано о нём жрецами тридцать столетий назад, - шептал мой любимый сам себе, наклоня голову, будто лучи самоцвета ловил: - Считалось, что этот камень открывает сердце для новой любви.

Ветер тщательно всё пересмотрел, я уж устала слушать его шаманские бормотания полущёпотом. Когда уж думала, что свалюсь на пол, не в силах больше топтаться на одном месте, он попросил показать поближе бриллиант - самый крупный на витрине, в тонкой стильненькой оправе-кулоне. Я чуть не подпрыгнула и замерла - мне, да? Но любимый повертел в руках сокровище, посмотрел с прищуром на свет, и дико разочаровавшись в подлинности вещицы, резко развернулся и пошёл на выход, не забыв меня прихватить за запястье. Чёрт, больно же! И внутри тоже...

...и ничего не подарил, конечно.

Потом повёл меня домой - к себе, разумеется, этот разве соизволит проводить? Да ему и в голову не придёт, что в поздний зимний вечер девушке может быть страшно одной... Ну и ладно, таксичку поймаю. Может, он потому и не провожает, что с этим у меня проблем никаких нет? Главное - таки подарил топаз, огранённый без оправы. Достал из кучи хлама в столе, и сунул в руки:

- На! Это мамин.

Я прям расцвела, и только собралась повиснуть на любимом в сладкой благодарности, как он вдруг замахал руками, перекосившись! Ого, да он гонит меня вон, буквально выпихивая:

- Убирайся!!

Глаза горят злобой, болью - точь-в-точь собака, получившая хорошего пинка в бок, а укусить не может, потому что *своих не кусают, по крайней мере, всерьёз*.

Я моментально уйду, конечно, но камень уношу с собой. Растерянная, но не обиженная - он же дурак, как на него реагировать? И ведь получается, что та собака, получившая пинка - вовсе не он, а я! Только я очень преданная и всепонимающая собака, даже и огрызаться на стала! И вообще не поняла, что произошло... Да ладно, не впервой.

Новый год справляла дома. А меня как-то особо никуда и не звали... и Ветер молчал, я не звонила. Мама с папой тоже никуда не пошли, будто вспомнили, что Новый год – семейный праздник. Но при этом так посматривали на меня осторожно, что я поняла – это из-за меня, раз такой убитый вид, и дома сижу. Решили, наверное, поддержать. Им надо отдать должное, они стараются не оставлять ребёнка наедине с траблами, помогать по мере сил, ведь работают напряженно, управляющим много не доверишь, многое висит на них в этой их фирме.

Вообще-то предки хотели махнуть в свою обожаемую Варшаву, а я и не знала! Вот куда бы я с удовольствием сгоняла вместе с ними! Эта особая атмосфера, очарование старого города! Но родные до последнего вкалывали, стремясь ухватить удачный момент, выжать из предпраздничной гонки максимум. Роботы корпоративные, блин! Нет бы себя пожалеть! Но папа утешился тем, что съездим, мол, вместе на Рождество туда. Да только на православное, а мы же считаемся католики... Потом всё мечтал под салат с шампанским и Верку Сердючку, как вот-вот они с мамой состарятся, как раз наберут совсем уж огромную кучу денег, и можно будет успокоиться. Купить каменный особнячок на окраине милой Варшавы, и коротать дни в тишине и покое, ходить по гостям, говорить исключительно по-польски. А я буду наезжать временами к ним, с семьёй, и тогда они будут гордо показывать родне упитанных внучков. Это детей, стало быть моих! Да если бы... не знаю, не знаю. Стоит ли вообще их заводить, и могу ли я себе это позволить – с такой наследственностью депрессивно-извращённой, куда уж!

Выдумывать ничего не хотелось, я просто и безыскусно подарила родителям два билета в Оперный на «Аиду» - очень уж она им нравится! Но самим-то сходить всё некогда... а так считай, попали! Ну и они тоже не мудрствуя лукаво, не стали разбираться в моих вкусах и интересах, а вручили подарочный сертификат на восемьсот тысяч рублей в магазин стильной одежды «Сезон». Зашибись! Снова куча ненужных тряпок, прости господи! Я между прочим, о них действительно позаботилась! Неужели нельзя было... а, да ладно. Лень и докука обижаться.

Сама себе на праздник я подарила только плакат с моей Стеклоанной богиней Жанной Моуле. Делала на заказ – сняла с сайта красивую фотку – где Жанна в узком чёрно-красном платье, задумчивая и эротичная. Обкатала в «Фотошопе», добавила цвета. Повесила готовый плакат у компа, и смотрю без конца, впитывая этот образ. Безумно желая быть такой стройной, уверенной,

сексуально-вкусной, переменчивой, но неизменно восхитительной! Быть не внешности такой, а чем-то тем, что делает Жанну Жанной, стержень этот, что-то уметь в себе так же обозначить и преподать неуловимое то, что делает Дику Дикой. Что же это, и как его выразить в полной мере? Каков вкус образа Дики?..

Мама уговорила сходить на Новогодний фуршет, типа закрытой вечеринки в Оперном театре. Всё верит, что можно меня убедить вступить в ИХ мир.

Сказать про поход нечего. Всё как всегда. Последствия - болит спина, натёрла непривычно тоненькими лямками платья те места, где плечи переходят в грудь... ну, как это называется? Ай, пофиг. Ещё объелась устриц от скуки, хоть они и были невкусные какие-то, дешёвые, чтоль? Всё думала, что *мои*, неферье, сейчас бухают где-нибудь на прокуренной хате, и ржач стоит как на конюшне, и музло орёт, и мат, и пиво рекой... А я здесь, как цыган из песни, пью шампанское, за любовь свою, за цыганскую.

Болят ноги, потому что было лень сопротивляться горячему пожеланию мамы, чтоб я обула туфли на шпильке. Вследствие чего, мне даже напиться не удалось, ведь осуши я хоть половину из желаемого, свалилась бы с пятнадцатисантиметровой шаткой высоты непременно!

Потому и сижу теперь, болезные конечности вытянув на боковинку дивана, и пишу в дневник:

"Мечтаю в кружевном черном платье, в красных трусиках с орхидеями и без лифчика забуриться в «приличное общество», типа мам-напиной презентации, и ходить там, с умной рожей, изображая, что это и есть самое что ни на есть комильфо, с бокалом шампусика, и типа так и надо, заговаривать с похотливо оторопевшими стариками, и прочее в этом роде..."

По-моему, красивый мог бы клип получиться, психоделический даже! Дьявол бы гордился мной.

*"Пусть сегодня я мёртв безмерно,
Пусть мой разум исковеркан..."*

Здравствуй, эсскоул Хэппи Нью Йеар...

У меня чёрная депрессия. До зуда в суставах, головной боли и ломоты печени. Другие в депре лежат зубами к стенке, а я не могу и этого... настолько херово, что нет сил даже лежать. Угнетает собственная пустая квартира, и присутствие родителей тоже не облегчает страданий. Дома у предков всегда кто-то толчётся – то папа работает на дому, притащив своего сопляка-программиста; то мама стругает отчёт для налоговой с сексапильной бухгалтершей Ниночкой; а когда этих никого, Петровна шарахается по кухне, потом лезет пылесосить, и как раз под тот диван, на котором я сижу завернувшись болезненно в плед, испытывая попеременно то тремор то чёртов долбанный жар. А у себя я жить не могу в таком состоянии, кто же будет варить мне суп, ставить чай, да и просто, ночевать в пустой квартире... а больше у меня нет никого, чтоб присматривать за мной – кому ж я нужна? Это и справедливо – мне ведь тоже никто не нужен больной и обиженный, даже Ветер в состоянии рецидива достаётся обычно Ленке, а я являюсь на готовенькое, когда он снова в себе. Обычно если он молчит – значит, его нет с нами, он в параллельных мирах депрессивного психоза, чёрт бы его побрал. И сейчас не звонит – может, поступает как и я, дожидаясь моего возвращения из чёрной полосы, а может и сам в той же жопе. Если так – то Ленка сейчас с ним, верная жена, которой достаются все кренделя и фортеля больной психики Ветра. А он и видеть её не в силах, и без неё тоже пропадёт... впервые я захотела замуж.

Вот так и мне - с предками тошно, но их присутствие необходимо для примитивного выживания; и одна я быть не могу, по той же причине... Болит надорванная душа. Вост печень, ведь в ней оседают все проглоченные обиды.

Возникают мысли о кислоте, или порции циклы с водкой... но я не таков нарк ещё, чтоб найти в себе некий ресурс достаточный для поисков отравы. Я ведь даже и не знаю, где её берут, со мной от

чистой души делились всегда... к тому же депру надо лечить, а не глушить, иначе она вернется отдохнувшая, и так сама тебя оглушит, что следующим этапом будет чёртова сучья больница. А это пиздец, известное дело. И мне его не надо.

Хорошо хоть предки делают вид, что не замечают ничего. Или упакиваются настолько что не в состоянии разобрать нелады с ребёнком. Я не злюсь, зачем же, понимаю что со мной происходит. И сама борюсь как могу. Это ведь не плохое настроение – это истощение. Для психики депрессия – как для скелета сломанная кость. Принимаю препараты, стараюсь улыбаться и забываться за фильмами. Но слезы сами текут, Дьявол бы их побрал-выпил. Иногда жутко трудно держать себя в руках. А иногда и просто невозможно. Безумно тянет умереть... но осознавая, что это тупое требование депрессии, и желая на самом деле жить, я ничего такого не делаю, лишь ложусь в постель, и плачу. Кусаю руки, вою тихонько, с трудом находя в себе силы держаться в рассудке. Мысль одна – мне плохо, плохо, плохо...

Довалявшись до полного охренения, я как-то выглянув в окно обнаружила офигительный тёплый зимний вечерок. Такой пушистый, такой уютный... я ощутила физически, что там жизнь, там что-то происходит, движется кровь мира. И очень-очень захотела вернуться. В себя, в мир, и не жалеть даже о выкинутых днях дурного упадка.

Дрожа в слабости, я едва справилась со свитером, джинсами, курткой. Особо трудно дались длинные-предлинные бесконечные шнурки зимних гадов, их оказалось надо зашнуровывать заново, потому что пока я лежала в тюрьме души своей, тёплые дни окончательно уступили затяжным снежным вечерам, и обувь пришлось доставать соответственную.

Во дворе я постояла бессильно, чувствуя дурноту. Надо, необходимо встряхнуться! Вдохнула прохлады пришедшей без меня зимы, и потопала тихонько на железнодорожную станцию. Не знаю, почему, но меня потянуло сейчас именно туда, как-то неосознанно.

Захотелось напитаться духом дороги, почувствовать движение. На вокзале же все спешат, все заняты делом, едут куда-то, недовольные счастливики... жизнь движется, вперед и вперед. Я бы тоже махнула бог знает куда, но проверено, это нифига не помогает. Возвращаюсь обратно, не в состоянии сбежать от себя. Никакие новые места не дают забыться, не вытесняют меня из меня. Потому я просто постою на мосту, в свете прожекторов, глядя на чужие дела, веря, что хоть кто-то может уехать от себя, и забыть кто он есть. И вернувшись, привезти откуда-то оттуда кого-то другого вместо себя, и здесь не найти ничего из прошлой жизни.

И я бы хотела так...

Но нет. Не выйдет, ведь Ветер моя настоящая жизнь, а ни какая не прошлая. Значит, и оставить его в прошлом нельзя, и даже если он умрет – всё едино, я умру вместе с ним, прежде чем узнаю, что его больше нет, по-наитию скончаюсь в тот же миг, и так он не покинет меня никогда, хоть умоляй его хоть нет. И никогда со мной не будет по-настоящему... или всё же будет?? Проклятая надежда, заставляющая жить. Благословенная надежда.

Я достала из бэга дрожащими руками чистую тетрадь, которую таскала на случай, если в универе понадобится. Отыскала чудную ручку, которая пишет в мороз и не течет в жару, и сунув её в зубы, стала потрошить тетрадку, выдирая листки по одному. Из них я неловко складывала самолетики, считая, сколько получится, и зажимала готовые под мышкой. Получилось ровно 90 штук. Потом начала выводить на их крылышках надписи «Ивана+Ганя=???», торопливо и жадно, будто это невероятно важно, а для чего – знаю, но так занята, что даже не успеваю оформить это в мысль. Вот сейчас, сейчас я закончу, и тогда!.. Сначала я писала на каждом самолетике сразу на оба крыла, потом притомила от однообразия, и решила оптимизировать процесс, выводя как попало на правом крыле каждого самолетика, и складывала их в кучку, прижимая бэгом, чтоб не улетели до объявления рейса. Покончив с правой стороной просто перевернула всю стопку на левую, и продолжила.

Чем дальше, тем корявее. Ну и ладно, так сойдёт. Перевела дух, осмотрелась, чтоб никого не было на мосту, а то неловко начинать при людях священнодействие, непонятное им, но столь необходимое мне. Сложила поудобнее весь готовый труд, и начала запуск. Оригамики летели как белые голуби, целой эскадрильей, планировали и опускались на стоящий под мостом поезд. Красиво! Вдохновившись успешным началом, я побежала по тонким доскам, расшвыривая самолётики целыми группами. Я так увлеклась, что слышала гул моторов, и радио-переговоры пилотов: *«Ганя, Ганя, я Ивана, приём!»* - *«Дика, Дикая Дика, я Ветер, слышу вас!»*

- Ураааа!!! – возопила я шёпотом, запуская последние пять самолетов. Ожившая душа моя пела, и летела вслед за бумажными птицами, гордым и восторженным пилотом.

И похрену, что на меня странно посматривают снизу работники станции в форменной одежде. Думают, видно, что я террористка, но не поймут, в чём тут злой умысел. Ничего не сказали, проводили глазами мою одинокую, отрешенно улыбающуюся всем сумасшедшим существом фигурку, тяжело топающую титановыми гадами по доскам моста. Да и бог с ними, и со мной. Пойду домой спать. Чувствую, сегодня у меня это отлично получится.

После тяжкого отсутствия в депрессии, я наконец вернулась к учёбе. Сессия схватила за горло беспощадно. Я ведь половину её продолбала, господа, что же делать? Хочешь иль нет – а заканчивать ВУЗ придётся потом ли, кровью ли, депрой, не важно. Важно, что из универа сегодня я вышла, чувствуя остопиздение нечеловеческое! Когда же это кончится, Господи и Дьявол?? Третий курс... ух, твою мать!

Злясь на весь мир, села на лавку покурить. Заметила, что сижу возле кинотеатра. Ага, если не надо долго ждать ближайшего сеанса – зайду, что бы там не показывали!

Пока стояла в очереди, смотрела на хихикающих впереди девчонок-подружек, думала – а ведь кино, это то, куда ходят с

друзьями. А я одна! У меня никого нет. Мне не с кем пойти... то ли я сука злобная, неинтересная, то ли что-то ещё. В этот момент я чуть не заскучала по Гдетыгдеты, формально единственной моей подруге. Но от такого поворота аж передёрнуло – вот ещё! Лучше одна, чем терпеть её рядом дольше чётко рассчитанного, чтобы не ссориться, находясь при ней в обществе Ветра. Думать сейчас о Ветре и тем более о его половой тряпке (ха-ха, половой! Тряпке, которую он пользуется для своих половых нужд! Тьфу, скоты!) было физически невозможно, тошно, а до сеанса оставалось ещё с полчаса, и я пошла пить пиво. Взяла сразу две порции, в сумме литр светлой бурды. Хотелось как-то размякнуть, но мысль о коньяке печень отвергла моментальной болью, и я не решилась.

Зрение поплыло, и мысли размягчившись, вяло истаяли в черепе, как мороженое в чашке. Пора было отправляться занимать свое место, и ждать чудес от синема, как в детстве... я, пользуясь полупустотой зала, уселась туда, где сама захотела, игнорируя номер на билете – на верхний ряд, посередине.

На экране мелькала какая-то любовь, потом и вовсе сопливый секс, и на меня накатило – я вспомнила вдруг, как в прошлом году, в расцвете наших садо-мазо отношений, мы с Ветром сидели вот так же, и даже здесь же, чёрт меня возьми! И такие же полупьяные, и не глядя на экран, нам было совершенно не до того. *Было лето, он ласкал меня под юбкой, и я не пыталась его останавливать - не могла ему отказать. Меня дико возбуждала сама эта обстановка, не подходящая для секса. А он хитро улыбался не глядя на меня, пуская пальцы везде, где угодно, и я раздвигала ноги всё шире и шире, и кусала губы, чтоб не пищать, и он кусал губы, наверное, чтобы не вздыхать. Потом он повернулся ко мне, и сказал на ухо:*

– Это ведь места для поцелуев? – и неожиданно встал на колени, широко разводя мне ноги, положил их себе на плечи. Я чуть туфли не отправила вдогонку голове, уже напрочь слетевшей. Я почему-то отчётливо запомнила мысль, что надо по правилам пропищать что-то вроде – «ты что, не здесь, и так нельзя». Но мне было всё

равно – я ничего не соображала от желания, как ангел внезапно упавший на землю.

Год назад, уже год назад... о, я не выдерживаю напряжения воспоминаний, и глажу себя под одеждой, вспоминая его горячий язык, и свою неприличную позу. *Как я кусала чуть не до крови губы, и все оглядывалась – не идёт ли кто, не видит ли?? Чччёрт!!!* Безумие, не меньше. Я горела и думала – о, это Ветер! Таков может быть только Ветер!! И этого не повторится! Долгий год прошел... разве он делает так и Гдетыгдеты? Для него это само собой – лизать девушку в кинотеатре? Я не спрашивала. А вдруг, да? Я бы с собой покончила.

Какая же он блядь. Дрянь и скотина – так меня терзать, не называя меня своей девушкой официально, трахая нас обоих – но при том почему-то роль любовницы моя, а Ленка – его девушка, а не просто «та, которую он трахает»! Суки они оба!! *Блядь, ненавижу... кончаю... блядь...*

Вышла из зала обалдевшая, домой совершенно не хотелось! Пошла прогуляться, завернула в кафешку. На столике подобрала открытку с двумя голыми малолетними девицами в жутко неприличных позах, попами кверху. Читаю – «Были ли у вас случайные связи?» А как же? Будь у меня такая штука, я бы всем засунул. Но с долей брезгливости. Дилемма вышла бы, во как! И охота всех, и стремно, и любви хочется. Открытка, кстати, оказалась рекламкой презервативов. Тогда почему же две девки? Логичнее ведь было приляпать парня и девку. Или как парень эту самую девку «ляпает». Хотя, это уж слишком. Не объяснять же ещё, для чего они вообще, резинки эти? Но может, имеется в виду, что гандоны нужны не тока гетеро, но и лесбийским парам. Некоторые от таких сведений начинают вопить - а им-то зачем? А я знаю – они их на пальцы натягивают, чтоб подружку изнутри не исцарапать. Тоже уважать надо чужую половую жизнь.

Что-то меня пропёрло, и я достала мобилу:

- Здарова, Ветер! Слуш, тут такая шняга, прикинь, - я хотела было уж ему сразу всё выложить, но вовремя сообразила, что есть повод поговорить с ним лично, увидеться после долгого отсутствия.

- Что именно? – подстегнул он моё молчание.

- Ну, это, разговор есть! Давай сёдне вечером прогуляемся?

- Давай! Тока сейчас уже вечерок и есть.

- А...- я кажись, малость ступила. – Ну тогда, приходи сейчас!

- Не-а, мне лень, ты небось далеко! Да и не здоров я малясь.

- Ну, давай, сама приду, или нет, лучше на нейтральной территории!

В итоге сговорились о месте встречи как раз посередине между его местонахождением и моим. Всем удобно. Я была очень рада своей разведке боем – за время моего болезненного отсутствия Ветер никуда не делся, и не забыл как со мной разговаривать (что частенько происходит со всеми друзьями, а уж тем паче любовниками!). И значит, с ним всё нормально – тоже важно, ведь никогда не знаешь, куда и на сколько у него крыша поедет, и с какими последствиями.

Объявившись через часок, точно в назначенное время (его родная манера! Вежливость королей, блин), он первым делом поцеловал меня так жадно и глубоко, что я чуть не свалилась к его ногам! И упала бы, если бы он не держал в объятьях.

- Я скучал, знаешь?

В ответ я только кивнула – а я-то!!

Потом мы отправились пить кофе в «Дансан». Ветер чувствовал себя не очень, его знобило, и потому мы велели подлить в чашки коньяку. Только когда мы закурили по первой, я решилась задать взбаламутивший меня вопрос, про случайные связи. Мол, хотел бы он всем засунуть... Ветер сказал, что так и есть... в принципе, было у него, лет в семнадцать. Он собственно, так и делал. По крайней мере, старался по возможности. И брезгливость, тоже фактор, да! Но её перевешивает значительно зверская похоть. Хочется трахнуть просто всех!

- И мать? – пискнула я, не подумав. Но он отреагировал нормально, пожав только плечами.

- Нет, вот мне как раз мать и не хотелось никогда! Хотя все и убеждены, что психи непременно об этом мечтают! Да и не тока психи. А я не такой псих оказался! Я просто пробовал все доступные извращения, которые сознание принимало. И старался отыметь побольше. Потом надоело всех, но одинаково. Стал искать кого можно как-то так особо... ну, вот такая шняга!

История про квартирник "Стёкол"

Мечта собрать в Уфе концертик "Стёклам" бродила по организму давно. Я всё ходила вокруг да около, потихоньку подогревая народ, и в один из вечеров, набравшись храбрости, пригласила ТорКера к себе, но не больно-то рассчитывая на положительный ответ. Хотела в аське выципить их, но побоялась так напрямую общаться, не знаю почему – всё ещё колотит, дико стесняюсь говорить с ними. В принципе, выпимши была, «набралась» храбрости. Ждать пришлось недолго – часа в два ночи заморгал мэйл-агент – письмо! *«Заплатите за дорогу – с удовольствием! Хотите – с группой, хотите – с Жанной вдвоём. А хотите – с Дос. Ваша воля! Целуем в нос, Жанна и ТорК.»* Вот это ДА!!! Я вскочила и сплясала Дикий танец Дики, размахивая руками, и со всего маху прыгая на кровать – они будут здесь!! О, боже!!! Кому бы сказать первому? Мне хотелось орать об этом из окна, чтоб все знали!! Первому я чисто по-наитию позвонила Гоблину, прямо сразу, не дождавшись утра. Всё же он мой нынешний парень, пока никто не отменял. Он не психанул, как то делает обычно Ветер, хоть спросонок и не сразу понял в чем тема.

До утра я дожила еле-еле. Собралась такая вся на нервах, и поскакала к Гоблину в гараж на работу. Пока он колупал очередную поломанную тачку, я трещала без умолку, как это круто, да какие они офигительные, что так легко согласились! Гоблин горячо поддержал, я всё висела на нём и вопила ему прямо в уши, какой он

тоже офигительный и клёвый, и даже чуть не сказал, что люблю его. Но удержалась – ладно врать-то! Вечером, пока катались, обсудили на радостях с народом, что потребуется, и скока надо денег. Мой бой-френд дал половину суммы, хоть я и отказывалась бурно – разве у меня нет бабла?? Но он настаивал, ему очень уж хотелось поучаствовать, внести свой весомый вклад в дело. Мне была приятна такая забота, и я наградила его поспешным, но горячим сексом. Ночевали у меня, повесили на сайте местных неферов объяву – "всем желающим уфимским фанам, запись по телефону". Посовещавшись, решили пригласить в таком составе – ТорК, Жанна и Дос. Хватит для квартирника. Благодаря стараниям «сарафанного радио», народу набралось челов двадцать где-то. Неплохо! Больше всё равно не поместится на хате. Нашлись не тока уфимские, притащились из Салавата, Стерлика. Даже двое из Новосибирска, и с Оренбурга девчонка, Клио. Попросила вписать – ладно, вписала, за сутки до самого главного. Неплохая оказалась девчонка, прикольная.

Чтобы компенсировать Гоблину хоть что-то, собирали с желающих «засвидетельствовать почтение» по полтиннику.

А Ветер с Гдеты отказались. И фиг его знает, почему... видимо, просто боится, дурак – Жанна его Солнце, страшно с ней общаться. Ну, хоть бы просто посмотреть! Даже оскорбительно как-то! Да и хрен с ними... Звоню Вектру – так ты идёшь или нет? Он как-то странно отмазался:

– Ну, понимаешь, работа.

– Какая работа, ты по вечерам свободен!

– А у меня сейчас график новый, посменный. Ты там привет ей передай, может, не забыла ещё психа...

– Ну, и пошёл ты нах!

Но надеялась до последнего – *а вдруг...*

В назначенный день, в ужасе, едва держась на ногах, отправилась в аэропорт. Гоблин помог, такси вызвал, я вся дрожала в растерянности, не в силах справиться с собой. Снова *Они...* Ма-ма,

как страшно! И вот... *ТорК-и-Жанна*. Жмурятся, недоспавшие, за ручки держатся... Простенькие стильные курточки, никакого выпендрёжа. Вещей мало.

- Привет, Ивасик дорогой! – и Жанна поцеловала меня в щеку. Я бы вечно на ней провисела, но ТорК тоже обнял меня за встречу, оторвав от нашей общей богини.

Выпили пива по дороге, душевно. И я начала расслабляться. Они же не страшные, милые очень. Сказали, что спать не могли, Жанна заканчивает цикл повестей, и не расстается с лэптопом, а ТорК не спит за компанию – не может, когда жена шуршит рядом.

- Вот и будем, как два убитых ёжика петть вам! – посмеялась Жанна, изобразив этих самых ёжиков.

- Как два убитых кротика, - поправил ТорК. Я от них тащусь!! Просто от присутствия.

На хате уже проснувшаяся Клио отработывала ночёвку – наготовила чего-то интересенького. Накормили дорогих звёзд, напоили, сами с ними "приняли", и спать уложили.

Пришёл Гоблин:

- Они уже здесь?

Я только кивнула, счастливая, и на цыпочках провела его на кухню. Там втроём сидели, допивали что осталось, и шушукались – как же классно! Не верится, что ОНИ здесь! Так волнительно, хочется быть достойными, в качестве принимающей стороны!

Но всё прошло на ура! Гоблин сгонял за народом, собрал всех у перехода, и повёл закоулками на хату, чтоб левая сволочь не прицепилась. Навряд ли, конечно, но бережёного бог бережёт.

А я в это время курила с Ними, болтая о том, о сём, и ни о чём. ТорК понемножку распевался, Жанна тоже, мы с Клио подпевали.

Потом притопали VIP-персоны, типа Динки и Зоськи. С ними трещали на кухне, пока народ рассаживался скромно. Ажно Шут пришёл – вот сюрприз! А я уж и забыла про его существование. И с ним «Дети Смерти» в полном составе, кроме самого Патрона. Девушки эти дохлые тут же развалились на диване, подвинув кого-то,

и закурили не спросив, можно ли. Выглядели они как и тогда до жути вызывающе – недоодетые, разукрашенные, и тяжело воняющие дорогими духами. Теми же самыми, что и в прошлый раз. Я этот запах наверное, навечно запомнила!

Народ ждал, мы курили, пока Гоблин скакал туда-сюда, собирая деньги с новопришедших. Кто-то почтительно заглядывал на кухню, желая постоять рядом с богами панк-рока.

- Пошли мы как-то с Жасиком за грибами – а нашли текилы, – рассказывал ТорК.

- Чё, серьёзно? - не поверил Гоблин.

- Ну, да...

- А как, прямо в лесу валялось? - всё уточнял мой парень.

- Не-а, дело в супермаркете было! - пожал плечами ТорК.

Все засмеялись. Вроде ничего такого, но в его манере говорить было что-то такое... невозможно не следовать туда, куда он хочет! Если он подразумевает смешное - засмеёшься.

Их расспрашивали, откуда они, как познакомились. Оказалось, они оба какое-то время жили в Уфе (как, и Они?? ну и ну... а на сайтах нет ничего такого. Или я криво смотрела?) Жанна искала гитариста и автора текстов для своей группы, и ей посоветовали ТорКа.

- Ну, короче, группа не сложилась, а наши жизни очень даже! - улыбнулась она, целуя его в висок.

- Ну, всё, можно начинать, все на месте! - показала в проходе Клио.

- Ага, ребят, давайте тянуть не будем, пора! - сказала я, направляя всех в зал.

На-ча-лось...

Быть с ними в одной квартире - моей квартире! Слушать вживую, и так близко, так чисто их песни!.. За что такое счастье, я наверное, очень хорошая, раз удалось!

Пели и новые песни, которые ещё никто не слышал. Жанна тамбуринила, Дос скромно сидела, играя старательно и увлечённо.

Их фоткали, фоткали, фоткали... Меня, если честно, это немного раздражает - зачем щёлкать своей техникой без перерыва? Пришёл на концерт, и давай в объектив смотреть! Вот же они, перед тобой, знай-наслаждайся! Так нет же, надо всё запечатлеть, и унести на флэшке, а не в сердце! Ещё понятно бы, если б на клубном концерте, а тут, в акустике - сидят люди, картинка не меняется. Но я молчала - каждому своё. Если притащились только для того, чтоб потом понтоваться перед другими - вот я какой, а не концертом наслаждаться - так и хрен бы с ними! Ещё спасибо, что Клио предупредила всех, чтоб телефоны отключили, не мешали никому! На что, кстати, Жанна пошутила:

- Ну, прямо как в театре!

Когда ТорК спросил, не хотим ли мы все сделать антракт-перекур, я отправила народ на балкон, чтоб копоть не оседала на светлых обоях. Вечерело-холодало, а я всё обнимала Жас, не в силах оторваться – она на ощупь мягкая как бархат, хотя я думала, что скорее костлявая – у неё на фотках заметны рёбра.

- Ну, что, может прервёмся маленько, выпьем? - предложила богиня, что, конечно, горячо поддержали. Она знала от меня по-секрету, что я приготовила запасов на всех, очень уж жгла тема Вселенского праздника в моей квартире! Гоблин, под буйные аплодисменты присутствующих, внёс три трёхлитровых "Изабеллы" (которую я не люблю, но это и не мне!), и три коньяка... Одну передал нам с Жанной - я примостилась у её ног, и две пустил по кругу. Сам "мил друг" присел рядом, обняв меня - сразу стало легче напряженной спине. Клио, видимо чувствуя себя немного более своей, чем все другие, подсела тоже к нам теснее. Глотнули, чёкнувшись, коньяка - и кайф разлился по венам горячим бархатным потоком.

- Жанна, скажи, - подал голос Шут, но я никак не отреагировала, сейчас мне ничто не испортит крови! - Ты о чём сейчас пишешь?

- Книга моя, в смысле? - подняла она роскошные глаза, - ну, это не вопрос! Кровь души, секс со смертью, плоть разума и сердце панк-рока!

- О-о-о!!! - взвыло собрание, аплодируя, а богиня раскланялась, улыбаясь.

- А как будет называться? - не унимался Шут.

- Я бы хотела пока держать это в секрете! - серьёзно посмотрела на него ТорКесса. - Позже всё будет на официальном сайте!

- И ребята, ещё одна просьба! - добавила она после коньячной паузы: - Прежде чем куда-то выкладывать фотки, вы их через Фотошоп прогоняйте, чтоб не было всех этих красных носов, глаз...

Так и сидели, болтали, пели. Под конец всех разнесло, и стали просто орать хором! Хорошо!

Концерт окончен.

Пошли шарахаться по Уфе, вспоминая всякие приключения в этом городе.

Из всех Их комментариев можно вывести такую квинтэссенцию:

- Вот здесь мы бухали, а здесь трахались! А здесь и бухали и трахались! И вообще, чё-то мы больше ничё здесь не делали, а только бухали и трахались, чтоль...

Я вспомнила тут, что привет от Ветра не передала. Жанна и говорит:

— А, он жив до сих пор!

Оказывается, не забыла! Надо же, ведь кто только ей не писал, а она помнит одинокого психа... м-да. Но при Гоблине не рассказывать же про то, что творим мы с Ветром. Я бы с удовольствием поделилась, да не в тему... и чёрт с ним. Куда важнее впитывать каждую секунду с Жанной, движение губ, и взмах ресниц... О, да!

На следующий день проводили их.

- Давай на мыло пиши, не теряйся! — тепло сказала Жанна, и поцеловала меня в щеку. А ТорК пожал мне плечи, и обнял:

- Спасибо за всё, Иванка! – и бесподобно улыбнувшись, быстро поцеловал меня в губы: - Давай, всё, пока! На концертах в Москве ждём, обязательно!

И попрощавшись с Гоблином, пошла к Ветру, рассказывать, как всё было...

Он смотрел сумрачно, вопросов не задавал. Я говорила и говорила, припоминая какие-то подробности, потому что во-первых, меня разрывало произошедшее, и надо было куда-то это выливать! А во-вторых, понимала, почему именно он молчит... Ему больно слушать. Ведь мог бы, точно мог бы уйти с работы - подумаешь, велик трабл, просто испугался Её! А раз так... сделаю ему больнее! Наступлю, пока момент в самое сердце! Когда ещё приведётся! Меня прёт, прёт как в горячке, я не хочу думать о последствиях:

- Ну, и Гоблин, парень мой, тоже конечно, немало поучаствовал!
- тут я принялась трещать о Гоблине, какой он деятельный, и вообще...

- Ах, Гоблин? - сразу оживился Ветер.

- Это тот, который ещё тогда?

- Чего тогда? - не поняла я.

- А то!! - Ветер вдруг в один момент сел рядом со мной, и провёл рукой по спине. Я напряглась, ощутив кожей недобрый посыл...

- Ничего, ты говори, говори! - пальцы побежали по позвонкам вверх.

- А потом... потом... - что я собиралась сказать? Что он собирается сделать?

- Хороший мальчик, да?

- Кто?..

- Гоблин! - Ветер заглянул мне в лицо горящими глазами.

- Или может, не очень? - он схватил меня за колени, не давая встать.

- Как тебе, нравится с ним больше, чем со мной, а?

- Что? - блин, ну что на этот раз? А вроде удалось сделать больно. Теперь моя очередь, я так понимаю? Чёрт, надо было вовремя остановиться!

- Ветер... Ну, может, не... - тупой вопрос. Он ласкает горло торопливыми пальцами, и вдруг сжимает больно, до механических слёз:

- А теперь ты мне расскажешь, как он делает это с тобой!

Так и стала встречаться вроде с Гоблином, но бегать к Ветру. Ведь надо же мне было где-то проводить то время, которое у меня краля Гдетыгдеты?

А Гоблин вообще целый новый мир открыл со мной! Белку слушал постоянно. Я ему ещё Сабрину показала, из «Аборта Мозга». И «miss WOW» Уэнди Орлеан Уиллиамс. Ему всё нравилось очень, но Белка его вставила сильнее всего. Она же носит титул «русская WOW». Только мне кажется, значительно уходит вперёд от Уэнди. Просто надо с кем-то сравнивать всех, а WOW была первой. Да и голоса у них разные – у Уэнди такой хриплый, вкусный – хоть ложками его черпай и ешь! А от белкиного мурашки по всей душе бегают, и колбасятся там внутри!

Когда рассказала Гоблину, что видела молодую Белку на «Свалке», он чуть не умер на месте! Всё орал - ну нифига себе, во круто! Я аж сама поверила, и прониклась заново - и правда круто!

- Давай, когда приедет Белка, вместе пойдём, ладно? - часто спрашивал он, а я кивала, рот до ушей:

- Конечно! Обязон!

- Или нет, лучше в Москву вместе сгоняем, спецом на её концерт! - мечтал запанковевший байкер. И я конечно, снова кивала:

- Стопудово! Выберем день, и рванём!

Хотя точно знала - никуда мы не поедем! Просто потому что я с ним никуда не хочу. Но пусть мечтает, жалко чтоль! А иначе просто не о чем совсем разговаривать, его темы мне нафиг не сдались. Так пусть мои интересы поддерживает. И потому ещё я подсадила

Гоблина на «Оргазм Нострадамуса». До меня он вообще про них не знал. А тут его протащило, после общей бессонной ночи, и угарнейший секс под зверское их музло!

Потом ехали в маршрутке, и вопили:

- Кукольный театр на хуй сгорел,

И куклы тоже сгорели на хуй!

А всё оттого, что сторож Маркел

Косяк саданул, и куклу трахнул!

Приучала потихоньку доверчивого Гоблина к садомазохизму, ведь скучно же просто так трахаться, хоть временами и улётно! Я же развращена по самые помидоры. А так сразу и не предложишь неподготовленному парню – «а давай!» - и далее какой-нибудь кошмар сознания. Вот для завязки, чтоб не травмировать, я воспользовалась его положительнейшим отношением ко всякой интересненькой порнографии. И вечером усадила за просмотр раннего творчества секс-товарища Белки, клипса «Возьми!!». Такая эффектная дешёвая нарезка жутко отвязных кадров, где они сидят и бухают всей группой, вокалисточка в коротеньком красном платьице с жутко неприличным декольте, и без лифчика, вся разукрашенная, длинные шлюховатые сапоги на шпильке, развалилась ногу на ногу. Всё вроде так скромненько – но только первые несколько секунд. Расслабишься - и вдруг Белка вскакивает на стол, стягивает стринги, садится на корточки, и её парень - гитарист Ворон начинает ее вылизывать. А другие смотрят и бухают себе дальше. Потом они нагло трахаются на столе, скинув нафиг все стаканы и бутылки. Она кусает его губы до крови, берёт в голову, ну и всё такое. Потом снова садятся за стол, подбирают опрокинутые бутылки, и пьют себе дальше.

Трабл всех порнушниц – они в камеру смотрят. Это создаёт ощущение искусственности, дешёвки. Будто обязаловка. А Белка нет, у неё очень тонкая игра. Она настоящая порно-актриса. Можно,

конечно, просто подумать, что она кайфует и всё, но тогда это было бы некрасиво, а то я не знаю, какие дурацкие рожи во время секса...

Наивный Гоблин был едва не в шоке! Порнуха-порнухой, а чтоб клип!! Но ему понравилось, он спросил нет ли чего-нибудь такого ещё? Конечно, есть! В своё время Ветер передал мне все ходы-выходы, где и как искать разноежуткое творчество милых сердцу бесстыжих музыкантов. Насмотревшись, начала не договариваясь, сразу применять к новому любовнику все свои штучки. Некоторые его радовали, про некоторые приходилось внушать, что это не больно и не страшно... а потом – раз, и сделать именно что больно! Но не очень, а то убежит. Конечно, были и такие вещи, которые мне казались вполне безобидными, а он не принимал ни в какую. Да я и не настаивала. Подумаешь, Ветер сделает!

И без разборок с его стороны – собственно, толком ни с тем ни с другим. Уравнялась с блядью Ветром, он с двумя бабами, я с двумя парнями.

Ветер развращает меня, я – Гоблина. В том и разница между ними. Какой-то, блин, круговорот разврата в природе!

Ветер не часто позволял мне доминировать. И не особо распалаться в эти редкие моменты. Однажды меня ожгла неприятная мысль – видимо, он с Ленкой всё это проделывает! Жутко покорило – не может быть! Чтоб эта тихая крыса, да такое!.. нет, нереально. Даже представить невозможно.

А Гоблин любил меня до слепоты, и позволял делать с собой что угодно. Я и отрывалась на нём.

Однажды склонила его на секс в туалете, пока мама варила кофе, забредя к дочке в гости. Почему в туалете, а не в ванной? Прихоть такая. Мама чего-то нам с кухни кричала, в своей дурацкой манере, а мы шуршали, кусая губы в темноте... Быстро, ловко, хоть и не очень удобно зато удивительно забавно! Гоблин всё больше погрязал в моей анархии, увлекаясь и проникаясь моей Дикой моралью Дики. Или скорее, анти-моралью.

И он вообще не понравился маме! Тот, мол, лучше! Это она про Ветра. Ужас, знала бы ты, родная моя, того и этого! Хотя, мне пох твоё мнение, в любом случае. Я-то знаю разницу между ними! Гоблин – мальчик со здоровыми инстинктами, а я уже устала от перманентного напряжения, создаваемого крутыми поворотами Ветра! Я сплю с ними сама, маму не привлекаю к этому делу, так что...

И всё бы весело в моей жизни последних дней, но вот ТорК с Жанной что-то не часто мне пишут. И стремно навязываться *им*, и не знаю, в принципе я им нужна, или они так со всеми открыты и дружелюбны?

Будто специально в ответ на мои сомнения, в следующем письме Жанна объяснила, что пишет мне, раза три пробовала, но мессаги возвращаются. То ли верить, то ли нет! А вдруг, она просто не хочет общаться, вдруг я достала уже, слишком часто лезу. Мало ли... хотя, поразмыслив, я её словами утешилась. Ведь кабы она хотела меня отшить, то просто не стала бы писать ни единого раза.

Тогда я спросила, о чём её новая книга, и сколько стоит последний диск ТорКера, где и как можно их заказать?

В ответ... о, ответ пришёл через полторы недели, да какой!! Почтовое извещение! Под ЕЁ именем!! Боже, я побежала на почту сломя голову и забыв обо всём на свете, еле выстояла очередь, безумно волнуясь – ЧТО???

Разорвала серый сверток, перевязанный скотчем – там книга, в скромно-стильной чёрно-синей обложке «В переходе снов», и два диска ТорКа – старые раритеты, которых у меня нет. Я вертела их в руках, я пищала и прыгала, я неслась по улице, залезая в лужи, и орать была готова – *они подарили это мне, они помнят! Они заботятся обо мне!! А я – ЛЮБЛЮ ИХ!!! Боги мои, боги!* Диски я спрятала в глубокий нагрудный карман косухи, к сердцу ближе, и села полистать книгу на скамеечке в парке. Расправляя обёртку, чтоб спрятать в бэг, сохранить на память, я заметила внутри ещё

листок, распечатанный на принтере. Что это? Мамочки, это письмо! Её письмо... в порыве я поцеловала бумажку, и дрожа от восторга, стала читать:

«Здравствуй, дорогой Ивасик!

Вот тебе новая книга, тока вышла, в продаже ещё нет. Читай, пиши своё мнение. Как я успеваю? Сплю очень мало, хотя мне и требуется больше сна на самом деле. Но у меня механизм сбит с детства, и уже привыкла спать когда попало и где попало, и сколько придется. Ноутбук всегда со мной, куда бы не шла.

Спрашиваешь, как справиться с собой? Да, можно что-то подсказать, но на самом-то деле, Ива... Наш опыт никому не нужен. Каждый должен сам всё понять и прожить. Вот так!

ТорК скоро пришлет новый диск, который сейчас в стадии сведения. Там будет ещё пара клипов, бонус. Если не забудут вставить при печати на заводе. Когда выйдет в продажу – понятия не имеем, это ведь такая волокита... Так что, мы тебе сольём на болванку и пришлем лучше. А деньги пропей с новым коллективом!

Целуем в оба глаза, Жанна-и-ТорК»

В порыве безумной благодарности, желая ну хоть что-то приятное сделать для них, дома я села за комп и нарисовала в Паинте полуодетую Жанну, лукаво прикрывающую один глаз шикарнейшей шляпкой с чёрными розами. Получилось очень клёво, а главное – похоже! Ответила моя киска как всегда оперативно:

«Спасибо за рисунок, Ива! Он теперь лежит в отдельной папочке. Когда состарюсь, буду смотреть на него, и думать, что не так всё и дерьмово в жизни...

Я сейчас тока с концерта. Устала, как сволочь... каждый раз заползаю в гримерку, валяюсь в какашку и думаю – ВСЁ, сейчас подохну! Курить надо бросать... совсем. Сколько курю, столько и проклинаяю это чертово занятие. Урезала до минимума, но не совсем.

ТорКер спит, а я спать не могу – слишком устала. Сил нет даже, никаких. Ладно, хоть коньяк есть! Без него я бы вообще ничего не могла на сцене. Не поверишь, до сих пор волнуюсь каждый раз! Мандраж берет!

Коньяк дарит совершенно особую радость, непередаваемое сексуальное возбуждение, и к тому же голос охуенно согревает, раскрывает дыхание. Для человека сцены – самая шняга! Паратройка рюмок, полчаса распевки – и два часа пения без проблем! Всем по коньку, я угощаю! Хе-хе... спасибо Лёс, который подсказал в свое время его пить! Теперь спиваюсь, хоть это и дорого...

Ну ладно, это несерьезно все. Кроме того, что коньячок и вправду помогает петь. Попробуй!

За рисунок еще раз спасибо!

Целую в нос, ЖАННА»

Люблю ЕЁ, чесслово!

А сегодня... о, я глаза зажимаю, чтоб это сказать! Сегодня я буду над Гоблином доминировать! Он сам намекнул, когда смотрели с ним намеренно очередной шедевр из инета! Мол, не хочу ли я, и всё такое... Я чуть не подпрыгнула - конечно, хочу! Сама задумывалась, как бы сказать, а он опередил. Я вчера с утра сбежала с универа, чтоб купить наконец то, что давно надо было - плетку! Настоящую, реальную, садистскую плетку, с шестью хвостам. Но мягкую, без узлов и тонкой кожи, чтоб не очень больно. Мы же первый раз оба... я плеткой ещё не пробовала... веревками только, и ремешком, но то Ветер, он же привычный! А Гоблину я, само-собой, ничего не скажу, что только сегодня первый раз в руках такое чудо держу! Он же рассчитывает, что я подруга опытная, и сама его всему научу. Чтож, я конечно, могу кое-что, но ведь... а впрочем, он и сам знает куда меньше меня, даже теоретически, так что не стоит загоняться!

Он тоже подготовился - принес водки литр, и новенький собачий ошейник. Я со смущенным смехом спросила, а почему не

нормальный человеческий, и он очень серьезно ответил, что так натуральнее... Чтож, молодец, вкуривает тему!

Начали с водки, по полстакана подмахнув. Хорошо пошла! Он уселся в гостиной курить, а я пошла перевоплощаться! Дрожа от предвкушений крови, натянула чулки, корсет на металлической шнуровке, стринги с алыми розочками, длинные перчатки, крест готический на грудь, туфли-шпильки стиля "только-бы-не-свалиться", и самый что ни есть роковой макияж.

- Да, я женщина-вампир! - сказала я своему неузнаваемо преобразившемуся отражению, и отправилась на бой...

Любовник уже зажег несколько свечей, умница.

- Ты удобно сидишь? - вкрадчиво наклонилась к парню.

- Да, спасибо, ничего! - заглянул он мне в декольте.

- Так встань же! - резко выпрямилась я, и шлепнула его по лицу перчаткой.

- Да, госпожа! - мгновенно повиновался он, вскакивая, как оловянный солдатик. На губах его играла легкая полуулыбка. Ничего, сейчас перестанешь, глупый мальчик!

- Ты чего улыбаешься, раб? - пренебрежительно бросила я, усаживаясь вальяжно в кресло.

- Ничего...

- Что? - переспросила я, добавив в голос максимум презрения и холода.

- Ничего, госпожа! - он наклонил голову, быстро впитывая правила игры.

- Ты, наверное, не вполне понимаешь, кто здесь богиня и владычица, а кто жалкая собачка! - зло рассмеялась я.

- Понимаю, госпожа! - он позволил себе робкий взгляд на меня.

- Кто?

- Я жалкий Ваш пёс, великолепная госпожа! - он склонил голову.

- Так почему же ты на двух ногах, раб? - кажется, пора было пускать в ход плетку. Или нет ещё? Господи, вот ввязалась... Всё ещё боюсь его бить... ну, ладно, начнем помаленьку!

- На колени, сучка! - и легко шлепнула его по ногам. Он охотно повиновался.

- Полай для своей госпожи!

- Что? - он поднял недоумевающие глаза, и я похолодела - блин, всё совсем не так делаю, дура!

- ПОЛАЙ, Я СКАЗАЛА! - я повысила голос, и замахнулась плеткой.

- Да, госпожа...

И он принялся старательно лаять. А я рассмеялась, погладила его по голове, он потерся колючей бородкой о мои колени.

- Хороший песик... - кажется, пока не так уж плохо! Надо бы расслабиться, это же не Ветер, и навряд ли мне что-то неприятное грозит. Надо лишь следить за собой и не перегибать палку. О, кстати, собаки же носят палки!

- Принеси-ка, пёсик, своей госпоже бутылочку с кухни, будь хорошим!

- Да, госпожа! - и он пополз на кухню на четвереньках, радостно крутя головой. А я закурила - всё идет по плану. Я справляюсь.

- Гав-гав! - Гоблин вернулся, не вставая с колен, и неся в одной руке баттл ликера, а в другой стакан.

- Какая умница! - улыбнулась я. - Отличная девочка!

- За это мамочка даже позволит тебе кое-что, - я отпила большой глоток, и раздвигая ноги, притянула его к себе за волосы:

- И ты знаешь что!

... Пока любовник снимал с меня зубами трусики, и очень старался быть ""моей хорошей девочкой", натруждая язычок, я пила огромными глотками, стремясь забыться... И забывалась, уронив бутылку на ковер, кусая губы, и крича:

- Ах ты, маленькая... негодная... СУЧКААА!!!

Он едва дышал, когда был отпущен наконец из моих цепких жадных конечностей. Но и я обессилела от этой борьбы, полулёжа в своём роскошном кресле, позабыв и плетку и выпивку... Полуулыбалась, отдыхая, и созерцая из-под опущенных ресниц

дивное зрелище - взрослый мужчина, молодой и крепкий, намного больше и сильнее меня - у моих ног! Стоит на коленях, и целует мои туфли! Ах, какой все-таки кайф, доминирование!

Ветер на знает меня такой, он не позволяет собой командовать. Только очень влѣгкую.

А вот Гоблин теперь знает! И это только начало!

- Что это такое, кстати? - вздернула я брови.

- Что, госпожа? - Гоблин неуверенно заоглядывался, чуя подвох. И не зря - пришла пора добавить боли!

- Там, на ковре! - я кивнула на лужу ликера.

- Но это...

- Молчать! - я схватила его за ухо. - Подай плетку! Да не так, зубами, дура! У собак нет рук! - о, мне уже веселее! Кураж, чую кураж!

- Руки есть только у меня... - подумав, слегка шлепнула по щеке. - И эта лужа, её я пролила из-за тебя, корявая скотина!

- Да, госпожа! - он склонился в поклоне, стоя на четырех точках.

- За это ты будешь наказана, сучка! - провозгласила я, вставая над ним в полный рост, и на железной шпильке моей туфельки угрожающе сверкнул отблеск свечи, отразившись в его испуганных глазах... Неужели, и правда боится? Ого!

- Слижи это с ковра! - я замахнулась плеточкой, наконец опробую! Он повиновался, неуверенно тронув языком липкую лужицу. Кровь радуется на это смотреть!

- Давай-давай, чтоб как следует!

А потом я придерусь основательно, что плохо лижет, и отхлещу хорошенько! Как в инете настоящие госпожи учат обихаживать начинающих, чтоб не слишком, но и не мало! Ура, я настоящий садист!! *Лиж-лиж, моя плохая сучка, а уж я тебя накажу!*

Утро... прошло мимо, конечно! Мы оба оказались так измучены, что сумели открыть глаза только часам к пяти вечера. Я чувствовала себя морально истощенной настолько, что руки не поднять... Ведь

госпожа - это тоже не просто, это... как жуткий экзамен на вседозволенность самой себе, как путешествие через мрачную пещеру собственного тёмного сознания.

- Ты как? - вырвалось само, когда я с трудом повернулась к любовнику.

- Да, госпожа! - улыбнулся он, прижимая моё неожиданно болезненное тело к себе, теплему.

- Угу, - я вновь закрыла глаза. Он кажется счастливым. Я смогла. Если бы ещё не телефон!

- Ну неужели я такая дура, что его не отключила? - отчаянно завопила я, едва дотягиваясь через Гоблина до ненавистой трещалки.

- Пошли все на хуй!

Но боже, что-то не дало мне его выключить.

- Да, Ветер...

И вот, мой поздний вечер... По-обкуру, шатаюсь пешком до дому, прочь от Ветра. Он меня не провожал – я не позволила, злая на него. Да и как не злиться - позвал раскуриться у него на хате, в честь зарплаты. И конечно, я рассчитывала на нечто большее, нежели дружеская посиделка за косячком! Ну, и начала к нему откровенно приставать. А он - как вы думаете, что?

- Ивана, давай сегодня не будем, давай просто посидим-подышим, такой кайф ломать не хочется, ей-богу!

Ах, ему стало быть, раскуриться кайф, а секс со мной - только обламываться? Ну и нихрена себе! Я ушам своим не поверила, и развернула самые активные действия, но... Толку ноль. Он лишь слабо отмахивался, и пищал - не надо, котёнок, не сегодня! Ну, можем же мы просто по-дружески покурить...

- Но я ведь не друг тебе, мы любовники! - на грани некоего срыва выдохнула я ему в лицо.

- Не сегодня, детка! - покачал он головой.

Тогда я просто собрала свои тряпочки, и ушла. Он меня не хочет! Абзац.

Короче, иду, под ноги смотрю, гадами своими новыми люблюсь – черненькие, как лакированные блестят! И вдруг, вскрикнув, чуть не наворачнувшись, высоко вскинув ногу, и нелепо взмахнув руками – едва не наступила на большущую живую ящерицу! Она, зараза, не стала убегать, а сидела, замерев, прямо под моей ногой и не остановись я вовремя, точно размазала бы дуру по асфальту!

- Пшла вон! – махнула я на рептилию. Та только подняла острую змеиную головку, и поглядев внимательно крохотными блестящими глазками-бусинками мне под юбку, многозначительно покачалась из стороны в сторону.

- Ну, бля, ты и дура! – сказала я, и широко переступила через неё. Оглянувшись – лишь теперь тупая тварь ускользнула в тень. И откуда бы ей здесь сидеть? Мрак!

Наутро я обнаружила в дневнике такую запись:

"Мысль: *«Можно, бухая, проебать время. И всё как-то само собой сделается... Удобно!»*

Разумно, однако!

Вчерашний эпизод с Ветром заставил меня задуматься - а ведь это не впервый раз, подобная апатия! Он чаще просто лижет, или "доводит" пальцами, нежели настоящее проникновение, скажем так. Я как-то не задумывалась просто, мне хватало и того, либо "догонялась" с Гоблином. А фактически ведь получается, что Ветер сильно сдал за последнее время, в плане нормального секса, как он есть! М-да, дурное открытие. Что же делать теперь мне, взрослой женщине - терпеть? А как же элементарный гормональный баланс? Цинично, но важно, как не крути!

Чтож, опять-таки, спасибо, что есть Гоблин! Вот к нему и пойду. А Ветер... да пусть всё остаётся как есть! Слишком сложные вопросы, не хочу путаться.

Ну вот, отправились с Гоблином на покатушки, и намотавши пару сотен километров в слепом угаре, остановились покурить, и сообразили, что попали в какие-то ебень, жалкий городишку. Не знаем даже, это Башкирия ещё, или уже нет? Вечер поздний-поздний! Назад ехать встрём, очень уж холодно! Пока доедешь, обледенеешь до костей, первые серьёзные морозы напали. Да и хрен знает, куда собственно ехать-то, темно, как у Цербера в утробе! Я думаю, надо бы отругать парнишу, что он так хреново обо мне заботится, но лень, и вместо этого предложила разыскать побольше горячительного, и искать ночлега. Но что лучше найдёшь в таких условиях, кроме единственно верного прибежища нефера?..

- Ох, сука, холодно-то как! - завывали мы на два голоса, пытаюсь как-то приспособиться в подвале пятиэтажки. Байк изловчились затащить с собой, потому как Гоблин просто взломал чёрный ход на задворках. Пошарили-пошарили, да и наткнулись с воплями счастья на горячую толстую трубу центрального отопления!

- Нам безумно везёт, Дин! - подняла я бутылку водочки: - Предлагаю чокнуться за это!

- Стопудово, зайчик! - он откупорил зубами "Гжелку", и мы дзинкнули стеклом о стекло. Сидеть так, одним боком к трубе, другим к тёплому парню было здорово, по-настоящему уютно!

- Поцелуй меня, - попросила я, безнадёжно хмелея, и уплывая по океану Алкоголь в хорошо известное, но всегда безотказное...

Гоблин прижимал меня к себе, и чуть пониже солнечного сплетения, между грудей пребольно впивалось что-то... Когда он отпустил меня, я сунула руку под одежду, и извлекла топаз, большой и ограненный в форме капельки, с отверстием на кончике, через которую продета простая грубая веревочка. Новогодний подарок Ветра. Подняла на слабый свет, Луна пролезающая в какие-то свои щёлочки, охотно заиграла в чистых гранях самоцвета. Почему я его всё ношу?.. Снять сил нет. Пусть Ветер всегда, всегда будет со мной! Даже если больно...

- Ох, круто! - напомнил о себе Гоблин, сладко вздохнув.

- Что, никогда в подвале не трахался ещё? - я поспешно одевалась - пиздец, какой дубак! Половину алкоголя согнало.

- Нет ещё, первый раз...

- Ну, давай за это выпьем, раз так! - кивнула я. А чего ж ещё, в такое время, в таком месте?

А на следующий день, вернувшись, я выдернула из двери записку: "*ПОЗВОНИ!!! Ветер*" Ох, сука, чего надо-то?? И как только мимо консьержки пролез, кто ему дверь открыл? Небось наплёл чего-нибудь, он же обаятельный. Или проскользнул, когда кто-нибудь выходил-заходил. Нет, ни за что и никогда я больше не позвоню ему! Чует, как сука породистая, когда влезть и разрушить мою едва-едва устаканивающуюся жизнь! Пшёл вон, пёс несчастный, у тебя Ленка есть, а у меня - Гоблин!

Ему и позвонила сразу, как вошла, а вовсе не Ветру!

- Слышь, Дин, ты далеко уехал?

- Нет, не очень, а что?

- Так возвращайся!

- А? - он, кажется, сильно удивился: - Так мы же только что расстались?

- Ну и что, я передумала!

- А, сейчас! - слышно, что рад. - Бухла захватить?

- Не-а, не надо, у меня есть!

Короче, не успела я и джинсы грязные снять, как Гоблин был уже снова у меня. Пожрали, и надо что-то делать дальше, раз позвала сама. Но дома сидеть совсем не хотелось... И тут - о, удача, всевечная, и непокидающая! - ему кто-то позвонил, и позвал бухать! Он собрался было заотнекиваться, но я вцепилась ему в рукав, и завопила - да, да, мы согласны!

...После шли пьяненькие с Гоблином через переходную лоджию, чтоб консьержка не запалила. Я остановила его на своем этаже, и властно притянув к себе, потребовала:

- Трахни меня! Здесь!

- Давай уж до дома дойдём!

- Нет, сейчас же!

Так стоя и трахались. Я глядела на предрассветный город, сквозь золотые пятна в глазах, и шептала, подогреваясь:

- О, да, так, ещё! Кончаю, а, ещё чуть!

Пыталась не думать о Ветре, но кончила с ним, только представив его жесткое лицо...

Не говори, милый мой мальчик

То, что ты никогда не любил!

Прямо в подъезде!

Ты ведь не прочь!

Мы будем вместе,

Целую ночь!

Нет, не могу я быть с Гоблином полностью! Как не отключаю намеренно сознание, как не растворяю ненужные образы Ветра - а всё едино, он, он и только он горит на кострах души моей, и хохочет, и воет в огне этом, выжигая меня изнутри!

Ебуть вот с Гоблином до умопомрачения, а потом сажусь на коленки, вытаскиваю дневничок, и скрючившись пишу пронёсшееся под закрытыми веками, пока кончала:

*«Мне так ужасно хочется такие большие глаза, как у тебя!!!
Прямо-таки жизненно!!*

... А для тебя это обычно. Ты даже не знаешь, что они у тебя такие огромные.

И я бы так не думала. Если бы у меня были такие – то что? Я бы думала о чём-то ещё. А не о том, какие у меня огромные глаза. Разве только, когда в зеркало смотрела бы! А всегда бы этого не ощущала...»

Сообщение Жанне:

«О, как я вам завидую, ребята! У вас такая любовь, красивая, горячая! Вы всегда вместе, уже столько лет, а у вас вид такой,

будто вы только вчера повстречались! Я от одного лишь взгляда на вас, уже балдею! Если и мечтаю, то о том, что мне бы такие отношения, такие чувства!»

Ответ Жанны:

«Детка, ты правда думаешь, что это все такая любовь? Нет, это привычка, и умение жить вместе! Мне с ним тоже так трудно бывает... куски мяса летят во все стороны... из души, безмолвно. Понимаешь? Но ведь свой же... был бы милый рядом!»

Нет, не нашла я любви ни в Гоблине, ни в Ветре... *Был бы милый рядом.* Да уж, а который? Всё сравниваю одного с другим!

Да оба они гондоны...

Тоска-а-а-а...

Только и осталось, что жрать химию.

Глюк про девочку

Под циклой пошла к себе, чё-то не взяло в этот раз. Палёная, что ль? Подъехал автобус, почти совсем пустой. Села на задний ряд, в уголок. Еду себе, за окном – поздний вечер, огни мелькают. Вдруг – толчок, да ка-а-ак фиганусь о поручень переносицей! Бля, сука! Кровища закапала на колени, пришлось морщась прикладывать платочек.

Что-то долго едем! Как-то незаметно придремала качавшись...

- Выходи давай, конечная! – орёт водитель.

Открыла глаза, никакая кровь не капает с носа! Показалось, блин.

- Да я выхожу, - бормочу я, недовольно: - Зачем орать-то?

Опять та же провинциальная остановка, где мы с Углом шатались... Стою одна, вечереет. Надо что-то делать, и я оборачиваюсь осмотреться, в поисках ответа – что именно? Вижу, стоит девочка, с великом – когда подъехать успела? Странно. Страшненькая такая... даже жуткая. Грязное платье, мышинные

косички, и совсем уж чокнутые глаза. Подергивается так слегка, как невротик. И говорит мне:

- А вы не знаете новый Ганин адрес?

Я и думаю - вот те раз, а он переехал? А сама уже диктую! И точно знаю – правильно. Эта страшила малолетняя достала ножик, складной, и начала вырезать адрес у себя на тоненькой детской ручке! И кровь течёт. А у самой оказывается, уже по локоть забинтовано. Меня всю покорило... а адское дитя село на свой драндулетик, крикнуло:

- Спасибо! – и укатило прочь...

Крыша съехала нахрен, что ль???

Стою, и в небо смотрю... Оно темнеет, темнее-ее-ет-ттт...

- Дика, Дика! - голос Ветра в ночи...

- Котёнок, очнись! - и шлепок по щекам.

- А, чёрт, больно! - вскрикнула я, открывая глаза.

- Ну, что с тобой, открой глаза, или хоть скажи что-нибудь! Сознание не теряй! - ещё шлепок по щекам. Зачем меня бить, вот же я смотрю на него, чего он орёт? Нихрена не понимаю!

- Бля, а где остановка?

Вот теперь я реально открыла глаза. А до этого был глюк. И до него - тоже.

- Ветер, я совсем запуталась... - прохныкала я, протягивая слабые ладошки и обвивая его за шею. Он поднял меня, отнёс на кровать, и лёг рядом, заботливо укутывая в одеяло, и прижимая к себе.

- Только не уходи, ладно? - я опять засыпаю, кажется...

- Нет, нет, не спи сейчас! - он потряс за плечи, сгоняя дремоту.

- Почему?

- Блевать будем! - и глаза такие огромные сделал! – Отраву выгонять.

- Нет, Ветер! - я попыталась сесть, но не вышло, слабость!

- Будем-будем, детка! - вопит откуда-то из далёких глубин моей квартирки. О, да я же у себя! Первое приятное открытие за последние...

Я стою у окна, а ты подошёл и положил лапки мне на грудь. Я взяла твои пальцы, и медленно стала ласкать себя под юбочкой. Потом запустила глубже, и задрал юбку, попой терлась об твой член, пока не стала совсем горячая и мокрая... облизала твои пальцы, и шепотом попросила трахнуть меня анально, не снимая трусиков...

И кстати, это уже не глюк! Это уже следующий день.

Вот смотрю ему вслед, стоя у окна, и сердце замирает - люблю его! Люблю с ним курить, люблю с ним болтать, люблю с ним трахаться!

Чем хорош Ветер – никогда не заканчивает игру, кончив. Всегда поставит логическую точку.

А Гоблин просто раздражает! Зачем сразу всё обламывать? Да в пизду его, уже!

- Ты что делаешь? - даже голос его по телефону не хочется слышать! Не в тему позвонил, блин, именно сейчас!

- В отходняке после циклопередоза, - холодно говорю я. - Ветер меня вытащил, а ты где был?

- Я... - ага, теперь растерялся! А когда кормил меня этой хуйнёй, чем думал?

- Да пошёл ты, - и телефон отключила.

Я думаю что беременна. Вот так спокойно думаю и всё.

Оказалось, неправда. На пару дней задержка, из-за химии, наверное... пора слазить...?

Боже, какая нечеловеческая скука!! В универе не бываю, колбасит вставать! Лежу уже третью неделю навзничь, никуда не хожу. Телефон вырубил, маме тока позваниваю иногда, что жива и

всё в норме... она переживает, заезжала как-то, спрашивала, не надо ли чего. Я уверила, что просто решила начать жить самостоятельно, и вот-вот найду работу! Она не очень-то поверила, но обнадежилась. А мне уже и жрать нечего, и деньги вышли все, и чтобы снять их – надо встать и выйти к банкомату... Нет. Даже потребность в сигаретах не заставит. Сообразила, что можно заказать на дом, на сумму от 400 руб., но их наличными нет. И не надо. Пусть. У меня пустая боль. У меня голодный декаданс...

И вот врубила ни с того ни с сего телефон, лежу, смотрю на него, думаю, и кому бы эдакому позвонить? Никого нет, с кем я могла бы сейчас поговорить. Кто был, тех больше нет. И не надо вспоминать, дело прошлое. Отревела своё.

Так и что же теперь? Русский... нет его в городе. Уехали уж обратно в Москву с Ведьмой. Хых, ну и ладно, напишу-ка СМС, как дела хоть? У людей ведь жизнь, любовь... может, мне это напомним, что жить надо. «Privet,Rus,kak del?4e s proektom tvoim,pibebsya?u menya...kak-to neo4eny,jizny zamerla vabe.s parnem rasstalas,Goblin,ya tebe pro nego govorila.a 4e, esly lubvi net?a u vas vse norm,sex,narkotiki,samogon?» Подождала какое-то время, пищит тел: «SEX,NARKOTIKI,BUHLO-ZA-ZA-ZA-ZA-ZAEBISY!!»

Усмехнулась, тока собралась ответить, пишет: «Na XUY-V PIZDU!!!!DIKA,I PRAVILNO RASSTALAS,MENYA VOT TOJE VEDMA BROSILA,NAH!!!!ZAEBISY,BLYA» Вот тебе и здрассти... Позвонила, отвечает:

- Да, Иванка! - ну, прямо-таки заорал.
- Здарова, ты чё? Совсем что-ли охренели вы, разосрались?
- Херли, мы охренели! – а сам пьяный. – Видимо так! Всё, пиздец! Я в Уфе...
- Не, какой пиздец? Из-за чего хоть? – уже интересно.
- Не знаю.

И тишина. Сопит, и насколько я его знаю, кривит губы, глядя в пол.

- Слушь, Дика, ты чё делаешь?

- Ничё, а чё? – вот и поговорили. Раз в Уфе, сейчас бухать позовёт. Ехать - не ехать?

- Приезжай ко мне, а? Прямо шас!

- К тебе? На тот конец... далеко...

- Ди-ка!! Ну, ты мне друг, или где? – заныл тут же, дурак. Я же не отказываюсь. Поеду, конечно.

- Друг, – тяжко вздохнула, так ни о чем.

- Чё так вздыхаешь, как будто тебе прямо так трудно! – взвился нервный Русский.

- Я не про то, я про себя, ваще!

- А-а... у тебя же тоже... - сразу потеплел он. – Ну, ладно, когда тебя ждать?

- Ну-у, часа через два... - завела я волынку.

- Дик, а пораньше никак что ль? Ты же ничё не делаешь!

- Я ничё не делаю? – возмутилась я. – Ах, да, точно!

Поржали. Потом я настаивала, чтоб он меня встретил, но он отпирался, типа что ж я не знаю, где он живёт? А ему в лом переться встречать... тогда я возмутилась дико – как же так, мне значит, не в лом переться к нему в такую даль, на тот конец Уфы, а ему... ну, он поныл-поныл немножко, что он бухой, и ему трудно, я парировала, что тем более развеется, отойдет малость – а то чтож такое, я буду сидеть трезвая, а он бухой, и вместе пить начнём – он вконец окосеет и упадёт, а мне скучно будет, тогда какой смысл ваще вместе пить сегодня, и значит ему надо трезветь срочно! Нам ведь ещё всю ночь бухать! Все эти доводы я вылила на него так скорострельно, что он не успел и слова вставить, (вСтасить, хы-хы!). Пришлось согласиться и ему и мне. Баш на баш, а как же! Встала, напялила что попало на себя, повязалась шарфом – на улице порядочный дубак. А на голову ничего не взяла – но это я поняла уже когда вышла, и промёрзла. Ладно, выручил капюшон на балахоне. Ну и урод я – в стекле магазина отразилась моя плоская от декадансу рожа, торчащие из-под косухи рваные рукава балахона, носом хлюпаю, сутулая, прихрамывающая какая-то, блядские

высокие сапоги на каблуке не в тему! Бомж Померанцев. Наковыряла на бутылочку пива, и всё. Бабло в нуль ушло. Пусть Русак сам наливает, раз позвал. Нашарила сигареты в кармане – ещё три «Сен Джорджины». Покурила. Полегчало. Теперь можно и ехать.

На остановке изводился Русый, я как подъезжала сразу заметила, чуть не пляшет.

- Ты чё так долго? – орёт. – Уже три 235-тых проехало, могла бы и пораньше! Час стою тут, заебался! Дай сигарету!

- А у меня мало, а у тебя чё, своих нет? – ответила я: - А пораньше я не могла, мне же собраться надо было!

- Да уж, ты собралась! – хихикнул он на мои сапоги, колченогие.

- Пошёл на хуй, - ответила я, протягивая сигарету. Далее выяснилось, что бухать у него дома и нечего, тока треть баттла портвейна, и начатая водяра.

- Ну, я оттуда тока один стопарь выжрал! – оправдался он. Я выматерилась – а что мы пить-то будем? У меня бабла нет с собой! Он возмутился – а как так, что бабла нет? И что же мы пить-то будем до утра? Нахрен я тогда ваще приехала, не сказавши, что у меня нет ничего! Я обозлилась – ни хера себе, алкаш, я ему и не нужна, а тока бабло моё подавай! А сам еще ныть будет – друг я ему, или нет, вот интересно – он-то мне кто?? Гад эдакий. Он разъизвинялся, но мне стало от этих его мерзостей совсем хреново, я потащила его сшибать бабло с прохожих – ты мне за всё ответишь! Я ведь из воздуха надергаю денег, и нажрусь как скотина за полчаса, и пошёл ты нах со своим задушевым нытьем про то, как тебя жена бросила, ещё бы да нет! Как она ваще с тобой, таким конченным жила! Пока аскала вольно, отошла. Русому никто ни копыя не дал, он никогда не умел просить как надо, стеснительный, даже нужда не научила, а я собрала 176 рублей. Посчитала – а, хватит! Учитывая, что захомячить у него найдется хоть чё-нибудь, нам ужраться по самые помидоры хватит!

Сюрпрайз – Влада-то дома! Вот ты урод, не сказал! Заебись. Я – то думала, он один. Ну, ваще. Значит, орать нельзя, тихо сидеть ночью! А музло?! Мало того, она ещё бесится по ходу дела, что он к жене не идёт, опять к мамочке притащился, и не мирится, бухает тут сидит. А мне-то как неудобно! В тему зарулила, бя ваще. На меня злобно сверкает глазами, типа:

- Здравствуй, Ивана! – а сама как змея. Я в комнате его исчезла, а она Русому – опять бухать, тебе нельзя, урод ты, у тебя химзависимость, иди к жене, мирись, на хер ваще тогда жениться было? Такую женщину потеряешь, и пиздец тебе, подохнешь, вали давай к ней, а не девок тут таскай! Тоже докатился! Женился – живи, чё тебе это, игрушки?

А мне-то каково – девок он таскает! А я–то при чем? Я не девка ему, и Влада прекрасно это знает! Сука.

- Но в остальном права, мачеха твоя, конечно, - это я уже втираю Русу, залив мерзкого пойла в глотку по первой: – Коль женился – это серьезно, да и пить тебе нельзя, раз так все круто...

Русый матерится и отпирается. Почему его Янка кинула – не поймет и сам. Вроде жили-жили, по городам вместе мотались, она даже подпела-таки ему на альбомчике, хотя и отказывалась жутко – она панк, и в металле думала, что нихрена не сможет, но вот ничего, получилось. Приезжали они сюда, в Уфу, клип снимать - здесь дешевле, и у Янки знакомства. Вот, тыр-пыр, она по делам все бегала, договаривала аппаратуру и прочее, а муж в это время неприкаянно с друзьями бухал – а чего ж еще, пока делать нечего? И Янка-то не против вроде, ну, ходишь где-то и ходи, вечерами все равно вместе засыпали. Отсняли уже больше половины, без траблов. И вдруг – она заявляет, что ей надо срочно мотать в Москву, там чё-то да чё-то, хер поймет, и вернется через недельку, а Рус пусть подождет, всё нормально, да «я тебя люблю», по гроб. А потом...

- Прикинь, Дика, не звонит ни чего! – Русый сидел напротив, понуро опустив голову, держа пустую рюмку. Я отхлебывала из горла, не дожидаясь когда он нальёт. Курим.

- Я сам звоню, смски шлю – ты где, любимая, как дела? Скоро вернёшься, я тебя жду! – тут он всхлипнул, совсем уж пьяный: – Молчит. Не отвечает. Дозвониться никак. Я уж и домой звоню – нет. Чувствует, что ль, что я это её ищу...

- Так ехал бы, чё ты? Мало ли?

- Не, погоди! – он налил мне ещё, закурили.

- Так она же... ну, прикинь, а потом, кое-как выбил из неё – ты знаешь, Русый, – и так холодно ещё! Я охренел, она так не говорила со мной никогда! – вот, типа, я тебя кидаю. Ну, не так сказала, конечно, но смысл! Как-то размазано, а я говорю – а чё ты молчала-то? Конкретно сказать бы – так нет! – он открыто плакал уже, не утираясь. И вроде даже снова трезвый.

- Говорит – у меня всё нормально, и без тебя, и тебе того желаю. Я – как так, чего желаешь? Опять замолчала. Через три дня - давай поживём пока раздельно, мне надо подумать, и всяка там херня!! БЛЯДЬ!!! – он стукнул по столу кулаком. – Как же так, ведь она жена мне?

- Жена, конечно... – тупо ответила я. А хрен же знает, чё отвечать?

- Ну и вот, я ведь и кольцо вроде снял, а не могу – привык, да и будто я тоже от нее отворачиваюсь... - помолчал, покурили. Врубил «НесПи», молча послушали. Я ни о чём не думала – а о чём думать? Знаю я всё. И скучно, и жалко, и не знаю, что делать. Он мне друг, конечно, пьянь эдакая, но... пусть сам разбирается! А я всё равно не знаю.

- Ну, так поехал бы всё-таки, да и разобрался! – сказала я, сочувственно. Действительно, а что ещё? Нытики какие, я бы так и сделала!

- Ага, поехать! У меня во-первых и денег-то нет, я же не работаю, в принципе, тока музыка, а потом ещё и квартира не моя там, не могу так заломиться просто, и если она решила одна пожить, в принципе, я и не прописан там! Как я могу в дом человека, который меня больше не хочет, прийти...

- Н-да... - тока и сказала я, закуривая новую. Действительно, хер же знает эти передряги любви и имущества! А чисто женским подсознанием подумала - он ещё и не работает! Действительно, долго ли Ведьма терпела бы? Самостоятельная, красивая девушка, режиссёр, менеджер! Да уж.

- Да вернётся! – ободрила я. Скорее всего так. Потому что, раз уж дура сразу, то навсегда. Не бросит она его. Подумает – подумает, и придёт, или обратно позовёт – я сама если бы могла Ветра кинуть раз и навсегда – так не знала бы, что это невозможно! Всё то же самое...

- Ну, да, так-то... - неуверенно посмотрел на меня Русый. Смотри-ка трезвый почти. Надо бы расспросить его про эту «химичку», в чём она собственно проявляется, а то у Ветра тоже, но он терпеть не может про это говорить, и вообще про всё, что связано с болезнью. Русый попроще – он хоть ребенком не лежал в дурке, не такой глубокий урод-извращенец, и ему не настолько больно говорить об этом.

- Я вроде тоже так думаю, и спокойнее как-то становится, опять кольцо одел, всё жду, вот-вот придёт, позвонит... но как-то очень страшно! Вдруг фигня это всё... нахрен я ей, псих, никто...

- Да ладно! – начала было я, но он остановил.

- Не ладно, я боюсь всё равно, я никто, я ничто, меня нет просто, а она... блядь, да я знаю даже, что ей сказать, когда вернется, ведь я-то от неё и не уходил, а время идёт – её всё нет, не звонит, иногда я пишу, когда не выдержу – на мыло там, смски шлю, звонить пытаюсь - никак. Уговариваю себя подождать ещё, игнорировать, но не могу, бегу к ней, заигрываю... всё жду – скажет что... Но она так сухо ответит иной раз – вроде и не так чтоб совсем, но как знакомая просто, без намека на любовь... а я ведь чувствую, я ей тоже нужен, и в чем заморочка – не пойму! Пиздец... поговорить бы, да нет же, не хочет! Потом всё сама расскажет, я знаю, бля, но ведь когда... и страшно – а вдруг – никогда... и все учат, кто постарше – вернётся,

всё нормально, пусть подумает, сильнее любить будет, а я боюсь, и верю, и нет.

Несчастный приятель помолчал, потом поднял голову:

- Дик. Ты ведь... ну, дружила с ней вроде... - начал он издалека.

- Ага, типа того...

- Может, поговорила бы с ней, как она вообще... - вздохнул поглубже. – А впрочем, да ладно. Скоро ведь сама придёт, верно?

Я кивнула. Конечно. Понятное дело. А как же!

Помолчали-покурили-выпили.

- Да я –то ладно, всё понятно вроде, а ты сама как?

- Ну как, - пожала плечами. – Нормально всё у меня. В универ не хожу...

- Ага, нормально! Я тоже не хожу! – посмеялись зачем-то. Он вообще в универе не учится. Потом вдруг так внимательно мне в глаза глянул:

- Дика, ты это... слушай – ты не сидишь ни на чём?

- В смысле? – я аж похолодела, о чём он?

- Да видно уж, наверно!

- Чего видно? Иди-ка на хрен! – попыталась защититься я.

- Дик, не на хрен! – он покачал головой. – Это серьёзно! Не игры тебе! Давай рассказывай!

- Не расскажу.

- Расскажешь! Или не рассказывай, я тебе сам скажу – кислота – это очень плохо... кровавая блевня, ломота, асфиксия, отвращение к сексу, еде...- посмотрел на меня, искоса: – Ещё надо что-нибудь?

- Не надо! – ему-то что?

- Я-то знаю... это и есть «химичка»...

- Русский, я уже сказала – иди на хрен! – подумаешь, велика беда. Два раза заглотила какой-то дешёвой психиатрической херни! Чисто чтобы знать, как это у Ветра...

- Нормально у неё всё! – Русский начинал злиться. – Дика, обещай прямо сейчас – ты больше не будешь, тока пей, или кури побольше! Всё лучше! Дура, сама не знаешь, что это...

- Знаю. Всё, харэ, закрыли! Моё дело!

- Не твоё!

- Моё, или я щас уйду! – я встала, и собралась уйти на самом деле. Лечилова мне тут не хватало!!

- Дика стой! – схватил меня за рукав, усадил на кровать. – Ладно, всё! Хочешь – так пинцет тебе, но щас-то куда попёрлась? Ночь!

- Вы там, совсем охуели уже, не орали бы хоть! – завопила Влада за стеной: – Мне на работу завтра! Вам-то алкашатам что, так хоть тихо сидите!

Мы замолчали, и в тот же миг в проходе возникла заспанная морда матушки-мегерушки в мятом халате. Она принялась снова орать на Русого, что он таскается сам, да ещё и девиц таскает, но больше всего добило, что она принялась стыдить меня – типа, Русский урод, но девушки её поражают! Это ж надо же притащиться ночью к парню в дом, бухать тут сидеть! – и всё такое, что орут традиционно все мамышки моих друзей-парней, когда ночуешь у них. Тока маманец Гоблина лояльно так смотрела, тихо. Гоблин... м-да, вернуться ли? А Влада орёт тем временем – и как не стыдно воровать её сигареты Стасу, шёл бы да работал, раз опять с ней живет, а то докатился, пиздец ваще! Потом успокоилась:

- Чё у вас там, могли бы и мне предложить, хоть из приличия, чё, я бы с вами не выпила рюмочку? Всё-же у меня дома находитесь!

Мы завозмущались деланно, что лишь из уважения такую муть дешёвую и предлагать не стали, потому как в стрём хозяйке хуйню наливать. Но она отмахнулась:

– Ой, да ладно!

И жахнула с нами стопочку. Покурили вместе, она порасспрашивала, как я нынче поживаю, потом ушла. Мы тока дух перевели, что всё нормально обошлось, а она опять заходит. Мы напряглись – чего ещё? Но оказалось, она нам принесла... полбаттла коньяку! Мол, за встречу, а то Стас всё равно скоро с Яной помирится, и уедет от нас. Пейте пока, сволочи малолетние. Мы поблагодарили, как могли, обалдев, и продолжили пить.

- Да я-то, если честно, - хитро посмотрел на меня через рюмку качающийся Русский, - подрабатываю! Тут по знакомству попою, там, и на басу за бабло на студии, кому надо подыгрываю, а то есть такие певцы-одиночки, без групп, им надо аккомпанемент же! Тут с одной девицей стрелканулись, я с ней как-то чё-то мутил... ну, там понимаешь... так она поёт, профессионально, мы с ней на студии висим, альбомчик еённый сольный пишем! Я её материал знаю отлично, старый ещё, который мы с ней мутили! А новый выучить мне – как два пальца обоссать, да и там просто всё! Вот она меня и в ресторан таскала, мы с ней по пятихату за вечер срубили, да еще сверху чё-то, я не помню, прожрал уже. Ей ещё и насували по ходу дела, клиенты пьяные - то мурку им, то хуюйнюрку...

- Ну да, не пропадаешь, стало быть? – подмигнула я. В голове размокали опилки, зрение шаталось...

- Ну, типа того! – улыбнулся Русский. – Тока ты не думай чего, я Ведьме не изменяю!

Ага. Потому, наверное, я и очнулась кое-как, тока сообразив, что мы дико облизываемся с приятелем... ой, мама, ужас какой! А приятно... и не стала выпендриваться, полезла ему под одежду, а он уже лифчик мне расстегивал... но музыка замолчала, тишина привела в себя – я оттолкнула его:

- Ну всё, Стас, хватит!

Он обалдело посмотрел на меня:

- Бля...

Вот и всё, что смог сказать. Оба деловито поправили одежду. Закурили. Посмотрела в окно – приближается ледяной рассвет. Скока же время уже? И спать охота. М-дя... нехорошо. Уже похмелье начинается – лихорадит. И приятеля тоже – сидит, ёжится. А лучшее средство от похмелья – что? Правильно, ещё принять! А уже и не лезет, жрать охота. Попросила – принёс чего-то холодного и скользкого в сковородке, по пути нарвался на Владу – она уже встала на работу. А где, кста, этот её байкер? Русский сказал, что он в Мордовии на слёте. Хы... пожевали, покурили, выпили –

захорошело. Я ещё угольком активированным закинулась – чтоб не тошнило, и с Русым поделилась. Полежали тихо-тихо, типа спим, пока Влада не уйдёт – она ещё засунулась, велела нам, когда встанем, непременно убрать за собой, срач на кухне не оставлять. Пасынок горячо согласился, и она исчезла. Русский перевёл дыхание, и сказал, что теперь хата до вечера совершенно наша. И, мол, давай спать... но спать отчего-то не стали, а стали орать песни «Стёкол», и я ему поведала-таки о своей священной дружбе с *Ними* – ТорКом и Жанной. Оказалось, Русский ТорКа видел в Москве, и как-то даже вскользь общался, но не очень – они панки, и знаменитости, а Русский металлиер, и вечно начинающий, и потому не особо пересекались. Но очень даже хотел бы... Я ответила, что он дурак – чего ж ему мешает? Написал бы на мыло, да просто после концерта – так мол и так, очень уж я вас люблю, и мечтаю подлезть... а Русский мне:

- А как так, нахрен им, - и всё такое! Ну, не стала дискутировать, не можешь – значит, не больно-то нуждаешься!

Только часов в десять уgomонились, подремали малость. Я мерзла с похмела, дрожала как собака, и потому спала очень плохо.

Встали мятые-клятые ближе к часу. Покурили, поели, пошарахались по квартире. Естественно, ничё мы за собой, свиньи эдакие, убирать не стали. Допили всю эту хрень, и недопьяненькие валялись на кровати, собираясь ещё малость поспать, орали песни Шмелей и Неспящих, дрыгаясь в такт, и нагло лапая один другого. Хорошая, придурочная дружеская полуоргия. Потом пришла светлая мысль ехать к той девице, с которой Русский лабает в ресторанах, а она живет чёрт знает где, в пригороде, и пилить туда на электроне. У-у, «кароший русский мысль!» Позвонил ей, она согласилась. Взяли на остатки вчерашнего аска пива в дорогу. Кое-как дождались автобус, он туда редко ходит. Ржали, прозябая насквозь с похмела, пугая и веселя старух на остановке. Потом ехали дико долго, лакали нагло пиво, и пели на два голоса под мастерскую гитару Русого «Шмелей» – «Поебень-траву», «Зомби-буги», «Цветы», «По маслу»:

*Если меня отправят в космос
 Чтоб я оттуда не вернулась,
 Я там подохну и развоняюсь,
 Чтоб цивилизация задохнулась!*

И на два голоса:

*Нож летает по телу,
 Гроб летает по телу,
 Земля летает по телу!
 Жизнь идёт как по маслу!
 В ЯМУ!!*

Люди улыбались, поглядывая на нас с интересом – всем ехать далеко за город, и мы как банда диких клоунов их развлекаем.

*Если меня поставят к стенке, я скажу –
 - ЕСТЬ ЗА ЧТО!!!*

*А когда в меня пустят пулю,
 Я развоняюсь, как говно!*

Дед какой-то заломился на очередной остановке и сел в хвосте, рядом с нами. Прислушался, весь перекукожился. Когда дело взялось по второму кругу, и мы, основательно распевшись, стройно затагнули «Поебень-траву», и дошло до слов:

Срут по приказу в общую кучку!

- бедный дед не выдержал, и погнал на нас телегу, такого сорта «вот какие бесстыжие, чё делаете!» А мы – поём, дедушка! Чё не нравится? А он – да вы и петь-то разучились! Как не стыдно, срут они! Вон в лес идите, там и срите в кучку! Мы так и покатались со ржачки – ага, щас пойдём, рядом сядем срать! А пошлите с нами! А я говорю, так интимно наклонившись к деду, он аж отшатнулся – дедушка, а вам-то как не стыдно такие слова говорить? Старый же человек! А он – так это же вы говорите! Смотрю – а народ-то погрустнел, все молчат, никто деда не одобряет, вроде всем нормально было. Обломал. Ну, помолчали, побакланили, поржали, попели, тока тихо. Дед вышел – мы за свое! Народ снова развеселился. Ладно, хоть никто не лез «а спойте вон то и вон это»!

Не вечер, как-то трезвые все, кроме нас, и стесняются лезть к музыкантам.

Успели ещё в электроне полабать, срубить три сотни! Известно, как выгодно лабать «на собаках», полчаса ходу – и реальные деньги. За нехрен делать! На станции купили портвешка, и выпивая, притопали к девице.

Ну, там ничего такого особенного. Нормальная металл-девка, голосистая. Напились в Армагеддон, пришла её мать, и нас выставила. Поехали обратно, прихватив с собой ещё и Настю-Дрянё (так её звали). Оказалось, это новая вокалерша «Чашки Похоти»!! Вот так и нифига себе! А где же Леди Тварь? Уехала в Питер, оказывается. По приглашению в какую-то команду, контракт подписала, как путёвая.

Пока ехали, повеселились основательно – изображая клип Шмелей «Крыжана вода» валялись на сиденьях, покуривая, и орали:

*На билом рушныкове
Танцювала любя долюшка,
Зачыняла у хатыни маты
Лишь зло принэсэ тоби волюшка-а-а-а,
Но повный мисяць двэри видчиныыв.
Крыжана вода-а-а-а-а
Гукала мэнэ гукала,
Крыжана вода-а-а-а-а-
Спивала да нэ спивала,
Та до сэбэ забрала!*

Ну, это примерно, мы уж не ручались за точное воспроизведение украинского текста, «снятого» на слух.

*В бэзодню гэть думкы,
Прыходыло сонцэ – нэ впизна-а-ало,
Заховала спрага помылки,
На дни глыбокому сэбэ шукала,
А повный мисяць нэ зрадив...*

Само-собой, нещадно бухали сидя на полу пустого позднего вагона. Куда в нас лезло? И ещё ночь пролакали у Русого. Влады не было на этот раз – она в ночь. Вот и прелестно! Ужрались как черти. Кайфффф!!! Записали – как тока? – на Влади́н комп через девицы́н микрофон (она зачем-то с собой его притащи́ла, сама удивилась – ах, как пригоди́лось!) несколько песен Шмелей, типа «У Гаю», той же «Крыжаной воды», чё-то Русовское, с бумажки, на два голоса с Настей. Она ещё и барабанила его палочками по перевернутому глиняному цветочному горшку, такой пиздатый звук! Русский аж решил непременно использовать его дальше. А я отбивала ритм на бубне. Тоже, к слову, Настином. И так мне это понравилось, так я влилась в эту тему, что твёрдо вознамерилась непременно себе такой раздобыть! На утро послушали – ну, надо же, как клёво вышло! Даже не слышать, что пьяные! Русский тут же перевёл всё в MP-3, стырил у мачехи пару RW-шек, причём с одной из них нагло стёр чё-то, лениво упомянув, что Влада его зарежет на месте, и заставит кровь языком с ковра слизывать – а сам, извращенец так сладко усмехнулся! Теплом потянуло вниз живота...

И теперь у меня есть своя запись, приколитесь! Очень приятственное открытие сделала, что и я не пальцем делана, и голос может быть по-прежнему, когда захочу! Опять проснулись старые надежды – не всё потеряно, и можно решительно рвануть *туда, где пасутся священные коровы музыки...* А Настя всё восклицала – ну до чего же пиндато и озуенно, и раздухарившись, звала меня попеть с ней в группе, вторым голосом! Сначала думала, чтоб я повыше брала - у неё, мол, голос грубоват, ей надо потоньше подпевку, но на практике оказалось, что у меня ниже идёт удобный регистр. На том и порешили! Напоённая такими надеждами, я ехала домой счастливая, обновлённая, и вся в горячих мурашках – ах, ну неужели?...

До утра торчала у компа – пересматривала клипы – «Шмелей», всё что есть, «НесПи», и "Стёкол" новенькое скачала – старый

клипец, раритетный, где ТорК с Жанной изображают пьяную бомжиху в подъезде и маньяка.

Написала им в гесте:

Дикая Ивана: *«ТорКер и Жанна помогают жить напропалую, отвязно, злобно, быстро, безоглядно, охотно и безмерно!»*

Через полчаса там появились уже два ответа:

Злобный дух: *«Так точно!»*

Tigrokrys: *«Стопудово, согласен! Под них хорошо и бухать, и трахаться, и просто философствовать о безумности бытия...»*

Ещё пока я отсутствовала у них в госте-книге появилась куча всяких новых интересных высказываний, типа:

Солдат Джэйн: *«Не сочтите за приставания и отсутствие деликатности, но Жанна непередаваемо сексуальна... просто умопомрачительна! Я вас люблю, дорогие! Удачи вам п,обед и восторгов!»*

Атласная: *«Ребята, завидую вашей любви! Всем бы такую...»*

Это меня задело, я ответила:

Дикая Ивана: *«Завидовать-то завидуй. Но согласись, не каждый выдержит ТАКУЮ любовь! Если понимаешь, о чём я...»*

Жанна ответила почти сразу:

«Ничего, мы справляемся! Чего и всем желаем☺ Обратите внимание на раздел фоток, там нехилое обновление, подтверждающее ваши слова!»

О, сейчас глянем!

Вот они:

Фотка Жанны и ТорКа – спина к спине, расслаблено и чувственно закрыв глаза... ведь секса как такового здесь нет, но... Впечатляет!

Следующий блок фоток – с процесса съёмок очередного клипа, с припиской *«Кто первый угадает, на какую песню ролик, получит эксклюзивно его в подарок!»* Ого, надо подумать! ТорК полусмазанный, со спины, одет в сутану, стоит в метро, среди людей, его не замечающих, как призрак священника. Жанна валяется на снегу, в роскошном сине-черном платье, голые плечи,

прикрытые тонкими черными мехами... краса мира, богиня ТорКесса! А клип, наверняка, на «Истощение»! Не знаю, но почему-то именно этот композишн навевает, по духу. Надо попробовать выиграть! Хотя, *Они сами* мне наверняка, и так подарят, стоит только попросить как следует...

Ещё – полуголый ТорК в железном ошейнике сидит на подоконнике, в полоборота, и блестят зелёным хмурые глаза из-под длинной чёлки – дико сексуален! Мяу, мне бы его в лапы... я чуть монитор не облизала! Ой, что это я – стыдно, товарищ, перед Жанной!.. А впрочем, раз она не прячет своего сокровища–мужа от чужих глаз, значит, чужими наши глаза не считает, и можно любоваться *Им* сколько угодно, пока глаза не заслезятся от мелькания монитора, а потом ещё закрыть их ладошками, и видеть во сне...

Ниже всего этого богатства обнаружилось

Пояснение к этим фоткам:

«И секс тут постольку поскольку, ибо вся жизнь, все действия между нами уже и есть секс...»

Вся прониклась и пропиталась как заново – вот, люди не стоят на месте, клипы новые выложили! Работают, как бешенные! Надо не отставать, успевать, бежать вперед! В музыку, окунаясь и топя всех вокруг! Ах, благодать! Лихорадка творчества!

Вдохновившись, на обрывках универских бумажек набросала пару стихов, предложить Насте для песен:

О вечном

А может, есть любовь, там в райских измерениях

А может есть тоска по ней, там в глубине души

А может есть слова несказанные ею

А может смысл есть в бессонице ночей

Мы любим вновь, порою безответно

Мы любим очень, крепко, сильно, метко

Прощаясь с миром злого бытия

Любовь, любовь проходит вдоль по жизни

Любовь, любовь меняется судьба
 Любовь, любовь безумные создания
 Любовь, любовь погибнут за тебя
 Не правы те, кто думает, что солнце
 Не потускнеет и не превратится в грязь
 Романтики любви отдали чувства
 Романтики им нечего терять
 Они пьяны бессонными ночами
 Они пьяны любимым взглядом глаз
 Но вот когда все движется к финалу
 Они уходят, покидая нас
 Причем уходят не к цветным просторам
 Самоубийством оглушают нас
 И сам любить надеюсь, я не стану
 Я верую в свободу без любви
 И прихоть плотскую из сундука достану
 Главнее прихоть для меня любви
 Но также знаю я что будет жарко
 Что будет сердце плавиться огнем
 И вряд ли я сумею выжить
 Если любовь войдет в мой дом!

Вот, вроде немного в духе ТорКа... ну, да ладно, вроде так
 ничего! И кажется, Ветру бы понравилось. Мне так кажется...

И вот ещё:

Об Армагеддоне
 Вдалеке мерцают яркие пожары
 Пламя лижет пеплом небеса
 На кривой планете, неудачной самой
 Наступают злые чудеса
 Жарким адским пламенем
 Пожраны все земли
 Все в огне, и люди и дома
 Не было такого в самой лютой битве

Распахнулись черные врата
Всё - Армагеддон!
Каждый обречен!
Всё, гори овца в аду,
Каждый кто спасен!
В рясу облачен
Дьяволу поможет быть в миру.
В жертву человечество
Будет приноситься
Реки алой крови потекут
Запах разложения
Бесы в колеснице
Ведьмы, трупы в цинковом гробу
Ничего святого, все сотрут пожары
Все сомнут копыта мертвецов
Кто поможет людям беззащитным
Кто не даст победу в руки злу?
Вся земля в руинах, тысячи погибших,
Захлебнулись кровью города
А над бывшим миром,
Как над льдом застывшим
Правит черный ангел Сатана
Да такое будет, все нам предсказали
Древние былые времена
Если б на планете о войне не знали
Не было бы страшного конца
Но все же:
Явью станет сон
Злой Армагеддон
Воцарится в мире темнота
Если ты ещё
Хоть чуть-чуть живой
То тебе поможет Сатана!

Не сдохнуть!

Очнувшись от дурмана творчества, я перечитала - и осталась довольна! Кажется, это не стыдно будет показать Насте! А уж как мне понравилось писать! Я ведь никогда и не пыталась это делать, уверенная, что лишена подобного таланта насухо! А это оказалось таким неслыханным горячечным наслаждением, таким забытьём!..

И Настя-Дрянь, будто по наитию, позвонила мне сама – выходи, мол, прогуляться, разговор есть! Встретились, то-да-сё, она вдруг и говорит:

- Пустишь нас реповать? У тебя же хатыня свободная!

Я несколько опешила – об этом я никогда не думала, чтоб прямо на хате репетовать!

- В смысле, можно чтоль? - тупо смотрела я на неё.

- А чего же нельзя, если тебе там никто не указывает? – она смотрела уже чуть ли не с укором.

- Ну... ладно... - пробормотала я, всё ещё не уверенная, что это хорошая мысль. А что, если траблы с соседями?

- Ты боишься, чтоль? – Настя едва не давила на меня. – Если чё, до одиннадцати вечера по закону можно хоть на танке по квартире гонять, хоть сейшены давать, нихрена никто сделать не может!

- Да нет! – меня как-то моментально отпустило. И чего бы в самом деле? - Мне же с вами и петь!

- Вот именно! – Настя обрадовано обняла меня за плечи. – Так чё, я ребяткам звоню, чтоб барабаны к тебе тащили?

- А давай! – развеселилась и я. Ух ты, жизнь моя - барагоз!

И началось!

Перво-наперво, всей компанией наакались моего коньку, за удачное начало нового дела, да чтоб хорошо пошло. Для отсчёта некой точки, такой перво-распевки, решили кавернуть «НесПи», старый супер-дупер-хит «Дирижёр». Я улеглась на пол, и завела:

- Хой-хой, ой-ёй!

*Работал я в театре дирижёром,
 Руководил своим тупым оркестром,
 И назывался он «Смертельный номер»,
 В него входили двадцать инструментов:
 Баян, гитара, скрипка, пианино,
 Два контрабаса, бубен, бас-гитара,
 Тарелки, барабаны и подпевки,
 И сапоги глухого дирижера!*

Тут я вскочила на ноги, и по ходу припева принялась выплясывать как дикая обезьяна:

*Ведь это все моя работа,
 Руководить оркестром тяжело,
 Моя работа – да! – для идиота,
 Когда кирпич летит из зала на ебло,
 Когда кирпич летит из зала на ебло!
 ХОЙ!*

Следующий куплет мы вопили все вместе, хоть я этого не люблю, ведь дело есть дело, и надо отличать его от банальной пьянки! Но не прерываться же мне было – это я не люблю ещё больше!

*С разбитой рожей я иду с концерта,
 Никто не любит тупого дирижёра,
 Аплодисменты, кирпичом в ебало,
 С такой работой ебанёшься скоро!
 Придя домой я сильно напиваюсь,
 Ведь в жизни я, бля, ни хуя не понимаю,
 Когда я пьян, я чаще улыбаюсь,
 И синяки на голове считаю!*

То, что завертелось дальше, описывать нет смысла – адские танцульки, да и только!

Ведь это всё моя работа,
 Руководить оркестром тяжело,
 Моя работа – да! – для идиота,
 Когда кирпич летит из зала на ебло,
 Когда кирпич летит из зала на ебло!
 ХОЙ!
 Встаю с утра, достал немного спирта,
 Трясутся руки и кругом голова,
 В глазах двоится, солнце светит криво,
 Я странно мыслю, и путаю слова,
 Одену фрак, рубашку, шорты, берцы,
 И как мудака на репетицию иду,
 И каждый день меня пасёт маньяк-убийца,
 Который жаждет меня бросить под трамвай!
 ВЕДЬ ЭТО ВСЕ МОЯ РАБОТА,
 РУКОВОДИТЬ ОРКЕСТРОМ ТЯЖЕЛО!
 МОЯ РАБОТА ДЛЯ ИДИОТА,
 КОГДА КИРПИЧ ЛЕТИТ ИЗ ЗАЛА НА ЕБЛО,
 КОГДА КИРПИЧ ЛЕТИТ ИЗ ЗАЛА НА ЕБЛО!!!!!!

Допев, я упала без сил на диван, на меня повалились ещё куча перепутанных друзей. Я едва дышала, но была такая счастливая, какой давно себя не помню!!! УГАР!!! БАРАГОЗ!!! КАЙФФФ!!!

А за название спорили, чуть не до собачьего лая! Каждый держался за свое, и уступать не хотел ни на метр, как Сталинград фашистам! Басист с гитаристом зубами вцепились в привычное им «Чашка Похоти». Их главный аргумент заключался в том, что «Чашки» раскручены, их знают далеко за пределами Башкирии, и даже альбом с Леди Тварью ходит по Питеру и Москве. Но мы втроём – Настя, ударник Вадик и я не слушали, горячечно напирая, что чужой славы нам не надо, и будут сравнивать, а концепт-то изменился! Но только в этом мы и были едины, и со своей стороны

Настя вопила, что раз состав новый, и фронтгёрл она, значит, надо оставить «Дело-Дрянь», то есть номен её первой группы, до «Чашек». Но мы с Вадиком-Гашишем вопили, что раз есть два свежепришлых лица, значит, и название надо совсем свежее! Мне-то в общем, было пофигу, но я напилась и орала за компанию, настропалённая Гашиком. Мы настаивали на «Трихопол» - тупейшее название, но попробуйте-ка так нажраться, как мы в тот репет, и поймёте всю возвышенную идею сего имени! Мы нажимали, что раз мы выступаем своим музоном против системы, значит, мы как бы вытравляем паразитов сознания, а «Трихопол» - как раз общеизвестное противопаразитарное средство. В конце-концов, поддержатели стороны Насти охрипли и сдались, не в состоянии продолжать дискуссию. Мы выиграли! Пьяные придурки, мы с Гашишем обнялись и скакали по комнате, задирая ноги до ушей в дурацком канкане, и орали:

- ТРИ-ХО-ПОЛ! ТРИ-ХО-ПОЛ!!!

Безумие какое-то! Подозревающие соседи, менты-козлы - "почему барабаним в полночь?", старухи респектабельные косятся на стаи рваного неферья, ежедневно штурмующего подъезд. Мама-с-папой недовольны - "опять из универа звонили, что ты много пропускаешь"... м-да... и Ветер. Ночная мечта моя, чтоб мы с ним как Жанна с ТорКом... во всех смыслах.

Сегодня Настя не смогла подползти на репу, но мы решили не отменять ничего, я одна спою. Собственно говоря, репета как такового не вышло, я притащила Ветра, и мы просто издурачились как могли.

Се-се-се-се-се-се-секс!!

На-на-на-на-наркота!!

Са-са-самогон!!

За-за-за-за-заебись!!!!

Орали мы с Ветром в один микрофон, обнявшись и полуголые. И всем хором:

СЕКС! НАРКОТИКИ! САМОГОН!!

Как лозунг, как лучшую из песен! Как символ нашего лихого, угарного, безудержного времяпрепровождения!

Увы, но не обходилось на наших музыкальных экзерсисах и без наркоты. То покурим, то закинемся грибами (но это очень редко, в наших местах хрен достанешь чистую вещь!), а то и подмешаем в выпивку психотропной мерзости... Зачем? А хрен же его знает... Долбозавры просто.

Честно - так мне это нравится. Глюки с каждого типа "дряни" разные. Чаще просто нечто размытое, абстрактное, мало поддающееся описанию, да и не достойное того. Но бывает, что и со смыслом - это когда с грибов... Шаманская штука! Вот что видела я намереди:

Железный символ солнца, наподобие детских механических каруселей, какие во всех дворах стояли раньше. В центре карусельки - столб, и я с прибитыми к нему крыльями, в балахоне цвета «льна-в-недостиганной-крови». Круг крутят мои желания, такие человеческие фигуры, закутанные в балахоны до пят. Кто-то в тюрбане, кто-то в капюшоне. Одни красивы и молоды, другие ужасны, третьи видимо так дурны, что и лиц не видно. Я смотрю в небо и вроде улетаю, но желания лишь слегка оживившись, тянут назад – сама возвращаюсь, жаль их – улетишь, и не сбудутся! И вроде как исполняются они с такой скоростью, как колесо вращается – размерено и не торопясь. Самое красивое на лицо – Ветер, но следом идёт дикий ужас, они почти незаметно связаны вместе. Даже не человек на рожу, у него лапы с когтями, и жадно хватает ими меня при попытке улететь. Он мерзок, но мне более всех интересен и притягателен. И многообещающ. Это Похоть, Извращения. И забыв про полёт, обращаю лицо к нему, оно довольно ухмыляется.

А сегодня у меня невероятно болит печень. Прямо ужас как. Выть охота. И дома нет никого, Петровна ушла на базар за запасами жратвы. Лежу, корчусь, подушку зажала между коленками и животом, в позе эмбриона. Писец... хватит пить!! Заглотила всё, что нашла подходящего от боли – не помогает. Прождала полчаса – не проходит. Ещё сорок минут - нет, ни фиги! Сплошной кошмар! Жжёт и режет... режет и жжёт... А самое обидное – как же сегодняшняя репа?? А, люди добрые, как же я дома останусь, там же мои придут, а я... ЧЧЧЁРТ!

Неужели и после такого я буду пить?? Не верится. Нет, ни за что! От представленного угодливым воображением стакана портвейна меня передёрнуло и скрутило ещё сильнее! Хотя и думала, что сильнее никак нельзя... чудовищно! Но нет, чудовищнее то, что пройдя этот сегодняшний кошмар, я всё едино буду пить... и это обыденная проза, от которой содрогаешься. Безмозгло и забывчиво пить снова. Боль пройдёт, я выйду на улицу с баблом в кармане. И снова за своё... я точно знаю. Как меня ни воротит сейчас – это так.

Помнится, я наорала на Русого, повторившего вслед за Ветром, не сговариваясь – на вопрос, зачем пить, что, нельзя больше никаких других занятий найти? - «А что ещё делать??" Резонно? Да ваще!! Сначала я просто задохнулась от возмутительной простоты и логичности ответа бывалого алкаша Ветра. И ничего не ответила. Потом это же повторил кто-то ещё. Потом ещё. А потом – Русский то же самое. Боже, я просто из себя вышла! «А что, больше уж совсем нечего?» - орала я. Меня взбесило реально! «Ну, вот давай, предложи что-нибудь ещё!" - простецки уел Русский. И я не стала ничего предлагать. Думала, потому что возмущена примитивностью пропитой личности, приобщённой к тому же химии. Ну, о чём с ним говорить? Наивная. Я просто не знала, что ответить...

И вот сейчас, вспоминая тот эпизод, я проникаюсь собственной беспомощностью перед убийственной простотой бытия – *а что ещё делать??* Ответь, Ивана! Умная девочка, побалуется и уйдёт, всегда

сможет бросить – Ивана, ответь!! И вот вам Ивана, лежит, подыхая. Не в силах вздохнуть и готовая блевать от одной мысли о бухле – «А что ещё делать?» - отвечает умная девочка. Крючится и подыхает в доме, где по углам напратано множество разнообразного марочного алкоголя, купленного и дарёного влиятельными приятелями родителей... умная девочка малость отлежится, примет чего-нибудь дорого, эффективного когда придёт мама. Потом мама уйдёт, Ивана встанет и безошибочно откроет тайник в любой точке квартиры, и нальёт себе в наглую бокальчик чего-нибудь сладкого и тягучего, как «Бэйлиз», или поражающего всё нутро как тёплый «Джэк Дэниэлс». Если не будет времени тянуть и смаковать, умная девочка Ивана просто вольёт добрейший глоток-другой, так, чтоб всё внутри содрогнулось и спёрлось. Потом быстренько продышавшись – ещё пару глотков. И качаясь пойдёт к себе в комнату. Приляжет, подумает, что многовато, пожалуй, хватанула, это ведь так не пьётся, это для коктейлей... но пох, уже дало в умную голову. Ивана встанет и пойдёт курить на балкон. Её совсем разопрёт, и она позвонит тому, кто её убивает – Ветру. Если он в себе, и дома – то Ивана стырит, раздухарившись, Мартини или «Джэка» из маминого бара (мама редко пьёт, у неё много всего стоит на месте!) – и отправится униженно делиться дорогим пойлом с любовницей своего любовника, своего – мать его ети!! – любимого человека!!!!

И всё будет хорошо... *всё будет как всегда...* боже, боже...

Для «перекурок», чтоб не закиснуть, зависали с Настюхой в переходах. Она играла, я аскала и пели на два голоса. Иногда присоединялся один из гитаристов, кто был свободен. Но мы самые разгильдяйки оказались, чуть не каждый день ничем не занятые – Настька, как и я, предпочитала универ прогуливать! Заодно и реповали, голоса настраивали друг под друга, чтоб плотнее спеться.

Странно, но одной из самых ходовых и денежных песен, наряду с горячечной «Серой крысой» «НесПи» и «Батьки-атамана»

(«Растамана», как любил прикалываться Русый) «Чижа», у нас определилась «Тишина и Покой» «Шмелей». Я хотела бы ещё Белкину «Агонистику», песня очень сильная и заводная, но никто не решался – очень уж длинные рулады выводит, повторить сложно. Мы прикидывали ее в качестве свободного кавера, но доступными нам средствами песня теряет добрую половину звучания, и нифига некрасиво без Белкиной силы исполнения.

А вот «Тишину и Покой» мы с Анастасией вытягивали на раз-два-три, то есть разбили по голосам, репетнули раз пять, и так насобачились попевать на два регистра – она ниже, я выше, что заслушаешься:

*Приходил нежданный гость,
Приносил печаль в корзинке,
Остается слиться с краской,
Там царят в цветной картинке:*

*И залихватский припев, с длинными «иии», и «ooo»:
Покой-оу-ooooooooй! Покоooooooooй,
Ти-и-ишинаааа, и покой!*

*Дальше идёт некоторое повышение тонов:
Посетил забавный дух, раскопал душевный бункер,
Не заманит светом, значит –
Оставаться на рисунке,
Покой, тишина и покой.*

Заключительный куплет мы брали вместе, как два товарища одну вершину, на равном высоком тоне, и очень прочувствованно:

*Пробирался по следам
Злой и жалобный подарок,
Но не исправит он ни-и-и-икогда
На кар-тине всех помарок!*

Потом Настёна вывязывала все эти обалдительные звуки и звучочки проигрыша в одну умопомрачительно красивую картину, и мы два раза пропевали припев. Тут уж ни кто не мог пройти мимо не обернувшись, многие останавливались послушать, качали

головами, улыбались, давали денег - даже без аскера! - заводили с нами разговоры. И вот в один такой запев, напротив нас остановилась грустная девица, скорее даже молодая женщина. Она молча курила, не улыбалась, просто слушала и смотрела на нас с тоской. Будто про неё это – «но не исправит он никогда на картине всех помарок», и ей за эту непоправимость жутко больно. Я прочувствовала, как точно вяжется настрой песни с её глазами, и пела для неё. В этот момент я осязала, зачем именно я здесь стою, ведь не для денег же – я их все Настьке отдаю. И не для простой тренировки – это и дома можно распрекрасно делать, и много удобнее. Настасья вот говорит, что стоит здесь чуть не каждый день для привыкания к публике, и деньги тоже никогда не лишние. Тем временем, девица докурила, не глядя швырнула окурок под ноги, и подошла к нам.

- Хой, девки! – пожала она нам руки. Смотри ты, панкуха олдовая!

- Хорошо поёте, это ваша песня?

- Не-а, это Шмели! – охотно просветила Настя.

- А, знаю! – улыбнулась она. – «Крыжана вода», и всё такое!

- Точно! – просветлели мы. Приятно, чёрт возьми, что наших дорогих Шмеликов знаем не только мы! За это мы спели ей ещё залихватское «Либо»:

Эх, свобода сладкая,

Эх, природа мать,

Закрывайтесь по домам,

Мы идём гулять!

Либо через край, либо не хватает!

Либо прямо в рай,

Либо закрывают!

ЭХ!

Будет пьяный, пьяный дождь,

Будет страстный миг,

Мы с тобой ещё не раз напьемся,

Не грусти, старик!

- Спасибо, девки, порадовали старуху! – сказала девица. Мы ответили – пожалуйста, и сели курить на корточках. Девица присела с нами.

- А меня Кэш зовут!

Мы назвали себя, и дальше молча курили какое-то время.

Однако, какая-то знакомая чувиха, эта Кэш... и правда, как-то она со Шмелями ассоциируется! И почему-то Русого навевает. И тут я вспомнила про фест. Тот, «Свалка», где мы ещё с Русым так залихватски выступили! Я сказала ей об этом, она жутко обрадовалась, всё восклицала – ну, надо же! Через столько лет вспомнили! За то, что ее помнят, Кэш помчалась нам за выпивкой, потом дала бабла – где-то пятихат. Настька чуть до потолка не подпрыгнула! На сегодня можно было спокойно закругляться, и Кэш позвала нас пить портвейн в «лесок». Мол, ей хочется именно так, как раньше с друзьями-панками посидеть, на земле, да с «777». Хлебнули по первой, Кэш стала расспрашивать, как мы живём, да как нам дружится? Мы рассказали про нашу дружную, офигительную группу, как веселимся, угораем все вместе, и что конечно, мечтаем идти вперёд, и очень далеко, но непременно вместе! Чтоб не распадаться, как другие команды. А всегда находить общий язык, ведь мы же семья! Кэш на это покачала головой, и поведала невообразимую вещь:

- Вы Белку знаете? Ну, ту, московскую панк-стриптизёршу чёртову?

Мы закивали, как лошади в поводу:

- Конечно, знаем!! Мы и песни её хотели петь, только не получается ни у кого, голос же идеальный нужен!

- Во-во, - кивала Кэш, напиваясь. – Она такая, хоть и курила как зверь. А она же мне как сестренка была! Мы из одной компании, вот как вы!

И она принялась сбивчиво рассказывать, что тоже хотели так, вечно вместе, и не было друзей лучше. Герка из «Луны в

Апельсинах» - тоже гуляла с ними. И в панк-рок её привела сама Кэш, чисто случайно, буквально подобрала на улице промокшую девчоночку, которой некуда было пойти при живых родителях.

- А Герка вообще изгой была, в своём классе! Панк-рок её моментально закрутил! – смеялась Кэш, и мы слушали открыв рты. А я всё дожидалась подробностей про Белку! Надо же, как повезло – встретиться и лично поболтать с человеком, который её знал!

- Потом, когда Рома этот её появился, и в Питер Герку нашу увёз – тогда всё и пошло нахрен... она, кажется, первая начала нашу компашку рвать на части! – грустно рассуждала Кэш, и мы не перебивали. – Но впрочем, только может. И раньше это началось, когда Белка Иваныча бросила ради другой группы! Он же гитаристом из-за нее стал, Иваныч наш, потому что она в группе петь хотела! Вот только он и остался, с ним и общаемся. А эти изредка-изредка может чего-то на мыло кинут, и всё, сучки столичные! – беззлобно улыбалась рассказчица. – Но он ей не годился, она всё мечтала стриптиз-порно-шоу показывать на сцене, Белочка наша! А он против был, скромный очень для нее. Она и завела другого парня, попокладистей, и с ним закрутила всю эту свою байду... потом конечно и его бросила, как в Москву собралась – а он с ней не мог махнуть, у него тут мать и все дела. Напугался, я думаю а она-то отчаянная девочка! А как пела. Боже мой и черти, ебите меня в ухо!! – тут она засмеялась, совсем уже пьяная: – И ведь никто её не учил, она сама от природы такая была, талантище! В один же детсад ходили. Так она и там всегда пела! Такой колокольчик! Даже в телик выступать таскали, на эту, как её, - а, «Утреннюю звезду», не поехала, матом всех послала – и на улицу, к нам! Мы ведь панковали тогда уже вовсю, такие карапузы, бля! А как вспомнишь – господи, ну как пела! Даже когда курить начала – так её не оторвать было от сигареты, как дитё с соской, так Белка с сигой! Вся прокурилась, до бронхита, а курить меньше не стала, и голос посадила, но всё едино – ведь как поёт, девки, а?

Мы закивали, согласные – да уж, Белке конкурентов нет!

- Конечно, ей одна дорога была в Москву! – качала головой Кэш. – А мы с Иванычем здесь остались, я от Героя родила – парень мой тогдашний, муж теперь уж бывший. Даже не знаю, где он теперь и даже где живёт! Пишет чего-то! Алексей Исмагилов – знаете?

И тут мы закивали – как же не знать? Это ж наци-деятель ещё тот! Книги его запрещают-запрещают, а он находит где издаться, и опять за своё! Ну и ну, с кем мы тут бухаем! И Белка, и Алекс Исмагилов, и Герка – все её!

- Ну, алименты хорошие – и слава богу! – махнула рукой Кэш. – Дочке хватает на хлеб с шоколадом, да на бантики. Дитю-то ведь он ни в чём не отказывает. Я сама журналист, про херню всякую пишу, Татьяна Быстрицына.

- Так это ты про «Панки-панки!!» статью в «Молодой!» писала? – вскинулась Настюха.

- Ага, я, - улыбнулась довольная Кэш. – Ну вот, значит, и меня знаете!

- Знаем! – на лице Насти отразилось жуткое счастье, будто она бог знает что узнала! Следующие несколько минут мои собутыльницы обсуждали фест.

- Ну так вот, как получилось-то! – снова вернулась к волнующей её теме Кэш. - Так вот, как говорится, жизнь раскидала. По трём столицам – главной, северной, и башкирской!

Ещё она рассуждала – а есть ли вообще такое понятие, как власть жизни над тобой?

- Ведь могли бы не отзываться, допустим, на предложение о работе крутой, и не уезжать, и оставаться весёлой семьёй, полудетьми, и дальше так и колбасились бы все вместе, святой компашкой! Но... понимаю ведь и сама – бред. Жизнь предлагает всякие соблазны – и надо ведь идти вперед, а у всех пути разные.

Вот и их, романтиков и мечтателей от панк-рока, уверенных в своей правоте – и их раскидало. Незаметно, тихо, странно и бессмысленно.

- Вот вы – пока вместе, колбаситесь – так и колбасьтесь, а друзей не теряйте! Может, это вы – те, кому удастся стать взрослыми, не покидая страну мечты...

Вот как! Меня это проняло до глубин. Я сидела задумавшись – так ли уж это невозможно? Вот ведь мы – молодые, красивые, талантливы, и еще не сказали своего слова! Конечно, все так и думают о себе, но разве это повод чтоб даже не пытаться? Песню бы сообразить об этом, вот тема реальная!

В это время Кэш шатко поднялась, пожала нам руки на прощание, пожелала удачи, и пошла прочь. Через несколько шагов обернулась, улыбнулась, и сказала:

- Если что, вы здесь часто бываете?

Мы ответили, что раза по два в неделю уж точно, а если нет – то на Горсе.

- Тогда я вас найду! – помахала она рукой, и кажется в глазах её стояли слезы...

Примеряясь дома к новым Настиным песняшкам, вдруг очень живо вспомнила, как будучи подростком, по настоянию папы, плотно занималась вокалом, пела с преподом даже, хоть и очень недолго – месяца три-четыре всего. Потом, конечно, забила на всё, и убежала тусоваться с малолетними разгильдяями, начала пить. Но натаскать меня успели прилично, тело само помнит старые уроки! Типа такого, что рот надо так открывать, чтобы за ушами образовывались ямочки. А в глотке – будто яблоком подавилась. Тогда глотка раскрывается как надо. И перед распевкой вслух декламировать стихи, согревая связки. Ну, и прочие специфические примочки, в которых в общем-то хороший панк-певец нифига не нуждается. Но я-то ведь не хороший панк-певец, и мне сложно так сразу взять да и запеть путем! Придётся рьяно браться за все известные мне фишки, и практика, практика, практика...

На следующий «репетишн» кто-то притащил камеру, снимать развесёлый процесс бухого репования. По ходу дела, Настюхе пришла светлая мысль – давайте старую песню «Пьяное сердце», перезапишем и клипец на неё забабашим.

Да наверное, можно было сделать самим, так поначалу и хотели. Но чувак один, Март, сказал, что у него есть знакомый фотограф, который в общем-то может поставить толком нам всю эту шнягу. И при том спорить с нашими идеями не будет, а то знаете как вечно бывает с этими «профессионалами» - ты им свою мысль, а они норовят тебя заклевать, всунуть свою идею, а твою зарубить напрочь – ты же такое тупое быдло, а они знают, как надо! Вот это бесит невыразимо! С Мартом, конечно согласились – раз есть профи, всяко надо воспользоваться! Притом он сказал, что она с панков бабла не берёт, пашет за идею, ей хватает с буржуев, которым она портфолио ляпает. Отлично!

Стрелканулись у "Родины", и Март представил мне большую колоритную красавицу с выбритыми висками, лет двадцати, одетую дорого и со вкусом, мастерски скрывая излишнюю полноту, в длинном пальто с капюшоном, и чёрном шарфе до колен.

- Это вот милейшая Портвейн, эльф спиртов, имя слышишь какое?

- Да, точно! – усмехнулась я, пожимая полную тугую ручку мощной красавицы. – Имя явно толкиеновское! Типа Эовин и всякое такое!

- Ага, типа того! Да просто Порты, – пожала она мне в ответ руку, усмехнувшись карими хитрыми глазами.

- Ну, пошли, посмотрим площадку! - лукаво подмигнула она мне. Профессионал, уверенна и быстра, значит всё будет! Ура! Спасибо, Март!

Дома сели обсуждать, чего собственно, хотим получить в итоге. Порты курила, и выстреливала вариант за вариантом, я даже фиксировать не успевала, тока попискивала:

- А это, ваще-то реально?

- Это? – делала она огромные глаза. - Девочка моя, если бы не реально, так я бы и не предлагала, наверное!

Но как-то не оскорбительно это у неё получалось. Вообще, с ней было приятно и уютно, я чувствовала, что мы сработаемся!

В итоге остановились на варианте «самом простом и эффективном, как рабочий член!» – по словам энергичной Порты. А именно раздеть меня, уложить на ковёр, поэффектней, еле прикрыть алыми цветами, и всё это «прелестное безобразие» (опять же по словам Порты), «заснять, скомпоновать живенько, и не париться!» Потом перемешать в весёленькую кашу с фоточками Насти, такого же плана, добавить чёрно-белой графики, свести в один ряд – и вперед! Во как!

- А делать будем по отдельности, сегодня с тобой разберемся, завтра с Настасьей, а ты не стой, иди настраивайся психологически! – скороговоркой велела Портвейн.

Работа бурно закипела немедленно – «дык, милоч, суй пока стоит!» Я и сама удивляюсь, почему меня жуткие однобокие шуточки Порты не раздражали... наверное, потому что профессионал крутой. Она позвонила кому-то, требуя немедленно привезти на мой адрес реквизит: алых цветов - «Да не живых, придуток, покойных!», хороший кусок черного бархата, и «грим проституточный». Ну ни фиги себе...

Пока ждали, да ставили свет, мне велено было быстренько принять жесткий душ, чтобы кожа посвежела и разгладилась. Я дико разволновалась, представляя, что меня ждет. В конце концов, это же моя первая реальная фотосессия! Ой, мама...

Дошло до раздевания. Я считала, что для меня это не трабл, я своего тела не боюсь! И всё же, сначала как-то немного стеснялась, сама себе удивляясь, с чего бы? Но находчивая Порты выгнала всех

лишних из комнаты, велел приготовить обед пока, налила стаканчик мадеры. Тогда я разделась, всё ещё не уверенная, что моё тело достаточно хорошо «ляжет» не плёнку. Посмотрела на себя в зеркало – ма-ма, а ведь всё *это*, несколько лишностей на теле будет видно на экране, камера полнит, мало того, ещё и высвечивает те недостатки, которые не заметишь так... Но Порта ловко пресекла мои страдания – запудрила грудь, наложила пару штришков на живот – и вот, он уже куда как более плоский! Вау... не всё так страшно! Велела малость попрыгать, чтобы лишняя пудра на попе осыпалась, потом наредила лицо, тем самым «проституточным гримом», уложила беспорядочно волосы. Я натянула чулки с кружевными резинками, прозрачные стринги, и улеглась на большой кусок черного бархата в центре комнаты. Тогда Портвейн начал примеряться, ползая и склоняясь надо мной.

- Ты главное в камеру не смотри, просто в потолок! – увещевала она. – А то, это знаешь ли, мать вашу так, самая главная ошибка новичков перед камерой, смотреть в неё прямо!

- А я и не смотрю! – обиделась я, уставясь в потолок. – Что, я по твоему, первый раз, что ли перед камерой?

- Ну, ладно, ладно! – отмахнулась фотограф, быстро щелкая меня. И вдруг как заорёт:

- Март, солнце, вали скорей сюда!

Я инстинктивно прикрылась, потом вспомнила, что это же клип! Да и спиртик дошёл до головы, растворяя последние следы стеснения. Я развалилась, как могла вальяжно.

- Чего? – вошёл полупьяный Март с полупустым стаканом в лапе.

- Чего? – далее длинный непечатный текст. - Арбайтен, сволочь, чего! – заорала «добрая» Портвейн.

Март несколько рассеянно улыбаясь, взялся за камеру. Потом они заставляли меня валяться по ковру, осыпая цветами так и эдак, прикрывая пикантные местечки. Чё-то спорили, угорали, успокаивая – мы не над тобой! А я и не думала...

Повернув слегка голову, для изящности вида, я заметила, что народ собрался у приоткрытой двери, и заглядывают тихонько, чтобы не мешать, попивая из баттла, и шепчутся. Ну-ну, пусть поглядят! Мне уже намного лучше, и чувствуя *приход* от всего происходящего, я разошлась, и начала принимать разные красивые эротические позы – я их много знаю, отслеживая творчество Жанны, Белки и Лёли Шмелёвой, моих богинь. Теперь я чувствовала, что почти влезла на один Олимп с ними, и вот-вот встану рядом...

Отсматривая итог, я осталась весьма довольна. Порта своё дело знает отлично! Я просто на шею ей кинулась от благодарности, как всё офигительно получилось! Как и виделось в мечтах, простая нарезка, перемежающиеся кадры, в разных темпах, - я, еле прикрытая алыми цветами, в чулках, изгибаюсь на черном бархате, в разных позах, и то нежно, то истомленно, то капризно, то отрешенно улыбаюсь. Следом Настя, в белых остатках одежды, и чулках, на фоне зеркала, так, что отлично видно со всех ракурсов одновременно! Просто порнуха какая-то! Но у Насти тело не так хорошо ухожено, как у меня, потому и не настолько открыто. Да я особо на неё и не смотрела! Я разглядывала себя. Не верится, что это правда я. С экрана на меня смотрела раскрепощенная, лукавая, капризная и непристойно-сексапильная кошечка. Такая, какой меня наверняка видит только Ветер... мне и здесь важнее всего, что *он* думает обо мне. Не то, что это мой клип – хоть, конечно, и это важно, но важнее всего, что я и здесь рассмотрела Ветра! Будто взглянула на себя его глазами... *а теперь все, кто угодно будут смотреть на меня такой...* Ну и пусть, не сидеть же в норе! Я, бля, *не его девушка*, имею право делать со своим телом всё, что пожелаю!

Но. После того, как меня увидят такой все, а не только мой Ветер, я никогда уже не буду прежней. Будто вскрыла что-то тайное... куда нет обратной дороги. Может, оно и хорошо, ведь звезда должна быть такой – откровенной, и дающей нечто большее, чем просто... боже, что я хочу сказать? Я ведь не сделала ничего дурного, тем что

разделась и показала одно из лиц своей истинной сексуальности, и это больше не «тайна лишь для Него»... чёрт. Вот это - то, что Я, внутренняя, настоящая Я, первый раз в жизни открываюсь всем. И Я всё делаю правильно!

Так вот, общая картина: быстрые кадры со мной, затем кадры с Настей, и всё это ритмично перемешано чёрно-белой затушёвкой – какие-то кошки, разбитые окна, руки, играющие на басу... Стильная, психоделическая каша!

В приятный довесок я получила тугую пачку фотографий 20x30. С теми кадрами, которые не вошли в клип, слишком уж откровенными, и потому не попавшими в концепцию ролика. Это когда меня разнесло, и я извивалась всеми доступными способами. Красиво! Ну, наконец-то и у меня будут свои профессиональные эротические фотки! А то так и молодость зря пройдет... *Вдруг, из меня не получится того, к чему я так стремлюсь?? А фотки останутся...* нет уж, тогда я их сожгу к свиньям. Чтоб не терзали душу, напоминая о моей несостоятельности! А впрочем, это просто пугающая чушь – я всего добьюсь, и всё сделаю как хочу! Ведь это же я, Дикая Дика, Дика Жестокая!!!

Через две с половиной недели где-то, звонит радостный Русый – всё, помирились! Ведьма поняла, что не может и не хочет без него жить, и зовет обратно. Клип велит забрать, дома смонтируют.

- А я что говорила! – радостная за него, и грустная за себя. А у меня-то когда всё будет??!

Дневник:

Вчера на афише Выставки восковых фигур видела та-а-акую картинку! Мертвая девочка в веночке, с рыжими локонами, закрыв глазки держит в руках богато наряженную куколку, с такими же рыжими локонами, и... личиком черепа! Я так офигела, мне жутко понравилась эта куколка, заныла - я тоже такую хочу! Вот такие вещи я просто обожаю - сочетание прекрасного и наивного с

мерзким и гадостным, в равных долях! Это завораживает, ведь и то и другое действует одинаково сильно - прекрасное восхищает, противное - отторгает. Но оторвать взгляд нельзя ни от того, ни от другого! На стыке этих двух сущностей - Прекрасного и Гадкого возникает разрывающее чувство, бежать прочь, или восхищаться? И это так... волшебное!

Как Ветер... Как ТорК-и-Жанна... вот и всё, что я люблю.

Что было потом? Ничего. Развесёленькое ничего.

Не выдержав перманентного напряжения, неожиданно подломилась и рухнула вся моя нервная система. А доконали наркотики. Очередная порция коктейля «Водка-циклодол» перебила мне ноги, и я полетела ко всем чертям собачьим... а приземлилась в «спец-санатории» (ну, это так называется, чтоб не пугать), некое загородное заведение, где за деньги приводят в себя. Семь недель закрытого существования, во время которого меня не было нигде. Даже в дневнике. Время это безжалостно выброшено безо всяких оговорок. Сожрано чёрными собаками времени, скормлено червям, и долбаным глюкам. Стёрто в прах...

Резюме: спасибо тебе, Ветер, за всё, что ты из меня сделал. Спасибо и тебе, Дикая Дика, за то что и ты из меня сделала! **А Я Настоящая** ведь ни за что и никогда не курила бы травы, и не обжиралась безжалостно циклой до кровавой блевотины. Если бы не ты, Дикая Дика... если бы не Я...

Дерьмовое времечко! Короче говоря, дабы не распаляться: из-за моего долгого отсутствия в параллельных мирах глюков и нарко-ветро-мании, меня вышвырнула моя группа. Просто и безыскусно. Им же репетовать надо, а меня нет, оно и понятно... Но от этого не менее обидно.

По возвращении домой – срочно за комп, в интер-паутину, что там к чему без меня! Влезла на сайт «Трихопола» - переехал! Прошла по ссылке, дрожа от дурноты - а там уже и новость: «Дикая Дика покинула группу по причине неразрешимых разногласий. Мы

благодарим экс-вторую вокалистку за все пережитые вместе радости и траблы, и прощаемся с ней навсегда». И к тому же, они название вернули, «Чашка Похоти». ЧЧЧЁРТ!!! Теперь от меня там вообще ничего не осталось, кроме старых фоток, и клипца, и те уже перемещены в архив...

Вот дерьмо, что я со своей жизнью понаделала? Где я оказалась? В универе мамуля мне оформила свободное посещение, за дополнительную плату. Можно было не париться больше, что меня выкинут нах, и спокойно реабилитироваться. Пока отходила, решив окончательно завязать с кислятинкой, валялась дома больная, будто переломанная, под видом сложной простуды, и вязала мимоходом свитер с полосинами. Руки слушались плохо, меня поминутно тошнило, тянуло спать и жрать. Но я не сдавалась, двигала крючком по ниточкам, и вывязывала, вывязывала, будто старую боль из себя вытягивала. Полосочка чёрная, полосочка оранжевая, полосочка синяя, полосочка красная, зеленая... наверняка получится разноцветно-нелепая жуть. Как душа моя. Крючок направо, крючок налево - переделывая прошлое в настоящее, из цветных обрывков былого, распустив, вывязывала желаемое, по-новому. И к старому возврата нет... НЕТ!!

Ночью скорчившись от злого одиночества, тихо плакала, слушая раннее ТорКера, одна из тех первых вещей, где ему подпевает Жанна, ещё так тихонько, киса моя...

*Растопчите меня злые бесы,
Заберите меня в дурдом,
Изувечьте меня протезами,
Отправьте меня жить в Содом...
Ведь я не хочу с вами,
Я не хочу с вами,
Я не хочу!
НЕ ХОЧУ!*

*Я не пойду с вами,
Я не пойду с вами,
Я не пойду с вами,
НЕ ПОЙДУ..."*

Перелистывала новости инета - оказалось, у моего целителя – ТорКа на носу Днюха! Надо что-то делать, отметить перед ним, сделать приятное по такому поводу! Выползла на улицу, купила крота, довольно крупного, чёрного бархата. Сама сделала ему ирокез, и сшила футболочку *«Стёкла» - Панкс нот дэд!!»*. Отправила срочным заказом на адрес Ведьмы, чтоб она передала, просто, чтобы выразить своё восхищение. И напомнить о себе Жанне...

С двадцать третьего на двадцать четвертое марта поздравила ТорКера в сайтовой гесте с Днём рождения:

«ТорК пробуждает и движет кровь. Побуждает к действию. Послушаешь – и хочешь жить, что-то делать. Встаешь и идешь куда надо, и знаешь, куда именно надо. Начинаешь понимать, чего хочешь и что делать! Спасибо!!! ☺»

Он ответил, мол, спасибо и тебе, я творю для таких, как ты! Сразу потеплело на душе. Значит, не только он нам, утопающим нужен во спасение, но и мы нужны ему.

Вообще спасалась тем, что бесцельно шарахалась по улицам, разминая больное тело. Мокла под первыми холодными дождями, отогревалась коньяком, жрала витамины пачками, простывала, но не слишком, и просто не обращала внимания на простуду.

Заходила в магазины, мерила что ни попадя, а покупала мало – таскаться с пакетами в лом!

Шла по улице, папа выдал целую пачку денежек, так, «на булавки» (как говорила его бабушка-аристократка). Руки в карманы, настроение какое-то... не такое... делать ничего не хочется, и не делать – тоже. Вот и куда?... Вдруг вижу – парикмахерская. А у меня

как раз половина волос от тоски повылезала. Мама протестовала против стрижки, мол, лучше зайди в салон, к её хорошему мастеру, он вылечит! Как же... Постояла пару минут, и не раздумывая боле, зашла.

- Мне как можно короче! Максимально коротко. Под мальчика.

Убеждать и выспрашивать не стали, кивнули, и принялись за дело. Я сижу и вижу – ма-ма! Какой кошмар... это чё же я творю... аж глаза закрыла, когда мои роскошные пряди на пол полетели. Но это поверху, а на самом деле – сердце поёт! Гори-пропадай!! *«Пусть будет чума над всей землёю»!* Задали пару вопросов относительно длинны чёлки, и пришли к консенсусу, что надо косую на левую сторону, как у трудного подросточка. Получилось... вау! Ультра-коротко, и бонусом новый элегантно-смурый жест отбрасывания чёлки с глаз.

Мама чуть в обморок не грохнулась от такого зрелища! Смотрела так, что провалиться можно – будто я ей делаю непереносимо больно, причём совершенно намеренно! С тоской больной собаки, выбрасываемой на помойку! Сначала только ахнула, и молчала. А к ужину не вынесла муки, и взвыла:

«Ах, да как же так! Да что же ты со своей красотой делаешь? Да зачем же так-то коротко? Ведь какие волосы шикарные, неужели ж не жалко?» Да какие там, к свиньям, шикарные? Уф, я слушать это устала! Потом прикатил папа. И сразу вместо "привет":

– Доча. Это что ещё за очередные больные фантазии? У тебя тиф? Или новая ваша панковская мода?

Я послала его подальше, в рамках дозволенного, и скрылась в своей комнате. Вот ещё – новая мода! Мне на моду забить и наплевать с Эвереста, я делаю только то, что сама пожелаю! Панковская мода, блин! Скажите спасибо, что не ирокез ваще. По панковской моде! А это, кстати, мысль!

На следующий день меня ждал новый виток всхлипываний и обмороков по поводу моей прически: явилась, как всегда Петровна. И эта туда же:

- Ой, батюшки, как пацан!

Делают вид, что никакого санатория не было, чтоль? В прежнем тоне со мной разговаривают. Как в прошлый раз, года полтора тому назад, когда я впервые решилась на подобный шаг. А я себя прежнюю давно уж похоронила, и даже не плакала. И этим жестом доброй воли насчет волос поставила крест на могилу прошлому. Вернее, сожгла его в крематории.

Через пару дней, однако, началось - то башка мерзнет и кажется морда какая-то толстая, то чешется затылок. А потом понравилось. Так приятно взъерошивать против шерсти, пальцы колет. И можно причесывать по-разному, если гелем зализать, и чёлку подкрасить тушью, то с длинными серьгами такая чудная беззащитно-сексуальная шея! Но временами – жаль волос прежних. И спать ложишься, а щеку нечем прикрыть, по привычке... следовало ожидать. В прошлый раз было точно так же! Я ходила неделю недовольная собой, всё жалела потери. Боялась, что срезала часть своей сексуальности и *новый любовник...*

...Но Ветру понравилось. Он увидел меня такой, когда позвонил поздно вечером, и уговорил дрожащим голосом битого ребенка примчаться к нему. Тогда у него случился рецидив одинокого страха, и он ничего не заметил, спасаясь секс-лечением. Потом уж, к вечеру следующего дня только сказал – ты неожиданна и непредсказуема... киса! И лицо при этом у него было как у маленькой одинокой лесбиянки... *девочка моя... Ветер. Я скучаю по тебе. Позвони, пожалуйста, детка, мне сам! Я не знаю, как теперь... я ведь подумываю о том, чтоб забыть тебя. А если ты и сам уже забыл? Позвони и скажи... я тихо жду.*

Достала те фотки, где я со стрижкой. Сравнила с зеркалом – одно лицо! Помолодела на полтора года! Можно уверенно дать семнадцать! Тем я и утешилась. Значит, и правда мне идёт. А к полуночи снова затосковала о локонах...

Ну, так всегда. Обычная Ивана. Раздерганная, несобранная... а в детстве вбивали – главное дисциплина! Хренота ваша дисциплина.

Сейчас одно, завтра другое – какой там порядок! Спонтанность, и ладно.

Но нет, на сегодняшний день разгильдяйство отменяется. Расписания, конечно, я не составляла, но занятия в универе возобновила. Догнала быстро свою группу, все пропуска и долги сдала. Учеба никогда не была для меня траблом.

Одно огорчало – от лечения я поправилась и растяжек на бедрах добавилось. Утешала лишь мысль, что наверняка, если бы я была беднее, и плохо питалась, и не было всяких термо-гелей, то выглядела бы без одежды... жуть!! Как Ленка – сероватая кожа, с какими-то шершавинками на бедрах, руки сухие, зубы кривые, и на тонких ногах начатки целлюлита. Мрак! И как только Ветер после меня с ней может в постель ложиться? Или верно говорят, что мужикам всё равно? Ну не знаю, не знаю! А я – в сравнении, даже при сегодняшнем раскладе - зашибись! Очень хорошо однако, что есть оно всё, деньги эти!

Я завязала волю в узел, села на витаминную диету, и снова стала понемногу танцевать.

И конечно, пела. Много, через себя, с жуткой болью – чтоб лёгкие чистить, ведь вибрации очищают. Харкалась какой-то тягучей слизью, кровью, муторной желчной слюной... Конечно, поначалу звучать получалось вообще никак. Потом просто чудовищно – хрипло, грязно, тихо. Но я заставила себя. Я сама себе должна - не кому-нибудь, идти вперёд. И развиваться, на месте не стоять. Мне совсем не нравится это место, где я сейчас! Твёрдо решила – всё, надо петь!! Группу потеряла – но поразмыслив, решила, что так надо было, чтоб понять наконец - хватит! Все идут куда-то вдаль, а я – в жопу... нет уж. Пора за дело. Жить, раз живешь!!!

Природа оживает, умываясь грязными слезами ледяных дождей со снегом, оттаивает – и я оживу, оттаю.

Перебирала старые записи, в дневнике, и наткнулась на мысль – *«Можно, бухая, проебать время, и все само собой как-то*

сделается... Удобно!» Ну уж нет, сейчас я совершенно сама с собой той не согласна! Надо действовать! Или жизнь вся мимо пролетит к свиньям, и следа не оставит. А бухать просто так, не в веселом процессе неугомонного творчества – скучно! И нелепо. И элементарно губительно. Бухло нужно не для того, чтобы забываться, а для того, чтобы крепче угорать! А наркота не нужна вовсе. Точка!

... А Настя в это время с «Чашкой Похоти» выступили в Экваторе, с «Детьми Смерти» в общем сэйшене, пиздец... завидно!! Надо было бы посмотреть, как оно вообще, но я не пошла, валялась в изоляции. Поразмыслила, когда первый всплеск болезненного психоза самоуничтожения по этому поводу прошел, и пришла к выводам, что и это на пользу – укрепило в желании вылезти из старой шкуры, бросить всю мерзость, заниматься собой, очистить легкие, и петь, петь, петь... Взямась за дело с двойным упорством – сходила к гомеопату, начала курс лечения ядами – ох, и ломало, тошнило и глючило от них! Но быстро отпускало. Кровь больше не шла из носа, изо рта тем более. Война! Не на смерть, а на жизнь! И пела, пела! Связки смыкаются снова как надо, не задыхаюсь, звучит!! Ах, как звучит! Перебираю новые для себя техники, пробую и так и эдак – это улёт! У меня есть шанс! Все шансы мои! К «Чашкам» больше не вернусь, слишком далеко они ушли. Опять же, сами выгнали... Да и нафиг – найду других, менее опытных, чтобы не стрематься на их фоне. И... «ВСЁ БУДЕТ!!» – как сказал ТорК, когда я обрадовано решила-таки напомнить им о себе! Конечно, я ни одним словом не обмолвилась о своём чудовищном падении в грязную яму санатория. Оправдалась тем только, что ненароком попала в группу, слишком профессиональную для меня. Мол, зажималась, немного отставая. Жанна ободрила – у неё тоже было, очень стеснялась петь – это она-то?? Для преодоления себя, пела сначала тихонько, в одиночку пока никто не слышит. Пела везде, даже на улице пока идёт вдоль дороги – и вот! Пожалуйста!

«И ты не бросай, ни в коем случае, и не стесняйся!» – написала она мне. *«Продолжай. Главное, очень громко, и регулярно – каждый день минимум полчаса! А лучше все два»*. С такой-то поддержкой я вмиг воспряла духом, и начала собирать новую группу.

Для начала, чтобы хоть что-то сделать для возвращения в общество, я пошла к Гдетыгдеты домой. Вот ведь не придумала ничего лучше! Там пиндец-картина - сидит лениво развалившись Ветер, и она ему варит суп! Я почувствовала себя лишней, будто выбитой из обоймы, влазящей в чужую мирную семью ненужной стервой. Я терпела, но когда он же ещё позвал меня жрать это!! Я встала и пошла прочь.

- Извини, если моя любовь мешает тебе, но не могу же я заставить себя любить тебя меньше! – задушено прошептала я в дверях, и выскользнула вон, не завязав гадов. Пошли вы оба нахрен!!!

Оказывается, Ветер уверен, что я вообще не умею готовить! А мне просто совершенно незачем. Я гениально варганю пиццу, блины и курицу во всех видах – но зачем? У родителей дома готовит тетя Нюра Петровна, у себя я заказываю готовую еду, или какую-нибудь смесь в пакетах, и варю супчик. А то ещё папин шофер закидывает горячую передачку в термопосуде. И время положенное у других на готовку, я трачу на свою красоту, тоску, секс или учебу.

В тот вечер я дико обкурилась со старым знакомым Пистолетом, которого встретила случайно. И откуда тока он взялся? Я чуть обратно в выгребную яму не свалилась из-за этого! Боже, как мне было плохо в отходняке!!! Впрочем, по закону равновесия - ведь в кумаре я поймала кайф неземной, небывалый! Видимо, это сработал старый наркоманский метод снижения дозы – прочистил кровь, и гуляй как заново. Но раньше никогда от травы так не пёрло! Кровь, видимо сразу была грязнее, чем сейчас, после лечения. Ничего не помню... один лишь угар, ощущение бесконечности и прозрачности

божественной! А вот чего мы там творили, или ничего? Надо бы спросить.

И не возвращаться к этому больше... трава? Чтож, трава ладно, только не цикла! Только не она, проклятая. Я не наркоманка, и становиться ей не буду! Мне это не нужно. А нужно изгнать из себя грязного беса вчерашнего обкура, который даёт о себе знать тошнотой и болью в груди.

Потом только, когда нутро было полностью промыто, я сообразила, что Пистолета знаю ещё с детства. Что главное - по музыкалке, куда я бегала петь, а он барабанить!! Да мне же просто бог его послал! Он – это то, что мне нужно!! Осталось только выяснить, о чём мы бредили в кумаре на двоих, и совратить его на участие в группе! Это ж моя первая ласточка! Да ещё какая жирная – барабанщика попробуй найди, и к тому же профессионала! Наверняка, он где-то играет, но разве я просто так отступлю от нужного мне человека?? Офигительное совпадение! Мой ангел-хранитель, наверняка, премию отхватил, за послание мне Пистолета! Да мы с этим Пистолетом сейчас всех перестреляем!

Радость – Пистолет нигде сейчас не играет, из последней группы вот-вот ушёл, «потому что там одно мудачье самоуверенное собралось!» А другие предложения его не прельщают. А я так красочно и смачно расписала наши общие перспективы, в случае его согласия, что устоять было просто невозможно!

Первым делом, мы вызвонили каждый своих знакомых, но все отнекивались, что и рады бы, но уже заняты по другим проектам. И если будет какая кандидатура, перезвонят непременно! Ага, ясно. Будем делать сами. Для чего с горящими глазами пробежались с Пистом по тусовкам, намеренно выискивая единомышленников.

Быстро нашлась девушка, пишущую свои песни, панк-фолковые, и с экзотическим именем Юлдус, проще Юлька, ещё проще Ю-ю. Мы легко нашли общий язык с ней. Из перехода, куда по моей просьбе её привёл общий знакомый, я утащила её в кафешку, поговорить приватно, обсудить все нюансы. Там мы выпили по паре

пива, она напела кое-что из своего, я подробнее раскрыла свою концепцию панк-рока. Так навскидку, наши взгляды совпадали. В особый восторг Юлдус привело моё знакомство Торком и Моуле, она тоже была на "Стеклянной" хате-квартирнике, оказывается, помнит меня, и даже позже нашла на фотках на фоне нас с Жанной в обнимку. И на сайте тоже есть она, скромно стоящая с краешку общей фотки, под которой вывешены благодарности всем участникам такого душевного и милого квартирничка.

- Эй, Дика, смотри чё написано – «Собери 12 Хэ»!

Юлька указала горлышком бутылки мне за спину куда-то. Обернувшись, я увидела небезызвестный плакат с рекламной акцией популярного напитка "Собери 12 Х" (умножить, то бишь!), и крышечки красные под этой фразой. Да уж, довольно скользко, просчитались чуваки со своей арифметикой!

- Да запросто! - пожала я плечами: - Чё, долго что ль, умеючи?

Поржали, скурили по сигаретке.

- Всё, Юлдус, хватит сидеть. Пошли двенадцать хэ собирать! - сказала я учительским тоном, решительно поднимаясь.

- И пойдём! – вскочила она, с комичной деловитостью. Я поняла – есть контакт! Сыграемся!

Ещё Юлька пожаловалась, что тупо бухать – скучно! Это не панк-рок, и даже просто прогуляться по улице – и то не с кем!

Я тоже давно устала от этого всего. Да и не понимают они нихрена, чем не поделись – всё типа выёбываешься. Выросла я из них! Дело надо делать! Нормальное, осмысленное, взрослое дело. А реальный, идейный панк-рок – это как раз и есть взрослое дело! Самое что ни на есть!

- Короче, все мы тут люди серьёзные, - открыла первое собрание группы на моей квартире Юлька, - и я так понимаю, развозить пизду по кочкам мы долго не будем, а сразу начнём готовить реальную программу, пусть пока и акустическую!

- О, думаешь? - удивилась я.

- Ещё как думаю! - она открыла баттл мадеры: - Вот сейчас за это выпьем, чтоб всё удачно пошло, и начнём!

- Репетнём раз несколько, ну думаю, недели три-четыре - за глаза, и квартирничек организуем, акустический!

- Ух ты... - я отхлебнула "красной радости", с восторгом глядя на подругу. Неужели так сразу? Круто!

- Я думаю, это станет реальной проверкой уровня нашей потенциальности, как примет народ!

- Ну не знаю-не знаю! - тут же возник Пистолет: - Ведь всяко-разно, что придут одни только друзья ваши, а они же не скажут ни за что, если лажа, или говно ничего не стоящее!

- Ах, ты думаешь, вообще возможно, что мы говно ничего не стоящее играть и петь собрались? - сузила глаза Ю-ю. Чтож, первая конфронтация на первой репетиции, нормальный процесс!

- Вообще-то, у нас опыт уже кое-какой имеется, если что! - сказала и я своё слово: - И вообще, если ты думаешь, мы хуёво играть будем, так чего же согласился?

- Да чё вы так сразу-то насели, бабы! - поднял он руки примирительно: - Я же не о том, а просто, не рано ли так сразу квартирник? Ещё бы сыгратся сначала, Ю, и всё такое!

- Не-не, реально, чё ссать! - похоже, Юлька решила чётко! - Играть умеем, песни все мои старые возьмём, Дика споёт, хата есть - да ведь, Дик?

- Ну, стопудов! Не трабл, главное, реально отрепить!

- Ну, видишь, Пистолетик, и Дика согласна!

- Оно, конечно, круто... - задумался Пистолет.

- Чего это, йоу! - толкнула я его плечом: - Не тормози, сникерсни!

- Ну, всё, чуваки, погнали! - Ю-ю развернула чехол, доставая гитару: - Сейчас я вам по-первой спою чё-нибудь, примерную программу!

Вот так и замутили мы с Юльчиком "акустику" у меня на хате. Пистолет всё так и ждал реального электрического состава, да он

собственно и не в тему пришёлся бы на таком крошечном пространстве. И потому я сама отбивая ритм, тамбуринила. А тамбурин у меня такой офигительный – с серебряными пластиночками, красный и с шаманскими пёрышками на шнурочке. Когда им стучишь, они колыхаются, чудо! Не будь я вокалистка, так наверное, только в него бы и стучала! Мне его Юлькина сестра-шаманка подарила, сказав, что это он сам попросился ко мне! Во как! А Юлдус играла на акустической гитаре, конечно.

Реповали мы три недели, практически каждый день. Заранее, на свой страх и риск (а вдруг обломается?) в самом начале репетов по основным точкам раскидали флаеров, и так народ зазывали по тусам, знакомых всех, расписывая лучшими словами, и прося непременно привести с собой своих знакомых. Назвались мы для начала "Дикая Ю-ю". Дурацко, наверное, но никого почти это не удивило. Вот и слава богу, значит, нормально всё!

Конечно, в сам Судный день нервничали страшно! Более всего, по поводу "а вдруг нихрена никто не придёт, кому это надо вообще..." Потом раскурились, запили пивом, и стало наплевать - а не надо никому, так сами себе сыграем, похуй! Но народу неожиданно набралось человек двадцать пять - тридцать! Ого, это была победа! И пели мы как боги, сами утопали в своих голосах! Будто не для кого, закрыв глаза и в пустоту. И так хорошо, так волнительно и жарко от этого!

Народ, тот, что Юлдускин, подпевал её старые песни, раскачиваясь в такт, просил ещё. А уж когда кто-то раскупорил бутылочку, то стало совсем интересненько! Под конец у меня даже автографы просили, и фоткались, как с какой-нибудь звездой!

Удачное, однако, начало! Теперь со всем основанием решили потихоньку искать басиста и второго гитариста. И новый материал у Юльки забойный! Такой в духе "чистого панка", с некоторыми неожиданными, но очень гармоничными всплесками этники. С одной стороны, вроде и похоже на "Тёплую трассу", а с другой и на "Шмелей", за счёт женского вокала, а с третьей

угадываются вдруг "Стёкла", но в итоге это что-то своё, ни под кого не косящее! То, что надо, в общем. Записывали эти дела потихоньку на комп. У меня появилось серьёзное занятие. Ветер отошёл на самый закулисный план – я предпочитала его не вспоминать. Хотя, он-то как раз басыла тот ещё... И пришлось-таки вспомнить! Пошла уговаривать подыграть нам – а что, музыка лечит! Может, и он перестанет в глюках плавать, когда всерьёз с нами замутит. Самое стрёмное – я всё ещё надеялась, что начав проводить со мной больше времени, он бросит Гдеты окончательно... она-то вообще ни на что в музыке не годится, так что подмазаться ей к нам – ни с какого краю.

Мы так давно не виделись... просто, по умолчанию, не виделись и всё. Какой он стал?.. Мне пришлось напиться предварительно, пореветь, ещё напиться, отрезветь, и только потом идти к нему.

Настроена я была жуть как решительно-ершительно. Я точно знала, что он будет ныть, ругаться и отмазываться. Заглотив литр пива, и ещё половину просто вылив – от волнения не в силах была допить – пошла к нему. Без звонка. Просто на удачу. Если он дома – поговорим. И я добьюсь своего. Но спать с ним сегодня не буду... а если не дома – просто больше не пойду! Нахрен...

Дома... ой, мама...

И очень даже я с ним переспала...

И он вовсе не нудел и не отмазывался – ни от меня ни от музыки! Выслушал очень внимательно, и моментально согласился! Вот ведь чёртова непредсказуемость! Достал уже основательно запыленный свой бас, со мной сгонял в рок-магазин «Саунд», купил струны новые. Глаза его горели, он очень оживился от этой идеи. Вот как!

Юльдуська новому басисту была дико рада, и мы сразу всерьёз взялись за дело! Серьезнее нас ещё поищи! Ветер смеялся, был взбудоражен, подсказывал нам ходы и ноты, они спорили с Ю-ю о чем-то своём, музыкантском, мне как вокалеру не понять, но жутко интересно! Не спали ночами, я сдала сессию кое-как, нахрен. Писались постоянно, и отслушивали потом, что не так. Поселились

практически у меня все трое, мама денег регулярно переводила на карточку, приходила иногда – как мы тут? А мы светились все, измученные процессом! Боже, я просто летала! И глядя на Ветра можно было забыть, что он маньяк, если только музыкальный! Ни одного приступа ни у него ни тем более у меня! Мы все ушли с головой туда, откуда не возвращаются – в музыку! И за три недели такой материальчик отбабахали! Взяли в руки готовый, сведенный диск, и... поняли, что надо как-то подписать, А НАЗВАНИЯ-ТО И НЕТ!!! Первое, что пришло в голову, это вариант ТорКа «Изгое небо» - он хотел так сначала группу назвать, когда с Жанной тока познакомился. Но ведь не использовал, а название хорошее, и мы решили взять его себе. Я конечно, сказала, что сначала надо бы автора спросить. Но была уверена, что он согласится! Спросила по аське – он разрешил. Вот и прекрасно! Утверждаем!

А Ленка и вправду отпала сама собой... приходила, мудилась чего-то, но её не пускали особо. И Ветер был с ней холоден и скучен, и в итоге вообще попросил уйти и не возвращаться... мол, всё, засохло, извиняй! А-а, блин, я испытала триумф!!! И он остался моим.

Я ведь ещё и с предками поделилась радостью своей, ну не дура ли? Прыгаю от счастья, руками размахиваю – я, мол, скоро вся в панк-рок ударюсь, тем и буду жить! А мама смотрит и хмурится, сопит, ничего не отвечает! Я её тормозить в запале – так чего же ты думаешь, родная? Тут мне и дали по башке. Оказывается, я полное фуфло выбрала себе в качестве дороги жизни, и вообще мама дико против музыки такой, аж в слёзы:

– Я знаю, к чему это приводит!

Ни хрена ж себе! А много ли ты знаешь панков, да ещё и старых, мама? Кого, куда и что приводит обычно?

Только горько разозлилась на неё, родную мою, заботливую, и хлопнув дверью, ушла встречать Ветра с работы.

Блин, так нельзя жить! А придётся. Если хочу быть сама собой, то вердикт один: Fuck them all!!!

Когда уже третий раз реповали, припёрся какой-то левый народ, и незнакомый чел напрашивается в манагеры. На эту тему можно потом, по-трезвости подумать, конечно. Но вообще мы ведь не собирались никого звать! Реповать надо, блин, толком! Выгнать бы их, но уж ладно – у них было с собой кое-что. В лёгкую курнули халявного гашиша, запили водкой... Меня распёрло, я вся изломалась, испозировалась, показала грудь. Упав на четвереньки подползла к Ветру, и поцеловала его. У всех – ТАКИЕШАРЫ! Будто никогда ничегошеньки подобного не видели! Тоже мне, аморалы-панки! Ещё-ещё-ещё...

После этого, на эмоциях зверского отходняка, приключился такой **ГЛЮК**:

На людях, вырядившись готами, Он ведет Её на ошейнике. Как господин рабыню. Она поцеловала ему руку, и все охренели. Хоть и не показали этого. *Ветер весь размалеванный, как гей. Я, на поводке, тени под глазами, взгляд голодного опасного зверя, прирученного лишь Им...*

Красиво!

Моя убежденность, что главнейший из пунктов в любом деле - это воля и упертость, оправдали себя на триста тонн! Я заставляла своих "Изгоев" реповать день и ночь, а когда Ю-ю не могла, тащила к себе на хату Ветра, и пела под его гитару до потери сознания. Благодаря этому по весне вышли уже на реальную площадку – выступили в парке на Горсе. Созвали всех кого знаем, те привели своих - день выходной, а тут халявное развлечение и пиво за мой счет. Да, я все это осознаю, но вердикт мой один: Охрененнейше!!! Хоть и без микрофонов – орать ещё так пришлось! С двумя лишь акустиками, но у Ветра настроена низко, под бас. Ритм отстукивала

я на излюбленном своём тамбурине, сидя на краю, и ногами. Девять песен основной программы, а после оправдались наши наглые надежды, что нас попросят исполнить ещё и специально для этого заготовленный бонус - плюс четыре свои песняги, и два Шмелёвских кавера. Но и это было не всё - угар тащил всех дальше, и мы пели "НесПи". Пока Ветер не поднял вверх ладони, и сказал - все, народ, хватит, пива хотим! Ох, как это было! До сих пор дыхание сводит от жгучего вкуса сцены! Трещинки на губах саднит, когда улыбаюсь, и сразу напоминают пережитое - я торопливо облизывала сохнувшие от волненья губы, когда ПЕЛА, для реальных зрителей, пришедших посмотреть и послушать МОЮ группу! ААА!!!

Тогда уже появилась уверенность, что всё нормально у нас, и пора думать о записи, и раскрутке. Тут я вспомнила о Вике. Вот ведь – продюсер! Да мы ещё отымеем этих «Чашек», во все дырки!! Да кто они такие, и кто мы! Я с ТорКом дружу! А он со Шмелями, и вообще с кем угодно! Нам и карты в руки!

Начала Викулю караулить, она всё где-то моталась, но я полна решимости! Вот тока найду её. У нас ведь и материал весь оцифрован, звук профессиональный совершенно!

Дневник:

Бросил ее, мы вдвоем теперь... Боже, Боже, давай забудем, что она вообще была! Выкинь ее из моей головы!!

Ты тоже думаешь, что мы идем к пропасти вдвоем, ошибочно стремясь принять падение за полет? Убить друг-друга, и что тогда? Просто два ненормальных, психа дали волю зверской фантазии, и сами себя изломали? Умри мы, и что тогда? Что? Я не знаю ответа. Нет, знаю, конечно. Но он настолько мне не нравится, что я предпочту не знать его! Мерзкие, поганые кошмары вижу я в душе своей, и мне противно носить их в себе. Но что же буду я без них? Даже депрессию лечить не хочу, я с ней сроднилась. Не представляю, кто я без своих страхов, заёбов и

тоски. Тоска - вот слово номер раз для меня. Сначала светит солнце, сияющее именем Ветер, потом сидит и греется в его лучах Тоска. Беспокойная тварь, неймется ей! Пишет кровью сердца - "Ветер, Ветер, Ветер..." бесконечное множество раз. Перебирает четки, где каждое звено - момент наших отношений. Слова, слова... всё лишь слова. Слова и музыка. Музыка, чокнутая девка. Ах, как тянет унижаться! Падать на дно, где ты поймаешь, не дав долететь трёх сантиметров, и упасть на камни. Тебе не страшно унижать и возвышать. С тобой я обретаю сладкую свободу быть собой. Мерзкой и прекрасной. Чудовищем и красавицей. И ты не уйдешь от меня. Никуда. Нам незачем искать чего-то на стороне, ведь чего не найдется во вселенной? Открой замки души, и достанешь на свет все, что только можно вообразить. В нас есть совершенно всё. И никто другой нам такого никогда в себе не найдет, из того, что мы находим друг в друге. Сколько тайн, непостижимых, зверских и маленьких мы уже друг другу открыли, а ведь это даже не половина.

"Смотри, он ведь в любой момент убить может!" – это мама прознала, что я сейчас с тобой... глаза твои не понравились, и грубые шрамы на руках, нечаянно замеченные. "Он не самый страшный человек в мире! А если кто-то еще хуже? - "Тогда еще раз поговорим!" Х-м, ну что ж, поговорим! Только тогда, когда будет поздно. Все, что есть у меня сейчас - это панк-рок и ТЫ. И чтобы это было, чтобы мне быть собой, я пережила немало. Скандалы, трагедии, мучения. Обиды и слезы. Непонимание. И снова, снова иду той же дорогой - скандалы, обиды... предостережения. Нет уж, плевать, не мыслю себя без тебя. Не хочу. Но... не умереть же мне? И не жить же ради того, чтобы им было удобно и приятно - вот, дочурка за приличным человеком, и никто ее не убьет!

Но я ведь не одна такая! У меня есть отличнейший пример, поддержка! Это, конечно, Жанна, которая живёт с известнейшим своей аморальностью и шокирующими выпадами ТорКа.

Вот что она сказала в одном из своих самых ярких, на мой взгляд, интервью:

- *Как вы уживаетесь вместе, две безумные творческие личности?*

- *ТорК совершенен. Его недостатки, слабости и извращенность – лишь часть его совершенства...*

Вот ведь как! Вот в чём секрет её счастья... её всё радует в нём. А я-то этого не могу сказать о Ветре... я многое хотела бы переделать! Одна эта его загруженность постоянная, эта страшная непредсказуемость... а реальная опасность! Бывает, что я всерьез его боюсь, памятуя, что он псих. И он не дает забыть об этом! Пинцет... если б мне быть такой смелой и отчаянной, как Она... Или я сама себе противоречу? Запуталась совершенно, ещё думать и думать, как жить дальше. Хорошо ли мне с ним, или...?

BDSM в счастливый период.

На выходные договорились встретиться у Ветра на работе, у него в подсобке. Он открыл своим ключом, охрана на другом конце ходит, помещения огромнейшие. А здесь с заднего двора никто не зайдет – проверено! Я надела простенькое серое платье с заплатками – специально целую неделю выискивала по бутикам и секонд-хэндам. Нашла в «Манго». Ветер не подвел – предстал в модной куртке «милитари» и военных гадах, широкий тяжелый ремень на штанах, перчатки лайковые с металлическими застёжками... Жуткая смесь сексуального фашиста и кубинского революционера. Уже страшно, прохладная змейка скользнула за шиворот, так азартно. Волосы собраны, тщательно выбрит, и только тонкие тёмные полосочки на щеках и подбородке, подчеркивающие строгую складку у губ... Даже лицо подкрасил, очень аккуратно, я едва заметила отблеск бледной пудры на переносице. Оно такое

холодное и угловатое от этого... боже, и это всё для меня! Чтобы истязать и любить меня... ах... страшно. Чудно. Как в ледяную воду... Подошел сзади, застегнул замочек цепи на руках, тонкой и прочной, как наша связь. Подергал, проверяя не туго ли.

- В самый раз, - прошептала я, еле слышно. Он, кажется, кивнул. *Игра начата... Достал связку ключей – размеренно и спокойно. Я закрыла глаза, не в силах ждать. Раз, два три – дверь наконец открыта:*

- Входите, арестованная!

Я замерла на секунду у порога, как укушенная, но легкий толчок в спину – и я внутри... Опустила глаза, вживаясь в образ мученицы. Будет больно, я знаю. Будет вкусно.

Усадил меня на железный стул. На стол бросил презрительно «Личное дело», распечатанное на принтере у меня же дома. Нет, не то, это страшные бумажки, следствия по моему преступлению, которое я не совершала... или совершала? Ладно, сейчас начнется «допрос», на ходу подумаю, как круче – я жертва невиновная, или наоборот, лучше пострадать за «родину, за партию»?

Я сижу, со страхом чуть вздрагивая от шуршания страниц. Мой палач перелистывает дело. Он сухо и грубо разговаривает со мной, иногда бросая презрительный взгляд. Закуривает, (чего вдруг? Он же не курит? Для спектакля?).

Встал, подошёл ко мне стремительно, ударил по лицу перчаткой. Я вскрикнула жалко – так хочется попросить остановиться, назвать его Ветром... но нет, я терплю, и буду терпеть! Самое главное – не сломать игру. Схватив за волосы – с долей заботы, чтоб смягчить боль, и наклонил лицом к "делу":

- Читай! – почти кричит. – Тут всё четко прописано, ты причастна к этому делу!

- Грязная партизанская сучка! – уронил он сквозь зубы. Вдруг, схватил меня, повернул лицом к себе, и грубо задрал мне платице, полез в трусики... я моментально вся разгорелась, но памятуя о роли, подалась назад, сжимая колени (впрочем, не сильно):

- Господин офицер, не надо.... Умоляю...

Колени раздвинуты, жадные пальцы блуждают в горячем местечке где вздумается.

- Да ты же вся течешь, шлюха русская! - радостно восклицает офицер, извлекая влажные пальцы, и помахивая ими перед моим лицом.

- Ну-ка, облизжи!

Я сопротивляюсь, жалко попискивая. Он хватается за подбородок, и вынуждает меня сделать это.

- Хочешь, чтоб я тебе все зубы повыбил? Блядь...

Увлечись, заставляет перелизывать ему все пальцы, тяжело вздыхая – его это сильно заводит. Достает член, и водит им по лицу, легонько бьет по щекам. Я отворачиваюсь, плотно сжимая губы. За что получаю еще пощечинку перчаткой:

- Открой рот! – совершенно ледяной тон жестокого чудовища.

Я мотаю головой, едва не в истерике.

- Открой рот, я сказал! - прикрикивает он, и схватив за лицо, пальцами открывает мне рот, положив большой палец, между зубами, как опытный насильник, чтоб не укусила. Ветер знает, что не буду, но офицер-то нет! Жадно дергаясь, буквально насилует меня в рот, отчего меня тошнит, и я с трудом сдерживаю спазмы, чтоб не облежаться. Мне неприятно совершенно, трудно терпеть, но игра есть игра!

- Языком работай, сучонка! – шипит он, слегка наклонившись.

Унижение весьма реально... моя задача терпеть – Ветру хорошо это, а я свое возьму потом, когда насилие дойдет до кульминации. Напрягшись, и приостановившись говорит:

- Глотай до последней капли, щель! – и губы его дрожат от кайфа. – Хоть одну уронишь, я тебя накажу, поняла?

Я киваю, как могу. Я выдержу...

Горячая сперма стекает в горло, и я захлебываюсь ей. Дышать невозможно, сознание удерживается с трудом. Но удастся сглотнуть, хотя я чувствую, что она вся не помещается в мой

бедный рот, и стекает с уголков губ... мне конец. Наконец это прекращается, и я опускаю голову, чтоб слизать то, что пролилось на губы. Пока истязатель обтирает член платком, и рассматривает его зачем-то, большой и всё ещё напряженный.

- Ну-ка, подними голову, жалкая мерзавка!

Я повинуюсь. Глаза его горят, он доволен. Но на уме этого человека ещё немало всяческих идей, я-то знаю. Стараюсь придать лицу испуганное и замученное выражение. Трахаться уде совсем не хочется, оставил бы в покое на несколько минут... но нет, пожалуй, тогда я бы совсем уж остыла. Ай, да я уже сама не знаю, чего хочу! Пусть он решает, все он, Господин Офицер!

Встает передо мной, гордый и прямой, не запрятав достоинство в штаны.

- А теперь скажи, русиш хундэ, тебе понравилось?

Я слабо киваю. Ведь если я откажусь, он убьет меня...

- Как тебе понравилось?

- Сильно... господин офицер...

- Что? – наклоняется он ко мне: - Громче!

- Мне очень сильно понравилось, господин офицер! – старательно повышаю я голос: - Он очень большой, ваш хуй! – «совсем наглею» я.

- Да, и он едва не разорвал тебе глотку, да щель?

- Да, господин офицер! - киваю я.

- А на вкус, как это? Лучшие чем у ваших вонючих партизанских свиней?

- Я не знаю, господин офицер... - шепчу я жалко, опуская голову: – Я девственница...

- Что ты всё шепчешь, жалкая щель? – бросает презрительно Офицер: - Громче, я не слышу! – и поднимает мне лицо вверх. Я, будто страшась смотреть на него, отвожусь старательно глаза, и повторяю громче:

- Я девственница... господин офицер... пожалейте меня!

- Врёшь! – расширяются его голодные зрачки, когда я осмеливаюсь робко взглянуть на него. Он все еще держит меня за лицо. Руки, блин, неудобно затекли, я на них опираюсь спиной. Ну и пох, самый крутой момент наступает! Я прям тащусь от того, как красиво я играю! Как ладно у нас всё идет! И вот сейчас, наконец сейчас... он меня трахнет, выебет грубо, грязно, гадко, и восхитительно! Я вся потекла от этих ожиданий!

- А вот это ты врешь! - заглядывает он мне в глазенки маленькой партизанской щели.

- Так сосёшь, и целка? Начинает снова расстегивать широкий и злой ремень. Ага, вот... ну же!

Хватает меня, ставит на ноги, поворачивает лицом столу, и нагибает грубо животом на столешницу. Я сопротивляюсь, всхлипываю, дрожу. Он бормочет что-то, шлепает меня жестко. Я вскрикиваю, умоляю меня отпустить.

- Вот я сейчас проверю, какая ты у нас целочка! – довольно говорит он, и злой ожог ремня по попе заставляет меня сильно вздрогнуть. Я всхлипываю, сжав зубы, и пытаюсь вывернуться, но прижимает рукой между лопаток, и шлепает снова. Потом проводит членом по горящим ягодицам.

- Шикарная жопа, сучка! – зло бросает он, и засовывает пальцы в меня. Я вся поджимаюсь. Он трахает меня пальцами в попу. Не больно, но хочется больше... вынув пальцы, щекочет ремнем между ног, в горячей щели. Ну, трахни же меня, Ветер, - беззвучно шепчу я. Терпеть уж сил просто нет! Он чувствует, и изводит меня беспощадно - лижет мне клитор, я вся дрожу и вздыхаю.

- Сладенькая маленькая партизанская сучонка! – шепчет он, и наконец входит в меня грубо, сильно! Начинает жестко двигаться во мне. Я кричу, и «плачу», изображая потерю девственности. Он трахает еще грубее, я дико кайфую, но роли своей не забываю, продолжая дрожать. А он выходит, и довольно говорит:

- Смотри-ка, а не обманула, щель! Ты и правда целка... была!

- Гордись, дрянь, что первым и последним мужчиной в твоей поганой жизни был офицер Третьего Рейха!

Я думаю недовольно – это что, всё? Но ведь он даже не кончил в этот раз... и в следующий миг вскрикиваю от неожиданной легкой боли - он хватает меня за ягодицы и входит в попу! Движения грубы и жестоки, беспощадный оргазм следует за оргазмом... я изнемогаю...

- О, господин... господин мой офицер... - жалко шепчу я с перерывами: - как же... хо... хорошо...

Обратно мы шли не разговаривая, и обнимаясь как подростки. И у меня ничего не болело, как не странно. Душа успокоилась и лежала тихо, подремывая. Ветер курил, и смотрел по сторонам рассеяно. Вроде, тоже был доволен. Какие же мы, всё-таки...

На следующий день на репу мы пошли вместе. Я была совершенно счастлива! Даже просто идти с ним под руку было офигительным кайфом, зная и чувствуя – мой! Весь мой! И ни с какой чёртовой недоделанной уродиной Гдетыгдеты делиться больше не надо!!!

И напоённая этим безумным чувством полноправного владения Ветром – моим! – я для очередной распевки предложила «Организм» «Шмелей»:

Мы с тобою всегда – ты и я,

Даже если будет больно!

Если долг, невероятно,

Я приду к тебе невольно!

ОР-ГА-НИЗМ, ТВОЙ ОР-ГА-НИЗМ,

КРА-СА МИРА ТВОЙ ОР-ГА-НИЗМ!

Мы пели вдвоём, обнявшись, и безумно целуясь в проигрышах,
мы – вместе!!

Мы с тобою и слов не надо,

Заплету тебя мечтою,

*Ты спасенье, ты награда,
В цепь любви тебя закрою!
ОР-ГА-НИЗМ, ТВОЙ ОР-ГА-НИЗМ,
КРА-СА МИРА ТВОЙ ОР-ГА-НИЗМ!*

Как нам было хорошо! Все дни и ночи слились в одну бурю, ураган, и уносили нас всё дальше и дальше! Ветер – мой! Всё слилось в один огромный праздник, и я угорала, угорала пока могла! Надеюсь, веря, что так теперь и будет ВСЕГДА. Что я никому его не отдам больше никогда!

Для кого-то любовь - тягость и долгий компромисс, а для меня она оказалась свобода и исполнение всех желаний! Ветер был просто идеален - заботлив, нежен, осторожен, откровенен, и чист. Он старался делать для меня всё, что бы я не пожелала, будто извиняясь за прошлое. Я летала в облаках счастья, благословляя каждую секунду жизни! И сама жизнь отвечала мне, будто вторя за Ветром исполнением сладких снов! Одно из таких сновидений наяву - мы гоним в Оренбург, на «клубник» «Стёкол», всей группой!!! Мы с Ветром! Поверить не могу, я и он, вместе, у сцены, на которой танцует Жанна, и валяется в угаре ТорК! ААА, кого благодарить за это?

Ощущение сладкого сна, безудержной, безумной сказки не покидало меня ни в поезде, где мы превесело нажирались коктейлями и коньяком, ни на зареванной дождями серой площадке у ДК чужого города. А в самом клубе это волшебное чувство полета ещё ярче разгорелось, и я со всех ног потащила любимого поближе к сцене, невзирая ни на что, распихивая локтями и коленями препятствующих. А душа моя летела за мной над толпой, как цветной воздушный шарик на веревочке...

Они были пунктуальны, и вышли сразу, как только народ начал основательно припираться к сцене - значит, зал полон.

- УАУ!!! - завизжала я, повисая на любимом, и мы вместе заорали:

- ЖАННААА!!!

Она сделала реверанс, и поклонилась. Ах, какая киса! Наша, теперь наша общая с Ветром, а не только моя! Я готова была разорваться на два куска, и один отдать Жанне, а другой оставить Ветру, чтобы быть и его и её! Обожаю их...

- Танцы до небaaaa!!! - орали мы с Ветром, наглядно показывая, как это. О да, колбасились дико! Ужасно приятно было знать к тому же, что и команда моя вся где-то здесь, и после мы все вместе пойдем бухать... Но нет, не надо про после, а только здесь и сейчас! Они прекрасны, до слёз хороши мои настоящие мгновенья! И Ветер обнимает меня за живот, просунув руки под одежду... А мне так жарко, я задыхаюсь от духоты, а больше от счастья! В порыве безумства снимаю через голову черную тельняшку, пропитанную потом, и кидаю на край сцены - пропадёт так пропадёт, наплевать!

- Пойдем! - ору Ветру в ухо.

- Куда, ты что? - не отрывая взора от Жанны, удивлённо отвечает он.

- Нет, пойдём-пойдём! - и я увлекаю его несколько в сторону из общей жуткой толкотни. Мне пришла жгучая мысль, я хочу немедленно её осуществить!

- Что ты, зачем? - недоуменно смотрел Ветер, как я расстегиваю его джинсы, прижимаясь спиной к краю сцены, там, где народу не так много.

- А ты разве не хочешь? - смотрю в его лицо снизу вверх, но он не отводит жадных глаз от богини.

- Да ты что... - говорит он, но не сопротивляется. Чтож, я все сделаю сама!

И это очень круто... Живой звук сметает все преграды, растопляет стыд и недозволенное оборачивает дозволенным... В голове летают цветные обрывки, и губы до крови зубами... о, черт, как же круто!

- Вот на сегодня и всё! - возвестил ТорК, подняв вверх ладонь.

- Да, точно! - улыбнулась я, целуя Ветра.

Зал взорвался рёвом и свистом:

- ЕЩЁ!!!

Мы, конечно же, присоединились! А он всё так же смотрел на Жанну, и я засомневалась - а со мной ли он сейчас был? Но встряхнулась - да бог с ним, спасибо надо сказать ей, раз так его возбудила, что он не смог мне отказать в моей внезапной вспышке! Да главное, что менты не согнали - подсказал услужливый циничный разум.

- Нет, ребят, у меня голос сел уже! - мягко сказала Жанна, но кто-то заорал:

- Тогда сыграйте просто, мы сами споём!

- Сыграть? - переспросил ТорКер у зала, и посмотрел на жену.

- А что сыграть-то? - спросила она с улыбкой, берясь за тамбурин.

- "Естество"!!! - заорали мы с Ветром, и Жанна наклонилась к нам:

- Нет, ребят, я слов не помню! - пожала богиня плечами, а её муж спросил:

- А аккорды знает кто-нибудь?

- Так ведь ты знаешь? - заорала я в уши Ветру, он поморщился:

- Не, я не полезу!

- Но почему? - орала я, дергая его: - Давай!

- А пусть нам Дика споёт! - сказала Жанна, подмигивая мне.

- Я?!! - возопило всё моё существо, залезая уже на сцену.

- Ну, давай! - умоляюще протянула я руки к Ветру.

- Ладно!

И одним прыжком запрыгнул к нам, солнышко!

Орали мы как дурные, нечего сказать! Но похрену, главное, мы с НИМИ на одной сцене! Да, ещё мечтой меньше стало, одна из них воплотилась! Нет конца снам, они перетекают один в другой! И я тону...

Допели, и собрались уже спрыгивать, но Жанна тронула за плечо:

- Иванк, щас не уходите далеко, мы с народом пообщаемся, и вместе пойдём!

- Ладно! - кивнула я, не совсем, правда, вкуривая - это она что, *нас с собой бухать* зовет?..

Да, так оно и было! И после фото-автограф сессии мы всей группой пили с НИМИ за кулисами, в качестве "афтэпати". Угарные ребята, кстати, в команде у них играют, я ведь раньше как-то не обращала внимание на других членов проекта! Но жаль, что с самими богами практически не общались, лишь так, слегка, типа "всё нормально у вас? – всё нормально! Живём!» Немного жаль, что пьяные и занятые всеми звезды не так-то много времени на нас имеют! Пообнимались с Жанной – и то хорошо! Еще вручили им наш диск, намекнув, что это на тот случай, если они вдруг сочтут наши каляки-баляки достойными того, чтоб поспособствовать... Жанна сказала мне на прощание – давай, по мылу дальше! ААА, КРУТО!!!!

Ночевать вписались у Клио – «ответный визит», так сказать. Не могли спать, и орали под гитару и вечный мой шаманский тамбурин все песни подряд, какие могли вспомнить туманной головой. Уже утром завалились в уголок, и занимались любовью как животные, а Клио тихонько сопела на диване, и если не спала, то делала вид, чтобы нам не мешать.

Обратно ехали, опять же, бандой диких клоунов - жутко пьяные, счастливые, разукрашенные. Нам совсем сорвало башни, мы орали и носились по вагону, натыкаясь на разъярённых попутчиков. Нас поливали матом, а мы поливались пивом, и нам было хорошо, хорошо, хорошо...

- Мы ведь теперь всегда-всегда будем вместе? - спрашивала я шепотом, обнимая Его в тамбуре, крепко-крепко.

- Конечно! Ты мой зайчик, - отвечал он, выдыхая сигаретный дым из своих губ прямо мне в рот. Мы целовались так, задерживая дыхание, кислород выгорал в легких мгновенно, и голова кружилась

дико... И даже горький смог, смешанный с его слюной, казался мне сладким... Домой, мы ВМЕСТЕ едем К НАМ домой!

И тут всё пошло вниз... «не может же всё хорошо всегда быть...» - любимое изречение Ветра.

К Ветру вернулись с удвоенной силой, отдохнувши и соскучившись, глюки. Психоз. Пиздец. Ю-ю хотела его выгнать, но я-то без него... как? Конфликт... Боже, опять всё насмарку!!! Я сама уже с ума сойду, если до конца не доведу хоть что-то в своей жизни!! А Юлдус с Ветром рвут меня на части. Мой любимый ушёл из группы, поругавшись с Ю-ю – ей дико надоело ждать его, опаздывающего постоянно, прогуливающего, не попадающего. Она всё ему высказала, и он развернувшись молча смылся. Я попыталась догнать, но Ю-ю смотрела на меня так, что я осталась, где стояла.

Бросить Ю-ю – а музыка? Всё заново? Опять? Да сколько можно, подрезать крылья на взлёте? Разогнавшейся машине по тормозам – авария, люди разбиваются... остаться с ней – а Ветер? О боже... рвали меня, рвали – я металась и маялась. А я ведь не железо! Даже оно ржавеет! Не спать, бегать между трех огней – ещё ведь мама... нервы, перманентный психоз, кто же выдержит?

И я сорвалась.

В очередной раз, после «санатория». Я снова стала курить как ёбнутая, вечно пьяная ходить - потребность в химии забивала бухлом. Так по-пьяни и мечту свою исполнила детскую - выбрила ирокез... Странного сине-фиолетового цвета. Но теперь и он меня не радовал... В пизду всё.

И родителей я просто избегала, ночуя только в своей норе. Маме ничем не показала, что меня опять всю колбасит, и трудно удержать рассудок. Чтоб избежать разборок и лечения, сама покупала и принимала легальные антидепрессанты, витамины и кислородные коктейли, прописанные еще в санатории. Вроде как помогает держаться в себе, не уплывать в *«дальние края далёкие»*. Подумывается моментами, что надо бы сгонять к врачу на контроль, но...

Да, а что делать, когда приходится жить дальше, вот так, оставшись с Ветром, и не бросив Ю-ю – той ведь тоже без понта без меня с кем-то снова сыгрываться, когда так всё гладко! Они теперь на дух один другого не выносят, и каждый шипит - только пожалуйста, без него/неё! Я стараюсь планировать так время встреч по отдельности, чтоб нигде не пересекаться втроём - не дай бог! Вот уж где дисциплина, ого-го, казарма отдыхает! Забудешься на пять минут, очнёшься - ой, давай прощаться! - ага, к этому/этой бежишь? Укоры, попреки... Я терплю, они мне оба нужны!

Но когда удалось обидеть Ветра – о, какой неземной, нечеловеческий кайф! Просто какая-то упоённость! Насквозь проняла счастье вампиров!

Идём мы по улице, вечерет, я пьяна, конечно. Слово за слово, глоток за глотком - и начала потихоньку попрекать Ветра в мужской несостоятельности, мол, ни образования, ни работы, ни герлы приличной, потому что приличная с таким и не свяжется! И всё это, конечно, не напрямую, а только намёками, чтоб если что - да боже упаси, я вовсе не это имела ввиду! Он отвечал что-то, начиная дуться, я смотрю мимо него, ухмыляюсь. Но за руки держимся, и я чувствую, как у него пальцы подрагивают. И ощущаю - не бесится, а именно что раздавлен, значит, можно не бояться расплаты за такие слова! И вот, ладонь вырвал, и замедлив шаг, пошёл позади. Я оглянулась, и меня обдало такой волной горькой обиды от него, что я аж пошатнулась, и застыла на коротенькое мгновение, в невыразимом упоении! Это тебе, милый, за то, что я пережила с тобой рядом, по твоей поганой милости! Всё равно терять-то нечего, и если уж не приобретать, так хоть вернуть ему часть моих терзаний! В любом случае, я не смогу ничего забыть и простить, и быть с ним пока за мной тащится кровавый след прошлых кошмаров. Если такое моё поведение разобьёт наш хрупкий, грёбанный союз – то туда ему и дорога! Хотя бы кусочек урву от своего мучителя напоследок! А так жить – по-любому невозможно.

Я и репу с Юлькой продолбала даже в тот сладкий вампирский вечерок. Она звонила потом, ругалась, вопила, что разве ей одной это надо, и неужели самой басиста нового искать теперь? Я улыбалась сама себе, а Юльку успокаивала, что завтра же начнём самые активные поиски, а в инете я прямо сейчас повешу объяву. Ничего трудного в этом нет!

Чтож, и я оказалась права, найти нового басиста оказалось легко – Кэш порекомендовала старого друга, по прозвищу Иваныч. Отличный оказался парень, взрослый и с понятием. Объяснить ему, чего мы хотим от него и вообще от музыки, не составило практически никакого труда!

Ещё мы с Ю-юкой очень быстро написали материал злобный и нервный, и пересмотрели весь «концепшн» своей деятельности. Мы будем бескомпромиссно кровавы, и беспощадно сексуальны! Но в своём ключе, с некоей изюминкой, которая ясно позиционирует нас как самостоятельную группу, не копирующую Белку, Жанну, и Лёс Шмелёву. На грани позёрства, в общем-то, но без него как такового! Во как! Сложно, но можно. Мы справимся!

А когда приходилось забегать за какой-нибудь вещицей к предкам, старалась выбрать момент, чтоб их не было дома. Но пару раз всё же наткнулась на них – обоих сразу. Они точно что-то замыслили против меня – я-то чувствую! Все эти базары – «как ты живёшь ваще», и прочая мура даже прекратилась – значит, совсем серьёзную бомбу готовят – держись психики! Не знают, что мне похрен сто раз уже, я битая-перебитая! Ну и чёрт с вами! Как хочу, так и буду жить! Бейте меня, выгоняйте – а не могу я больше без моего панк-рока! Есть его, пить его, петь его... а больше ничего не надо!

Вычитала на сайте совет Жанны начинающим певицам:

«Предпочитаю петь без лифчика, так диафрагма лучше работает» – и точно! Вот только грудь тяжеловата, как бы не

потерять форму, если не поддерживать! Но в принципе, это ведь не постоянно. И раз Жанна говорит... о, если бы она мне лично сказала это! Ревную её ко всем на свете! Будто право какое имею... буду развиваться, и ещё спою – главнейшая, сладчайшая мечта, от которой дрожит всё нутро! – С НЕЙ! И это будет пиком моей карьеры, кульминацией всех чувств! Работать, работать и работать, чтобы мечтать и дальше, замирая...

Опытным путём и понаблюдав за Белкой, заметила, что голову надо держать немного вверх – так горло раскрывается шире. Ещё заметила, что очень устаю на репах, когда прыгаю – надо повышать выносливость. И взялась скакать через веревочку. Благо, потолки высокие в квартире, позволяют. Заставить себя делать это было трудом чудовищным! Но другого выхода я не вижу. Смотрела на свою обожаемую Жанну, какая она стройная и сильная, и выбросив все мысли, бралась за скакалку. Уже через неделю каждодневных выматывающих попрыгушек, заметила, что бёдра подтянулись, и талия тоже! Буду продолжать. Но вот на чёртов целлюлит, хоть и едва-едва заметный, скакалка не действует! Нажила за столько «боевых» лет весёлых-горьких пьянок, бессонниц и курения разнообразной гадости эту отвратную, ненавистную каждой женщине планеты Земля "апельсиновую корку"! Но вот если просто женщина, какая-нибудь бухгалтерша, или даже менеджер может себе позволить носить на бёдрах некоторое допустимое количество целлюлита, рассуждая, что сойдёт и так, то я, стремящаяся на панк-Олимп, точно никак не могу иметь ни грамма этакой «радости»! Чтобы в трусиках плясать, необходимо соблюдать условие ослепительной стройности! И я стала настойчиво сгонять неподатливый, проклятый целлюлит противными но эффективными обертываниями с водорослями. Делается эта байдища так: смесь водорослей с глиной разбодяживается тёплой водой, намазывается на тело, потом заматывается тонкой пищевой плёнкой, и сверху нагретое полотенце. Ощущения – жуть! Неопишуемая гадость! И терпеть полчаса - сорок минут, только

потом смывать! Бр-р-р!!! О, дорогой мой Панк-Рок, только ради тебя подвергаю я своё благословенное тело всем этим кошмарам! Ради пары часов сценического безумства обнажения терплю я все эти ужасы процедур!

Пою постоянно – умываясь, и намазываясь гелями, и в туалете даже. И лёжа. Тщательно копирую Шмелей, Белку, НесПи, Оргазм, Трассу, Жанну. Пробую не копировать и петь как сама бы спела, не слыша образца. Пою, что услышу по радио. Всё подряд, даже тупую попсу. Проникаю в суть, некое сердце голоса певцов, уловить и пронять, а затем воспроизвести – вот что важно! Ещё важнее – угадать, когда следующая нота, то есть «попасть», где голос на музыку пойдёт. Поймал – значит, уши работают.

Освоила отличное упражнение – петь со скакалкой. Сначала конечно, вообще кошмар! Потом всё проще. С утра – занятия в одиночку, к вечеру – с Ю-ю и Иванычем. Заметно лучше и круче. Упорство и воля делают своё дело безупречно!

Первое сентября.

Кому-то гнустная учёба - а у меня клубный концерт, мать вашу!! Наконец-то!! С «ДС», мать их ети, и с “Чашками”, и с “Феррумом”, и с “Карапузами”!! Ха-ха, я такая бухая сейчас, что пиздец, и чудовищно злая – пошли все на хуй, щас мы им покажем, что есть такое панк-рок!! Не женское дело?? А в ухо? Блядь, блядь, бля...

И видок у меня сегодня – самый, что надо! Маленькие шортики лаковой кожи, блестящая чёрная маечка с пауками на сосках, подрезанная для удлинения декольте, чулки в сеточку с паутинками, сережки-паучки с красными глазками, и огромный платиновый крест с бриллиантовыми инкрустациями, на толстой цепочке – это я втихую стырила «погонять» у мамы из шкатулки фамильную драгоценность. Она бы видела – умерла точно! Потому и не увидит. И моих чудовищно перемазанных глаз. И парадного разноцветного ирокеза дыбом - тоже не увидит. И всех моих пауков - ни в коем

случае! Перед тем, как уступить гримёрку прочим желающим навести марафет, я спросила Ю-юшку:

- Ну, как?

Вопль:

- Охренеть!!! – был её реакцией. А Иваныч обозвал меня «ходячей рекламой КТР и Паука». Я усмехнулась, заглянув в зеркало для контроля: да уж, это точно! Видел бы Ветер... увидит ли? О, чёрт, пора выкинуть его из головы! Моей красивой, панковской головушки. Моего божественного бритого черепка. Я сегодня звезда! И команда не подвела: Ю-ю в чёрном атласном лифчике, с кучей цепочек на шее, рваных-перерванных, просто нитка на нитке джинсиках, из которых нагло виднеются натянутые высоко на бедра красные стринги, длинные её волосы во все стороны, густой макияж и железный коготь на среднем пальце, который она использует вместо медиатора. Иваныч неожиданно порадовал штанами–милитари с железным ремнём, распущенными по случаю праздника хайрами, напудренным бледным лицом, железными гадами, и отсутствием верхней части одежды. Мы не сговариваясь все разделись, будто так и надо! Вот что значит «группа - это твоя семья»! Какое взаимопроникновение! Обалдеть! Если сейчас ещё и запаздывающий Пистолет примчится полуголым, то будет даже прикол!

Но Пист пришёл как обычно, в чёрной простенькой футболке и джинсах, и офигев от нашего маленького шабаша, раздеваться отказался.

- Мы чё, инкубатор зла, что ль?

- Нет, мы инкубатор стриптиза! – ответила Ю-ю.

- Стриптиз интеллекта! – поддержал Иваныч.

- Вы как хотите, а я не буду! – зачем-то заартачился барабашка. Но мы уговорили, конечно. Вернее, просто налетели как две ведьмы с Ю-ю, и принялись стаскивать с него майку.

- Эй, порвёте! – орал он. И это вдохновило Иваныча на отличную мысль: вывести Пистолета на сцену под руки, и для начала шоу

разорвать на нем майку, и потом уж отпустить за ударную установку. Мы приняли идею с восторженными визгами, а Пист сначала схватился за родную вещь, но потом согласился – ради искусства!

Мандраж чудовищный... вот и вся команда нервно хихикает, кого не коснись – вздрагивают, будто я их ударю. Юлька курит, как взбесившаяся. Иваныч медиатр кусает. Ох, ребята, а мне ведь петь!! И тут наконец, возник спасительный баттл вискаря! Откуда, не знаю, но спасибо тому святому человеку!

Позже, уже разогреваясь, пили, конечно, коньяк, как Жасик-Жанночка моя учит, и с собой я на сцену взяла баттл, прихлебывать между куплетами.

В голове вертится настойчиво Шмелёвское:

В наказание за любовь –

Пой, Богиня, пой!!

Ну чтож, споём, богиня? – спросила себя, и нырнула на сцену как в океан, как в окно выпрыгнула - ни о чём не думая!!

Наш коллективчик стоял номером первым, и неразогретый зал встретил довольно маринованно. Мы поздоровались традиционными воплями:

- Панки, ХОООЙЙ!!! Мы группа «Изгое небо»! Веселитесь!

Волнение, ёбанное волнение...

- Ну, начинай, Дика, детка, я тебя умоляю! – прошептала я себе, и...

После первой песни перевела дыхание, и открыла глаза – оказывается, я их закрыла, надо же, и не заметила в мандраже. А вроде ничего, справилась! Так, дальше!

Слова не забыть... хорошо, хоть акустика хреноватая, не больно-то разберёшь даже при желании! Зал уже прыгает, так держать!

После второй кто-то даже пошёл слэмиться, один вон на сцену залез, поплясал вокруг Ю-ю, и нырнул в стэйдж-дайвинге. Организаторы знали, что делают, когда парили народ, придерживая начало! Ещё три песни выдержать, и можно бежать в ужасе за

кулисы, напиться и забыться... Какой кошмар - я реально выступаю! И какой приход! На душе теплеет глядя на эффект трудов своих, как нам рады в зале, как орут:

- Девки, давай!!!

Ну, значит, надо давать!! Я принялась изображать всё, что доступно на моём пространственном пяточке. Только б не запутаться в проводах! Распрыгалась, как безумный чёрт – и ни с того ни с сего, аккуратно на половине выступления свело печень и селезёнку, оба бока - не дыхнуть. Но нельзя же прекратить, когда уже народ разогретый... Скажут – ага, выдохлась! И «через немогу» продолжила плясать, про себя отмечая, что это “резервная” кровь хлынула из печени в сосуды, вот и больно. Не выдержав муки, и чувствуя - горло сводит, сейчас сорвусь, пока Юлька выводила свою партию, улеглась на пол, положив для эффекта и утоления боли ногу на ногу – зал одобрительно взвыл. Будем жить!!!

До дома я добралась лишь под утро, когда рассвет уже лизал окна родного города. Мы бы и ещё торчали в клубе, допивая какие-то остатки, совершенно ничего не соображающие от счастливого угара и выпивки, если бы нас не вышвырнула непочтительно ретивая охрана, мол, клуб закрывается. Спать не могла, и носилась по комнате в одних трусах, озвучивая севшим голосом летающие в голове обрывки песен. Потом упала на диван, и ощутила, как же я устала, боже! Руки не поднять. Счастливое опустошение. Кто не был на сцене – навряд ли испытает такое от чего-либо! Это мощнейший приход, который не описать никакими доступными средствами! Ё-ё-ё-ё-ё!!! И потому я написала в дневник по поводу всё ещё переживаемого безумства только это: *«Каждый становится тем, кого хватает смелости вообразить» - Лимонов*. Чтож, пожалуй, так! Значит, я – звезда панк-рока! Во как!!»

Наутро смс – Ведьма поздравляет, и предлагает забабашить нам клип. Приезжайте, в Москву, я сейчас доделываю клип “Стёклам”,

через пару недель – подваливайте давайте! И сразу за этим ещё один смс-писк телефона: *«Читай мыло, там кое-что на сладкое!»*

Я с жутким трудом вспомнила, что отослала подруге ночью смс про такой охренительно-реальный дебют, и ещё наш новый материал на мыло, за пару дней до этого, “Перманентный психоз” и “Заразу”.

Полезла в инет, еле-еле продрав глаза, и точно – моргает мэйл-агент, от Ведьмы. Самого письма как такового нет, только пояснение, что вложенный видео-файл - это несведённая, сырая нарезка клипа Жанны и ТорКа «Весенние драки». Конечно, мои боги не подвели – весь ролик обворожителен в своей стильно-аморальной простоте: длинные кадры с трахающимися кошками в очень быстром темпе подменяются короткими кадрами с трахающимися в тех же позах людьми. Каков концепт! Животное в человеке, и человек в животном!

А Ведьма молодец, эка умеет уловить то, что нужно, точечный удар нанести! Таким личностям ещё угоди попробуй! «Стёклам»... Для меня это в первую очередь значит - Жанна... О, неужели я смогу однажды на чей-нибудь вопрос: «Жанна подруга твоя?» ответить – «ДА!» с полным основанием?! Слаще мёда эти мечты...

Сайт

Теперь, когда всё действительно серьёзно разогналось у нас, пора делать сайт! Так я решила, и объявила народу на очередной репе. Все одобрили – ещё сказали – и как раньше никто не подумал? Конечно, пора!

Всю ночь сидели с родными Юлечкой и Пистолетом, обсуждали в клубах дыма что и как делать будем, кидали зарисовки в комп. Юлька сразу прикидывала в Фотошопе, отсекая неудачные штуки. Придумали дизайн просто дикий – конечно, в чёрно-серых тонах, с натурально-кровавыми вкраплениями. Так и напишем – дизайн ДИКИЙ и Ю-юкий.

Заказала за бабло, на следующий же день, знакомым ребяткам из папи-маминой фирмы, которые им корпоративный сайт писали. Обещали управиться за недельку. А Иваныч будет модерировать потом. Он умеет, тока писать ему некогда, работает много. Жениться ведь надумал, на Лике своей. Хорошо бы концертик дать зашибатый по этому поводу! Надо с Викой переговорить, или хотя бы с Шутом, у него сейчас все клубы Уфы повязаны. Опять же, подумать, чем порадовать молодых, что подарить. Ю-ю подкинула идейку – может, им песняшку накатать? Неплохо, конечно, но надо и чего-то материально ощутимого!

А если вообще делать сайт – так уж сразу чтоб метко выстрелить, аудитории в самое сердце! Значит, фотки нужны путёвые!

Позвали Портвейн, провели отличную безумную фотосессию. Вытворяли всякую жуть, согласно концепции проекта.

Для начала я достала длиннющую бельевую верёвку, заготовленную заранее, которой попросила меня обмотать - так созданся первый кадр.

После я же извлекла две белых свои рубашки, и слегка намочила их. Одну отдала Ю-ю, попросив сначала снять лифчик. Вторую одела сама. Кадр вышел очень красивый - тела просвечивают сквозь мокрое, даже можно рассмотреть какого цвета соски! Естественно и небезобразно!

Иванычу, конечно, тоже порядком досталось от моей несдержанной фантазии - его я поставила на колени, само-собой, что полуголого, и измазав лицо тягучей смесью гуаши и мёда, велела склониться над блюдцем. В которое эта субстанция капала. Вроде как кровь с разбитого лица собирает.

Портвейн на мои действия только ахала, и щёлкала усердно - мол, она сама лучше бы придумать не могла!

- Это что, тёте Дике есть чем вас удивить ещё! - отвечала я.

Ведь фотосессия - это только начало! Наш новый интернет-монстр требует продолжения банкета! И отпустив Портвейн, мы сели писать "Персоналии" – вот поржали!

Дикая Дика – вокал, музыка, тамбурин, стриптиз, дикие пляски. Ебанутая герла, одежду игнорирует, обожает шататься совершенно не одетой по подъездам, доводя до смерти старух, пугать ментов и шокировать общественность. Верная фанатка Аллы Пугачевой, считает её своей панк-богиней, и верно подражает ей. Колыбелька её качалась в дыму марихуаны. Джа с ней!

Юлдус – тексты, музыка, акустика, бэк-вокал, бэк-стриптиз. Литрбол-спортсменка, панк-комсомолка, и просто секс-красавица. Её девиз – «Даёшь секс и кекс!»

Иваныч – бас, Портвейн, аморальная поддержка. Исповедует панкизм, регулярно молится на Джиджи Элина, Крота и «Мисс WOW» (Уэнди Орлеан Уильямс).

Пистолет – барабаны, кастрюли, пустые черепки, пьяные вопли. Давно и безнадежно ушел в глудины мироздания и погрузился мыслию в «Нирвану», по причине чего одевается исключительно в рванину.

Портвейн – фото, клипы, алко-эльф. В жизни признаёт только три вещи – бухать, выпивать и нажираться. Для сохранения божественной женской красоты и привлекательности умывается исключительно денатуратом, и придерживается строгой алкогольной диеты, каковую соблюдать приучила и всю группу. Отчего репетиции в присутствии этой феи спиртов превращаются в акты группового соития с Зелёным Змием, а отсутствие её немедленно вызывает абстиненцию и тремор у всего коллектива.

На лицевой странице гордо красовались наши с Ю-юшкой милые разукрашенные личики – она чуть впереди, я несколько в тени, мрачноватые выражения лиц, густой макияж – крррасота! Расположено было так, что она своим телом прикрывает меня, а я обнимая её, скрываю ладонями её прелести. Иваныч сказал, что народ подумает, что мы лесбиянки, но Юлька возразила – а нам-то что?? И то верно. Каждому своя воля.

А какое счастье мы испытали, когда всё было готово! Мы с Юлькой прыгали и плясали танец диких свиней и орали:

- УРА, ЗАРАБОТАЛО!!!

Ощущение – как в детстве, когда приносили торт!

Первым делом киданули на страницу *«Ньюсы»* эту самую фразу: **УРА, ЗАРАБОТАЛО!!!** Прекрасно-красными буквами. Коротко и ясно! И даже пояснять пока ничего не стали – ведь в других разделах всё что надо есть – и кто мы такие, и откуда, и песняжищи отлично качаются, и фоток целая туча – так чего же ещё? Потом проставили наши координаты в Яндексe, чтобы каждый желающий мог специально найти, а нежелающий случайно наткнуться на интригующую ссылку: www.izgoe-nebo-punk.com *«Изгое Небо» - официальный сайт уфимско-межгалактической панк-команды»*.

Вторым шагом в новооткрытой гесте оповестили: *«Дикая Дика и Юлдус Ибрагимовна: Гостевая книга открыта, пишите, что хотите! Вива, анархия!!!»*

В честь этого Иваныч открыл баттл шампанского, и мы сидели, листая странички нашего нового детища, не в силах налюбоваться!

Постепенно обменялись ссылками с Русым и Ведьмой, ТорКером и Жанной, “Карапузами”, Белкой, Дос, Артамоном, “Детьми Смерти”, “Шмелями”.

Гоблин объявился в гесте вдруг: *“Я тебя люблю... все еще... я ничего не забыл, неужели ты можешь вот так все бросить... позвони мне, пожалуйста!!! Я буду очень ждать... ОЧЕНЬ!!!!!!”* На это я только вздохнула – что сказать? Ничего я не помню. Проехали! И звонить совершенно незачем! Прошлогодний снег не выпадет снова, и два раза в одном дожде не намокнуть! Нереальные его надежды. Ничем не могу помочь... ведь я звезда, а они не могут отвечать всем и каждому. Бог с ним, с Гоблином, не пропадёт.

Жанна тоже поздравила, написав в гесте: *«ПО-ЗД-РАВ-ЛЯ-ЕМ!!! Это огромный шаг для каждой группы. Желаем цвести и пахнуть по всем пространствам! Вперед, за дело аморЭлизма! Ну, что ж,*

душа наша, ждём на сквоте! Твои «Стеклянные» ТорК-и-Жанна» АААА!!! КРУУТАААА!!!! «Крото», как говорит ТорК.

Ветер тоже без ума от Жанны... да он просто без ума! Надо было не прогрёбывать, теперь были бы вместе, счастливы. Нехрен снова с ума сходить, сейчас бы погнажи к Ней, НАШЕЙ Жанне... трахались бы вместе... Урод, всё, проехали.

Дневник, перед тем, как уйти и не оглянуться.

«Я не хочу, я не могу. Ничего не хочу и не могу. Какой-то энтузиазм и решительность чувствую, когда планирую день, но... потом вдруг, стоит только начать, как что куда девается, я мертва, и чувствую лишь мучение и хандру. Тяжко мне. То ли депрессия, то ли лень просто. Я люблю лишь тебя. И как бы ты не держал, я не буду с тобой. Меня замучала, замучала хандра. Надо писаться, надо звонить куда-то, делать что-то, но я вся одна большая рана, и заноза, куда не плюнь - больно. Ломает и тяготит всё подряд. Уже и петь даже... Я не хочу учиться. Пропадать буду.

Боже ж ты мой, что это - депрессия, или ещё что? Не понимаю. Но так бывает очень - очень часто! Тяготение, всемирное тяготение тяготит меня. Странно и обидно, что и любовь меня тяготит. Меня ВСЁ тяготит. Не буду тебе врать, меня тяготит тебя любить, и то что ты меня любишь - тоже. Был бы ты моим ещё... а и тогда я бы ушла. Сейчас и навсегда. Я умру без тебя. Это так, но будет ДРУГАЯ Дика. Настоящая... или нет? Увидим. Ты - всё, что у меня было. Я сама решила это прекратить. Должно же быть хоть что-то ещё... музыка. А ты говорил – я негодная певица, больная, и ничего не... Неправда. Я люблю тебя так, как наверное, мало кто любит. Не сильнее всех, а именно по- особенному. Я всегда думала, что мне не нужна половинка, это чушь, я и без кого бы то ни было - единое целое без трещин и недостатков, идеальная сфера, прекрасное целое яблоко. Но встретив тебя, полюбив тебя, я поняла, как ошибалась. Я была

словно недорисованный холст, словно небо без рассвета, день без солнца. Он есть, и он день - но вот солнца нет, а он и сам не понимает, как это глупо и недостаточно. Многие люди всю жизнь проживают как день без солнца. Мне жаль их. Они не знали и не узнают ТАКОГО, когда становишься миром, и войной, и днем и ночью, и вселенной и капелькой воды одновременно. И всё это - если взять тебя за кончики пальцев и замереть, закрыв глаза и задержав дыхание. Я люблю тебя. Я тебя люблю. Те амо. Мин сине яратам. Те вольо. Их либе дих. Ай лав ю. Я чиебье кохам.

И все это - одно и то же. И я разбиваю это всё... Я готова, впервые в жизни действительно готова уйти и не оглянуться. На край света. От тебя подальше... Чего ты хочешь? Говори, всё что угодно. Ты же знаешь, проверенно – я ВСЁ, Всё могу! Я безгранична. И я уйду. Увидишь.

Говорить, говорить, не молчать. Бежать от удушающей бессмыслицы того, что происходит вокруг. Я опять теряю нить разума. Они вокруг что-то несут про дела, будущее и прочую чушь, и думают, что живут. А я думаю о тебе, и чувствую, что мне больше ничего не надо от тебя. Мне вообще ничего больше не надо. Я прыгаю в безвременье... где тебя нет. Уже нет. Я должна держать себя в руках. И делать, делать то, что должна - звонить, говорить, топать к врачу и в институт. И - Боже Господи, писаться, писаться, и снимать клипы! Сайт писать. Жить. ПЕТЬ, ЧЁРТ МЕНЯ ВОЗЬМИ!!

Но... тоска пожрёт меня. С головой. Мне душно и тяжело. Стоит только начать делать дело, ведь сроки поджигают хвост все сильнее и сильнее, как я выть и реветь готова - не хочууу!

Милый мой, бедный мой, как же мне хочется погладить тебя по лицу, и спросить - а как же ты будешь жить без меня? Ведь ты все понимаешь, и мою звериную тоску тоже. Как ты будешь жить..? С нормальной женщиной, с дурацкими претензиями, суть которых она и сама уловить не может. Однако, как всегда, честно, скажу тебе - я боюсь. Боюсь, и очень...

Тебя не будет больше там, где я. И меня - где ты. Ты один. Всё. Мне придется уйти, следуя правилам омерзительной игры.

А разве видели они что-то более прекрасное, чем ты? Я - нет. Я ненавижу и не выношу более тебя. Чего я хочу? Счастья для себя. Нормальной жизни. А разве возможна она, эта нормальная жизнь, когда мир стоит на самом краешке лезвия, и пара секунд нужна, чтобы наступил конец света. Терять нечего. Только обретаать. Что же делать - уходить. Не оглядываясь. Я всё знаю, и зря они пытаются открыть мне глаза на тебя. Я знаю много больше, чем они могут себе представить. Буду плакать, и бежать прочь.»

Эх, "Ветер, Ветер - Хуевей-Ебанушка"...

Теперь точно больше ни за что не пойду к нему! Пора валить наконец в Москву!!

Что и сделали, в самые сокращенные сроки собрав всей группой свои лёгкие на подъем задницы. Никто не отказался от халявной недели в Москве, под благородным соусом – клип снимать!

Жили, всяко, у Ведьмы, работали нон-стоп. Каждая минута под росписку, раз-два-левой! Я и не знала, что это такой кайф – расписание...

Сразу позвонила Стеклянным как приехала. Их не было дома, я вся в нетерпении перезвонила ещё вечером. Очень поздно, но ОНА разрешила звонить до двух ночи. Все-таки поймала! Усталый, мягкий голос ТорКа:

- Аллё?
- Алло, Алексей?
- Да, я.
- Привет! Это Дика.
- Здравствуй, Дика, как дела?
- Нормальненько! Вот приехали клип у Ведьмы снимать!
- У Ведьмы? Хорошая девушка! Привет ей!

- Ага! А Жанна дома?

- Дома... - тишина. Пауза. Шаги...

- Да, привет, Ивана! – *Её* неповторимый грубоватый голос! Обожаю... всё внутри перевернулось!

- Привет... Жанна!

Поговорили так, ни о чём, я между делом поинтересовалась, нельзя ли мне на радостях завалиться к ним? Она подумала – нет пока, если тока в конце следующей недели. Но тогда мы уже уедем...

- Тогда как приедешь в следующий раз – чтоб позвонила непременно! – шутливо-строго ответила моя крошечка. Я радостно согласилась – обязательно!

От балды вдруг спрашиваю – а что там Белка? А Жанна:

– Белка пошла на хер, дура она! – богиня едва на крик не сорвалась: - И Ворон её дурак! Достали своими выпендрами и непостижимостью. Короче, не спрашивай!

Я несколько оторопела от такого поворота. И спрашивать, конечно, больше не стала. По ходу дела, две панк-леди в контрах просто!

От разговора с ней, моей Жанной, в животе осталась дрожащая теплота, и какое-то обалдение. Её голос, её переменчивые манеры, её присутствие так близко, в одном городе... я обожаю её, обожаю! Я хочу быть как она! Если посмею... ведь мне до неё далеко. Она – богиня!

- Но - к делу! - начала очередное собрание панк-заседателей я. - Сегодня на повестке дня такой вопрос... эй, Ю-ю, много пьёшь, передай-ка мне!

- Ну, короче! Клип - продолжила я, отхлебнув добрый глоток хорошей бурды. - Нам нужен клип. Настоящий клип!

- А на какую песню думаешь? - лениво подал голос из угла Пистолет.

- Я думаю, "Бабочки-убийцы" в самый раз!

- А, прикольная тема! - поддержала Юлька. - А чё там хочешь?

- Короче так! - я решительно уселась за стол, и положив перед собой листок, начала возить по нему какие-то кренделя - мне это помогает чувствовать себя значительной и деловой. - Мы с Ю-ю почти голые, танцуем и бесимся, нападая на Иваныча.

- Иваныч, ты попал! - заржал Пистолет.

- Да подожди, Пист! - отмахнулась я.

- Потом прыгаем в трусиках с крыши, типа на охоту.

- Ага, оно бы хорошо... - сказала Ю-ю.

- А чё не так, вы предлагайте! - развела я руками. - Мы же и должны вместе продумать!

Пошумели, кое-чего накидали. Самый красивый момент мы придумали такой: танцуем с Юлькой с самыми наивными рожицами, и руками очерчиваем силуэт крыльев за плечами, а за пальцами тянется цветной след, вырисовывая светящиеся крылышки.

Начинаем завтра на рассвете. Я уже боюсь...

Решили вроде как не пить, чтобы всё провести нормально, но... Пришлось, чтобы Иваныча раскрепостить – нам-то, девкам, пофигу, а он немного тушует в нашем неодетом обществе. Ну, и Ведьма сделала странные глаза на наше заявление, что пусть пьет только Иваныч, а мы в стороне.

- Ну-ну! - кивнула наша режиссерша: - Вы ещё на крышу не лазили!

Чтож, полезли!

А на крыше же-есть! Какие-то обломки шифера, куски кирпичей, битые стекла.

- Раздевайтесь! - железно командует Ведьма. Ой, мама!

Оператор прячет в тени провода, и я сонная кутаюсь в косуху, нас снова гримируют. А мне раздетой жутко холодно!

- Вот об этом ты и усмехалась? - стуча зубами, тяну я Ведьме стакан за своей порцией "сугреву".

- Ну, так! - кивает она.

- Давайте, чтоб всё удачно, и без травм!

Чокаемся, опрокидываем. Снова за работу. Но, кажется, водки было мало... Кажись, кто-то уже побежал за добавкой?..

Я, конечно, не удержалась, когда повеяло знакомым "приходом похуизма", (как я называю тот момент в алкогольном опьянении, когда захлестывает, и теряешь голову), и втихую одна выжрала лишние полбаттла виски... Никто не заметил, но всё равно не стоило этого делать - в очередном пируэте на скользком шифере, меня повело, я навернулась, и зашибла колено! Бляха-муха, как теперь, работать? Но, слава богу, это оказался последний дубль, особой роли не играющий, и можно было с крыши слазить! УРА!

- Вот теперь можете вздохнуть свободнее, самое трудное позади!

- обрадовала Ведьма, когда вернулись в павильон, такой теплый и уютный после драной крыши!

- Крупные планы – самое трудное для актёра, лицо должно быть идеально-выразительным, - объясняет невиданно серьезный и торжественно-трезвый гримёр Русский, работая кисточкой.

- Как раз для тебя! – ободряет меня Ведьма.

Она внимательно отслеживает нашу игру, указывая бережно нюансы откровенных сцен. Я сижу на подоконнике голая, освещение подходящее строим. И смеёмся над чем-то всей группой, дурачимся слегка смягчая обстановку. Мне ничуть не стеснительно, а вот Ю-ю зажимается. Ну, тогда немножко коньяка, и всем стало проще.

Я с Юлькой в гриме насекомых курим, а Иваныч рожи в камеру ломает, дурачась. Ведьма орёт - СТОП!!!

Мы, актёры, то и дело сплёвываем грим, противно морщась – невкусно! Русский тщательно поправляет стёртое. Пудрит большой кисточкой обнажённые наши красивые соблазнительные тела, перед многочисленными и подробными эротичными сценами...

Потом конечно, не спим ночами, над спецэффектами. Лица осунулись, пьём крепкий-крепкий чай и коньяк, клавиши стучат,

спорим над отдельными нюансами, курим много. Ругаемся, конечно. Поправляем кое-что.

МОНТАЖ! Что оставить, а что не катит – переснимаем!

- Пальцы-рожки, как усики бабочки, ещё раз! - поднимает нас на бой усталая Ведьма. Чё-то мы там не так изобразили. Ладно хоть только это, а то, если честно, уже надоело! Хочется надраться, наконец, в армагеддон, и праздновать победу!

Чистка. Мы здесь постольку-поскольку. Пара вопросов – так-не так, здесь чего – то или это вставить? А это оставляем? И идём гулять – ведь лето же! Не пропадать добру...

Сидим на бордюре, поздно вечером, и орём, как дикие:

Что-то сладко светится.

Что-то рыхлое сбудется,

Это любовь гневом ревности

Обнажает потребности.

Да по хитрым понятиям

Посещает занятия

Лживого оптимизма, и садомазохизма!

Да-ди-да, живая еда,

Спазмы рока, спазмы рока!

Да-ди-да-ди, мясо живёт

В руках пророка!

Как любовь не кончается,

Только бережно тужится.

Так весна начинается,

Так солдату не служится.

Наступают желания

Каблуком в центр нежности,

Разожгли ожидания

Пламя любви в промежности...

И так нам хорошо... Так Дико!

Чуть в ментовку не залетели, когда орали пьяные матом, и бухали в переходе у метро. Пока орали Шмелей – ещё ничего, но очень уж ментам не понравилось, когда мы раздухарились до «НесПи»:

Может, это глюк?

Но что-то не похоже!

Это же ментовская ёбаная рожка!

Моя милиция – оу-ооо!

Моя милиция, ага!

Моя милиция – прекрасная моя!

Но ничего, пронесло и на этот раз! Снова я отбазарилась, как обычно!

Рендер. Долгий и заёбывающий – нас не касается, и соответственно снова идём прошвырнуться... Ну, и соответственно, снова идём прошвырнуться. Естественно, опять пьяные... а как же? Как спать – забыли напрочь! Покупаем всякую прикольную дрянь на память в экзотических сэконд-хэндах. Я купила свадебное платье, пышное, корсет на шнуровке, с неисчислимым количеством нижних юбок и атласными розами. Вроде даже и не надёванное, в упаковке. Значит, кто-то передумал замуж выходить. Теперь ещё кровью и прочими некрасивыми субстанциями, типа следов краски измазать – и будет мерзкая конфетка! Анти – шик.

Озвучка... Но это не трабл, конечно - всего лишь наложить сам трэк на видеоряд.

И – момент истины, замрите - последний клик мыши, а кто-то уже побежал за текилой... Всё, стоп! Пьем и гуляем до золотых мух – ГОТОВО!!! УПРАВИЛИСЬ В ЧЕТЫРЕ ДНЯ – это уже окончательный, чистый ролик.

Вот так. Теперь на сайт, похвалиться. А мы уже совсем большие... ВСЁ БУДЕТ! Только вот Ветра нет с нами... только Ветра...

Поразмыслив, я решила что самой реальной темой сейчас будет такая: квартиру здесь продать – там купить. Там - это в Москве, то

есть. Точняк!!! Хата у меня огромная, новенькая, можно нехило всё это дельце обкатать! Сначала подумала об обмене – но это невыгодно совсем. Цены что там, что здесь в Уфе на жилье одинаковые, но обмен идёт не равноценный, с большим перевесом в сторону столицы. Так трехкомнатные уфимские меняются на однокомнатные московские. Мне это не годится! Если продать, и получить живые деньги, то можно купить такую же, равноценную там, без потерь площади! Рулёз! Сама в восторге от такой идеи! А мама ничего не сделает – это моё имущество. Универ... да бросить к свиньям. Хоть и долбанный четвёртый курс уже. Точно. Решено! Только для начала на разведку сгонять, как там да что, самой на местности сориентироваться. Но можно, конечно, и не горячиться, а присмотреть аналогичный универчик, и просто оформиться переводом. Ведь столько лет постелено, зря что ль? Ещё лучше! Тогда и с мамой будет проще договориться, сохранить отношения. Без родни, что так что эдак нельзя человеку! Вот только сессию доведу до конца. Четвёртый курс закончу. Ведь вдруг да придётся работать там кем-нибудь, если папа не помилует моё решение о перемене места жительства. Тогда ведь придётся саму себя кормить... А звездой всегда можно и не стать. Не одна я такая в Москве ушлая! А даже если и стану, то когда-а-а ещё это начнёт приносить такой доход, что на него можно прожить! Короче, дельце это ещё той скользкости! Всё надо продумать как следует, чтоб и на ёлку залезть, и попу не ободрать! Вооот.

Сегодня вышла из универа, мама позвонила, попросила завернуть в какую-то подворотню, сказать, что я от Ларисы Николаевны Вишневецкой, и забрать некие бумажицы деловые. Я заотпиралась – что же, больше некому в их огромном офисе? Но она настаивала - у них, мол, курьер заболел, а она пока освободится всё закроется, а ей надо, и точка! Короче, пришлось согласиться, себе дороже!

Вот я и пошла дворами такси ловить. Тут меня и окликнули:

- Дика, эй, Дика!

Я повернулась – батюшки мои! Шут! Вот тебе и здрасти.

- Привет, девочка! – он, конечно, сразу полез меня обнимать. Я стояла молча и даже не шелохнулась в ответ.

- Ну, как ты?

- Нормально! – соизволила наконец мрачно ответить. Пусть знает - ему не рады.

- И я нормально! – кивнул он. – Пишетесь?

- Чего? – будто не поняла я.

- Я про музыку! – он всё улыбался. Урод героиновый. Глаза всё те же неживые, и одет опять слишком тонко – расстёгнутая косуха на футболку. Ужас, как можно? Я тут вся дрожу, а этот обкололся и всё мимо!

- Нет пока.

Шёл бы подальше, чего надо? Боюсь я его! И зачем я сюда завернула?

- А мы пишемся! – радостно доложил он. – И продюсер у нас новый.

- А Вика где? – я вся встрепелась!

- В наркоклинике она, донюхалась крэка до разрыва носоглоточных пазух, или вроде того, - пожав плечами, доложил Шут.

Вот тебе и раз! Так-то она нашлась косвенно. Чччёрт!! А я-то на неё всё рассчитывала!

Помолчали. Я трудно переваривала услышанное. Теперь надо что-то другое выдумывать, через кого действовать.

- Слуш, Дикая, как раз думал, как тебя найти! – вдруг сказал Шут таким деловым тоном, будто сейчас предложит по крайней мере сотрудничество в нефтяном бизнесе.

- Ну, давай, пойдём, покурим, скажешь, чё там за такие-разэдакие делищи! – согласно кивнула я, и он под локоток увлёл меня в арку. Притулились в уголок, прикурили.

- Ну так вот, - начал Шут: - Я сейчас сольный альбом записываю, “Изгнание святых”, и мне нужна бэк-вокалистка хорошая!

- И чё? – хмуро уставилась я на него, глубоко затягиваясь, он меня нервирует.

- Мне сейчас подыгрывают музыканты “Детей Смерти”, - он будто не расслышал моего вопроса. – Я бы мог, конечно, Айрин позвать, тока она самую главную фишку не ловит, такое знаешь ли сердце моей музыки!

- Так и что же, в конце-то концов, - уже чуть не взорвалась я. – При чём тут я? К делу, Шут тебя забери!

- Не хочешь попробовать? Я тебя слушал, мне как раз бы твой голос подошёл идеально! - наконец соизволил он говорить по существу.

- Ну ты и придумал! – прыснула я в ладонь, желая довести его. Но он лишь улыбнулся, скотина:

- Лучшее, что могло прийти в мою мёртвую голову – только это! Я долго не думал – ты то, что мне надо! Соглашайся! Тебе нужен промоушн, моё имя громче твоего!

- И что, ты предлагаешь моему нолику скромненько постоять рядом с твоей палочкой? – брякнула я жуткую двусмысленность не подумавши.

- Вот именно! – ответил он совершенно серьёзно, - хотя, вполне можно на *этот раз* обойтись и без...

- Да уж, - я опустила глаза, внезапно смутившись. Дура, чё болтаю? – А подумать-то можно?

Чёрт бы его побрал.

- Думай, тока прямо сейчас! – он достал листочек: - Вот тебе сама тема, прикинь быстренько, как тебе ваще, если чё не так – поправь, и учи начинай!

От всунул мне в руки бумажку, так проворно, что я не успела отбазариться, и повернувшись, пошёл прочь, через два шага обернулся:

– Всё, пока, Дика, жду звонка, когда готова начинать!

- Ага! – кивнула я, запихивая бумажку в карман. - Вот прям сейчас!

- И правильно, так и надо, поскорее! – вдруг вернулся он, и быстро обняв, поцеловал в сомкнутые протестующие губы. Он меня просто достал! Но сделать я ничего не успела, он уже снова исчез. Вот так всегда – этот козёл приходит и уходит одинаково – неизвестно когда и откуда, и неизвестно куда и в какой именно момент. Никто не успевает зафиксировать.

Только он исчез, я сразу закурила ещё одну, и развернула бумажицу. «Стриптизная» - гордо красовалось название. Вот тебе и раз, чего же боле? Это ж Шут, сука! Сам писал, небось! Интересненько...

Вечером, внимательно изучив текст, я нашла его неплохим, и мне стало непереносимо интересно – и какая же музыка должна сопровождать подобное? Набрала номер Шута, и согласилась встретиться с ним прямо утром, и всё обсудить. Универ соответственно, не сдохнет, впрочем, как обычно.

Прискакала по назначенному адресу – оказался какой-то полуподвал, довольно тесный, но светлый, и заставленный всякой звукозаписывающей всячиной – типа пульта, колонок, профессиональных микрофонов. Тут и там связки проводов, запутаться можно! Валяются и висят гитары разной модификации, и самая прикольная деталь - на столе в вазочке для варенья связка разноцветных медиаторов на шнурочке, и коробка с запасными струнами, железными и нейлоновыми.

Меня радушно встретил Шут, он был пока один. Сели покурить – дверь заскрипела, и пригнувшись вошёл какой-то длинный чел. Он вёл за руку девушку в чёрном.

- Ой, Гаюшка, здорова! – поднялся ему навстречу Шут.

- Вот, Дикая, знакомься, это новый продюсер наш, «Детей Смерти»! Ну, и мой проект вести будет. Вместо безвременно покинувшей реальность Вики! – пафосно представил Шут.

- Очень и очень рад знакомству! - голос продюсера низкий и приятный. А вот глаза... Чёрные настолько, что кажется без зрачка

вообще, насквозь пронизывающие, смаргивают редко. Чел с глазами чёрта... снял пальто, и додумался наконец представить свою девку:

- Моя подруга, спутница, х-мм, так скажем – жизни! – они с Шутом многозначительно переглянулись. Задрали они уже с этими своими играми в смерть! Тоже мне, готы сырые. Мы с девицей кивнули друг другу. Зовут её красиво - Ева. Она откинула капюшон пальто, показав короткую стильную стрижку на светлых волосах, и тяжелые витые серьги тёмного серебра. Молча и почти угрюмо села напротив, закурила. Видно, что от природы полна, но будто иссушена. Что это – инъекции героина? И взгляд в упор, глаза безжизненные, не движутся. Как и у Шута... Чтобы посмотреть на что-либо, она странно поворачивалась чуть не всем телом. Больная какая-то, или скорее наркоманка. Сдержанная до суровости, говорит тихо, и только Гаю что-то на ухо. Неприятная и отталкивающая манера. Вскоре подошли все прочие – барабанщик Кайф, скрипачка Джойс, и звукарь Мортал. Жуткая у них компашка, один к одному все... Разбрелись по местам, каждый к своему инструменту, принялись настраиваться, матерясь и переговариваясь между собой. Меня будто никто не замечал, кроме Шута, который всё бегал от микрофонной стойки ко мне, пытался шутить и улыбаться. Совал мне коньяк, отбирая у других. Я про себя тихо напевала, примеряя текст по бумажке. Вскоре звукарь дал команду вперёд, и я вздрогнула как ужаленная от первых аккордов. Началось...

Я чувствовала себя никудышным лошонышем... Голос срывается, текст не ложится. Волнуюсь очень, ведь у меня совсем нет опыта студийной работы. Шут объясняет, что это очень просто, всё равно, что дома. Советует закрыть глаза и не заморачиваться. А у меня на уме Ветер, Ветер – куда он делся, не звонит, ни дома ни на работе нет, и Ленка не отвечает... Что за дела? Какая нахрен песня в таком состоянии?? Ещё и Гай этот сильно отвлекает – сидя в тёмном углу напротив, сверлит меня блестящими наркотическими глазами, насквозь. Как бы сказать ему, что мне это мешает и сдёргивает?? Чёрт бы его побрал! Зато уважения к Шуту немного добавилось –

ему бы нервничать и психовать, ведь я ему все сроки ломаю! Раз согласилась – надо дело толком делать, а я не в силах собрать себя, разбросанную по кусочкам – один в универе за сессию переживает, другой дома с мамой – что на скажет на всю эту байду, если выгонят посреди учебного года? Третий опять по наркоте скучает, четвёртый – тот, где сердце, по Ветру сохнет, и мучительно бьётся в вопросе, что с ним, где он?? Но Шут терпелив и ненавязчив, поит чаем и коньяком, в сотый раз совершенно спокойно объясняет на пальцах одно и то же, даёт длинные передышки, утешает, что всё нормально, так ведь и бывает всегда с певцами... К тому же, перехватив мой болезненный взгляд в сторону Гая, вытолкнул его нафиг, объяснив тем, что девушка волнуется. С его исчезновением, стало легче, хоть и ненамного. Мандраж не желал отставать. Я дышала глубоко, пробовала снова... Короче, волей-неволей, а пришлось расслабиться, напиться, отойти, снова напиться, протрещать с Шутом всю ночь на студии о том-о сём, убейте на помню о чём, но что-то весело нам было, втроём со звукарём, прикольным пацанчиком лет двадцатидвух! – и записать-таки песню эту так, что от зубов отскакивала, и лилась как из брансбойта! На одном дыхании писались, на одном дыхании отслушали!

Тут же пришла идея клипа – как без клипа раскручиваться? *«Ведь шоу, твою мать, должно продолжаться!»* Мне невыносима была сама мысль выхода из угара, возвращения к себе на квартиру. Я оттягивала момент столкновения с той действительностью, где исчез Ветер, и я могу узнать что-то страшное о нём, чую ведь! И сессия, долбанная сессия! Нет уж!!!

Домой, к сожалению, пришлось отлучиться, не могла же я поселиться на студии Шута, пережить тяжкую полосу жизни. Там поругалась с мамой, она требовала, чтоб я так больше не исчезала, с выключенным телефоном, им с папой потом морги обзванивать, и ещё много каких-то гадостных вещей того же порядка. Досталось в первых рядах и моему обновлённому в сине-зелёные тона ирокезу. Раньше-то, мол, она молчала, когда он хоть цвет свой натуральный

имел, но теперь!! Да уж... Я отстреливалась, как могла, почти послала её на хуй, едва удержавшись от прямых оскорблений. Короче, об этом четырехдневном простое я пожалела ещё как! Я уж чуть не возжелала как спасения звонка Шута, с приглашением на съёмки, когда он наконец сделал это, будто выждав самого кульминационного момента. Я чуть бегом не побежала на его голос, прямо в час ночи. Уж лучше, чем все эти косые взоры, и бесконечные напоминания, что я непременно пропаду в клоаке жизни, если буду так обращаться с собой и своими близкими! Тока я собралась повесить трубку, как – сюрприз! – он спросил:

- А ты не можешь прямо сейчас подъехать?

Я остолбенела – неужели так прямо сейчас и можно выскочить к чёртовой матери отсюда, и снова окунуться в распрекрасный процесс творчества? Пусть бы и с Шутом. Последний опыт общения показал его в несколько более выгодном свете, и по-любому, он сейчас мне в компанию лучше, чем неуёмная, совершенно невтемачная забота мамы!

- Могу!! – заорала я так, что кот подскочил на диване. Моментально собралась – то есть сунула фляжку коньяка в карман, наличное бабло, зарядку для мобилы, ключи, намотала шарф, застегнула гады-куртку-кепку, и бежать! Такси вызвала пока с лестницы сбегала, маме звякнула, что я ушла дела делать, и не надо больше ругаться. Уже в машине уточнила адрес у Шута, и вся во вздрюченных чувствах примчалась на место. Это оказалась обычная крохотная квартирёшка, в каких обитает основная народная масса. Хозяин, "нахлобученный" парень лет семнадцати, кивнул мне, приглашая пройти в зал, напутствовал делать что угодно, тока его не трогать, и сам исчез в другой комнате, плотно затворив дверь.

- А вот и наша красавица! – встретил меня Шут радостными объятиями. А с дивана приветственно помахала сигареткой – конечно, снова Портвейн! Кому же ещё в этом поганом городе и снимать клипы нам, забывшим бога злобным неформалам? Мы поцеловались, как старые подружки, выпили на троих, пока ждали

приезда оператора. Того всё не было, и я вспомнила, что не жрала уже часов семь-восемь. Порта кивнула на мой голодный вой, и Шут натащил с кухни разных бутылок, пачку масла, хлеба чёрного и белого полусухого, варенье, чай в железных кружках, две банки кофе, ещё чего-то. Я завопила, что нам столько не съесть, но Порта остановила – это, мол, не столько для утоления естественных потребностей тела, сколько для души, то есть антураж для клипа! И жрать надо как можно свинячнее, оставляя огрызки хлебных корок, лужи варенья на столе, окурки, куски консервов в открытых банках, и прочую гадость. Да уж... интересное кино должно у нас получиться, при таком раскладе! Под радостное одобрение Порты, мы втроём нагрызли и нахерачили на столе так, что смотреть страшно! Не выносящая свиноты, я только вздохнула, глядя на это безобразие – чтож, раз надо!

Наконец явился заснеженный оператор Сникерс, пожаловался на дурную погоду, и они с Портвейном начали строить свет. Передвинули тяжелый дубовый стол на середину комнаты, устали его початыми наполовину бутылками, стаканами, накидали тех самых огрызков. А меня усадили у дивидишника, изучать профессиональный стриптиз.

- Только ты не заморачивайся на всей этой байде, девочка! – наставляла Порта: – Они ж профессионалки, скока лет учились! Не старайся повторять, просто вдохновись, ну, там и возьми что-то для себя, что глянется!

- Ты ведь тем и хороша, что естественна, природной пластикой и душевной сексапильностью, я бы сказал! – присоединился Шут.

- Да, делай лучше, как Белка, как Лёля! – встрял оператор Сникерс: - Чтоб красиво и от души!

- Ну ладно, ладно, поняла я! – они меня уже начали доставать, я не могла сосредоточиться на экранных танцовщицах. Как дитю втирают, ей богу! - А то я до этого голая никогда не плясала!

- Ну, так наверное на надо! – нашёлся Шут, - а то слишком чувственно получится, народ потом пачками хоронить придётся!

Посмеялись, и начали. Я переоделась прямо при всей компании, в серебристое прозрачное платье-слип до коленок и длиннющие сапоги на шнуровке, принесенные Портвейном. На шею гламурные крупные белые бусы, завязанные узлом где-то в районе пупка. Добавили длинные синие атласные перчатки, и жемчужные браслетики. Потом покрасили по-быстрому, напялили паричок блондинистый, длинный. Башка в нём сразу запарилась, но искусство, как известно, требует жертв, сука такая! Я боялась в зеркало взглянуть... Но пришлось, и от увиденного вырвался вопль:

- Вот бя, кукла-проститняга!

На это Шут радостно кивнул:

- То, что надо, Дика!

А оператор заржал:

- С-с-супер-р-р!

- Теперь давай, на пробу изобрази чего-нить такого! – махнула мне довольная Порты.

- Вы кого из меня сделать хотите, все потом будут думать, что я блядь какая-то! - деланно завозмущалась я, хотя образом осталась довольна. Начала двигаться под фанеру, приплясывать и кривляться, как считала нужным, но Порты остановила жестом:

- Дика, ну это ваще-то что?

- А что надо? – моментально обиделась я. – Ты же ничего не объяснила!

- Расслабься, ты как мороженая!

- Или пластмассовая, - поддержал Шут, стоявший в тёмном углу, так, что лица не видно, только скрещенные на груди руки.

- А голова фарфоровая! – поддержал общую травилку Сникерс.

- Так чё мне делать-то? – возопила я. Но меня никто будто не услышал – они уже загорелись какой-то новой коллективной идеей.

- А что если её куклой сделать, такой пластмассовой, для стриптиза! – орала возбужденная Портвейн.

- Да, точно, и пусть танцует, задирая платице, так механически, моргая как дурочка, и губки надувает крупным планом! – поддерживал, блестя глазами Шут.

- И ножкой так – опа! – по банкам всем этим! – изобразил, как именно я должна это делать оператор. Я сразу попробовала повторить, и чуть не сверзлась с высоты этих долбанных неудобных сапог! Вот чёрт, а меня-то никто не спрашивает, как мне вообще идея?

- Народец, а я что, на столе должна плясать?

- А ты думала? Конечно! – повернулись ко мне все разом. В это время я зачем-то зачерпнула варенья из банки грязной ложечкой, и вылила его обратно.

- Не, не так! – тут же взвыл оператор, подскочив ко мне: - Сними перчатку, на секунду!

Я послушно сняла.

- Портвейн, смотри, а если так! – вопил над ухом длинный Сникерс: - Ну-ка, зачерпни пальчиком вареньица, и вот так, в ротик положи, оближи, и посмотри в камеру!

Он уже нацелился на меня своим горящим видео-глазом, и я повторила предложенное, как можно старательнее моргая.

- Стоп! – заорал Сник, отрываясь.

- Ну, так и что же такого там? - резонно спросила Порты.

Мы сели отсматривать тут же полученный кадр, прямо на мониторе камеры. Получилось клёво, нечего сказать, очень кукольно.

- И вот это вот - в начало самое, пока ещё музыка не началась, и тока после она на стол вспрыгивает, и ручками вот так! – Сникерс показал как, очень деревянно. Порты согласилась, и я полезла на стол, размахивать руками, топтать ножками, задираю платице, и прочее, что могла бы совершить наглая пластмассовая кукла-стриптизерша в натуральную женскую величину.

По-честному, получалось не очень, я всё норовила то поскользнувшись на варенье, грохнуться к чёртовой матери и

переломать все кости; то забывшись, делала одно неверное слишком человеческое движение, и всё по новой... жуть. Потом сползал парик, или чесалась не в тему лодыжка под длиннейшей шнуровкой, да так, что ни терпеть, ни тем более работать дальше невозможно – приходилось, матерясь, расшнуровывать, чесать и обратно зашнуровывать. В итоге Порты пригрозила, что прибьёт меня на месте, и натянув на суставы суровые нитки, сделает из моего трупешника марионетку, чтобы самой управлять, тогда уж всё как надо без трабла пройдёт! На этом месте молчавший Шут возопил, что это охренительнейшая из слышанных им идей, и надо непременно её воплотить! Из всех нас, один лишь он был всё так же бодр и весел. Сволочь, это когда мы все уже чуть не валимся от усталости! Я тоскливо посмотрела в зашторенное окно – оказалось, уже дневной свет сочится. Ни хрена себе, это сколько же сейчас времени?? В конце-концов, я же спать хочу, блинн! – подумала я, и показала «фак» прямо в камеру. Сникерс, оказывается, всё еще снимал, и мой жест его взбесил:

- Дика, зачем так-то, думаешь, ты одна такая замученная?

- А что там? – заинтересованно повернула голову Портвейн. Сказано – профессионал, всегда ушки на макушке, вдруг чего пропустит.

- Да вот, смотри-любуйся! – зачем-то разозлился Сникерс. Порты заглянула в монитор, и захлопала в ладоши:

- Это ж как раз что надо, в конец клипа! Последним кадром, а?

Сникерс недоверчиво посмотрел на неё, Шут закивал. Я заглянула тоже, мне прокрутили назад: оказалось, мой жест очень неплохо лег на плёнку, очень по-человечески, сумрачно.

- Но ведь кукольности никакой не осталось! – возразила я неуверенно.

- Так это же самое оно, в финале поставить, вроде как, кукла ожила! – отмахнулась режиссёрша. Мы со Сникерсом одновременно пожали плечами, при том он недоверчиво покосился на меня, и я отвернулась.

- Я ваще-то спать хочу, - сказал я тупо, стягивая перчатку. Больше не могу, ей богу!

Улеглись, кто где, я даже умыться не стала, и не переоделась. Повалившись на продавленный диван, завернулась в толстый старый вонючий плед, и лишь сомкнув глаза, уплыла туда, где...

Мы втроём, напившись злого неразбавленного виски «Джэк Дэниелс» развлекались на полную катушку: разыграли сценку обыска арестантки, типа Ветер на улице задержал Гдетыгдеты и привел в «отделение» (ко мне на хату). Там я уже дожидалась их, при всем параде «полицейской»: в косухе, узенькой кожаной юбочке с широким ремнём за который вместо резиновой дубинки или шокера заткнута почему-то садитская плётка. Видон дополняли мои излюбленные тяжёлые гады, чулки в сетку и строгая кепочка надвинутая на правую бровь.

- Добрый вечер, сержант, что у вас сегодня? – усмехнувшись, я подошла к «задержанной». Та нагло ухмылялась мне в лицо, играя свою роль как по писанному. Я рассмотрела Гдеты как следует – ну, самого проституточного вида. Коротенькая джинсуха с замочками, майка с неприлично-глубоким декольте, в котором сразу видно, что лифчик девочка забыла дома. К этому всему джинсовая юбчонка, по ширине больше похожая на пояс, голый живот, чулки с рисунком, лаковые сапоги на огромных каблуках. И в завершение образа чёрный обвод глаз, алая помада, волосы во все стороны, огромные серьги-кольца, жевачка и кроваво-красные накладные ногти. Ей, конечно, не особо-то идёт – у неё фигура не слава богу. Но в этом и был особый «шарм», проститутская уличность. Я просто удивилась – ведь может же! Чего раньше выебывалась, тихоня?

- Эта девушка подозревается в торговле телом и незаконном хранении наркотиков! – ответил Ветер.

- Значит, будем искать! – сказала я, и принялась лапать подружку, «обыскивая». Нашла в трусиках гашиш, и с воплем:

- О-хо-хо, сержант, взгляните-ка на это! - отдала его Ветру.

- Ты должна бы знать, чем тебе это грозит, шлюшка! – помахала я перед лицом наглой девки, и резко приблизившись, впила в её накрашенные губы. Потом снова грубо всунула в неё пальцы, и «довела» Гдеты так, под предлогом «Сейчас изнутри проверим!». Сама смотрела из-за её дрожащего плеча на Ветра, как он любуясь нашей забавой дрожит жадно. Вынув влажные и липкие пальцы, похотливо облизала, и посмотрела на Ветра:

- Что вы думаете по поводу этой сучки, офицер?

- Продолжайте, офицер, она должна получить хороший урок правосудия! – холодно бросил он.

Тогда я согласно кивнув, развела ей ноги ещё шире, так, что она чуть не упала, едва удержавшись, и стала трахать её концом плети. Она вскрикивала, запрокидывая голову, и кусала губы, пока Ветер не остановил нас, отобрав плётку. Он властно поставил Ленку на колени, заняв ей рот, меня притянул к себе, раздвинул ноги и трахал своими длинными пальцами, доставая кажется, до самого сердца... Пока я ласкала себе соски и клитор.

Потом все злобно и бурно кончили, и раскурились мирно Ленкиным гашем. Расслабон...

Я с наслаждением вдыхала теплый мутный дым, когда голос Портвейна ворвался в сознание, безжалостно вырывая из нашей чудной компании извращенцев:

- Дика, эй, девочка, работать!

- А? – резко распахнулись мои глаза. – Что за херня?

- Какая херня, всё, вечер уже, работать надо! – Порты сидела передо мной на корточках. Я тупо смотрела на неё, слишком медленно приходя оттуда – сюда. Чёрт! Сон, явь – свихнуться можно!

- Уже и Шут пришёл, ты и так дольше всех спала, дорогая! – увещевала режиссёрша, пока я размазывала по лицу остатки грима, продирая глазки.

- Мы уж и пожрали, и свет отстроили, всё жалели тебя, не будили, думали, сама, пока суть да дело встанешь!

Я кое-как поднялась, и поплелась умываться. Портвейн – за мной:

- Платице-то отдай, погладить надо!

Потом я поела торопливо, и снова за дело!

Сегодня вся работа заключалась в том, чтоб как можно более кукольной и сексапильной распинывать остатки засохшей жратвы, танцуя на столе. А Шут, пока я отдыхала, изображал добухавшегося до «белочки» извращенца, которому явилась его больная фантазия – кукла-шлюха.

Измотавшись до тихой истерики, я упала как вчера под утро, на диван, и не помня себя, уснула.

На следующий вечер всё повторилось. Только сегодня мы снимали крупные планы – я надувала губки, строила глазки, моргала, и кочевряжилась так и этак, под строгим глазом камеры Сникерса, и окриками Порты.

Проснувшись в очередной раз всё в той же обстановке, я собралась снова работать, но Портвейн объявила, что я пока здесь больше не нужна, и могу идти по своим делам. Не зная, радоваться такой свободе или огорчаться – они меня здорово отвлекли от всех моих траблов! – я поплелась к себе, где спала, ела, уже привычно качала пресс через стул, и ни о чем не думала, ожидая вызова Портвейн, перебирая в памяти эпизоды последних угарнейших ночей. Мне хотелось продолжать и продолжать... Где-то через неделю – я не следила за временем, - Порты позвала к себе домой, отсматривать готовый материал. Я помчалась как ошпаренная!

Сюжета я не знала, и передо мной на мониторе развернулась такая история: парня глючит от пьянки, и однажды ему в одиноком запое является живая мечта – пластмассовая кукла в натуральную человеческую величину. Какая была в детстве у его сестрёнки, и на которую он дрович... только, конечно, более развращенный вариант. И вот, она пляшет для него, а он не знает, сбежать в ужасе, или пригласить её прилечь на диванчик... Шут очень хорошо

сыграл всю эту гамму оттенков нелёгкого душевного выбора на алкоголическом лице. И я молодец, однако. Сучка пластмассовая, как она есть.

Пиндец. Я смотрела обалдев, в голове моей заварилась жуткая каша – вроде это и я, а вроде надо и отрешиться от всего, и оценить поверхностным взглядом.

- И кто это додумался до такого извращения? – вырвалось у меня само-собой.

- Шутец, кто ж ещё! – усмехнулась Портвейн.

- Да уж, следовало догадаться! – кивнула я.

Забрав свой положенный экземпляр, я вышла несколько разочарованная – неужто ж это всё? А я почему-то была настроена продолжать и продолжать. Думала, что клип – это дольше... чёрт. Чем же мне опять заняться? Первым делом, надо прозвонить всех моих, и похвастаться работой! И Жанночке отправить отчёт. Что она скажет? А Ветер... сердце больно кольнуло. Пошёл он в жопу. Да только больше не пошёл!.. Всё, надо возобновлять репети!

А этот чёртов Шут прикопался ко мне не на шутку! Каламбур, блин. Вот и сегодня, собираясь на репу, не успела я один глаз накрасить, как звонок:

- Привет, Дика! – этот голос его вкрадчивый, мудацкий.

- Привет! – и чё я с ним вообще разговариваю, если он мне не нравится?

- Чем занята, подружка?

Я чуть не подавилась – какая я ему подружка?

- А чё, опять подпеть некому? – сразу к делу! Не хочу с ним общаться больше. Тех разов хватило.

- Смело, однако! – хмыкнула трубка.

- Ну, так и чё хочешь-то, Юра? – я специально назвала его по имени, отлично зная, что он этого терпеть не может.

- Я дело тебе предложить хочу, Иванушка!

Хы, думает, ответил? Я со злобным удовлетворением отметила, что достала его. Йес!

- Какое-такое? – прижав трубку к уху плечом, я продолжила краситься – время, товарищи! Ладно, хоть свежестриженный ирокез не требует особых забот!

- Да у меня вот тут презентейшн «Изгнания святых» в следующую пятницу, твою партию за тебя исполнить точно некому!

- В пятницу? – меня уже несло: - А что, на выходной день за аренду денег не хватило?

- А мне пятница милее и ближе! – ласково ответил этот гад. Ну и хрен с ним, а мне уже бежать пора!

- Ладно, давай потом поговорим! – и собралась уже спешно прощаться, но он успел сказать:

- Нет, сейчас ответь, согласна?

- Ну-у... - я уже наматывала шарф. А впрочем, почему бы и отказаться?

- Хорошо! Позвони вечером, вплоть до двух ночи, я не сплю! Тока на мобильный! – номер я диктовала уже выискивая нужный ключ от входной двери в связке.

Нет, конечно, в моём положении, когда тока-тока начинаю вставать на ноги, отказываться нельзя петъ даже в дешёвом баре! А Шут сейчас очень широко пошёл! Да и с Гаем поговорю заодно. Раз на Вику больше рассчитывать не приходится.

Всю неделю я разрывалась между репами у Шута и с собственной группой. Шут изловчился уговорить меня ещё на одну песню с ним дуэтом, заверяя, что я всё успею, и в ущерб моей деятельности это не пойдёт. Название уж больно мне понравилось – «Психическая народная», и мотив этакий этно-депро-истерик. Так и тащит от неё моими депрессивными запоями... Сволочь какая, всегда на что угодно уговорит! Зачем я соглашаюсь, сама не пойму? Он меня бесит порядком, но что-то такое есть в его мёртвых глазах, что я не могу сказать решительное нет, будто размягчаясь. Ловит некую

больную струнку в душе, и тянет за неё к себе поближе, манипулирует, как хочет. Когда я настырно еще раз спросила, почему он всё же не возьмет в пару Айрин, ведь она великолепно поёт! - он ответил, что не тот стиль, она больше «готишна», и что самое главное, принадлежит Дурю. Так и сказал – принадлежит! Я не очень поняла, в чем тут мораль, но докапываться не стала. Чёрт с ними, а выступить лишний раз – хорошее дело!

Короче, носилась я между двух репет-точек, и всё раздумывала, как бы мне одеться в этот раз, выступить! Это должно быть и эффектно, и необычно, и убийственно-сексапильно! Как я себе и наметила, раз и навсегда в своей деятельности – да будет она долгой-долгой-долгой! Кстати, страдания, связанные с похуданием, дали отличные результаты – попа стала уже 96 см, а была 102! Теперь можно смело раздеваться. Даже на сцене. Вот это так!

Придумав что-то, вспоминала про ирокез, и образ распадался, не увязавшись с экстремальной причёсочкой. В итоге, что только не перебрав в уме и у зеркала, из всей невообразимой кучи тряпок, хранящихся дома, я прибыла на саунд-чек в таком видоне: излюбленные рваные чулки, темно-красные гады, шорты милитари с широким ремнём на бёдрах, растянутый свитер-сетка сползающий с одного плеча, одетый на голое тело, при том лифчик я предусмотрительно «забыла» дома. Никакой косметики, хоть лицо и припухшее от усталости и огромного количества употреблённого за последнее время алкоголя, плюс взлохмаченный лиловый ирокез. Из украшений – огромные серебряные серьги-кольца. Логично было бы накраситься густо-чёрными потёками. Но именно вопреки логике имиджа, я не стала этого делать. Не-на-ви-жу быть *как все*, делать то, что от тебя ждут!! Но собачий Шут был в восторге, присвистнул, и сказал:

- Дикуша, это самое что ни на есть то, что надо!

Ну вот, а я-то хотела его позлить! Пока настраивались, успела напиться чуть не до беспамятства – жутко волновалась, не в силах справиться с собой. Не покидало дурное чувство, схожее с

тошнотой, что я забуду нахрен оба текста, и пинцет карьере! Все запомнят мою лажу, и чё тогда? Жуть. Всё прочее время концерта моя обязанность была плясать как можно развязнее, и тем заводить народ. Я уверенно полагала, что уж это-то не трабл, но сейчас, когда я попыталась встать, чтоб подпеть Шуту свои партии, и не смогла подняться без посторонней помощи, мне стало так страшно, муторно и дурно, что я пожалела, что согласилась... напилась в зюзю, идти не могу, дыхание будто рвётся пополам, и того что остаётся, не хватает! Что же делать? Чёрт...

Концерт был оглушителен, в безумном и чудовищном угаре, вопреки всему! Как было весело, адские танцульки!! Помню, что заметила в толпе у сцены лицо Ветра, хмурое и сосредоточенное. И меня так расперло, я выступала для него! Всеми своими развратными задираньями до ушей и без того дырявого свитера, всеми виляниями задницей и валяниями по сцене с микрофоном, я стремилась показать ему, как я его ненавижу, пусть видит, что я едва не отдаюсь всей безумной орущей панк-толпе! А он пусть сдохнет...

Приползла домой – свитер насквозь дырявый, душа насквозь дырявая...

Ой, да не ходила б девка-а-а-а,

Ой, да не звала б любо-о-о-овь.

Как из пластилиновых туч вышел Ветер,

И взял её-о-о-о...

Давно, в ещё одной прошедшей эпохе моей жизни пропела я прямо в рожу Ленки-Гдетыгдеты, торжествуя победу. Я тогда уверовала, что пару раз переспав со мной, он с ней последний день, и теперь мой. Наивняааак!!!

Зарево, зарево!

Зарево в голове-эээ,

Зарево, зарево...

Прижми его к себе.

*Люби, люби, люби
Его.*

Сама его люби, а мне больше не надо.

*Ой, да не страдала б девка,
Ой, да не пускала слё-о-о-з,
Когда в парафиновых грёзах
Пропал её Ветер...*

Помылась бездумно, и залегла спать. Мыслей не было. Переваривание произошедшего оставила на потом.

С утра похмелилась и полезла на сайт Шута *dohlopunk.narod.ru* читать отчёт о концерте.

Фотки просто... боже, неужели это я?? Развра-а-ат. А я и не знала, что могу ноги так высоко задирать, и такие крутые петли задницей описывать... вот чёрт! Я довольно улыбнулась - а ведь спортивная подготовка спасает до сих пор! Как здорово, что я танцевала в своё время!

Завтра у меня снова День Рождения. С него начали, им и заканчивать будем. Двадцать лет! Самое время подводить некие итоги. Главное - первый раз в жизни не трабл, с кем праздновать! У меня есть моя группа, родные мои чуваки! Иваныч с Лорой, Юлдусик, Пистолет... Прошедший год был таким чудовищно длинным! Сколько всего пережито-растрчено, я и не знала раньше, как туго можно набить событиями и переживаниями неферскую торбу одного коротенького года жизни! В торбу влезает десять стеклянных бутылок пива, а в мою жизнь с девятнадцати до двадцати влезла дикая депрессия, наркомания, Гоблин, Ветер – и всё это я отжала и выпив до капли, выбросила! А что осело сухим остатком – своя родная группа с бурной музыкальной деятельностью, настоящие друзья, и Жанна... я и мечтать не могла обо всём этом, и самым лучшим подарком к празднику считаю

именно эти свои достижения! Я смогла, я сумела! Жила неосознанно, стремилась куда-то, раздёрганная Ветром и своей непокладистой, взъерошенной душой. Плыла туда, куда тащило внутреннее течение. И оно не обмануло, принесло и мягко выбросило на берег Святой Жанны, между крутыми скалами Панк-Рока. Вот стою я, на некоей вершине, и рядом друзья – музыканты, а Жанна-и-ТорК машут мне приветливо со своей непостижимой, но уже такой близкой точки – «Иди к нам, сюда!» Я бегу, и пою о любви к ТорКессе – именно любви! Совершенно ясно теперь – я лесбиянски влюблена! Моя, моя Жасик... Я боготворю её, я её желаю! Нет никого прекраснее, умнее, проникновеннее и великолепнее Жанны Моуле! Смотрю на нее, живую и на фотках, замирая, и мечтаю страстно, как целовала бы и ласкала её... и Ветра нет, чтобы смотреть на нас, возбуждая ещё больше... только моя...

«Здравствуй, солнечная Жанна!

Знаешь, у меня завтра День Рождения ☺ Мне двадцать лет уже. И по этому поводу маааленькая просьбочка – если не трудно, укрась пожалуйста мой праздник своим словом – позвони, если можно так по-наглому на это рассчитывать... я буду счастлива до умопомрачения! ☺

Я перебирала свою жизнь, ведь дата всё же круглая, и мне хочется сказать тебе следующее:

Спасибо, милый-милый, чудный мой Жас, что ты открыла мне истину, сказав однажды: «Ты же Женищина! А это немало!» я поняла, это и приняла всем естеством. Это в самом деле очень-очень много! Истинная сила – в женищине! Это ты, Солнце, впервые заставила меня всерьёз задуматься над силой истинной женственности! Потом было много всего, что я жадно впитала, и до сих пор ещё продолжаю раскрывать эту божественную суть, но ты была первой, открывшей глаза мне! СПАСИБО! Я ещё найду способ отблагодарить тебя душевно, ведь все мои подарки слабоваты для выражения всего этого... Душа моя благодарна и

тянется к тебе. Я тебя обожаю, беру от тебя всё лучшее! Дружочек мой, Жанночка... буду ждать звонка. Целую в носик! Привет ТорКу».

Я так переживала, не слишком ли я глупа, что пишу Ей такое? Да ещё и позвонить прошу... с репетиции вернулась опять пьяная, уже начиная готовиться к основному празднованию. Содрогаюсь от непонятных предчувствий врубила комп - аська донесла мне послание от Них:

“Спасибо на добром слове, Дика! ДВАДЦАТЬ ЛЕТ – рулят!! На день рожденья позвоним. Целуем злобно, Т-и-Ж.”

Wow...Буду ждать!

А я вот лежу, не могу спать, и думаю о сексе, СЕКСЕ, сексе...

Вспоминала, как привязав мои руки к столу, Ветер дико трахал меня, обзывая всякими словами, вдруг срываясь на нежности, а я просила ещё и ещё... *«Боль, сделай мне хуже!»* Один лишь раз, хотя бы один... нет.

Спала до обеда, потом долго-долго валялась в теплой ванне, пытаюсь привести тело и душу в праздничное состояние. Хотела дожить до репета без бухла, но никак не получалось остановить потоки тоски. Пришлось-таки свистнуть коньяка, и завалиться с ним обратно в воду. Как-то незаметно я задремала, и проснулась только от того, что уронила баттл себе прямо по колену, очень больно. Встряхнулась, зажгла бодрящие ароматические свечи у себя в комнате, и принялась наряжаться. Долго париться не стала, и Деньрожденческий образ сложился таким: красная майка на шнуровке, чёрные бриджи, ажурные чулки и нубуковые туфли на пряжках + длинные перчатки в сетку и шикарные серьги. Отросший ирокез позволил соорудить нарочито растрёпанный стильный причесон.

- А вот и я!! – заорала я, влетая на репет-точку, где уже собралась вся группа, и кое-кто из специально приглашенных. Я сама никого не звала, их привели ребята - конечно, Лора, Март, и ещё кто-то.

- Это кто у нас такой тут полуголый, праздничный? – завопили от двери, я обернулась, и меня сгребла в широкие объятия Портвейн.

- Ах ты, сучка! – радостно кричала она, хлопая по спине: - Двадцать лет, стало быть? Ну, наливай тогда!

Она притащила камеру, и обещала скурпулёзно заснять всё то массовое бескультурье, которое по её мнению непременно сегодня произойдёт! А после коварно слепить фильм, порочащий мой светлый образ, но укрепляющий порно-имидж. Это и будет подарком.

- Чего ж ещё и ожидать от такой старой стервы, как ты, Портвяшка? – ответила я радушно. Сгребла подарочки, даже не рассматривая – хотелось скорее напиться!! Раздавили пару баттлов вермута, запили коньячком, попели слегка, но особо настроя работать, конечно, не было ни у кого, и мы просто дурачились, выплясывая, и попивая из горла.

Потом пошли смс-ки: поздравили Ведьма и Русый, брат из Варшавы. И даже Гоблин! *«С Днём Рождения, прекрасная богиня! И пусть солнце бледнеет в твоём присутствии от зависти, и светит с двойной силой, возвращая цветы, ни один из которых не сравнится с тобой, Королева! Пусть плачет небо дождями, бессильное собой затмить тебя... как плачу я и поныне, потеряв тебя... Будь, всегда будь!»*

Вот чёрт... нашёл же что сказать! Зараза, ну неужели нельзя успокоиться за такое время! Я же не виновата, что не любила его никогда. Я ему этого и не обещала! Да пошли они все!!

- Юлька, наливай! – протянула опустевший стакан. *«Пей до рвоты, оставь заботы...»*

Я без бухла уже просто не могу... когда трезва – вроде как ещё ничего, типа так и надо. Но доходит до него, проклятого – всё, трындец!! Поехали! Все могут сидеть себе спокойно, когда почти

полный баттл под ногами, а я нет. Мне сразу надо допить, догоняться! Одна рюмашка – и меня прёт!! Сразу весь мир будто переворачивается. И я иду в разнос.

- Лучший подарок – конечно же мёд! Это и Дика сразу поймёт! – орали мы всякую хрень. А никто и не думал, что будет реальный репет!

После репы пошатались в ночной клуб Патрона Дуря «Саркофаг», на готический дискотешник. Не знаю, и как это нас занесло? Хотя, собственно, что за вопрос – сама же и предложила!

Там я устроила чуть ли не стриптиз. Плясала посреди зала, под готик, вертела задницей как могла. И вдруг Дурь, ди-джей хренов, орёт со сцены:

- А среди нас присутствует прекрасная принцесса Дикая Дика, супер-вокалистка группы "Изгое небо", и у неё сегодня Днюха! Давайте умолим её высочество подняться к нам сюда, на сцену, и явить всю красу королевского тела в танце!

«Разогретый» зал рёвом одобрил эту тему, и я резво полезла исполнять предложенное. Сколько я плясала так, и что вытворяла – не знаю. Кажется, было довольно угарно! Следующее, что помню – это как мне уже внизу помогала одеться Ю-юшка, а Портвейн довольно хрюкала над своей камерой – и это снимала! Блин, лишь бы не сгореть назавтра от ужаса содеянного!

Дурь, конечно, не отпустил нас за просто так! Потацил к себе за кулисы, где наливал, наливал, наливал...

Дальше – больше! Я ведь слишком похотлива, чтоб отказывать себе в случайном сексе! Поимела некоего музыканта, красивого темноволосого парнишку. Мальчик, похожий на лесбиянку... Посмотрела на него призывно, он подошёл, взял за руку, увёл за кулисы куда-то, где трахнул поспешно на столе, я обнимала его ногами. А ведь даже имени его не знаю, но именно это и дико возбуждает! Кончила оттого, что кто-то шумно топал по коридору сюда. Успела только трусики в карман сунуть – они путались в

каблуках, зацепляясь, и не налезали. Странно, и когда я успела бриджи поменять на юбку?

Да уж, чудный пролетарский девиз «ДАЁШЬ!» как раз для меня!

«И почему отходянк не спрашивает, какой сегодня день, и приходит непременно и обязательно. Как налоговый инспектор на фирму предков в конце года!» - такой обыденной мыслью начался первый день моего двадцатилетия.

Ой, не надо было пить... столько... а ведь знала!! И всё равно пила. Как-то так остро не было в процессе. До чего же банально... Теперь тошнит. Как это задолбало... это чувство когда перепьешь. Отвращение к тому, что сделано. Задрало. Достало. Замучало...

Меня не было дома вчера, и родители смогли только позвонить, растерянные, что я смылась гулять, и их кинула! Я намеревалась провести вечер с ними, но вот... угорела, блин! А Петровна испекла офигительнейший из пирогов в мире! С клубникой и взбитыми сливками. И двадцать свечей. Когда пропёрло на жор с похмела, вот тут и подумала вслед за Карлсоном: – эх, ну почему же нельзя двадцать пирогов и одну свечу? Я не могла наесться им, пока не ощутила, что встать уже точно не могу! Еще Петровна расчувствованно поцеловала меня в макушку - ах, наша девочка совсем выросла! И вручила тряпичную куколку! Типа, чтоб не забывала, что я всё равно для них вечный ребенок! Ну, не трогательно ли?

Что подарили предки, как вы думаете? Ключи и какой-то странный, запечатанный пакет. Я его разворошила, и тупо рассматривала бумажки, наверное, полчаса, под их нетерпеливыми взглядами. До меня жутко туго доходило, пришлось спросить:

- А что это такое, всё же?

- Это, детка, твоя квартирка! Новенькая, недалеко от Кэмдантауна твоего любимого, куда ты за одежкой бегаешь! – выпалил одним махом папа, а мама только кивала, и чуть не прыгала от восторга.

Хата в Лондоне. Охренеть. Меня захлестнуло какой-то праведной тошнотой - оказывается, родители решили – без меня!! – что мне самое время ехать в Англию. Мол, «Ландн из зэ кэпитал оф э Грэйт Британ», и маленькой дочурке русских бизнесменов самый что ни на есть распрестижище прожигать жизнь именно там! Папа, оказывается, этот флэт купил уже месяц тому как! А я думаю – и чего его вдруг в Лондон понесло на две недели? Мама тут надрывалась, бизнес без него вела. Я в ахуе – ну так делается, нет?? А у мну, между прочим, свои планы на жизнь! Я Москву себе присмотрела, по крайней мере, на первое время. Нет, ну в «Ландоне»-то мне нравится, симпатишненький город, «биг Сити лайф» и всё такое! Но мне неплохо пока здесь! Я патриот, ё-п-р-с-т! Так что, товарищи, вперёд и с песней, сами там живите! Но – вариант оставьте! Флэтяшка в Европе – это гуд! Потому и ругаться передумала, права свои качать. Не кусай руку, которая тебя кормит, уж это-то я соображаю, и соблюдаю! Ведь чем же плохо – в следующую поездку в Европу остановиться в своей квартирке? Пусть будет. А я тихой сапой устроюсь как мне надо! И никому докладывать не буду.

- Джьенкуйе, папа энд мама! То есть, сэнк ю вэри-вэри мач, май диэр пэрэнтс! – сообразила я сказать. Естественно, поблагодарила самыми лучшими словами, какие сумела вспомнить с похмела, и каждый остался при своём – я при квартирке, предки при дочерней благодарности. Вот.

Оказывается, звонила родня из Польши, папа их, чтоль, оповестил? Петровна записала пожелания на автоответчик. Я слушала и думала – а ни Ленка, ни Ветер так и не позвонили! И я сама не стала их искать. Сволочи! Что ж, я для них совсем уж ничего не значу??

Когда уже ушталась, и ложилась спать, вдруг как ожгло - так и Жанна не позвонила! Грустно, блин...

Но зато на следующее утро я получила письмо от *Неё*, да ещё и с приложенным видео-файлом:

«С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, ДИКАЯ ДИКА!!

Извини, дорогой, что не позвонили! Уезжали за город, а там телефон не берёт. Желаем тебе всего панковского, аморального, сексуально-порнографического, и грандиозного!

В приложении – наш нескромный тебе подарок. Смотри и наслаждайся.

Целуем, с верой в неизбежность побед тяжелой музыки, ТорК-и-Жанна.»

Клипец, конечно, снова на *ИХ* излюбленную аморальную тему. Описывать это не имеет смысла – нет в человеческом языке таких красок! Полежьте в инет, если интересно, и сами посмотрите!

Это тот, где в конце Жанна смотрит вам прямо в душу огромными горящими глазами и вкрадчиво говорит: «*А любовь торжествует!.. Как над ней не изгаляйся!*»

Чуть не заревела от этих слов... да уж...

И вот лежу я навзничь на кровати, раскинув руки, мысли пусты. Далеко за полночь уже, но спать невозможно! Играет музыка, мой святой панк-рок. Давно слушанных-переслушанных, пережитых «Стёкол» слушаю будто заново. Открывая и познавая вечно новых, вечно юных и свежих Стёклышек, углубляясь в новые слои, применительно к изменившемуся и углубившемуся мироощущению. Вроде, и надоело, ан нет, снова Стёкла и снова по-новому, как только что свежо. Вот так.

Узнала, что Ветер в психаре... опять! И видимо, теперь уже совсем надолго. Гдеты вчера звонила, и ревела, как корова – «ах, он тебя видеть хочет!»! Пипец, ещё чего! Конечно, послала наивную, дурищу подальше, с этим её психом! Хотелось орать, гнать ее взащей – оставьте меня, не трогайте больше никогда!! Но я была спокойна, как удав Каа перед бандерлогами, говорила тихо и равнодушно. Хотя мне и больно было очень. Очень!!! И до сих пор ещё не уймётся в груди, вздрагиваю...

- Передай ему, что меня для него больше не существует! И сама обо мне забудь, раз и навсегда, понятно?

В ответ Гдеты – «ах, ты... да как же так! Не стыдно ли, сходи к нему, хоть раз, он плачет и просит чтоб ты пришла»! Я сволочь безжалостная, да! А Леночка, видите ли, как верная единственная жена всё прощает и терпит, рядом тусуется поныне – четыре дня уже, оказывается! Она меня будто вызвонить не могла. Но мне почему-то показалось, что не хотела. Видимо, он допищался до того, что ей проще стало разыскать меня! Сучонка верная. Вот бедняжечка, сидит с ним до потери пульса, хоть и хуёво ей, а он объясняет, что нахрен ты мне – пусть Дика придет. Ха-ха, обломись!!!

- Вопрос закрыт, Лена! – отрезала я, мучаясь спазмом души, и желая поскорее сплевать эту тему: - Я уезжаю в Москву. Сегодня, и навсегда!

- А... - она кажется, растерялась: - Ну, напоследок-то ты можешь к нему зайти, пока ещё пускают хоть! Пожалуйста, Ивана...

Чёрт бы её побрал, блядь такую!! Я задохнулась от смешанных чувств обидной боли, отвращения, горечи:

- Я элементарно не успеваю! – ледяным тоном ответила ей: - И потом, ты меня никогда не жалела, а уж тем более он!!! – не выдержав, крикнула я, всё же сорвавшись. Вдохнула поглубже, давась воздухом, и пришила спокойно, чтоб не портить картину: – Пошли вы оба на хуй! Прощайте.

ВСЁ. Теперь-то совершенно ясно, что пора отсюда улепетывать. Или рядом с ним лягу.

В тот же день, я вернувшись пораньше из универа, написала Ведьме с просьбой пожить у них некоторое время, пока не найду квартиру. Она перезвонила, заволновавшись – не случилось ли чего? Я успокоила, что ничего страшного, просто больше не могу тут жить ни дня!

- Выручай, дорогая, пожалуйста!! – проорала я в трубку: - Я с ума сойду!! Или сдохну...

Она разрешила приехать хоть завтра, мол, они всё равно едут в Румынию на съёмки её нового проекта по Александру Васильеву.

- Русский на пару дней в Москве задержится, так что если успеешь завтра-послезавтра, давай!

- Янка, Янусичек!! – подпрыгнула я: - Ты солнце!!!

- Ну, так никто и не сомневался! – кажется, она улыбалась: - Всё, давай, как билет будет – звони, мы тебя встретим. Лучше раненько с утрачка, чтоб успеть по делам потом!

- Ага! – закивала я, лихорадочно пытаюсь запихать в голову, что мне надо сделать немедленно.

Попрощались, и я помчалась за билетом в ближайшую авиакасса. Хотела взять на завтрашнее утро, но подостыв, вспомнила об универских заморочках, да вещи собрать, да с мамой поговорить, чтоб не остаться без денег. И ведь кто-то должен хатку мою присмотреть, пока я буду приходить в себя и обустриваться на первое время в Москоу-сити. А Русые уезжают через два дня, и медлить нельзя! Значит, беру на послезавтра, и у меня будет сегодняшний вечер плюс ночь, и завтрашний день на решение всех оргвопросов!

Ох, какой был скандалище, боги и демоны мои, плачьте! Трындец, чего мне предочки нагородили!! Что я шалава, безответственная, живу как ни попадя, но пока я была хоть на виду, они ещё молчали! Это они называют молчать, все те бешеные разборки, которые я от них претерпевала?? Мать орала, чтоб я даже не смела и думать о переезде, пока универ не закончу! Папа вопил, что у меня нет никакой профессии, даже самой завалящей! И я непременно пропаду. Я возразила, что у меня есть музыка. Тогда они впали в супружескую солидарность, и заорали на два голоса, что это всё херотень полнейшая, толку с такого никогда не будет! И подохнуть мне под забором, без их строго присмотра! Меня плющило от желания рассмеяться, но хотелось уйти из

родительского дома - начала начал тихо и мирно! Тем временем, последовало жёсткое, ультимативное требование завтра же с утра сдать билет, и не выдумывать всякую долбанную чушь. Вернуться с повинной домой, и сидеть тихонько, учить уроки! Ну и ваще! Что бы они не говорили, им не уничтожить ни моего бешено-весёлого настроения, ни боевого запала! Кровь кипит — я уезжаю, и точка!

Разошлись далеко за полночь, когда у мамы разыгралась головная боль, а папа просто замучился препираться. Я помчалась собирать вещи, и вызванивать Ю-юку, чтоб она присматривала за моей хатой. А хочет — так пусть себе живёт, репует, пока не выгорит замуточка забрать её к себе в Москву, и там уж колбаситься вместе! Часам к пяти утра я перелопатила все три мегатонны своего тряпья. Что-то выкинула, что-то отложила забрать в другой раз — вроде жуткой кучи моих дисков, которые тащить не резон просто, слишком тяжело выйдет, да и куда их распахивать в чужой квартире? Кое-что скидала отдельно — подарить Ю-ю, или ребятам из группы. Измученно опустилась на чемодан — боже, как же я устала! А то ли ещё будет! От этих мыслей у меня всё внутри поёт — Москва!!! Жанна-и-ТорК, Русский-и-Ведьма, значит, и для меня там мой Кто-то найдётся! Дика-и-Кто-то! Бля, Ветер-и-Гдетыгдеты, чёрт, опять эти сраные мысли шерудятся! В груди от них больно... забыть! Выпила коньяку, и спать! Завтра будет... (ой, сегодня уже!) ещё более трудный и радостный денёк!! У-вау!

Помчалась в универ, оформлять доки для перевода в другой вуз. Там не порадовали — мол, пока суть да дело, да надо знать, в какой именно ты переходишь! А у меня нет сил разбираться в этом сейчас! Я уже вся в Москве! Улететь, и там уж думать! Хотя на неделю, лишь бы отрешиться от Уфы, разорвать нить между мной и Ветром... потом можно будет прилетать — улетать, оформляя всякую лабуду нужную.

Потом собрала всех моих у себя — Иваныч аж работу бросил, примчался! Подтянулись Пистолет, Юлечка... Эх, ребятки мои!

Прощались поспешно. Перво-наперво, я передала ключи от хаты Юлдус, она чуть не заревела:

- Ты не забывай нас!

- Да что ты, родная!! – я вцепилась в неё, как в последний раз, и мы долго стояли так.

Раздала подарки, сунула мешок с модным неношеным тряпьем подружке, она была жутко рада. Ей такое не светит, при доходах её предков, и собственной разгильдяйности. А я себе ещё пару миллионов накоплю! На «долгие проводы - лишние слёзы» времени не оставалось, надо срочно мириться с мамой, и много ещё... так что сели выпивать прощальную бутылочку, по-быстрому убили её, и Иваныч предложил попеть на прощание «наше, родное!» Чтож, зажигай!

- Вот, Юсик, теперь ты будешь единолично вокалировать! – сказал я, допев. Она расстроено качала головой, и всё смотрела на меня:

- Дикая, ну как мы без тебя?

- Ничего, не пропадёте! – ободрила я, - а потом, я ведь думаю хату большую купить, там, и вас всех перетащить к себе!

Они так посмотрели на меня все враз, будто я им сказала чёрт знает что!

- Не, серьёзно! – настаивала я. – Зачем мне новую группу искать, когда у меня такой составчик есть, родной, накатанный!

- А чё, найдём работу, будем вместе жить, такой панк-комунной! – обрадовался Пистолет.

- Вот именно! – поддержала я: - Сквотом! И реповать на хате своей же!

- Ну, это тогда без меня! – грустно покачал головой Иваныч. - У меня семья здесь, куда ж я Лорку беременную потащу?

- А... - я не нашла, что сказать. Ну, ладно, разберёмся! А сейчас – пора! Я вскочила, и торопливо обняв моих дорогих панков, помчалась собираться. Они хотели было тоже идти, но я остановила:

- Юляка, квартира-то теперь – твоя! Оставайтесь, там ещё в холодильнике жратва, и коньяка пару баттлов! – подмигнула им. Она снова обняла меня.

- Ну, и ганджубаса почти кораблик в шкафу под зеркалом... - сказал я, чуть не плача: - Он чистый, вам надолго хватит.

- Ивана, ну как же так...

Снова все эти разговоры мамы. Я не выдержу, ей богу!! Только собралась препираться по-новой, но родительница, оказывается, просто лишь соблюдала приличия. Посидели, поговорили, я успокоила, что всё нормально у меня, всё продумано! Скоро вернусь, улаживать дела. Я не малыш, и понимаю что к чему. Тут пришёл папа с претензией, почему же я сразу не сказала, молчала столько времени! Я ответила, что и сама не знала, всё решила спонтанно, хоть и думала о переезде давно. Ведь и их предупреждала! Он кивал-кивал, и вдруг поставил на стол огромный торт! И баттл «Мартини»:

- Чтож, дочь, решения взрослого человека надо уважать! – сказал он: - Раз решила – надо делать!

У меня глаза на лоб полезли, ей богу!

- И вот тебе карточка твоя, с резервными накоплениями, мы с мамой добавляли каждый месяц, чтобы к такому моменту готовыми быть!

- Дети ведь быстро растут... - всхлипнула тихонько мама. Обалдеть! Я подпрыгнула, и повисла на шее обоих предков сразу:

- Уй, маман, папан, вы самые потрясающие родители на свете!

Меня просто распирало! Ну надо же, а я думала, надо будет ругаться! Посидели вчетвером с Петровной, она ведь за столько лет службы как родная нам стала! Я спела им пару песен из своего репертуара, самых приличных – они давно добивались чтоб я им хоть что-нибудь продемонстрировала, что мы там творим с группой! Да я всё отмазывалась, что-де материал ещё сырой, а как будет что

стоящее – так сразу. Стремалась просто такое непотребство родителям петь!

Засыпая полупьяная, я думала, как мне повезло, что я сумела сохранить добрые отношения с родителями! Это и по-человечески хорошо, и не придётся копейки считать, выдумывая, где и как пристроиться! Спасибо всем, кто там, на небе так печётся обо мне!

Немножко и всплакнула – я больше никогда – ни-ког-да!! – не увижу Ветра... эта книга дописана, дело за новой...

ПОЕ-ЕХА-ЛА!!!!

В аэропорту - сюрприз! Мои дорогие панки, в лучшем виде каждый! Пацаны с цветами, Юлька с новым ирокезом!

- Ах ты, стерва, решилась-таки! - заорала я, обнимая её. У меня слёзы выступили на глаза – вот, блин! Я вернусь за ними, непременно вернусь!! Пока ждали регистрации, пели наши песняшки, и шумели так, что нас чуть не вышвырнули за ворота. Мама с папой растерянно улыбались моим ребятам - они видели их первый раз. Объявили регистрацию на мой рейс. Я чуть не закачалась, едва удержав себя в руках – всё...

Когда уже поднималась по трапу, услышала дикий тройной вопль из-за решетчатого забора:

- ПАНКС – НОТ – ДЭЭЭЭЭЭД!!!

Обернулась, подняла руку сложенную «козой», и помахала им, святыми моим панкам! Губы мои непроизвольно шептали:

- Панки недохнут, ребята! Панкс нот дэд!

август 2005 - ноябрь 2006